

М. В. ШКАРОВСКИЙ

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ

ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

1945–1950-е годы

Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

М.В. Шкаровский

**Православные Церкви
Юго-Восточной Европы
(1945–1950 гг.)**

ПОЗНАНИЕ

Москва

2019

УДК 281.9

ББК 86.2

Ш 66

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-818-0670

Шкаровский М.В.

Ш 66 Православные Церкви Юго-Восточной Европы (1945–1950 гг.). — Москва: Издательский дом «Познание», 2019. — 432 с.

ISBN 978-5-906960-62-7

Предлагаемое читателю издание посвящено богатой и насыщенной важными событиями истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны. Эти годы стали заметными в истории целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Большинство из них: Сербская, Болгарская, Румынская, Албанская Церкви были вынуждены существовать в условиях возникших социалистических режимов и испытывать на себе различные стеснения, а порой и гонения. Во второй половине 1940-х гг. шла борьба за лидерство в мировом Православии между Константинопольским и Московским Патриархатами; в 1950-е гг. Болгарская Церковь приобрела статус Патриархата; вблизи Балкан возникла новая автокефальная Православная Церковь — Чехословацкая. В первое послевоенное десятилетие заметное место занимали отношения Православных Церквей Юго-Восточной Европы с Русской Церковью, которым в работе уделено особое внимание. При этом если Московский Патриархат существенно усилил свое влияние и выдвинулся на ведущие позиции в православном мире, то игравшая ранее важную роль в развитии церковной жизни ряда стран русская эмиграция в значительной степени ее утратила. Монография базируется на богатых архивных источниках, в частности, материалах болгарских, сербских, греческих, немецких, американских, российских и других архивов. Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей христианства.

Знак возрастной категории 12+

УДК 281.9

ББК 86.2

ISBN 978-5-906960-62-7

© Шкаровский М.В., текст, 2019

© АНО «ЦЕНТР-ПОЗНАНИЕ»

(Издательский дом «Познание»), оформление, 2019

Содержание

Предисловие	4
Глава I. Греческие Церкви в послевоенный период	16
1. Константинопольский Патриархат и борьба за лидерство в православном мире в 1945–1950 гг.	16
2. Отношения Константинопольского Патриархата с Болгарской Православной Церковью и болгарские общины на его территории.....	57
3. Эладская Православная Церковь	71
4. Славянские монастыри Святой Горы Афон.....	83
Глава II. Поместные Православные Церкви славянских стран	131
1. Сербский Патриархат.....	131
2. Болгарская Православная Церковь	173
Глава III. Румынская и Албанская Церкви	236
1. Румынский Патриархат	236
2. Албанская Православная Церковь.....	272
Глава IV. Русская церковная эмиграция в Юго-Восточной Европе	301
1. Российская церковная эмиграция в Турции.....	301
2. Общины Московского Патриархата в Югославии	313
3. Русское благочиние в Болгарии	365
4. Российская церковная эмиграция в Греции	396
5. Русские общины в Румынии	416
Список использованных архивов и фондов	427
Список сокращений	430

Предисловие

Предлагаемое читателю издание посвящено богатой и насыщенной важными событиями истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны. Эти годы стали заметными в истории целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Большинство из них: Сербская, Болгарская Румынская, Албанская Церкви были вынуждены существовать в условиях возникших социалистических режимов и испытывать на себе различные стеснения, а порой и гонения. Во второй половине 1940-х гг. шла борьба за лидерство в мировом Православии между Константинопольским и Московским Патриархатами; после снятия схизмы и получения статуса Патриархата укрепились позиции Болгарской Церкви. В первое послевоенное десятилетие заметное место занимали отношения Православных Церквей Юго-Восточной Европы с Русской Церковью, которым в работе уделено особое внимание. При этом если Московский Патриархат существенно усилил свое влияние и выдвинулся на ведущие позиции в православном мире, то игравшая ранее важную роль в развитии церковной жизни ряда стран Балканского полуострова русская эмиграция в значительной степени ее утратила.

Окончание Второй мировой войны сильно изменило ситуацию не только на политической арене, но и в православном мире. Заметно усилившийся Московский Патриархат выступил с претензией на лидерство, что не могло не привести к конфликту с Константинопольской Церковью. Существенную роль в этом противостоянии сыграла начинавшаяся холодная война между Советским Союзом и блоком западных государств во главе с США, активно поддерживавшим Фанар. Борьба за лидерство в православном мире продолжалась до начала 1950-х гг., а затем, перестав «подогреваться извне», постепенно угасла. Нормализация отношений Русской и Константинопольской Церквей произошла в конце этого десятилетия уже в новых исторических условиях.

С конца XX в. вновь заметно выросли связи России с Константинопольским Патриархатом, началось возрождение на его территории русских

церковных общин (в Стамбуле) и обителей (на Афоне). Однако при этом сохраняются притензии Фанара на различные части канонической территории Русской Церкви, что периодически приводит к новым острым конфликтам. Поэтому важно изучить историю прошлых десятилетий, чтобы учесть ее опыт.

В монографии существенное внимание уделено истории Константинопольского Патриархата и его сложных отношений с Русской Православной Церковью в 1945–1950 гг., а также истории русской православной эмиграции на территории Турции. При этом определенное внимание уделено связям и конфликтам Вселенского Патриархата с Болгарской Православной Церковью и истории болгарских общин и обителей на его канонической территории, что позволяет сравнивать политику Фанара в отношении двух славянских Православных Церквей.

Эладская Церковь претерпела тяжелые испытания в период гражданской войны в Греции 1946–1948 гг., которые затронули и Святую Гору Афон. При этом в послевоенный период по-прежнему проводилась целенаправленная политика запрещения пополнения афонских монастырей насельниками не греческой национальности, что привело к фактическому вымиранию многих обителей, прежде всего русских. Ситуация начала меняться только в 1960-е гг.

Болгарская Православная Церковь, несмотря на существенные ограничения, связанные с социалистическими преобразованиями в стране, при поддержке Русской Церкви сумела добиться отмены схизмы в 1945 г. и приобретения статуса Патриархата в 1953 г. Румынская Церковь испытала наиболее мягкие ограничения со стороны социалистических властей своей страны, существенно укрепив свои связи с Московским Патриархатом. Сербская Церковь, несмотря на острейший конфликт Сталина с Тито и полный разрыв контактов Югославии с СССР, в послевоенный период также имела хорошие отношения с Московским Патриархатом. Вскоре после передачи ему Сербской Церковью своей канонической территории в Чехословакии вблизи Балкан возникла новая автокефальная Православная Церковь — Чехословацкая. Еще в большей степени ориентировалась на Московский Патриархат Албанская Церковь, однако в 1960-е гг. она была практически полностью уничтожена коммунистическим правительством Э. Ходжи. В целом Православные Церкви в социалистических странах перестали оказывать какое-либо

политическое влияние на ситуацию в своих государствах (Югославии, Румынии, Болгарии и Албании).

Хронологические рамки исследования в основном охватывают время с 1945 по 1950-е гг., но в отдельных случаях освещалась история Православных Церквей Юго-Востока Европы и русской церковной эмиграции в предшествовавшие и последующие десятилетия для лучшего понимания предыстории описываемых событий. Территориально работа ограничена главным образом Балканским полуостровом — историческим ядром Православия, где православное население преобладает и в наши дни. В ряде случаев исследование выходит за пределы Балкан. Исторически и политически Венгрия и Румыния относятся к Юго-Восточной Европе, на их территории существовали сербские общины, и история Православия в этих странах имела балканскую специфику.

Значительное внимание в монографии уделено деятельности Русской Православной Церкви в странах Юго-Восточной Европы в 1945–1950-х гг. При этом русская эмиграция, игравшая ранее важную роль в развитии церковной жизни некоторых из этих стран, в значительной степени ее утратила после окончания Второй мировой войны. В 1944 г. руководящий орган Русской Православной Церкви за границей — Архиерейский Синод во главе с председателем митрополитом Анастасием (Грибановским) переехал из Югославии сначала в Германию, а в 1950 г. в США. Балканы также покинули многие еще остававшиеся там послереволюционные эмигранты из России. Оставшиеся в основном перешли в юрисдикцию Московского Патриархата: возникли его благочиния в Югославии и Болгарии, подворье в Бухаресте (Румыния). Их история также прослеживается в книге.

Отечественная историография избранной темы не очень велика. Советскими учеными история Православных Поместных Церквей в середине XX в., а также деятельность Русской Православной Церкви за пределами СССР, в том числе на Балканах, практически не изучалась. С 1990-х гг. в России стали появляться труды, рассматривающие те или иные аспекты избранной темы. Истории русской церковной эмиграции в Югославии посвящена небольшая, но интересная книга В.И. Косика¹. Значительный вклад в изучение истории Поместных Православных Церквей, в том числе в период после

---

¹ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.

Второй мировой войны, внес преподаватель Московской духовной академии К.Е. Скурат². Отдельные использованные сюжеты рассматривались в работах А.А. Кострюкова³, А.В. Попова⁴, С.В. Болотова⁵, А.В. Слесарева⁶, священнослужителей Московского Патриархата — игумена Митрофана (Шкурина)⁷, священника Александра Мазырина⁸, протоиерея Владислава Цыпина⁹ и русских эмигрантов — С.В. Троицкого¹⁰, архиепископа Никона (Рклицкого)¹¹. Значительный интерес представляет недавняя монография священника Александра Мазырина и А.А. Кострюкова, посвященная некоторым проблемам в истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей¹².

Русскую церковную эмиграцию в Греции наиболее плодотворно изучала И.Л. Жалнина-Василькиоти, написавшая многочисленные статьи, а также книгу о выдающихся фигурах российской эмиграции в этой стране¹³. Одним из основных авторов, изучающих историю русских общин в Греции и Турции, является проживающий в настоящее время в Милане петербургский историк М.Г. Талалай. Он опубликовал несколько ценных работ, в том

---

² Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей: В 2 ч. М., 1994.

³ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.: Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011 и др.

⁴ Российское православное зарубежье: история и источники / Сост. А.В. Попов. М., 2005.

⁵ Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930 — 1950-е годы. М., 2011.

⁶ Слесарев А.В. Старостильный раскол в истории Православной Церкви (1924–2008). М., 2009.

⁷ Митрофан (Шкурин), игум. Русская Православная Церковь и советская внешняя политика в 1922–1929 гг.: (По материалам Антирелигиозной комиссии) // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 158–169.

⁸ Александр Мазырин, свящ. Константинопольский Патриархат и обновленческий раскол // URL: <http://www.pravoslavie.ru>.

⁹ Владислав Цыпин, прот. История Русской Церкви 1917–1997. История Русской Церкви. Кн. 9. М., 1997.

¹⁰ Троицки С. Црквена јурисдикција над православном диаспором. Сремски Карловци, 1932.

¹¹ Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. 10 и др.

¹² Александр Мазырин, свящ, А.А. Кострюков. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017.

¹³ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015.

числе по истории храмов в Афинах, Пирее и русских обителей на Святой Горе Афон¹⁴. Русским монашеством Афона также занимался П. Троицкий¹⁵.

Важной работой является коллективный труд «Русские храмы и обители в Европе», составителями которого были петербургские ученые В.В. Антонов и А.В. Кобак¹⁶. Разделы этого труда, посвященные русским храмам в Турции и русским обителям Афона, написал М.Г. Талалай при небольшом участии В.В. Антонова. Существенным вкладом в изучение биографий насельников русских афонских обителей стало изданное Свято-Пантелеимоновским монастырем (Руссиком) в 2012 г. коллективное исследование «Русский афонский отечник XIX–XX веков». Значительный интерес представляют и другие тома частично выпущенной Руссиком 25-томной серии по истории монастыря. Некоторые сюжеты избранной темы монографии ранее уже освещались в работах автора нынешнего издания¹⁷.

К настоящему времени достаточно много сделано для изучения биографий русских зарубежных священнослужителей, хотя в этой области еще предстоит большая работа. Относительно полно освещены биографии архиереев Московского Патриархата, в том числе перешедших в его юрисдикцию из РПЦЗ, в труде протодиакона Александра Киреева¹⁸. Митрополит Мануил

---

¹⁴ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002; *Его же*. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003; *Его же*. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и христианский Восток. М., 2004. С. 581–589; *Его же*. Русская община в Афинах // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 98–101; *Его же*. Русские захоронения на военном кладбище Зейтинлик в Салониках. СПб., 1999; *Его же*. Русские церковные общины в Греции в межвоенный период // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М. – СПб., 2005. С. 124–131; *Его же*. Генеалогия Демидовых князей Сан-Дonato (по зарубежным источникам) // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3 / Сост. Н. Г. Демидова. М., 2003. С. 117–119 и др.

¹⁵ Троицкий П. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2002; *Его же*. Русские на Афоне. XIX–XX век. М., 2003; *Его же*. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.

¹⁶ Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. СПб., 2005.

¹⁷ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002; *Его же*. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009 и др.

¹⁸ Александр Киреев, протодиак. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2005 гг. М., 2005.

(Лемешевский) также оставил после себя многотомный труд, охватывающий биографии всех православных епископов с 1893 по 1965 гг. Еще раньше работу, содержащую подборку биографий русского православного епископата за 1941–1953 гг., написал эмигрантский историк В.И. Алексеев¹⁹. В 2000 гг. вышли две работы, специально посвященные биографиям служивших за границей русских церковных деятелей: Антуана Нивьера и В.И. Косика²⁰.

Среди опубликованных трудов немецких и американских ученых, частично посвященных истории Православных Церквей Юго-Восточной Европы и русской церковной эмиграции в этом регионе, следует назвать монографии по истории Православных Церквей в XX веке канадского историка Д.В. Поспеловского²¹, хотя самостоятельных глубоких исследований по данным сюжетам он не проводил.

Много ценных фактов можно извлечь из обзорных работ по истории Югославии и ее отдельных регионов немецких историков Т. Бремера, К. Бухенау и Л. Штайндорфа²². Хорошую книгу по истории Зарубежной Русской Православной Церкви (на материалах Германии) написала церковная исследовательница К. Геде²³. Другой немецкий церковный историк Г. Зайде в своих трудах достаточно квалифицированно описал общую историю Русской Православной Церкви за границей, однако многие важные сюжеты у него отражены слишком кратко²⁴.

---

¹⁹ Alexeev W. Russian orthodox bishops in Soviet Union, 1941-1953. New York. Research program on the USSR: Mimeographed series. № 61. 1954.

²⁰ Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М. – Париж, 2007.

²¹ Pospelovskii D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982. New York, 1984; *Его же*. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Его же*. Тоталитаризм и веронсповедание. М., 2003.

²² Buchenau K. Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006; Bremer T. Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg-Basel-Wien, 2003; Steindorf L. Kroatien. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2001.

²³ Gäde K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Köln, 1985.

²⁴ Seide G. Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Wiesbaden, 1983; Seide G. Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1984; Seide G. Die Rus-

При написании параграфов о деятельности Православных Церквей в Югославии, Болгарии, Греции, Турции, Румынии активно использовались труды местных историков: греческих — А. Нанакиса, А.Д. Делимбасиса, А.А. Паллиса, Г. Псаллидаса, сербских — М. Йовановича, З. Петровича, Р. Радича, В. Джурича, болгарских — Д. Калканджиевой, С. Елдърова, К.А. Бойкикевой, румынских — А. Морару, М. Пэкурариу, хорватских — Ю. Кришто, П. Позара, турецкого ученого Т. Эргене и других. При всем различии и нередко значительной политизированности их позиций эти труды представляют значительную ценность вследствие использования большого комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран²⁵.

Значительную ценность представляют опубликованные воспоминания и исследования непосредственных участников описываемых в монографии событий: митрополита Евлогия (Георгиевского), архиепископа Нафанаила (Львова), правителя дел Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей епископа Григория (Граббе), архиепископа Виталия (Максименко), известного русского церковного деятеля и писателя В. Маевского, архиепископа Василия (Кривошеина), схиархимандрита Софрония (Сахарова) и других²⁶.

---

sische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der Deutschen Diözese. München, 2001.

²⁵ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 25–52; *Delimbasis A.D. Pascha of the Lord, Creation, Renewal, and Apostasy*. Athens, 1985; *Psallidas G. Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944)* // Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939–1950). Leuven, 2007. P. 93–118; *Kosović B. Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije*. London, 1985; *Zerjavić V. Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svetskom ratu*. Zagreb, 1989; *Bateljja Ju. Crna knjiga o grozovitostima komunisticke vlada – vine u Hrvatskoj*. Zagreb, 2000; *Радић Р. Држава и верске заједнице 1945–1970*. Д. 1. Београд, 2002; *Петровић З. Манастири Свете Горе. Приштина*, 1994; *Бойкикева К.А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк*. София, 2005; *Елдъров С. Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945*. София, 2004; *Ergene T. Istikl harbinde Trk ortadokslari (The Turkish Orthodox in the War of Independence)*. Istanbul, 1951 и др.

²⁶ *Виталий (Максименко), архиеп. Мотивы моей жизни*. Джорданвилл, 1955; *Григорий (Граббе), еп. Завет Святого Патриарха*. М., 1996; *Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания*. Ниж-

Среди опубликованных сборников документов следует выделить вышедший в 2009 г. первый том издания «Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1970 гг.», охватывающий период с 1945 по 1953 гг., а также двухтомный сборник «Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг.»²⁷.

Главным недостатком существующей историографии избранной темы является узость источниковой базы. Материалы как российских, так и зарубежных архивов использовались недостаточно. Между тем предлагаемая читателю монография основана, главным образом, на архивных документах. Ее источниковую базу составляют материалы 11 государственных (трех российских, одного немецкого, двух американских, двух сербских, двух болгарских и одного греческого), а также восьми церковных архивов.

Все соответствующие архивы можно разделить на две большие группы: государственные и церковные. Особый интерес среди российских государственных архивов в плане избранной темы представляет находящейся в Москве Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Здесь большинство документов по истории русской церковной эмиграции содержат обширные фонды Совета по делам религий (до 1965 г. Совета по делам Русской Православной Церкви) (ф. Р-6991) и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей (ф. Р-6343). Архив канцелярии Архиерейского Синода первоначально находился в Сремских Карловцах и в первые месяцы 1945 г. был вывезен советскими войсками в Москву и помещен в Центральный государственный Особый архив СССР. Следует

ний Новгород, 1998; *Его же*. Спасенный Богом. Воспоминания, письма. СПб., 2007; Церковь Владыки Василия (Кривошеина). Письма, статьи, воспоминания / Сост. А. Мусин. Нижний Новгород, 2004; *Софроний (Сахаров), иером.* Старец Силуан Афонский. М., 1996; *Маевский В.* Афонские рассказы. Париж, 1950; *Его же*. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии: В 2-х тт. Нью-Йорк, 1966 и др.

²⁷ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг. / Под ред. Н.А. Кривовой, отв. сост. Ю.Г. Орлова, сост. О.В. Лавинская, К.Г. Лященко. Т. 1. М., 2009; Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: В 2 т. / Сост.: Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. Т. 2. М., 2009.

назвать и личные фонды ряда известных зарубежных церковных деятелей, в частности, митрополита Западно-Европейского Евлогия (Георгиевского) (ф. Р-5919). Религиозную ситуацию в Юго-Восточной Европе и историю русской церковной эмиграции в 1940–1950-е гг. можно изучать и по материалам Российского государственного архива социально-политической истории в Москве (РГАСПИ), в частности, в фонде Центрального Комитета ВКП(б) — КПСС (ф. 17), а также в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, используя фонд Ленинградского уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви (ф. 9324).

В Германии ценным архивохранилищем является Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn — АА), где хранятся десятки дел с аналитическими записками, отчетами, письмами, телеграммами немецких дипломатических служб о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе в Югославии, Греции, Словакии, Венгрии и т.д. (Inland I-D, 4740-4742, 4797-4800 и др.).

Были использованы документы из двух сербских архивов: Архива Югославии в Белграде (Архив Југославије, Београд) и Архива Сербии в Белграде (Архив Србије, Београд) — фонд Г/3 Министерства просвещения и религии (Министерство просвете и вера). Также удалось получить переводы некоторых документов Синода Элладской Православной Церкви, хранящихся в Историческом архиве Священного Синода Элладской Церкви в Афинах (Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church — НАНС).

По-своему уникальная ситуация существует в Болгарии: Болгарская Церковь единственная из Православных Церквей Восточной Европы полностью передала свои документы за 1940–1940-е гг. в государственный архив, где они полностью доступны для исследователей. Автором были предприняты поездки в Софию, где он работал, прежде всего, в Центральном государственном архиве Болгарии (Централен държавен архив — ЦДА). Здесь были изучены как фонды занимавшихся церковными делами учреждений и ведомств этой страны, так и документы самой Болгарской Православной Церкви 1930–1945 гг., прежде всего фонд Священного Синода (ф. 791к). Кроме того, использовались некоторые документы находящегося в Софии Центрального партийного архива (Централен партиен архив —

ЦПА). Удалось изучить и некоторые материалы в Архиве Рильского монастыря в Болгарии.

Автор работал и в двух содержащих русские церковные документы архивах американских университетов. Первый из них — Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры находится в Колумбийском университете г. Нью-Йорка (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York). В этом архиве использовались, главным образом, документы фонда известного деятеля Русской Православной Церкви за границей протоиерея Владимира Востокова, служившего в Югославии. Другой архив принадлежит Стенфордскому университету, расположенному в Силиконовой долине вблизи г. Сан-Франциско (Калифорния). Одна часть архива хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University): коллекции А. Даллина, Н. Иванова, Б. Николаевского, Г. Фишера, а вторая — в специальной коллекции университетской библиотеки (Stanford University, Special collections Librarian). Здесь особенный интерес представляет фонд епископа Григория (Граббе).

Вторую группу образуют восемь русских церковных архивов, прежде всего Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в г. Нью-Йорке (СА). Из состава его документов для подготовки монографии использовались материалы нескольких десятков дел: переписка председателя Архиерейского Синода митрополита Анастасия и Берлинского епископа Серафима (д. 24/42), документы одно время окормлявшего казачьи части обновленческого архиепископа Николая Автономова (д. 49/44), переписка митрополита Анастасия с различными гражданскими и церковными инстанциями в период оккупации Югославии (д. 15/41), материалы русских приходов в Италии (д. 18/46), дела с протоколами заседаний Архиерейского Синода РПЦЗ за 28 ноября 1940 — 18 сентября 1946 гг. и протоколами Архиерейских Соборов 1921–1949 гг., личные дела митрополита Анастасия (Грибановского), архиепископа Аверкия (Таушева), епископа Георгия (Граббе) и т.д.

На севере штата Нью-Йорк, в небольшом городке Джорданвилле, находится Архив Свято-Троицкой духовной семинарии Русской Православной Церкви за границей. Здесь были использованы личные фонды церковного писателя В.А. Маевского (собравшего большое количество документов русских

обитателей на Святой Горе Афон), историков В.И. Алексева, протопресвитера Михаила Польского, журналиста В.К. Абданк-Коссовского, содержащие материалы по истории русской церковной эмиграции, а также фонд Русский фашизм.

Эти материалы дополняет Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей в г. Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся дело «Разная переписка. Военные годы» с военными и послевоенными документами бывшего начальника канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ Е.И. Махараблидзе, книга постановлений 1934–1948 гг. Духовного Собора русского монастыря прп. Иова Почаевского в Чехословакии, который вел большую издательско-миссионерскую работу. Надо отметить и дело «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.», в котором собраны различные материалы по истории Русской Православной Церкви.

Следует упомянуть и Архив автокефальной Американской Православной Церкви в Сайосете (штат Нью-Йорк) — The Archives of the Orthodox Church in America Syosset (OCA Archives). В этом архивохранилище использовались материалы известного церковного историка протоиерея Димитрия Константинова, переписка Болгарской, Сербской и других Поместных Православных Церквей с Американской Церковью.

Чрезвычайно богат Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), в котором были изучены десятки дел, содержащих документы как самих русских обитателей Святой Горы, так и их подворий и метохов в Константинополе и на территории Греции. Также были изучены некоторые материалы Архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, расположенного в Даниловом монастыре (Москва), прежде всего из папки «Афон». Отдельные личные дела вернувшихся из эмиграции священнослужителей просматривались в Архиве Санкт-Петербургской епархии. Использовались и отдельные документа Архива Санкт-Петербургской духовной академии.

Материалы 1945–1950-х гг. сохранились далеко не полностью, поэтому в монографии активно использовались статьи и публикации документов из русских православных периодических изданий тех лет — прежде всего, газеты «Православная Русь» (Джорданвилл), журналов «Церковная жизнь» (Белград), «Церковное обозрение» (Белград), «Сообщения и распоряже-

ния Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Средне-Европейского митрополичьего округа» (Берлин), «Журнал Московской Патриархии» и др.

Книга подготовлена при непосредственном содействии сотрудников и дирекции Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (в фондах которого хранится часть использованных документов).

Автором монографии является доктор исторических наук, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Михаил Витальевич Шкаровский.

Глава I

Греческие Церкви в послевоенный период

1. Константинопольский Патриархат и борьба за лидерство в православном мире в 1945–1950 гг.

В годы Второй мировой войны Константинопольская Патриархия, несмотря на неоднократные попытки нацистской Германии, сумела противостоять ее влиянию. Патриарх Вениамин I признал выборы Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского), и к концу войны связи Константинопольской и Русской Церквей не только возобновились, но и существенно укрепились. Однако окончание Второй мировой войны существенно изменило ситуацию не только на политической арене, но и в православном мире. Заметно усилившийся Московский Патриархат выступил с претензией на лидерство, что не могло не привести в перспективе к конфликту с Константинопольской Церковью. Существенную роль в этом противостоянии сыграла начинавшаяся холодная война между Советским Союзом и блоком западных государств во главе с США.

В заключительный период войны и первые послевоенные годы были предприняты попытки ликвидировать некоторые расколы в Русской Православной Церкви, в создании которых в свое время принимал участие Константинопольский Патриархат. Так, например, 6 марта 1945 г. вернулись в юрисдикцию Московского Патриархата приходы Эстонской Православной Церкви. 28 октября того же года Патриарх Московский и всея Руси Алексий I написал Патриарху Вениамину о намерении вновь принять под свою юрисдикцию Финляндскую Православную Церковь, «как находившуюся всегда в ведении Церкви российской»²⁸, однако из этого ничего не вышло (Фин-

---

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 1, д. 73, л. 259.

ляндская Церковь так и осталась автономной в юрисдикции Константинопольского Патриархата).

23 января 1946 г. Патриарх Алексей писал председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову о том, что, учитывая «фактическую потерю авторитета среди православного мира “Вселенским” Константинопольским Патриархатом», надо «принять действенные меры в деле собирания в лоно Матери-Церкви еще не воссоединенных с нею епархий (Сев. Америка, Финляндия, Южн. Америка, Польша)». В связи с этим Первосвятитель предлагал заняться вопросом «об “убеждении” (через митр. Фиатирского Германоса в Лондоне или при посредстве экзарха Болгарского Стефана) Константинопольского Патриарха Вениамина в необходимости прекратить его прежнюю политику в отношении к Русской Православной Церкви и отказать в дальнейшем “окормлении” (“временном” — согласно томосов Константинопольского Патриарха) Польской и Финляндской Церкви»²⁹.

Через неделю, 29 января, Патриарх Алексей отправил письмо Митрополиту Варшавскому и всея Польши Дионисию (Валединскому), в котором указывал: «Ожидаем возвращения Православной Церкви в Польше к каноническому порядку. Уверены, что и Вселенская Патриархия, стоящая, как подобает, на страже священных канонов, признает благовременным восстановление в Православной Церкви, находящейся на территории Польской Республики, правильного и законного церковного строя, вытекающего из ее положения дщери Р[усской] П[равославной] Ц[еркви]»³⁰. Однако это требование выполнено не было.

После окончания Второй мировой войны под влиянием патриотических чувств, своих и паствы, глава Западно-Европейского экзархата митрополит Евлогий (Георгиевский) принял решение вернуться в лоно Матери-Церкви. 29 августа 1945 г. к Патриарху Алексею поступило ходатайство митрополита Евлогия, архиепископа Владимира и епископа Иоанна «о принятии их сприходами в каноническое единение со всею Русской Православной Церковью». 7 сентября 1945 г., после поездки митрополита Николая (Ярушевича) в Париж, Священный Синод Московского Патриархата принял постановление

---

²⁹ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 117–119.

³⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 17, л. 59–60.

о воссоединении с Русской Церковью 75 приходов Западно-Европейского экзархата, а 11 сентября 1945 г. был издан указ Патриарха Алексия № 1171, удовлетворивший ходатайство владыки Евлогия с сохранением статуса экзархата³¹. Выступая 29 августа на Епархиальном собрании, созванном по вопросу воссоединения, митрополит Николай несколько дезинформировал собравшихся, уверяя, что вопрос в целом уже урегулирован с Константинопольским Патриархом. К сожалению, это оказалось не так.

В последний год своей жизни митрополит Евлогий дважды обращался в Константинополь за разрешением вопроса о своем каноническом положении, однако Вселенская Патриархия ничего не ответила на его запросы. Так, 1 октября 1945 г. в своем письме к Патриарху Вениамину Владыка Евлогий писал: «Наше воссоединение с административным организмом Московской Патриархии и каноническое подчинение ему отныне предreshено. Но формы нашего подчинения, управления и дальнейших при этом взаимоотношений со Вселенским Престолом еще не выяснены. Само собой разумеется, что Патриарх Московский Алексий не замедлит вести по сему предмету с Вашим Святейшеством надлежащие переговоры... Всем этим указывается срок окончания действия статута нашего экзархата во всей его настоящей полноте особыми актами Вселенского Престола и Московского Патриарха»³².

4 ноября 1945 г. Патриарх Алексий телеграммой сообщил Патриарху Вениамину, что с его устного благословения, переданного из Константинополя митрополиту Евлогию, было «осуществлено присоединение к нашей Матери-Церкви экзархата Западной Европы», и попросил на это письменное благословение Константинопольской Патриархии, но и данный запрос остался без ответа³³. Возможно, причиной была тяжелая болезнь Патриарха Вениамина, кроме того, на позицию Константинопольской Патриархии могли повлиять политические осложнения, возникшие в этот период между Турцией

---

³¹ Российское православное зарубежье: история и источники / Сост. А.В. Попов. М., 2005. С. 262.

³² Церковный вестник Западно-Европейской епархии. Париж. 1946. № 2. С. 10.

³³ Богданова Т.А., Клементьев А.К., Косик В.И., Евлогий (Георгиевский), митр. // Православная энциклопедия. Т. XVII. М., 2008. С. 167.

и Советским Союзом³⁴. Владыка Евлогий временно считал себя экзархом двух Патриархов и обоих поминал за богослужением.

14 февраля 1946 г. скончался Патриарх Вениамин I. На его похоронах присутствовал советский генеральный консул, который при посещении Фанара заявил, что его правительство оценило вклад, внесенный Православной Церковью в дело распространения в мире гуманистических идей. Во время церемонии похорон предполагаемый преемник усопшего митрополит Халкидонский Максим некоторое время находился в автомобиле консула. На Пасху 1946 г. был даже временно возобновлен старый обычай, не применявшийся с 1917 г., по которому российский дипломат сопровождал Пасхальной ночью Патриарха от его резиденции до дверей храма: весной 1946 г. в ходе шествия с правой стороны от Первосвятителя находился посол Греции, а с левой — советский генеральный консул³⁵.

20 февраля 1946 г. новым Константинопольским Патриархом был выбран владыка Максим (Вапорцис), в Патриаршестве Максим (Максимос) V. Он родился в 1894 г., в 1919 г. окончил богословское училище на о. Халки и был рукоположен во диакона, затем служил архидиаконом в митрополиях Халкидона и Эфеса, состоял патриаршим иеродиаконом и помощником секретаря Священного Синода. В 1927 г. о. Максим был главным секретарем Синода, в 1928 г. — иеромонахом и архимандритом патриаршего храма. В 1930 г. его возвели в сан митрополита и в 1931 г. избрали членом Синода и местоблюстителем великого протосингера. После назначения в 1932 г. митрополитом Халкидонским владыка в течение 10 лет управлял Синодом, одновременно он возглавлял административный совет богословского училища на о. Халки. Как уже говорилось, в 1936 г. митрополит Максим не был избран Патриархом, так как турецкое правительство удалило его имя из списка кандидатов. Включение имени владыки в подобный список через десять лет свидетельствовало об улучшении греко-турецких отношений в то время. Это улучшение также способствовало тому, что Патриарху Максиму удалось вернуть под контроль греческой общины Стамбула госпитальный комплекс в Балыклы и церковь

---

³⁴ Соловьев И.В. Дни примирения (Попытка воссоединения Русского Западно-Европейского экзархата с Московской Патриархией) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 239.

³⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1006–1007.

Спасителя, отнятые ранее сторонниками неканонического раскольника, так называемого «Папы» Евтима³⁶.

По случаю своего вступления на Патриарший престол Максим V в послании к митрополиту Евлагию написал, что он по-прежнему считает его (вопреки желанию Московской Патриархии) своим экзархом в Европе, и напомнил порядок поминовения Патриаршего имени за богослужением. Первосвятитель Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) митрополит Анастасий (Грибановский) обменялся с Патриархом Максимом сердечными приветственными грамотами, где владыка Анастасий был назван «возлюбленным о Христе собратом», а не раскольником. Кроме того, новый Константинопольский Патриарх встретился с настоятелем прихода РПЦЗ в Стамбуле архимандритом Серафимом (Палайдой) и выказал ему большое расположение³⁷.

В декабре того же года Сербский Патриарх Гавриил в беседе с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) так охарактеризовал действия Патриарха Максима: «Константинопольская Церковь — это красивый переплет книги, из которой вырваны все страницы. Она — в упадке, и духовном, и материальном. Живет только на английские деньги. Патриарх Максим, скорее, русофил, но ни одного самостоятельного шага он сделать не может: за него работает окружение, особенно митр. Иоаким и Геннадий — сторонники власти Вселенского Патриарха над другими Церквями и не любящие Русской Церкви»³⁸.

2 марта 1946 г. Патриарх Алексей отправил Максиму V телеграмму: «В октябре минувшего года пред почившим Святейшим Патриархом Вениамином по просьбе православных в Финляндии был возбужден мною вопрос о возвращении Финляндской Православной Церкви в лоно Матери-Церкви Русской, так как причины временного перехода ее в ведение Вселенского Патриарха в настоящее время отпали. Православная паства Финляндии с нетерпением ждет этого возвращения. Такое же ходатайство перед почившим

---

³⁶ Нанакис А. История Вселенского Константинопольского Патриархата в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе XX век. Киев, 2010. С. 45; Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви ... С. 773.

³⁷ Иероним, еп. Современное положение Русской Церкви за границей. Б. м., 1946. С. 13.

³⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 367.

Патриархом возбудил в свое время митрополит Евлогий из Парижа. До сего времени ни в Финляндии, ни в Париже ответа от Вселенского престола не было. Усердно прошу, Ваше святейшество, прислать мне и передать Финляндскому архиепископу Герману и митрополиту Евлогию Ваше благословение на означенный переход». Уже 9 марта Патриарх Максим прислал ответную телеграмму: «Финляндский церковный вопрос решен, пишем. Константинопольский Максим». 13 марта не вполне удовлетворенный Патриарх Алексей еще раз телеграфировал: «Телеграмму Вашего Святейшества о разрешении финляндского церковного вопроса получил с удовлетворением. Ожидаю решения и по парижскому церковному вопросу, о чем я телеграфировал Вам 2 марта»³⁹. Но решение этого вопроса затянулось.

А после случившейся 8 августа 1946 г. смерти митрополита Евлогия Московская Патриархия потерпела ощутимую неудачу. Отсутствие «отпускной грамоты» Константинопольского Патриарха было использовано новым руководством экзархата для того, чтобы не исполнять завещания митрополита Евлогия. На следующий день после отпевания Владыки, 13 августа 1946 г., архиепископ Владимир (Тихоницкий), старший по чину из архиереев экзархата, получил указ Московского Патриарха от 9 августа, в котором предписывалось: «1) Временную юрисдикцию Вселенской Патриархии над Западно-Европейскими приходами, установленную в 1931 г., считать фактически и формально прекратившей свое действие, а означенные приходы вновь безраздельно находящимися в юрисдикции Московской Патриархии, о чем почтительно известить Его Святейшество Вселенского Патриарха Максима. 2) Экзархом Западно-Европейских русских приходов назначить Преосвященного митрополита Серафима (Лукьянова) со включением приходов его области в состав Западно-Европейского экзархата»⁴⁰.

21 августа 1946 г., как свидетельствует Владыка Владимир, он получил телеграмму Святейшего Патриарха Алексея: «Завещательное распоряжение митрополита Евлогия в отношении Вашего Преосвященства, если таковое и существует, не имеет никакой канонической силы, тем более что покойный экзарх Евлогий признал над собой юрисдикцию Московской Патриархии.

---

³⁹ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 131.

⁴⁰ Российское православное зарубежье: история и источники. С. 262–263.

Предлагаю Вашему Преосвященству оказать послушание Матери-Церкви, вступить под руководство нами назначенного экзарха и сообщить нам об этом». Архиепископ Владимир отказался выполнить это указание, заявив, что до сношений со Вселенским Патриархом он может принять его только к сведению⁴¹.

Вскоре по указанию Константинопольского Патриарха во Францию приехал его экзарх — митрополит Фиатирский Герман (Стренопулос), который настоял на соборном решении спорного вопроса. 16 сентября под председательством митрополита Германа в Париже состоялось заседание Епархиального совета, который постановил, что окончательное решение о возглавлении Западно-Европейского экзархата будет принято на Епархиальном собрании. В это время Епархиальное управление выпустило «Осведомление», в котором оспаривалась законность перехода экзархата в юрисдикцию Московской Патриархии без согласия Константинопольского Патриарха. Действия митрополита Евлогия назывались «поспешными» и совершенными «вопреки установившейся в экзархате практике» обсуждения вопросов с епархиальными органами и паствой. На следующий день Московский Патриарх Алексей упразднил Епархиальное управление и объявил намечаемый без его благословения Епархиальный съезд незаконным⁴².

Однако это не помогло, состоявшееся 16–20 октября Чрезвычайное Епархиальное собрание клира и мирян значительным большинством голосов приняло решение: «...не принимать к исполнению указ Московской Патриархии неканонически посягающего на упразднение над нами власти Вселенского Патриарха». Епархиальное собрание просило архиепископа Владимира представить Вселенскому Патриарху ходатайство о том, чтобы сохранить экзархат в прежнем качестве автономного Русского экзархата в лоне Константинопольского Патриархата. Ответ Вселенской Патриархии, последовавший 20 марта 1947 г., извещал, что Патриарх Максим грамотой от 6 марта удовлетворил ходатайство Епархиального собрания⁴³. Следует отметить, что отделение

---

⁴¹ Российское православное зарубежье: история и источники. С. 262–263.

⁴² Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.А., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. М., 2008. С. 392.

⁴³ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 231–232.

Западно-Европейской епархии от Русской Православной Церкви в 1947 г., как и в 1931 г., не было каноническим актом: епархия может отделиться от своей Поместной Церкви только с разрешения ее высшей власти и ее Собора.

Верными Патриарху Алексию во Франции остались лишь несколько приходов. Назначенный Московской Патриархией экзархом Западной Европы митрополит Серафим (Лукьянов) в письме Патриарху Алексию от 31 марта 1947 г. просил исключить из состава иерархов Русской Церкви архиепископа Владимира (Тихоницкого), епископов Никона и Иоанна, отошедших под юрисдикцию Константинополя, а также «заявить Константинопольскому Патриарху протест по поводу его антиканонического деяния относительно вверенного мне экзархата, каковые деяния являются вызовом против прав и интересов Русской Церкви, нарушающими мир в междуцерковных отношениях. Протест Вашего Святейшества необходимо было бы сообщить главам всех автокефальных Церквей»⁴⁴.

27 мая 1947 г. Московская Патриархия издала указ о лишении трех архиереев экзархата и примкнувшего к ним духовенства «права именоваться священнослужителями Русской Православной Церкви». Константинопольский Патриарх еще 6 марта 1947 г. назначил архиепископа Ницкого Владимира (Тихоницкого) своим экзархом в Западной Европе и 8 июля того же года возвел его в сан митрополита. Позднее митрополит Владимир предлагал Первоиерарху Русской Православной Церкви за границей митрополиту Анастасию подчинить экзархат Архиерейскому Синоду РПЦЗ при условии, что Синод признает главенство над собой Вселенского престола, но владыка Анастасий с этим условием не согласился⁴⁵.

В первые послевоенные годы была предпринята попытка превратить Московский Патриархат в своего рода «Православный Ватикан», отодвинув Константинопольского Патриарха на второй план. Подобные намерения тесно переплетались с планами руководства СССР усилить свое влияние в Турции. Этой стране были предъявлены требования: передать часть Турецкой Армении в состав Советского Союза и допустить размещение советских

---

⁴⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 274, л. 43.

⁴⁵ *Поспеловский Д.В.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 308; *Владислав Цыпин, прот.* История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 598.

военных баз в проливах Босфор и Дарданеллы, что позволяло контролировать ситуацию в районе Стамбула (впрочем, при поддержке США данные требования были отклонены).

В докладной записке председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова И.В. Сталину об итогах весенней поездки делегации Московской Патриархии по странам Ближнего Востока от 27 июля 1945 г. отмечалось: «По инициативе восточных патриархов в беседах с Патриархом Алексием был затронут вопрос о Вселенском Соборе, не созывавшемся с VIII века. Все патриархи высказываются за желательность созыва Вселенского Собора и единодушно указывают на то, что Собор должен состояться в Москве. Из обмена мнениями по этому вопросу между патриархами — Собор должен будет избрать Вселенского Патриарха и решить вопрос о перенесении центра православия в Москву, причем, по примеру прежних Вселенских Соборов, которые собирались, хотя по инициативе представителей церквей, но не церквями, а государствами, и этот Собор должен быть созван таким же порядком. В этой связи Патриарх Иерусалимский Тимофей высказал мысль, что было бы жестом исключительной политической и церковной важности, если бы русское правительство проявило бы инициативу и пошло бы навстречу этим желаниям устроить Вселенский Собор в Москве»⁴⁶. Полностью доверять этому сообщению нельзя, скорее всего, Карпов несколько приукрасил ситуацию, кое в чем выдавая желаемое за действительность.

Впрочем, одно время казалось, что планы создания «Московского Ватикана» близки к осуществлению. В сентябрьском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1946 г. говорилось «об исключительном оживлении» в лоне Православной Вселенской Кафолической Церкви, под фактическим водительством Русского Православия: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать...»⁴⁷. Еще в марте 1946 г. митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) написал в Совет по делам Русской Православной Церкви о необходимости проведения в Москве Вселенского Собора. Излагая свои соображения по этому поводу, владыка в качестве возможных препятствий

---

⁴⁶ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 431–432.

⁴⁷ Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1946. № 9. С. 56.

отметил низкий богословский уровень русского епископата, отсутствие высококвалифицированных ученых теологов и духовных академий⁴⁸.

Трудно сказать, у кого родилась эта идея, но она была полностью одобрена И.В. Сталиным, возлагавшим на ее осуществление большие надежды. Секретным постановлением от 29 мая 1946 г. Совет Министров СССР разрешил проведение в Москве Вселенского Предсоборного совещания с участием глав всех автокефальных Православных Церквей мира для обсуждения вопросов о выработке общей линии по борьбе с Ватиканом, отношении к экуменическому движению, созыве Вселенского Собора и др.⁴⁹

Вызревавший замысел отличался грандиозностью. 13 января 1947 г. Патриарх Алексей уже писал председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову о предполагаемом проведении 1–10 октября этого года в Москве Собора всех существовавших тогда в мире 12 автокефальных Православных Церквей, причем их должны были представлять Первоиерархи. Планировалось и участие делегаций Сиро-Халдейской, Армяно-Григорианской, Коптской Церквей в связи с обсуждением вопроса об их соединении с Православием. В программу Собора намечалось включить девять вопросов, главные из которых носили «политический» характер — отношение к воинствующему католицизму и экуменическому движению. Для создания заинтересованности у будущих участников в начале 1947 г. готовилась передача подворий Иерусалимской, Сербской, Антиохийской, Александрийской и Болгарской Церквам в Москве, Киеве и Ленинграде; выплата денежных подарков в валюте главам Константинопольской, Кипрской, Эладской, Албанской, Сербской Церквей. В свою очередь, и Московской Патриархии пообещали передать все здания Троице-Сергиевой Лавры, собор в Новодевичьем монастыре и т.п.⁵⁰

На состоявшейся 14 января личной встрече Патриарха с Г.Г. Карповым планы были откорректированы: в сентябре — начале октября 1947 г. планировалось проведение уже первоначально намеченного Предсоборного

---

⁴⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 29–30.

⁴⁹ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 225.

⁵⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 2, д. 17, л. 3–4; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 1–4.

совещания, основной целью которого в докладной записке Г.Г. Карпова от 14 февраля 1947 г. провозглашалась подготовка созыва в 1948 г. Вселенского Собора «для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула Вселенской»⁵¹. 23 января начала работать подготовительная комиссия Патриархии под председательством митрополита Николая (Ярушевича), принявшая в этот день постановления о повестке совещания, тексте пригласительных посланий главам Церквей, издании докладов и разработке плана мероприятий по приему участников совещания⁵².

21 марта 1947 г. заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С.К. Бельшев писал в Совет Министров СССР, что «Московская Патриархия разработала предварительную программу проведения Вселенского предсоборного совещания и обратилась в Совет с ходатайством разрешить ей созвать совещание в первых числах октября с.г.». 8 апреля Патриарх Алексей разослал главам автокефальных Православных Церквей приглашения на совещание в Москву для решения «взаимным согласием» вопросов, «общих для всей Православной Церкви», в число которых входили вопросы о католицизме и Ватикане, об отношении к «каловацкому расколу» в Русской Церкви, об участии «и в какой форме» в экуменическом движении» и др. А 18 июня Г.Г. Карпов представил на утверждение И.В. Сталину и В.М. Молотову план проведения совещания⁵³.

Наибольшую озабоченность вызывала позиция Константинопольского Патриарха Максима V. Еще 6 июня 1946 г. на совещании в Совете по делам Русской Православной Церкви с участием Патриарха Алексея Г.Г. Карпов отмечал, что Фиатирский митрополит Герман, не без влияния английского правительства, совершил поездки в Австрию и Венгрию. При этом Патриарх Максим послал ему инструкции о противодействии русскому влиянию, но не дал инструкций о борьбе с Ватиканом, «идущим открыто против Русской Церкви». В качестве ответных мер Карпов от имени правительства предложил Московской Патриархии поставить на обсуждение ряд

---

⁵¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 34.

⁵² ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 7–9.

⁵³ Там же, оп. 1, д. 65, л. 1–3, д. 149, л. 207–210, 328–340.

вопросов, в том числе: «В течение 1946 г. произвести ряд командировок: 1. В Стамбул к Патриарху Максиму (он «блокирован» англичанами и турками, но может быть с нами). 2. На Ближний Восток с оказанием им материальной помощи: 40 тыс. американских долларов Иерусалимскому, 50 тыс. — Константинопольскому. Эти деньги правительство дает Московской Патриархии безвозмездно, а Патриархия передаст их как братскую помощь от Русской Церкви»⁵⁴.

В соответствии с этим планом в октябре 1946 г. должна была состояться поездка делегации Московской Патриархии во главе с митрополитом Николаем (Ярушевичем) в Стамбул с целью устранения существовавших разногласий. В докладной записке Г.Г. Карпова от 14 февраля 1947 г. в Совет Министров СССР говорилось: «Для урегулирования отношений Московская Патриархия решила послать в Турцию митрополита Крутицкого Николая с подарком Патриарху Максиму (50 тыс. американских долларов), но турецкое правительство задерживает визы митрополиту Николаю и его спутникам уже длительное время»⁵⁵. В итоге из-за противодействия турецких властей поездка митрополита Николая в Стамбул не состоялась, но, возможно, были найдены иные возможности для передачи денег. Эти и другие методы влияния дали свои плоды. Например, Константинопольский владыка (несмотря на давление турецкого правительства) отказался осудить греческих коммунистов, развернувших вооруженную борьбу в своей стране⁵⁶.

По некоторым важным вопросам Патриарх Максим советовался с Московской Патриархией. Так, 4 февраля 1947 г. в послании к Патриарху Алексию I он спрашивал последнего, «принять ли, и в какой форме, участие в так называемом экуменическом движении, охватившем собой все прочие христианские общины мира, кроме Римско-Католической Церкви»?⁵⁷

8 апреля Патриарх Алексей разослал главам Поместных Православных Церквей приглашения на сентябрьское Московское совещание. В соответствующем письме Константинопольскому Патриарху он не называл совещание

---

⁵⁴ Русская Православная Церковь. XX век. С. 388–389.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 34.

⁵⁶ Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М., 2011. С. 205.

⁵⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 514.

Предсоборным: «Православная Русская Церковь никогда не переставала, по заповеди Господней, блюсти единение духа в союзе мира и любви с досточтимой Великою Церковью и всегда в важнейших делах церковных прибегала к содействию своих досточтимых братий — Святейших и Блаженнейших Патриархов. И ныне она обращается к Вашему досточтимому Святейшеству по нижеследующему важному поводу. За истекшие десятилетия перерыва непосредственного общения между братскими Церквями в каждой из них накопились вопросы, решать которые необходимо взаимным согласием всех их предстоятелей. Эти вопросы — общие для всей Православной Церкви. Таков вопрос о практической враждебности инославия, превращающего святое миссионерское дело в чуждую Христовой заповеди антиправославную пропаганду, иногда трудно отличаемую от политических акций. Таков вопрос об отношении к расколу в Русской Церкви в духе полного единодушия между братскими Церквями.

Таков вопрос, поставленный пред Православием всего мира и, в частности, обращенный к нам в письме Вашего Святейшества от 4 февраля 1947 г., принять ли... участие в так называемом экуменическом движении... Духовный голод христианских масс, лишенных благодатного питания Церкви, заставляет верующих христиан всех инославных общин поддерживать экуменическое движение. В то же время, наблюдения за экуменическими путями в течение ряда лет пока не дали Русской Православной Церкви полной уверенности в истинности этого пути, поэтому Русская Церковь не решается одна, без обеспечения себе поддержки со стороны братских Церквей, ни войти в ряды сотрудников экуменического движения, ни выразить этому движению одобренный, хотя и горький для него, отказ. Русская Православная Церковь заинтересована в братском разрешении со всеми Поместными Церквями всех этих, а также и других общих для всех нас вопросов. Вместе с тем она с любовью принимает на себя и организацию совместного совещания предстоятелей всех Православных Церквей»⁵⁸.

Однако замыслы проведения Вселенского Собора или Предсоборного совещания в Москве уже вскоре стали рушиться. Еще в феврале 1947 г. тяжело заболел и в значительной степени отошел от дел относительно

---

⁵⁸ Русская Православная Церковь. XX век. С. 395–396.

лояльный к СССР Константинопольский Патриарх Максим. Его окружение, почувствовав в Московской Патриархии соперника по вопросу лидерства в православном мире, заняло гораздо более жесткую позицию. На Константинополь всецело ориентировались Эладская и Кипрская Церкви. Так, от главы последней, архиепископа Леонтия, 29 июня 1947 г. в Москву пришла телеграмма: «Мы, согласно каноническому положению, сообщаем, что, к сожалению, не принимаем приглашения на Всеправославный Собор, каковое полномочие имеет одна лишь Вселенская Патриархия Константинопольская»⁵⁹. В ответной телеграмме митрополит Николай (Ярушевич) пытался разъяснить: «Патриархия приглашает Предстоятелей Православных Церквей не на “Всеправославный Собор”, но для Совещания по вопросам, одинаково важным для всей Православной Церкви», сославшись на пожелания самих Православных Патриархов, высказанные ими в 1945–1946 гг.⁶⁰ Однако, судя по ответу на эту телеграмму, архиепископ Леонтий отнесся к аргументам владыки Николая предельно скептически.

Сыграла свою роль и широкая кампания в западной прессе по компрометации Русской Церкви, в борьбу за срыв московского замысла активно включился Ватикан. На Восточных Патриархов оказывалось разностороннее давление, представители различных американских организаций подкупали их крупными суммами валюты. 16 июня 1947 г. Александрийский Патриарх Христофор II прислал свой письменный отказ принять участие в Всеправославном Соборе в Москве: «... когда в минувшем году Высокопреосвященный Митрополит Ленинградский Кир-Григорий, по поручению Вашего Блаженства, рассуждал со мною о возможности созыва такого Собора в Москве, мы ответили ему, что мы не согласны собираться в Москве, а предпочитаем или Иерусалим как место Великого и Всехристианского поклонения, или Св. Гору, где есть особо пригодное место для христианской молитвы и аскетических подвигов и где бы мы были совершенно избавлены от великого земного житейского смятения и всякого политического вмешательства и давления. Но теперь, когда прекратились и утихли страшные политические бури, возможно, чтобы немедленно и в том же году на мирной Св. Горе был создан этот

---

⁵⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 150, л. 21, оп. 2, д. 16, л. 57.

⁶⁰ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 17, л. 19.

Собор, но возможно это и в Иерусалиме, и гораздо меньше в Москве. По всем этим причинам, Блаженнейший брат о Господе, мы полагаем, что в настоящее время у нас нет доводов в пользу созыва Всецерковного Собора именно в Москве»⁶¹. Подобный отказ был получен 3 июля и в телеграмме от Патриарха Иерусалимского Тимофея: «Мы не готовы к участию в предложенном совещании»⁶².

Представитель Константинопольского Патриархата митрополит Принцевых островов Досифей в письме Патриарху Алексию от 30 июня писал: «Ожидалось, чтобы Вы по долгу и обязанности своей обратились к нашему Патриаршему Вселенскому престолу и через него, по порядку, испросили и получили достоверное мнение его же и остальных святых Церквей-Сестер по ощущаемой Вами нужде неотложного созыва ныне Всеправославного совещания, и никак, чтобы Вы приступили к организации такого совещания, принимая, таким образом, на себя инициативу, принадлежащую только Святейшему патриаршему вселенскому престолу»⁶³. В ответном письме от 11 августа Патриарх Алексей разъяснял: «В священных Правилах и церковных установлениях... нет запрета на таковые мероприятия со стороны отдельных автокефальных Церквей, равно как и указаний на исключительное право Константинопольского Патриарха на созыв подобных совещаний, и нигде не указывается определенного места для братских собраний и соборного обсуждения церковных вопросов. А потому такое с нашей стороны приглашение собраний — глав автокефальных Церквей и их представителей явилось совершенно естественным и законным»⁶⁴.

Хотя главы Антиохийской, Сербской, Румынской, Болгарской, Албанской и Грузинской Церквей заявили о своем согласии участвовать в совещании, срыв первоначальных планов стал очевиден. Уже 15 июля 1947 г. Патриарх Алексей в письме Г.Г. Карпову предложил перенести совещание на более позднее время — примерно на весну 1948 г. В начале августа главам автокефальных Православных Церквей были посланы извещения, что

---

⁶¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 77–78.

⁶² Русская Православная Церковь. XX век. С. 397.

⁶³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 67, л. 106–109.

⁶⁴ Там же, л. 110–112.

совещание по соображениям более тщательной подготовки докладов откладывается «ориентировочно на лето будущего 1948 г.»⁶⁵.

Ответные послания Восточных Патриархов не внушали оптимизма. Так, в частности, Антиохийский Патриарх Александр III 14 ноября писал, что Восточные автокефальные Церкви не примут участия в совещании «по соображения не временного и преходящего, но принципиального характера, ибо среди греческих духовных сфер существует мнение, основанное на традиции, что такая инициатива должна принадлежать Святейшему Патриарху Вселенскому», и что среди «упомянутых духовных сфер» существует и оппозиция против проведения совещания в Москве. Александр III советовал Патриарху Алексию обратиться к Вселенскому Патриарху. Об этом же писал в своем послании от 9 октября 1947 г. Александрийский Патриарх Христофор: «Поверьте, что не менее Вас мы чувствуем необходимость созыва этого Собора и желаем его. Не назначайте вообще даты Собора, когда будете говорить о нем. И братски попросите Вселенского Патриарха, чтобы он созвал Собор по Вашему предложению. Если бы он почему-либо отказался созвать Собор, и этот отказ явился бы несправедливым и бесполезным для Церкви, тогда все мы окажем содействие этому созыву»⁶⁶.

Прибывший в ноябре 1947 г. в Москву представитель Антиохийского Патриархата митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) на совещании у Патриарха Алексия 19 ноября сообщил, что «патриархи-греки» — Константинопольский, Александрийский и отчасти Иерусалимский — с большой подозрительностью относятся к инициативам Московской Патриархии, опасаясь ее возрастающего влияния, и рассматривают их как попытку самого Алексия стать Вселенским Патриархам. Эти опасения усилились после получения приглашений в СССР на планируемое в 1948 г. Всеправославное совещание, после чего указанные Патриархи организовали «блок против Москвы» и пригласили присоединиться к нему Антиохийского Патриарха, который якобы ответил категорическим отказом. Митрополит Илия также сказал, что его Патриарх отказался от «больших денег», которые предлагали ему

---

⁶⁵ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 279, 311.

⁶⁶ Там же. С. 315–316.

англичане, в отличие от остальных Восточных Патриархов, принявших крупные суммы от правительств США, Великобритании и Греции⁶⁷.

В этой ситуации Московская Патриархия и советское руководство решило ограничиться более скромной задачей — проведением в Москве летом 1948 г. совещания глав Православных Церквей под благовидным предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви. Поскольку на приезд значительной части Восточных Патриархов надежды уже не было, на совещании намечалось окончательно оформить европейский «Православный блок»⁶⁸. 3 декабря 1947 г. Г.Г. Карпов направил в Совет Министров докладную записку, в которой сообщалось, что Московская Патриархия берет на себя все расходы по устройству совещания, на утверждение также представлялись план его проведения и проект соответствующего распоряжения Совета Министров⁶⁹. Еще в одной докладной записке от 13 февраля 1948 г. Карпов писал, что в современной международной обстановке необходимо сохранить «сложившееся единство Православных Церквей стран новой демократии путем более тесного сплочения их вокруг Русской Православной Церкви», а также выработать и принять «единое мнение по общецерковным вопросам». В результате распоряжением Совета Министров от 25 февраля Московской Патриархии было разрешено провести совещание глав автокефальных Православных Церквей в июне 1948 г.⁷⁰

С целью убедить глав Поместных Православных Церквей в праве не только Константинопольского, но и Московского Патриарха созывать Всеправославное совещание в ноябре и декабре 1947 г. в «Журнале Московской Патриархии» были опубликованы статьи проживавшего в Югославии известного русского богослова С.В. Троицкого («О границах распространения права власти Константинопольской Патриархией на “диаспору”» и «Где и в чем главная опасность»), который после обширного канонического анализа дела явным недружественным по отношению к Фанару вывод: «Отсюда следует, что с титулом “Вселенский” в применении к Константинопольскому

---

⁶⁷ Болотов С.В. Указ. соч. С. 226.

⁶⁸ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? М., 1993. С. 193.

⁶⁹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 312.

⁷⁰ Там же. С. 335.

Патриарху можно было мириться только, пока действовала “икумени” — Византийская империя, а после того, как она прекратила существование, титул этот потерял всякое основание и свидетельствует лишь о папистских тенденциях его носителя»⁷¹.

7 декабря 1947 г. Патриарх Алексей I послал Александрийскому Патриарху разъяснительное письмо по поводу его приглашения на Всеправославное совещание в Москву (копии письма были разосланы для осведомления и другим Патриархам): «Полагаю, что тут имеется большое недоразумение. Мы поставили вопрос о созыве не Вселенского Собора, а лишь Совещания Предстоятелей Православных Церквей, каковое Совещание, как по своему составу, так и по своей компетенции существенно отличается от Собора. Священные каноны требуют, чтобы на Соборе присутствовали все епископы... Между тем, мы пригласили на Совещание только Предстоятелей Церквей, над которыми мы не имеем никакой власти, и поэтому их прибытие на Совещание зависит только от их доброй воли. Тогда как постановления Собора являются обязательными, постановлениям Совещания будет следовать лишь тот, кто с ними согласится и, притом, если и епископат данной церкви будет согласен со своим Предстоятелем... Вы желаете уверить нас, что Греческие Церкви неповинны в том, что греческая печать пишет против Русской Церкви. И нам хотелось бы, чтобы это было так и на самом деле. Но разве мы можем закрыть глаза на статью в официальном органе Элладской Церкви, и притом принадлежащую перу митрополита Закинфского Хризостома, где заявляется, что славянские Церкви являются столь же опасными врагами Церквей Греческих, как и папизм, и что ни одна Православная Церковь не должна сотрудничать с Московским Патриархатом... И, насколько знаем, ни один греческий иерарх не нашел мужества возразить против такого странного утверждения в защиту единства греко-славянского православного мира, против которого ополчается лукавство инославных»⁷².

В 1948 г. в Турции усилилась кампания против Патриарха Максима, которого обвиняли в том, что он не выступил открыто на стороне греческих монархистов, не отлучил коммунистов от Церкви и т.д. Считая Патриарха

---

⁷¹ ЖМП. 1947. № 12. С. 35.

⁷² ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 79–85.

Максима человеком «ложного направления» и «русофилом», турецкое правительство предпринимало активные усилия по его отстранению от управления Церковью. Уже в мае 1947 г. Патриарх Максим был на длительный срок направлен на лечение в Афины. Больше года на него оказывалось сильное давление и проводилась дискредитирующая кампания в средствах массовой информации, хотя Патриарх и заявлял, что не является коммунистом, а желает лишь объединения Православных Церквей⁷³.

Первосвятителя Максима V также прямо обвиняли в том, что он не уступает Патриарший престол кандидату американцев — Нью-Йоркскому архиепископу Афинагору (Спиру). Последнее обстоятельство особенно волновало советское руководство, так как, выдвигая своего кандидата на Вселенский престол, власти США тоже стремились к влиянию на православный мир. И если Православные Церкви стран «народной демократии» оказалось невозможно вывести из-под влияния Москвы, то на колеблющихся Восточных Патриархов можно было воздействовать. В докладной записке Г.Г. Карпова К.Е. Ворошилову от 9 мая 1948 г. говорилось: «... начиная с 1946 г., американцами при содействии греческого правительства разными путями ведется подготовка к тому, чтобы на Вселенский Патриарший престол в Константинополе поставить своего человека, враждебного Советскому Союзу, тогда как Вселенский Патриарх Максимос высказывался в свое время в пользу сближения с Русской Церковью. На его место намечается архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, грек по национальности, американский подданный»⁷⁴.

Несмотря на политическое давление, Патриарх Максим все же отправил делегацию в составе его экзарха в Центральной и Западной Европе митрополита Фиатирского Германа, митрополита Родосского Тимофея и протопресвитера Константина Маройтакиса в Москву на празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви. В рамках празднования с 8 по 18 июля 1948 г. проходило совещание глав и представителей Поместных Православных Церквей. В конечном итоге оно оказалось даже более представительным, чем ожидалось. В Москву приехали делегации 11 автокефальных Церквей из 13. Иерусалимский Патриарх прислал телеграмму

---

⁷³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 132, л. 71, 72, 80.

⁷⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 680.

с извинениями, что только война в Палестине и осада Иерусалима помешали его представителям прибыть в СССР, и впоследствии одобрил все решения совещания. Лишь Кипрская Церковь не изменила своей бескомпромиссной позиции. Две делегации — Константинопольская и Эладская — прибыли только на празднества и в работе совещания непосредственно не участвовали, пытаясь воздействием на некоторых глав Церквей сорвать принятие ряда решений, особенно направленных против экуменического движения⁷⁵.

В качестве причины было объявлено мнимое нарушение порядка созыва общеправославных встреч. По некоторым сведениям, Патриарх Максим заявил, что Предстоятель Русской Церкви вначале должен был сообщить о своей инициативе ему, как первому епископу Православной Церкви, а он мог бы оповестить об этом глав других Поместных Церквей и в случае их согласия разослать официальные приглашения⁷⁶.

Митрополит Герман сразу же после прибытия в Москву отказался от участия в работе совещания, хотя и собирался пробыть в СССР до 19 июля; по словам владыки, он имел на этот счет оговоренное в мандате категорическое указание Патриарха Максима. По мнению Г.Г. Карпова, митрополит преследовал цель «привлечь Русскую и Православные Церкви Балканских стран в экуменическое движение с тем, чтобы предотвратить срыв предстоящей Амстердамской Ассамблеи». В отчетах Карпова о первых днях работы совещания владыке Герману уделялось большое внимание. В частности, говорилось, что он известен «как английский разведчик» и дает интересные ответы на вопрос о состоянии здоровья Вселенского Патриарха, заявляя, что тот «долго болел шизофренией и в ближайшее время должен уйти на покой»⁷⁷.

В сообщении от 12 июля о торжественном открытии Всеправославного совещания Г.Г. Карпов указал, что, в отличие от других выступлений, речь митрополита Германа была «сухо-официальной и бесцветной». В завершение первого пленарного заседания по предложению Патриарха Алексия была

---

⁷⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 407, л. 100–103.

⁷⁶ Владислав Цытин, *прот.* Указ. соч. С. 355.

⁷⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 407, л. 30; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 47–48.

составлена приветственная телеграмма И.В. Сталину, которую подписали и представители Константинопольской и Эладской Церквей⁷⁸.

При этом Фиатирский митрополит, согласно одному из отчетов Г.Г. Карпова А.А. Жданову, вел «обработку некоторых глав Церквей», чтобы они сопротивлялись принятию решений, рекомендовал митрополиту Софийскому Стефану выступить против предполагаемых резолюций, а также безуспешно пытался повлиять на работу комиссий совещания, в особенности на комиссию, работавшую над вопросом участия Православных Церквей в экуменическом движении⁷⁹. Со своей стороны участники работы совещания после замечания Патриарха Алексия: «Мы глубоко сожалеем о том, что иерархи Греческих Церквей не получили полномочий на участие в нашем Совещании. Мы опасаемся, как бы не были разрушены каким бы то ни было образом единство и полнота Церкви, что считает не меньшим злом, чем создавать ереси, святой Иоанн Златоуст», по предложению Румынского Патриарха Юстиниана постановили занести в протокол общее сожаление по этому поводу⁸⁰.

15 июля в честь участников совещания был дан праздничный обед, устроенный Советом по делам Русской Православной Церкви; на этом обеде присутствовал и митрополит Герман, который, остановившись в своем выступлении на деятельности Совета, назвал Карпова «министром», оказывающим Церкви «неоценимую поддержку» и способствующим «укреплению и процветанию Православия в Советском Союзе». Празднества и заседания проходили в Москве почти всю первую половину июля. Об их ходе Г.Г. Карпов регулярно писал доклады в ЦК ВКП(б), копии которых передавались И.В. Сталину. Все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства⁸¹.

---

⁷⁸ Деяния Совещания Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 года. Т. 1. М., 1949. С. 84; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 47.

⁷⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 32, д. 8, л. 32, 40.

⁸⁰ Деяния Совещания Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей. Т. 2. С. 451; Болотов С.В. Указ. соч. С. 249.

⁸¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 407, л. 25; Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 727–728.

В результате предварительной работы удалось достичь единства позиций участников совещания, хотя без борьбы не обошлось. Единогласно были приняты постановления «Ватикан и Православная Церковь», «Экуменическое движение и Православная Церковь», направленные против Римского Папы и гнезда протестантизма Америки, а также схожее по характеру «Обращение к христианам всего мира» с призывом «бороться за мир против поджигателей войны»⁸². Между тем на совещании решались и вопросы, которые вполне могли бы ставиться на Вселенском Соборе (об англиканской иерархии, о церковном календаре и др.). Изданные деяния его содержат интересный материал по многим и сейчас злободневным богословским вопросам.

Однако политическое давление все же сказалось, и это стало главной причиной «низкого качества» многих решений. Один из участников совещания жестко, хотя и несколько тенденциозно, отозвался о его работе: «Все постановления Совещания были слабоумными, плохо разработанными и плохо согласованными, как с действительностью, так и с искренним мнением самих участников Совещания. По выступлениям и спорам в Экуменической комиссии и по резолюциям всех комиссий, а также по декларациям его видно, что участники просто не были подготовлены к достаточно глубокомысленному обсуждению этих важнейших вопросов, а на основании такого обсуждения к вынесению знаменитых определений и постановлений, которые бы прозвучали во Вселенской Церкви подобоапостольским голосом. Поэтому вся основная работа Совещания прошла неавторитетно и не имела ни вселенско-соборного духа, ни вселенско-соборной силы»⁸³.

Тем не менее с точки зрения советского руководства, как видно из итогового отчета Г.Г. Карпова, совещание прошло вполне успешно. Задача-минимум — сплочение восточноевропейских Церквей под руководством Московской Патриархии — была выполнена, намеченные постановления приняты. В Совете Министров СССР приступили к подготовке так и не состоявшихся решений об организации новых встреч глав Православных Церквей, увеличении денежной помощи Восточным Патриархам, усилении деятельности

---

⁸² РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 407, л. 104–105.

⁸³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 141, л. 48.

Московской Патриархии за границей⁸⁴. В следующем 1949 г. были изданы «Деяния» совещания в двух томах — последний отзвук амбициозного замысла провести Всеправославный Собор в Москве. Однако в это время международные и внутренние аспекты советской религиозной политики уже начали существенно меняться.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР во внешнеполитических акциях Русской Церкви. Потерпели крах все «средиземноморские» планы И.В. Сталина в Греции, Турции, Израиле и, соответственно, не так нужны стали восточные православные иерархи. Начинаясь период холодной войны, и в условиях перехода СССР от наступательной внешнеполитической стратегии к оборонительной пришлось полностью отказаться от всех глобальных церковных планов, в том числе создания в Москве мирового религиозного центра и передачи Московскому Патриарху от Константинопольского титула «Вселенский».

Кроме того, у Московской Патриархии появились на международной арене серьезные «конкуренты». В июле 1948 г. в Амстердаме произошло объединение двух экуменических движений «Вера и церковное устройство» («Faith and Order») и «Жизнь и деятельность» («Life and Work») во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ). Московская Патриархия и под ее влиянием большинство Поместных Православных Церквей отказались участвовать в работе Амстердамской ассамблеи, однако представители Константинопольского Патриархата и других «Греческих Церквей» приняли участие не только в заседаниях, но и в совместных молитвах, внося «особый вклад» в учреждение ВСЦ⁸⁵.

18 октября 1948 г. Священный Синод Константинопольской Церкви под предлогом «плохого здоровья» принял отставку Патриарха Максима V. Действительная причина отставки заключалась в том, что владыка был противником экуменизма, кроме того, руководству западных держав не нравились его лояльные отношения с Москвой. Как уже говорилось, в находившейся

---

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 32, д. 8, л. 108.

⁸⁵ Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. М., 1999. С. 308; The Moscow Patriarchate and the First Assembly of the World Council of Churches. The Ecumenical Review. 1949. № 12. Winter. P. 188–189, 219.

под американским влиянием Турции постоянно велась клеветническая кампания против Патриарха в прессе, которая обвиняла его в русофильстве и советофильстве. Особенно она усилилась после поездки делегации Константинопольской Патриархии на празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви. Патриарху даже пришлось публично оправдываться. Летом 1948 г. он заявил турецким журналистам: «Некоторые меня называют коммунистом. Может ли им быть настоящий священник? Это значит отрицать Бога! Утверждают, что я поддерживаю связь с Москвой. Должно быть, известно, что в Москве есть Церковь, с которой я поддерживаю отношения. Недавно у меня запросили мое мнение по религиозным вопросам»⁸⁶.

В конце концов, под сильнейшим давлением турецких властей и греческого королевского правительства Патриарх Максим был вынужден уйти на покой. Как якобы «умалишенного», его под надзором поселили в Швейцарии, где Владыка был лишен права совершать богослужения и действовать в качестве архиерея. Несколько человек, которым удалось увидеться с ним в конце 1950-х гг., засвидетельствовали, что он не был ни душевнобольным, ни невменяемым⁸⁷. Когда в 1965 г. Владыку Максима спросили, в чем была причина отставки, он с грустью ответил: «Не стоит комментировать, каким образом они меня низложили»⁸⁸.

В упоминавшемся аналитическом обзоре «Позиция коммунистического государства по отношению к Православной Церкви», составленном в 1952 г. для американской разведки, прямо говорилось: «... тот факт, что Патриарх Максим был вынужден подать в отставку, объясняется не только причиной нездоровья, но и политическими мотивами, так как, по мнению турецкого правительства, он не придерживался антисоветского направления»⁸⁹.

1 ноября 1948 г. Константинопольским Патриархом при повторном голосовании 11 членами Синода из 17 («несмотря на ожесточенное противодействие некоторых митрополитов», которых в дальнейшем вывели из состава

---

⁸⁶ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1007.

⁸⁷ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 773; Patric, pere. La persecution des moines du Mont Athos par le Patriarcat de Constantinople. Paris, 1992. P. 24.

⁸⁸ Hagios Agathangelos. Juli-August 1993. № 138.

⁸⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1006.

Синода) был избран американский поданный, экзарх Северной и Южной Америки Архиепископ Нью-Йоркский Афинагор (Аристоклис Спиру, 1886–1972). Он родился 25 марта 1886 г. в с. Цараплана (современный Василикон) в области Эпир (ныне Греция), в семье врача, начальное образование получил в родном селе, в 1895–1899 гг. обучался в школе г. Коница, с 1901 г. продолжил учебу в Янине, в 1910 г. окончил богословское училище на о. Халки и защитил диссертацию «Об избрании Константинопольских Патриархов с эпохи Константина Великого до падения Константинополя».

В марте 1910 г. будущий Патриарх принял монашеский сан и был рукоположен во диакона. С июля 1910 г. отец Афинагор служил помощником митрополита Палагонийского Стефана в г. Монастире (современный г. Битола в Македонии), там был рукоположен во архидиакона. В 1912–1918 гг. он служил начальником секретариата Палагонийской митрополии, а после ее перехода в юрисдикцию Сербской Православной Церкви (осень 1918 г.) отправился на Афон, в обитель Келлион (Милопотамос). В марте 1919 г. отец Афинагор был назначен первым секретарем Священного Синода Афинской архиепископии Эладской Православной Церкви. В начале 1920-х гг. он участвовал в процессе создания экуменической комиссии «Вера и церковное устройство». В декабре 1922 г. Священный Синод Эладской Церкви избрал его Митрополитом Керкирским и Паксийским, и в том же месяце состоялась архиерейская хиротония. В митрополичьей резиденции владыки на о. Корфу (Керкира) были открыты медицинский центр и бюро по трудоустройству для греков, переселенцев из Малой Азии и Восточной Фракии.

Митрополит Афинагор принимал активное участие в работе всемирной ассамблеи Христианской ассоциации молодежи УМСА (Хельсинки, 1926 г.) и присутствовал в качестве наблюдателя на VII Ламбетской конференции (июль 1930 г.). В августе 1930 г. Синод Константинопольского Патриархата с согласия Эладской Церкви избрал его Архиепископом Нью-Йоркским, экзархом Северной и Южной Америки. Владыка Афинагор придал епархиальным архиереям статус викариев и ввел особый церковно-административный орган — духовно-светские ассамблеи, решения которых при одобрении Патриархии становились обязательными; в 1931 г. вступил в действие новый устав архиепископии для православных христиан греческого происхождения (действовал до 1977 г.). За время управления владыкой Афинагором

архиепископии число общин в ней увеличилось со 119 до 350; в Помфрете (штат Коннектикут) были основаны семинария (1937 г.) и Академия св. Василия (1944 г.) (в 1947 г. их перевели в Бостон, при чем семинария получила название Святого Креста); открывались новые катехизаторские школы; с 1934 г. начал издаваться журнал «Православный обозреватель». Как и ранее на о. Корфу, владыка ввел полифоническое церковное пение за богослужением; в 1938 г. он принял гражданство США⁹⁰.

Американское руководство считало архиепископа Афинагора наиболее подходящей кандидатурой для нормализации отношений между Грецией и Турцией и для противостояния находившейся под советским влиянием Московской Патриархии. Правда, сначала выбор греческих властей склонялся в пользу бывшего Афинского архиепископа Хрисанфа (Филиппидиса), но затем им пришлось уступить. Так как владыка Афинагор не был гражданином Турции, его кандидатура противоречила постановлениям правительства о выборах Константинопольского Патриарха, однако, учитывая позицию администрации США, власти Турции допустили его выборы, и префект Стамбула выдал ему турецкий паспорт сразу же после прибытия Первосвятителя в аэропорт⁹¹. На кандидатуру владыки Афинагора также дал согласие представитель Католической Церкви в Нью-Йорке кардинал Спелман.

В первые годы своего Патриаршества Афинагор I был настроен резко антикоммунистически. В ноябре 1948 г., еще до интронизации, он заявил по бостонскому радио: «Америка помогает Турции и Греции, так как она знает, что эти два государства должны бороться против дикого зверя, угрожающего человечеству». 7 декабря в издаваемой в Сан-Франциско русской газете «Новая заря» было опубликовано интервью владыки корреспонденту газеты, в котором говорилось: «Мы, православные, простираем руку дружбы всем религиям, христианским, мусульманским и другим, желающим бороться против коммунизма и других сил, которые борются против свободы совести и основных прав человеческой личности. Если я поеду через Лондон,

---

⁹⁰ Нелобов Б.А., Э.П.Г. Афинагор I, Патриарх Константинопольский // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 85–86; Логачев К. Святейший Афинагор I, Патриарх Константинопольский (некролог) // ЖМП. 1972. № 8. С. 54–55.

⁹¹ Нанакис А. Указ. соч. С. 46.

я переговорю с главой Англиканской церкви. Я был бы весьма счастлив, если бы глава римского католицизма Папа тоже протянул руку дружеского сотрудничества нам и принял бы нашу руку»⁹². Подобные заявления отвечали интересам американского правительства, стремившегося объединить Православные Церкви на Ближнем Востоке и Ватикан под флагом борьбы с коммунизмом.

27 января 1949 г. на своей интронизации Патриарх снова призвал к сотрудничеству христиан различных направлений и мусульман для борьбы против коммунистической опасности, которая угрожает личной свободе и всему цивилизованному миру⁹³. В этой же речи он заявил: «Мы заблуждаемся и грешим, если думаем, что православная вера сошла с небес и что другие учения недостойны. Триста миллионов людей избрали магометанство как путь к Богу, а другие сотни миллионов — протестанты, католики и буддисты. Цель каждой религии — сделать человека лучше»⁹⁴. Патриарх Афинагор также говорил, что всюду будет распространять американский стиль жизни, и все международные проблемы могут быть разрешены с помощью религии.

Когда Первоиерарх Зарубежной Русской Церкви митрополит Анастасий узнал о произошедших выборах Константинопольского Патриарха, то послал в греческий собор в Сан-Франциско в качестве своих представителей протопресвитера Михаила Польского и протодиакона Ф. Задорожного. Патриарх Афинагор пригласил их сослужить ему и заявил, что он одинаково относится ко всем русским, независимо от их юрисдикции⁹⁵. При этом следует упомянуть, что в первой половине ноября 1948 г. Константинопольский Патриарх радушно принял в Нью-Йорке экзарха Московской Патриархии Северной и Южной Америки архиепископа Макария (Ильинского) и управляющего делами экзархата протоиерея Иосифа Дзвончика, обещав совершить богослужение в русском нью-йоркском соборе свт. Николая. А прихожане русских православных церквей в Америке писали в Париж своим соотечественникам, что Патриарх Афинагор перед отъездом из США всюду говорил, что «он друг

---

⁹² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 322, 1008.

⁹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 32, д. 111, л. 212.

⁹⁴ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001. С. 258.

⁹⁵ Православная Русь. 1948. № 24.

Русской Церкви, сторонник единения всех Православных Церквей и готов служить во всех русских храмах»⁹⁶.

Новоизбранный Патриарх прибыл в Стамбул 26 января 1949 г. (с посадкой 25 января в Париже, где он совершил богослужение в храме св. кн. Александра Невского русского Западно-Европейского экзархата) на борту личного самолета американского президента Г. Трумена, который проводил Первосвященителя перед вылетом из Нью-Йорка. Вместо себя экзархом Северной и Южной Америки Патриарх Афинагор (занимавший престол до своей кончины 7 июля 1972 г.) назначил архиепископа Коринфского Михаила. Согласно мнению некоторых историков, кандидатуру владыки Афинагора «навязали США, желавшие обеспечить улучшение отношений между Грецией и Турцией»⁹⁷. Афинагор I стал первым Константинопольским Патриархом, посетившим столицу страны Анкару, где встретился с президентом Турецкой республики.

В Турции существовало мнение, что избрание Патриархом Афинагора спасло Константинопольскую Патриархию от превращения в послушный инструмент Советского Союза. Так, редактор турецкой газеты «Сон Поста» писал 8 февраля 1949 г.: «Православные Церкви, благодаря избранию Афинагора, нашли противоядие против яда, которым атеистическая Россия под маской религии хочет отравить сознание христиан. Можно, наконец, думать, что при американском посредничестве удастся устранить раскол, который в течение многих веков разделял Римскую и Православную Церковь. Если бы этой цели достичь не удалось, то Патриарх Афинагор не только не смог бы выполнить возложенную на него задачу, но это означало бы поддержку парадокса в виде атеистического государства, делающего вид, что оно уважает религию»⁹⁸.

14 января 1949 г. Совет по делам Русской Православной Церкви направил в Совет Министров докладную записку, в которой сообщал, что Патриарх Афинагор «является ставленником американцев, стремящихся прибрать к своим рукам Вселенский Патриархат». В записке также говорилось о мнении Патриарха Алексия, который полагал необходимым после получения

---

⁹⁶ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... С. 414–415.

⁹⁷ Patric, *op. cit.* P. 24.

⁹⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1008.

известительной грамоты «послать чисто официальный ответ, без выражения одобрения или неодобрения выборов», а затем поставить перед Патриархом Афинагором ряд вопросов: об осуждении Архиерейского Синода Зарубежной Русской Церкви и других церковных групп, не признающих Московской Патриархии; о благоприятном разрешении вопросов, относящихся к Польской, Финляндской Православным Церквам и к русскому Западно-Европейскому экзархату (в зависимости от ответа на эти вопросы будет определена позиция Московской Патриархии)⁹⁹.

На интронизации Патриарха Афинагора 27 января отсутствовали представители Православных Церквей Восточной Европы (кроме Элладской), на что он заявил корреспондентам турецких газет: «Мы пригласили русских, они не захотели прибыть. Это их дело. Мы не могли сделать большего». Когда в беседе с журналистами разговор зашел о намерении Московского Патриарха доминировать над «другими Православными Церквами», Патриарх Афинагор возразил: «Алексий Московский обманывается, поскольку Церкви России, Румынии, Сербии, Польши, Украины, Закарпатья, Антиохии и т.д. признают, в рамках своей автономии, главенствующую роль Фанара»¹⁰⁰.

Хотя Патриарх Алексей уже 3 ноября 1948 г. получил от Синода Константинопольской Церкви уведомление об избрании владыки Афинагора, однако сам Вселенский Патриарх отправил известительное послание только 27 января, причем оно было получено Московской Патриархией 29 марта 1949 г. В этом послании Патриарх Афинагор выдвинул программу укрепления связей между Православными Церквами и активного отношения к злободневным проблемам общественной жизни, чтобы «переживаемые современные тяжелые обстоятельства и настоящее совсем неутешительное состояние всего человечества» не привели «к охлаждению самой веры у слабых и простых и не умалили дела Церкви»¹⁰¹.

19 апреля Патриарх Алексей отправил в Стамбул ответную телеграмму, в которой писал: «С любовью выражаю пожелание Вам небесной помощи в высоком служении Церкви Божией в твердом уповании, что между нашими

---

⁹⁹ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 445.

¹⁰⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1009.

¹⁰¹ Нелюбов Б.А., Э.П.Г. Указ. соч. С. 86.

великими, по милости Божией, церквями установятся истинно добрые взаимоотношения и братски будут разрешены все недоуменные вопросы, к сожалению, до сего времени еще не разрешенные»¹⁰². Текст этой телеграммы был опубликован в официальном органе Константинопольской Патриархии, однако без заключительных слов.

Разрешения «недоуменных вопросов» не произошло. 21 июля 1949 г. корреспондент телеграфного агентства «Рейтер» в Москве Дональд Даллас в письме Патриарху Алексию задал ему несколько вопросов, связанных с сообщением из Стамбула о будто бы принятом Патриархом Афинагором решении издать указ об отлучении от Православной Церкви всех, поддерживающих коммунизм. В ответном письме Первосвященителя от 1 августа, опубликованном не только в «Журнале Московской Патриархии», но и в советских газетах, говорилось: «О решении Вселенского Патриарха издать приказ об отлучении от Православной Церкви всех лиц, поддерживающих коммунизм, мне и Синоду Русской Православной Церкви ничего не известно. Мало того, мы и Синод не допускаем мысли, чтобы со стороны православного Патриарха могло исходить такое решение, которое будет в корне противоречить основным началам православной христианской веры...»¹⁰³.

В начале мая 1949 г. Отдел внешних церковных связей Московской Патриархии сообщил Ученому Совету Ленинградской духовной академии, что Священный Синод принял решение подготовиться к празднованию следующих юбилеев общецерковного значения: в 1950 г. — 1900-летия прибытия св. ап. Павла в Грецию, в 1951 г. — 1900-летия Апостольского Собора в Иерусалиме и 1500-летия IV Вселенского Собора в Халкидоне, в 1953 г. — 1400-летия созыва V Вселенского Собора и в 1954 г. — 900-летия со времени разделения Церквей. ОВЦС также указал, что в связи с этим «предположено составление исследовательских и историко-богословских трудов, а также и пересмотр ранее изданных научных трудов (не первоисточников) с оценкой значения празднуемых событий для Русского Православия в современном его положении. При этом следует учесть и факт нового внешнего устройства нашей Русской Церкви, и обострение агрессии Ватикана, и поход

---

¹⁰² Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 445.

¹⁰³ Известия. 1949. 6 августа.

пан-протестантизма на православие (экуменизм), а также и попытки установления папства в Православной семье (с преувеличением не имеющих места прав Константинопольского Престола) и др. В связи с этим Учебному Комитету надлежит выработать проекты тем научных трудов и распределения их среди научно-богословских сил нашей Церкви». Соответствующие проекты должны были быть представлены в Синод к 1 июня. На состоявшемся 13 мая Совете Ленинградских духовных школ темы научных трудов (причем далекие от политики) выбрали только два преподавателя: профессор-протоиерей А.А. Осипов — Апостольский Собор в Иерусалиме — и профессор А.И. Сагарда — IV Вселенский Собор в Халкидоне¹⁰⁴.

Осенью 1949 г. в «Журнале Московской Патриархии» была опубликована статья митрополита Серафима (Лукьянова) «Без канонов», в которой Константинопольская Патриархия обвинялась в создании расколов и разделений в Русской Церкви, произвольном толковании канонов в свою пользу и присвоении себе неподобающих прав. В статье утверждалось, что таким образом малочисленная Константинопольская Церковь оказалась «Великой», а ее Патриархи стали именовать себя «Вселенскими»: «Каноническое сознание должно было бы им подсказывать азбучную истину, что в православно мире никогда не было и нет «Вселенского» Патриарха — в смысле Римского Папы, и каноны не знают такого титула»¹⁰⁵. Обвинение в создании расколов было связано прежде всего с тем, что Патриарх Афинагор принял к общению и сослужил с делегацией Русской Православной Церкви за границей.

В конце октября 1949 г. Патриарх Алексей написал Патриарху Афинагору довольно острое послание о вмешательстве Константинопольской Патриархии в дела Русской Церкви. Указав на то, что «игнорирование авторитета братской Русской Православной Церкви приобрело длительный характер» и что «неверность заявленных когда-то мотивов к вмешательству Константинопольской Патриархии в дела Русской Церкви достаточно опровергнуто самой жизнью», Московский Патриарх отмечал: «С 1931 г. Константинопольская Патриархия перестала отвечать покойному русскому митрополиту Сергию, впоследствии Патриарху... и со дня вступления на Московский Патриарший

---

¹⁰⁴ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 256-258.

¹⁰⁵ ЖМП. 1949. № 6. С. 34–39.

престол нашей Мерности, т.е. с 1945 г. и до сих пор, Мы не получили от Ваших предшественников по патриаршему трону никакого ответа ни по одной нашей просьбе о восстановлении нарушенного канонического порядка. Мы находим необходимым просить Вашу Святыню проявить углубленное внимание ко всей истории упомянутых неканонических деяний в целях устранения прискорбного для единства Церкви положения...». В заключение послания говорилось о необходимости разрешить три серьезных вопроса, «согласно церковным канонам»: «1. Юрисдикция Константинопольской Патриархии над приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе. 2. То же по отношению к Финляндской Автономной Православной Церкви. 3. Молитвенное общение Константинопольской Патриархии с архиереями и клириками, лишенными общения и запрещенными в священнослужении Матерью Русской Православной Церковью, как то: с митрополитом Феофилом и его епископами и клириками, с клириками так называемой Украинской Автокефальной Церкви (как в Европе, так и в Америке)»¹⁰⁶.

В декабре 1949 г. профессор С.В. Троицкий прислал из Белграда в Москву три новых статьи для «Журнала Московской Патриархии»: «Как привести к концу возникший спор», «Будем вместе бороться с опасностью», «По поводу неудачной защиты ложной теории». В них вновь опровергались «исключительные права» Константинопольской Патриархии и показывалось ее недоброжелательное отношение к славянам в прошлом. Помимо публикации данных статей Московская Патриархия планировала обратиться к главам ряда Поместных Православных Церквей с предложением высказать на страницах печати свое отношение к обсуждаемым вопросам¹⁰⁷. Это неизбежно вызвало бы волну острой внутрицерковной дискуссии, но вскоре от указанных планов отказались.

Однако конфликты между новым Константинопольским Патриархом и Московской Патриархией «не заставили себя ждать». 26 февраля 1950 г. вышло послание Патриарха Афинагора ко «всем членам Православной Церкви», в котором он называл Константинопольскую Церковь Матерью-Церковью для других Православных Церквей и рассчитывал на «покорную

---

¹⁰⁶ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 490–491.

¹⁰⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 324–325.

преданность ее детей и на полное и добровольное исполнение ими своих обязанностей по отношению к ней». Познакомившись с публикацией этой «энциклики» в зарубежной печати, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) в интервью Болгарскому телеграфному агентству заявил: «В ней мы усматриваем лишь повторение давних попыток Константинопольских Патриархов установить вместо первенства чести первенство власти Константинопольского престола над всеми другими православными патриархатами, то есть воскресить отвергнутые Православной Вселенской Церковью идеи папизма, против которых всегда боролась Русская Церковь. Матерью-Церковью всех Церквей являлась и является Иерусалимская Православная Церковь, а не Константинопольская. Для Русской Церкви Константинопольская Церковь является такой же братской церковью, как и прочие братские автокефальные Церкви. Что касается титула “Вселенский”, то этот титул никогда не имел в прошлом и не имеет в настоящем своего прямого значения и в прошлом был лишь почетным титулом по праву чести для Патриарха столичного города и по традиции сохранился до настоящего времени»¹⁰⁸.

Еще 22 июня 1948 г. был подписан акт о воссоединении Польской Православной Церкви с Русской и о даровании Московской Патриархией автокефалии Польской Церкви, причем последняя признала неканоничной и недействительной ту автокефалию, которая была дана ей Константинопольским Патриархом в 1924 г.¹⁰⁹ Временно Польскую Церковь возглавил Архиепископ Белостокский и Бельский Тимофей (Шретер). В связи с этим Патриарх Афинагор в послании к Патриарху Алексию от 23 февраля 1950 г. писал о том, что считает канонически правильной дарованную Константинопольской Патриархией в 1924 г. автокефалию и просил оставить главой Церкви бывшего Митрополита Варшавского Дионисия (с которым у Константинопольской Патриархии были давние тесные связи). В Москву также поступили протесты от Патриарха Александрийского Христофора, который в письме от 19 мая призывал «согласиться с указаниями из Константинополя, как единственно каноническими и законными», а также от Архиепископа Кипрского Макария¹¹⁰.

---

¹⁰⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 478.

¹⁰⁹ Известия. 1948. 26 июня.

¹¹⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 605, л. 235–236, д. 732, л. 13–14.

В ответном послании Московского Предстоятеля от 3 июля 1950 г. прозвучал отказ на просьбу Патриарха Афинагора: «Письмо Вашего Святейшества от 23 февраля с.г. нами получено. Мы усмотрели из него, что недавние события в Польской Православной Церкви Вам полностью неизвестны. Польская Православная Церковь сама отказалась от неполной автокефалии, которая ей дана была в 1924 г. Константинопольской Церковью, признав ее, по акту воссоединения ее с Русской Православной Церковью и дарования ей автокефалии от 22 июня 1948 г., “неканонической и незаконной”. И наша Церковь сочла по праву Церкви-Матери согласно канонам даровать Польской Православной Церкви автокефалию, с предоставлением ей вытекающего из автокефалии права на полную самостоятельность: в выборе Главы Церкви, во всем внутреннем церковном распорядке, в праве освящения миро и т.д. Вследствие этого, наша Церковь не считает канонически правильным и возможным после дарования автокефалии вмешиваться во внутренние дела Польской Православной Церкви и указывать ей кандидата на пост ее Главы»¹¹¹.

Вскоре развернулась острая борьба по поводу Албанской православной епархии в США, глава которой, епископ Фан (Ноли) подчинился священноначалию союзной Московскому Патриархату Автокефальной Албанской Православной Церкви. Однако 31 августа 1950 г. Патриарх Афинагор, с ведома американских властей, рукоположил в Стамбуле во епископа Албанской епархии в США священника Марко Липа¹¹². Острая борьба по этому вопросу продолжалась несколько лет, и в начале 1950-х небольшая часть паствы в США все-таки отделилась от Албанской Православной Церкви и перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, со временем составив Албанскую епархию Константинопольской архиепископии Северной и Южной Америки.

23 ноября 1951 г. в Московской Патриархии был принят акт о даровании автокефалии Чехословацкой Православной Церкви (бывшей ранее экзархатом Русской Церкви). Однако Константинопольская Патриархия этой автокефалии не признала, считая, что Русская Церковь не имела право на ее дарование, так как со времен святых Кирилла и Мефодия Чешская Церковь

---

¹¹¹ Там же, д. 605, л. 240–241.

¹¹² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 588.

находилась в юрисдикции Константинопольского Патриарха (предоставление с его стороны автокефалии Чехословацкой Православной Церкви произошло только 8 сентября 1998 г.).

В послевоенный период Московская Патриархия, как уже говорилось, неоднократно пыталась убедить вернуться в свою юрисдикцию священноначалие Финляндской Православной Церкви, с начала 1950-х гг. обещая сразу же после этого предоставить данной Церкви автокефалию, но без успеха. В связи с подобными действиями Москвы Синод Константинопольской Церкви и Патриарх Афинагор 19 мая 1954 г. приняли официальное постановление о ситуации в Финляндии, в котором говорилось, что Финляндская Православная Церковь, оказавшись на территории суверенного государства, обратилась за каноническим оформлением своего положения в Константинопольский Патриархат и получила от него законное устройство своих дел в согласии с новыми условиями жизни, после чего она находится в канонически законном положении, одобренном всеми Поместными Церквями. Патриарх Афинагор считал, что на планируемом Соборе Финляндской Православной Церкви 1955 г. нет необходимости поднимать вопрос о переходе в Московский Патриархат¹¹³. В конце концов, уже в 1957 г. был признан сложившийся автономный статус Финляндской Православной Церкви в составе Константинопольского Патриархата и возобновлено каноническое и евхаристическое общение с ней.

Недоброжелательное отношение Московской Патриархии к новому Константинопольскому Патриарху разделяли некоторые другие православные иерархи. Так, посетивший в июле-августе 1951 г. Советский Союз Антиохийский Патриарх Александр III сделал там заявление для печати, опубликованное в различных печатных изданиях: «Во время своей недавней поездки в Грецию я убедился в том, что Православная Церковь в этой стране, получающей ежегодные податки от американцев, не выступает за дело мира. Я убежден, что лично Вселенский Патриарх Афинагор желает мира, но он никогда об этом не скажет, так как он получил Патриарший престол при помощи американских правящих кругов. Он не выступит и против Ватикана, одного из инициаторов новой войны, ибо его “друг” Трумэн является “другом” Папы Пия XII»¹¹⁴.

---

¹¹³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 138, л. 175–177.

¹¹⁴ ЖМП. 1951. № 9. С. 4; Правда. 1951. 25 августа.

В личных беседах с Г.Г. Карповым находившийся под влиянием Москвы Патриарх Александр III говорил: «Афинагор — это временщик. Если Трумэн не выберут на выборах, то не будет и Афинагора. Афинагор не та фигура, которая могла бы сколотить угодную ему группу, так как на прямой союз с ним не пойдет даже такой тип, как Александрийский Христофор». Подтвердив имевшееся ранее намерение после возвращения из СССР съездить в Стамбул, Антиохийский Патриарх заявил, что теперь решил не ехать, так как «почти уверен, что Трумэн — этот сын дьявола — не будет избран, а, кроме того, я вижу, что эта поездка нежелательна и неприятна для вас»¹¹⁵.

Следует упомянуть, что в это время паства Константинопольского Патриарха в Турции еще больше сократилась. Антигреческие выступления в Стамбуле (разгром христианских кладбищ, поджоги школ и т.п.) привели в 1951 г. к еще одному исходу греков из страны, в результате их осталось в Турции лишь около 5 тысяч из прежних 100 тысяч. Правда, в том же году Патриархии удалось начать выпуск еженедельного периодического издания «Апостол Андрей», а в 1952 г. премьер-министр Турции Аднан Мендерес впервые нанес визит в Фанар (в этом же году Патриарха Афинагора посетили король Греции Павел и королева Фредерика). Большая часть паствы Константинопольского Патриарха в начале 1950-х гг. проживала в Америке, по некоторым сведениям, около 1 миллиона¹¹⁶.

Несмотря на трагические события в Турции, в феврале 1951 г. Патриарх Афинагор обратился ко всем главам Поместных Православных Церквей с предложением о проведении Вселенского Предсоборного совещания, за которым должен был последовать созыв Вселенского Собора. Представитель Константинопольского Патриарха 18 мая заявил корреспонденту турецкой газеты «Джумхуриет», что совещание не будет преследовать никаких политических целей и ограничится разрешением только церковных вопросов, в частности, вопросом о введении современной календарной системы. Однако это заявление не развеяло существовавшие опасения в Москве. В докладной записке Г.Г. Карпова в Бюро Президиума Совета Министров СССР от 23 июня 1951 г. говорилось: «Московская Патриархия полагает, что Русской

---

¹¹⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 809.

¹¹⁶ Там же. С. 804; Нанакис А. Указ. соч. С. 46.

Церкви следует уклониться от участия в Предсоборном совещании, которое, по всем данным, будет носить характер политической акции со стороны Афинагора, являющегося ставленником американцев. На этом совещании могут быть поставлены вопросы о борьбе церкви с атеизмом, коммунизмом и т.д.»¹¹⁷

Патриарх Алексей получил соответствующее послание из Константинополя только 12 мая и в ответном письме от 21 августа указал: «Всецело признавая вместе с Вашим Святейшеством целесообразность братского в духе любви Христовой обсуждения вопросов важного церковного характера и общего значения, мы, однако, сомневаемся, что условия настоящего времени являлись подходящими и удобными для общецерковного собрания и обсуждения». В числе подготовительных мер Патриарх Алексей предложил послать в Поместные Церкви для обсуждения «ряд вопросов, подлежащих обсуждению на Предсоборном совещании»¹¹⁸. Под влиянием Московской Патриархии отказом ответили также Румынская, Антиохийская и некоторые другие Православные Церкви. Таким образом, инициатива Константинопольского Патриарха закончилась неудачей.

Следует упомянуть, что уже вскоре идею проведения Вселенского Собора выдвинул Александрийский Патриарх Христофор (Даниелидис). Выступая 31 декабря 1950 г. с новогодним посланием, он высказался за скорейший созыв Собора на его канонической территории — в Каире или на Синайской горе (еще 21 февраля 1949 г. Патриарх Христофор опубликовал в журнале «Пандиос» статью «Юридические комментарии», в которой решительно отвергал исключительное право Константинопольской Патриархии на созыв Всеправославных совещаний и высказывал недовольство деятельностью Вселенских Патриархов за последнее время, в частности, их вмешательством в политические дела, что привело к ухудшению отношения турецкого правительства к Православной Церкви). В июне 1952 г. Патриарх Христофор направил приглашения главам Поместных Православных Церквей, однако почти все из них, в том числе Московский Патриарх, фактически ответили отказом¹¹⁹.

---

¹¹⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 748, л. 145–146.

¹¹⁸ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви ... С. 584–585.

¹¹⁹ Там же. С. 650–651.

Дополнительные трения между Московским и Константинопольским Патриархатом возникали из-за «афонского вопроса». К 1946 г. на Святой Горе оставалось всего лишь 472 русских инока. Большинство этих насельников были ветхими старцами, но греческие власти и Константинопольская Патриархия длительное время не пускали на Афон новых русских монахов, с «явной тенденцией завладеть всеми русскими обителями со всеми их духовными сокровищами» (только в Свято-Пантелеимоновском монастыре хранилось около ста тысяч старинных книг и 50 ковчегов с мощами святых)¹²⁰.

Московская Патриархия неоднократно обращалась к Константинопольским Патриархам, Афинским архиепископам и греческому правительству в связи с бедственным положением русских насельников Афона. В июле 1951 г. вопрос о положении в Эладской и Константинопольской Церквях — об афонских монахах и борьбе со старостильниками обсуждался на встрече в Москве предстоятелей Русской, Антиохийской, Румынской, Болгарской и Грузинской Церквей¹²¹.

Интересно отметить, что в начале сентября 1952 г. Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС) Московской Патриархии, по благословию Патриарха Алексия I, попросил митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) «о постановке перед Советом Академии вопроса о поручении профессорам и преподавателям церковной истории, церковного права, патрологии изготовления статей для помещения в «Журнал Московской Патриархии» исторического, канонического, патрологического характера о русском и грузинском иночестве на св. Горе Афон: о монастыре св. вмч. Пантелеимона и других русских и грузинских церковных владениях, о духовном подвиге русского и грузинского монашества, о древних церковных памятниках русской и грузинской культуры, о ценнейших памятниках древней письменности, иконописи и предметах церковного обихода, хранящихся в стенах русских и грузинских обителей, о помощи греческим правительством и Константинопольской Патриархией

---

¹²⁰ Архив Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ, ф. В.А. Маевского, д. Афон; На Святом Афоне // Церковная летопись. Лозанна. 1945. № 2. С. 29.

¹²¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 753.

исконных бесспорных прав Русской и Грузинской Церквей и обличение этой акции»¹²².

При этом ОВЦС подчеркивал, что «важность Афонского вопроса требует незамедлительной напряженной работы над предложением членов ученой корпорации Академии». 6 сентября Совет Ленинградской духовной академии постановил поручить это задание преподавателям, и уже вскоре появились конкретные результаты, в частности, доцент иеромонах Леонид (Поляков) написал обширную работу «Очерки по истории Афонского и русского монашества в XI–XVIII вв.»¹²³.

7 марта 1953 г. Патриарх Алексий I в послании Константинопольскому Патриарху Афинагору предложил незамедлительно урегулировать афонскую проблему и обеспечить «нормальные» связи между Русской Церковью и русскими обителями на Афоне, однако ответа не получил. И все же 7 октября 1954 г. Свято-Пантелеимоновский монастырь смог посетить посол СССР в Греции, а 25 апреля 1955 г. на Афон впервые прибыла делегация Московского Патриархата¹²⁴.

Весь период своего правления Патриарх Афинагор уделял большое внимание вопросу межхристианского единства и сотрудничества, к которому он в частности призывал в своем послании 1951 г., изданном по случаю 1500-летия IV Вселенского Собора¹²⁵. 6 февраля 1952 г. Патриарх разослал всем Поместным Православным Церквям свое окружное послание об отношениях и формах участия в трудах и дискуссиях Всемирного Совета Церквей с призывом вступить в эту организацию, в котором писал: «Согласно его конституции, ВСЦ старается только объединить общие действия церквей, чтобы развивать сотрудничество в изучении веры в христианском духе, дабы укреплять экуменическое мышление среди членов всех церквей, и поддерживать более широкое распространение Евангелия, и, наконец, сохранить, поднять и возродить духовные ценности для человечества в рамках общих христианских стандартов... Мы, члены Православной Церкви, должны принять участие

---

¹²² Архив Санкт-Петербургской Православной духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 46.

¹²³ Там же, л. 46, д. 10, л. 218.

¹²⁴ Историческая справка // Душеполезный собеседник. 2013. Вып. 1 (2). С. 35.

¹²⁵ Нелюбов Б.А., Э.П.Г. Указ. соч. С. 87.

в этом общехристианском движении потому, что наш долг — поделиться с нашими неправославными братьями богатством нашей веры, богослужения и устава, и нашего духовного и аскетического опыта»¹²⁶.

В том же году Патриарх Афинагор назначил своего постоянного представителя в штаб-квартиру ВСЦ в Женеве, при этом Константинопольский Синод наложил на православных участников определенные ограничения в их экуменической деятельности: «Православная Церковь не должна участвовать в дискуссиях комиссии “Вера и порядок”, и вера Православной Церкви должна быть представлена в трудах, написанных специально для этой цели; ... Православное духовенство должно воздерживаться от совместных со служений с неправославными, так как это противно канонам и притупляет сознание православного исповедания веры, ввиду этого духовенству предписывается прилагать все возможные усилия, чтобы проводить незагрязненными ежедневные и праздничные богослужения»¹²⁷.

Московская Патриархия этих шагов не поддержала, так как изменила свое негативное отношение к экуменическому движению только на рубеже 1950–1960-х гг. В послании Патриарха Алексия о подготовке к созыву Предсоборного совещания от 7 марта 1953 г. обращалось внимание на проблемы, омрачавшие отношения Русской и Константинопольской Церквей: положение русских приходов в Западной Европе, вмешательство Константинополя в область юрисдикции Московского Патриархата в Финляндии, позиция Константинопольского престола по вопросу об автокефалии Православных Церквей в Польше и Чехословакии (отказ признать их предоставление Московским Патриархатом), каноническое урегулирование православной церковной жизни в Америке и тяжелое положение русского монашества на Афоне¹²⁸.

---

¹²⁶ Archbishop Iakovos Koukoujis. *The Contribution of Eastern Orthodoxy to the Ecumenical Movement // The Orthodox Church in the Ecumenical Movement: Documents and Statements 1902–1975*. Geneva, 1978. P. 216; Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. С. 308.

¹²⁷ *Macris G.P. The Orthodox Church and the Ecumenical Movement During the Period 1920–1969*. St. Nectarios Press, 1986. P. 9.

¹²⁸ *Нелюбов Б.А., Э.П.Г. Указ. соч. С. 86.*

Лишь в июле 1954 г. на торжествах в честь 50-летия архиерейского служения Антиохийского Патриарха Александра III произошла первая после Московского совещания 1948 г. встреча делегаций Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Минским и Белорусским Питиримом (Свиридовым) и Константинопольской Церкви, которую возглавлял митрополит Халкидонский Фома¹²⁹.

Тяжелые испытания для Константинопольской Церкви произошли во время «кипрского кризиса» 1955 г. Взрыв в Салониках турецкого консульства вызвал 6–7 сентября антигреческий погром в Стамбуле, во время которого были сожжены 56 православных храмов, учинены насилия и даже убийства над священниками, разграблены и разрушены 2,5 тыс. греческих жилых домов и магазинов. Провокационные демонстрации проходили даже у стен Патриаршей резиденции (позднее в 1964 г. была закрыта Патриаршая типография и прекратилось издание церковной периодики — журнала «Православие», еженедельника «Апостол Андрей» и др., а в 1971 г. турецкие власти во исполнение закона, запрещавшего деятельность частных высших учебных заведений, закрыли существовавшее с 1844 г. Халкинское богословское училище)¹³⁰.

Выражая Константинопольской Церкви и греческому народу глубокое сочувствие по поводу трагических событий 6–7 сентября 1955 г. в Стамбуле, Патриарх Алексий и другие высшие иерархи Московского Патриархата писали, что «Русская Церковь всегда питала к Константинопольской Церкви, в течение веков бывшей ее Матерью, чувство глубокой, сердечной любви, навсегда неизгладимой»¹³¹.

Следует упомянуть, что, принимая 10 августа 1959 г. русских паломников из Франции в Стамбуле, Патриарх Афинагор в беседе с ними подчеркнул большое значение, которое он придает тому, чтобы все православные были едины, считая греков и русских братьями испокон века, и отметил: «Все в жизни — чудо: чудо и то, что вы были в Святой Земле, чудо и то, что вы теперь здесь, чудо и то, что вы — русские, рассеянные по всей Европе. Я вижу в этом промысел

---

¹²⁹ Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 172.

¹³⁰ Нелюбов Б.А., Э.П.Г. Указ. соч. С. 86; Нанакис А. Указ. соч. С. 47.

¹³¹ Нелюбов Б.А., Э.П.Г. Указ. соч. С. 87.

Божий с целью ознакомить Европу и европейских людей с Православием и разнести свет Православия по всему миру. Но я верю и в чудо Божие, что вы вернетесь на родину»¹³².

В конце 1950-х — начале 1960-х гг., наконец, произошло значительное сближение позиций и укрепление связей Московского и Константинопольского Патриархатов, началось активное сотрудничество в рамках межправославных и межхристианских встреч, в том числе в период работы Всеправославных совещаний. В это время (в декабре 1960 г.) Патриарх Московский и всея Руси Алексий впервые за 500 лет автокефального существования Русской Православной Церкви посетил Константинополь (Стамбул) и встретился с Патриархом Афинагором. Таким образом, борьба за лидерство в православном мире между Константинополем и Москвой, перестав «подогреваться извне», постепенно угасла. В 1958 г. в СССР началась новая ожесточенная антирелигиозная кампания, и межправославные связи, в том числе с Константинопольским Патриархатом, сыграли определенную роль в ее провале.

2. Отношения Константинопольского Патриархата с Болгарской Православной Церковью и болгарские общины на его территории

Современная история Болгарской Православной Церкви и ее сложные отношения с Константинопольским Патриархатом начались 27 февраля 1870 г. — в этот день фирманом султана Османской империи Абдул-Азиза она была восстановлена в форме экзархата, устав которого был принят в 1871 г. на I Церковно-Народном Соборе в Константинополе. Так возник острый конфликт, в результате которого Синод Константинопольского Патриархата 16 сентября 1872 г. принял акт о наложении схизмы на Болгарскую Православную Церковь, что привело к почти полной изоляции экзархата в межцерковных отношениях. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., согласно решениям Берлинского конгресса 13 июля 1878 г. территория Болгарского экзархата была разделена между четырьмя государствами: княжеством

---

¹³² Александр Занемонец, диак. К истории паломничеств в Святую Землю из Русского зарубежья в 50–70-х годах XX века. М., 2009. С. 29.

Болгария, Турцией, Сербией и Румынией. Однако кафедра экзарха и после политического освобождения Болгарии осталась в Константинополе.

Балканские войны 1912–1913 гг. привели к значительному сокращению территории экзархата. Экзарх Иосиф I в 1913 г. переехал в Софию, но в Константинополе было оставлено наместничество, которым до его ликвидации в 1945 г. управляли болгарские архиереи. В результате поражения Болгарии в Первой мировой войне экзархат сохранил за пределами страны лишь Одринскую епархию в турецкой Восточной Фракии¹³³.

Переговоры с Константинопольской Патриархией о ликвидации схизмы при посредничестве Иерусалимского Патриарха в 1932 и 1936 гг. закончились неудачей. Одной из причин был отказ Болгарской Церкви признать подчинение фактически отошедших от экзархата епархий юрисдикции Константинопольского и Сербского Патриархатов, а также официально перенести кафедру экзарха из Стамбула в Софию. Лишь три Православные Церкви установили евхаристическое общение с Болгарским экзархатом: в 1922 г. — Румынская, в 1924 г. — Зарубежная Русская и в 1930 г. — Сербская¹³⁴.

Ситуация коренным образом изменилась в 1945 г. 21 января этого года новым экзархом Болгарской Православной Церкви после 30-летнего перерыва был избран Митрополит Софийский Стефан. Также 21 января Священный Синод Болгарской Церкви принял важное решение о переносе кафедры экзарха из Стамбула (Константинополя) в Софию¹³⁵.

Вскоре была успешно решена и еще более важная проблема — отмена наложенной Константинопольским Патриархатом схизмы. В конце 1944 — начале 1945 гг. в этом оказались заинтересованы не только Болгарская Церковь, но и новые просоветские политические власти страны (в случае отмены схизмы на церковную ситуацию в Болгарии переставали влиять внешние факторы, и таким образом расширялась зависимость Церкви от государства), а также соседние государства: Югославия, Греция и Турция (уменьшалась возмож-

---

¹³³ Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 637–638.

¹³⁴ Елдьров С. Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2004. С. 256.

¹³⁵ Калканджиева Д. Българската православна църква и «народната демокрация» (1944–1953). Силистра, 2002. С. 44; Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 638.

ность болгарских территориальных претензий к ним). Был в этом заинтересован и Московский Патриархат (как и стоявшее за ним советское государство), укреплявший таким образом свои позиции на Балканах. Наконец, решение проблемы схизмы оказалось в интересах союзников по антигитлеровской коалиции, чьи зоны влияния на Балканах уже были распределены. США и Великобритания не были заинтересованы в том, чтобы Болгарская Церковь сохраняла какие-либо претензии на часть Турции и Греции, отходившие в их зону.

Еще 30 октября 1944 г. Болгарский Синод направил в Москву Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Алексию (Симанскому) письмо, в котором выражалась благодарность за освобождение болгар от немецкого правления, но особое внимание уделялось схизме как главному препятствию для установления всеобъемлющих связей между двумя Церквями. В письме также содержался краткий обзор истории схизмы, и в заключении говорилось: «Священный Синод Болгарской Церкви сердечно просит Вас, главного иерарха Русской Православной Церкви, нашего неизменного защитника, взять на себя инициативу ходатайства об отмене схизмы, чтобы установить мир и взаимосвязь между нашей и Греческой Церквями и начать вместе, одними устами и сердцем славить Бога. Если окажется, что для решения вопроса необходимо предпринять некоторые шаги, они будут предприняты». 21 ноября Синод отправил Патриаршему Местоблюстителю еще одно письмо с просьбой стать посредником в переговорах между Болгарским экзархатом и Константинопольской Патриархией¹³⁶.

22 ноября митрополит Алексей написал ответное письмо, адресованное владыке Стефану, в котором настаивал на соблюдении канонов, согласно которым только Вселенский Патриарх имел право решать проблему схизмы; митрополит подчеркнул, что это единственный путь, которым может быть сохранен мир в православном мире. Патриарший Местоблюститель обещал поддержку и посредничество в переговорах с Константинопольской Патриархией, но отмечал, что Болгарская Церковь сама должна сделать первый шаг, попросив Вселенского Патриарха простить прошлые ошибки. Впрочем, существуют некоторые документы, свидетельствующие о том, что первоначальная инициатива в контактах с Константинополем относительно проблемы

---

¹³⁶ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 41, 48.

схизмы все-таки исходила от митрополита Алексия (в частности, доклад председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова)¹³⁷. Уже в письме от 22 ноября Патриарший Местоблюститель на основе имевшийся у него информации подчеркивал, что нынешний момент «очень благоприятен для подобной попытки в связи с благосклонностью» Вселенского Патриарха Вениамина. Когда в декабре 1944 г. Болгарский Синод установил первые контакты с Константинопольской Патриархией, ее представители при встрече с посланцем Синода заявили, что «болгарская схизма в настоящее время уже является анахронизмом»¹³⁸.

21 января 1945 г. Священный Синод послал письмо митрополиту Алексию с извещением о выборе экзарха и новой просьбой поддержать их ходатайство об отмене схизмы. В этот же день было отправлено письмо и Константинопольскому Патриарху с прошением о признании автокефалии Болгарской Церкви и начале переговоров относительно схизмы. Синод предложил, чтобы переговоры были основаны на Иерусалимском соглашении 1934 г., которое болгарские церковные власти в то время отказались подписать.

На Всероссийском Поместном Соборе 1945 г. делегация Болгарской Церкви из-за проблемы схизмы не присутствовала (греческие архиереи не захотели служить вместе с экзархом Стефаном), хотя на встрече болгарского политического представителя в Москве с Г.Г. Карповым накануне открытия Собора было сказано, что митрополит Стефан может быть гостем Патриаршего Местоблюстителя, и «ему будет оказан братский прием»¹³⁹. И все же в начале февраля, во время торжеств по случаю интронизации нового Патриарха Московского и всея Руси Алексия состоялась его беседа с Патриархами Александрийским Христофором, Антиохийским Александром III, представителем Константинопольского Патриарха митрополитом Фиатирским Германом и представителем Иерусалимского Патриарха архиепископом Севастийским Афинагором, в ходе которой «болгарский церковный вопрос» обсуждался в позитивном ключе и было получено предварительное согласие Вселенской Патриархии снять схизму¹⁴⁰.

---

¹³⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 14.

¹³⁸ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 48; ЖМП. 1976. № 8. С. 50.

¹³⁹ Централен държавен архив — София (ЦДА), ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 13.

¹⁴⁰ См.: Иоанн Христов, прот. Русско-болгарские церковные отношения в годы болгарской схизмы // ЖМП. 1976. № 8.

Вскоре в Стамбул выехала специальная делегация Болгарской Церкви в составе митрополитов Бориса, Софрония и епископа Величского Андрея, уполномоченная вести переговоры и подписать итоговые документы. 9 февраля Патриарх Вениамин II, несмотря на тяжелую болезнь, дал аудиенцию делегации, и в тот же день начались переговоры совместной комиссии. Проходили они с определенными трудностями. Представители Константинопольской Патриархии первоначально хотели предоставить Болгарскому экзархату лишь ограниченную автономию, при условии получения Святого Мира от Вселенского Патриарха и необходимости обращаться к нему с вопросами, касающимися общеправославных дел, а члены болгарской делегации твердо настаивали на полной автокефалии своей Церкви. Кроме того, стамбульские газеты распространяли слухи о возможном полном или частичном объединении Русской и Болгарской Церквей и существовании плана будущих совместных действий этих Церквей против Константинопольского Патриарха с целью передачи первенства в православном мире от него Московскому Патриарху. Практически вся турецкая и греческая пресса писала о том, что отмена схизмы будет крупной и неоправданной уступкой Сталину и России. В письме болгарских представителей в свой Синод от 20 февраля и других их донесениях даже говорилось о вероятной возможности неудачи переговоров.

Ситуацию помогло изменить посредничество Русской Православной Церкви. В частности, 20 февраля Патриарх Алексей написал экзарху Стефану, что он получил информацию о совершении некоторых шагов к отмене схизмы. Патриарх разделял надежду экзарха относительно всеобъемлющей связи в будущем с Болгарской Церковью и обещал вмешаться в случае необходимости. Уже 22 февраля, совершенно неожиданно для болгарских представителей, они были приглашены к Вселенскому Патриарху (на которого, возможно, оказали давление и представители стран антигитлеровской коалиции), и их известили о принятии Константинопольским Синодом решения, удовлетворяющего все предыдущие пожелания болгар: отмена схизмы 1872 г., восстановление канонического общения между Вселенским Патриархатом и Болгарским экзархатом и предоставление полной автокефалии Болгарской Православной Церкви. В тот же день в Патриаршей часовне была проведена совместная греко-болгарская литургия, и представители обеих Церквей подписали Томос об отмене

схизмы и предоставлении автокефалии¹⁴¹. Согласно дополнительному протоколу к Томосу Болгарская Церковь должна была получать Святое Миро из Константинополя (самостоятельно она начала его изготавливать в 1951 г.).

Большое значение помощи Патриарха Алексия в отмене схизмы неоднократно отмечалось руководством Болгарской Церкви. Так, экзарх Стефан в телеграмме от 26 февраля сообщил Первосвятителю, что «схизма отменена в результате Вашего вмешательства и поддержки», и указал, что он усердно молит Бога дать Патриарху силы, «чтобы быть мудрым главой не только Русской Православной Церкви, но также и всех Православных Церквей, во славу Бога и во имя успехов всех славянских братьев и всего православного славянства». Более развернуто эти мысли были выражены в письме Болгарского Синода Патриарху Алексию от 27 февраля: «Мы счастливы, что с самого начала Вашего срока правления Вы сочувствовали положению нашей Церкви и преуспели в помощи отмены ее схизмы, так, чтобы это грязное пятно на ризах нашей Церкви, которое лишало ее паству возможности связи с другими Православными Церквями, было удалено. Таким образом, Ваша Святость навсегда вписала свое имя на страницы истории нашего народа... Учитывая пробудившееся сознание общего прошлого наших славянских народов, так же как и общих интересов и потребностей славянского единства, мы верим, что Вы возьмете на себя бремя заботы об остальных славянских Православных Церквях и мудрого отеческого участия в их жизни». В письме Московскому Патриарху от 25 апреля 1945 г. митрополит Стефан также отмечал: «Вы... своим высокоавторитетным и действенным участием ускорили снятие тяготившего и стеснявшего нас прещения»¹⁴².

10 мая 1953 г. произошло избрание Болгарским Патриархом митрополита Пловдивского Кирилла (Маркова). Константинопольский Патриарх Афинагор отреагировал на это резко негативно. Он не только послал протест против установления Патриаршества в Болгарской Церкви, прервав все контакты с ней, но и склонял к этому глав других Церквей. С этой целью были направлены представители Фанара к Александрийскому, Антиохийскому

---

¹⁴¹ ЦДА, ф. 246к, оп. 4, е. х. 158, л. 1–2; Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 638; Калканджиева Д. Указ. соч. С. 49.

¹⁴² ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 24.

и Иерусалимскому Патриархам, но эта миссия успеха не имела. Антиохийский Патриарх прислал своего представителя на интронизацию в Софию, а два других Патриарха послали свои приветствия. Протест Константинопольской Патриархии был получен и в Москве, но Патриарх Алексей I отклонил его, как несостоятельный¹⁴³. Этот конфликт удалось разрешить через восемь лет — в августе 1961 г., по настоянию Русской Православной Церкви, Константинопольский Патриархат все-таки признал каноническое достоинство восстановленного Болгарского Патриаршества.

Особую историю имели существовавшие на территории Турции и объединенные в Одринскую епархию пять болгарских приходов. Как уже говорилось, с XIX в. в Константинополе находилась кафедра экзарха Болгарской Православной Церкви (вдовствовавшая с 1913 г.) и экзаршее наместничество, которое возглавлял один из викарных епископов. В самом Стамбуле к 1939 г. проживало полторы тысячи болгар, действовали две болгарские церкви: освященный в 1898 г. великолепный «железный» храм св. Стефана в квартале Фенер и св. Димитрия в квартале Ферикьой, а также экзаршая часовня св. Иоанна Рильского в квартале Шишли. Кроме того, в этом городе были четыре болгарских училища: св. Климента в квартале Вланга, им. Илариона Макариопольского в квартале Фенер, училище, основанное экзархом Иосифом I в квартале Пера, училище в квартале Чарши и болгарская больница им. Евлогия Георгиева в квартале Шишли. По одной болгарской церкви и училищу имелось также в г. Эдирне (Одрин, Андрианополь) — построенный в 1869 г. храм свв. Константина и Елены и г. Къркларели (Лозенград). Наконец еще одна болгарская церковь — св. Георгия — действовала в с. Драбишна (Ивайлоградско) вблизи Эдирне. С 1910 г. до своей кончины весной 1932 г. экзаршим наместником в Стамбуле и управляющим Одринской епархией был сначала архимандрит, а затем епископ Тиверинопольский (с 4 апреля 1920 г.) Никодим (Атанасов); в 1932–1942 гг. экзаршим наместником служил епископ Главеницкий Климент¹⁴⁴.

Кроме того, в 1922 г. была временно учреждена Лозенградская епархия, во главе которой с момента основания находился епископ Нишавский Ила-

---

¹⁴³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1079.

¹⁴⁴ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 134, л. 39, ф. 246к, оп. 3, е. х. 589, 594.

рион, а с 1925 г. — бывший Скопленский митрополит Неофит. С 1932 г. до своей кончины в 1938 г. владыка Неофит также управлял Одринской епархией. В межвоенный период наместничество Болгарского экзарха в Стамбуле исполняло специфическую функцию, связанную с защитой болгарского православного населения в Турции, а в годы Второй мировой войны оно развернуло подобную активную деятельность в контакте с болгарской военной и гражданской администрацией в Македонии и Эгейской Фракии.

Турецкие власти реагировали на это очень жестко и уже в конце 1930-х начали репрессии против болгарского духовенства и мирян. Так, в январе 1939 г. были арестованы по обвинению в шпионаже служивший в приходе г. Эдирне иеромонах Мартирий и два его прихожанина, их заключили в Измирскую тюрьму. Аресты и депортации болгар в Турции продолжались и в 1940–1943 гг. Экзаршее наместничество всячески пыталось им помочь и с этой целью вело обширную переписку со своим Синодом, болгарским посольством в Анкаре и Министерством иностранных и религиозных дел. 21 декабря 1943 г. Болгарский Синод выделил 1 тыс. левов на помощь семи болгарам, приговоренным турецким судом к 2–5 годам заключения в тюрьме¹⁴⁵.

8 сентября 1942 г. скончался епископ Климент, и Болгарский Синод решил командировать в Стамбул для его отпевания и погребения управляющего Северо-Американской болгарской епархией епископа Величского Андрея (в миру Стояна Петкова), который прибыл в Болгарию из США в июле 1942 г. Через два месяца, 20 ноября 1942 г., Синод поручил владыке Андрею временно управлять экзаршим наместничеством в Константинополе, одновременно оставаясь управляющим Северо-Американской епархией¹⁴⁶.

Своими непродуманными действиями и некоторыми отрицательными личными качествами епископ Андрей вызвал недовольство стамбульских болгар, и 29 июля 1944 г. они даже написали жалобу председателю Священного Синода митрополиту Неофиту с просьбой отозвать владыку в Болгарию. В письме утверждалось, что епископ, вопреки совету консула не посещать дома прихожан, побывал во многих видных болгарских семьях, что стало

---

¹⁴⁵ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 261, л. 65, ф. 246к, оп. 3, е. х. 593, л. 1–17, е. х. 603, л. 1–15, е. х. 607, л. 1–3.

¹⁴⁶ Там же, ф. 791к, оп. 2, е. х. 10, л. 79, 96.

причиной интернирования 10 глав семейств в Малую Азию и помещения их там в концлагерь до конца войны. Кроме того, епископ Андрей, заявляя: «Епархиат — это я», без причины уволил ряд членов приходских органов управления, вопреки уставу рукоположил во диакона неграмотного Кирилла Иванова, в ноябре 1943 г. «заставил» подать в отставку и уйти на пенсию настоятеля храма-памятника св. Стефана любимого прихожанами священника К. Белчева и т.д. Правда, в ответ на запрос митрополита Неофита владыка Андрей в оправдательном письме от 3 октября 1944 г. отверг все обвинения в свой адрес¹⁴⁷.

На место о. К. Белчева прихожане хотели священника русской посольской церкви свт. Николая в Софии Витана Кечева, который ранее три года служил диаконом при экзаршем наместничестве в Стамбуле и, согласно его заявлению в Министерство иностранных и религиозных дел от 27 декабря 1943 г., «хорошо знал, в какие тяжелые условия поставлены там болгары». Однако по просьбе еп. Андрея настоятелем церкви св. Стефана Синод 17 марта 1944 г. назначил священника храма св. кн. Александра Невского в Софии Романа Петрова (25 апреля он прибыл в Стамбул). 14 июня 1944 г. митрополит Неофит также разрешил епископу рукоположить во диакона выпускника Софийской семинарии Благоя Чифлянова (4 августа он был назначен писарем при экзаршем наместничестве)¹⁴⁸.

В это время у владыки Андрея возникли проблемы с турецкими властями. Болгарский посол в Турции в телеграмме от 23 февраля и письме от 6 марта 1944 г. высказал министру иностранных и религиозных дел Шишманову опасения, что епископ не может руководить наместничеством, так как он не имеет турецкого гражданства. По требованию властей страны экзархия избрала управителем экзаршего имущества турецкого подданного аптекаря Бориса Кирова, который приступил к работе, но вскоре по неизвестным причинам был арестован и интернирован. 27 марта епископ Андрей сообщил Священному Синоду о возможных притязаниях турецких властей на экзаршее имущество и попросил оказать воздействие на них через болгарское правительство. В связи с арестом Б. Кирова Синод 30 марта решил представить на

---

¹⁴⁷ Там же, е. х. 261, л. 28, 48–49.

¹⁴⁸ Там же, л. 4–26.

утверждение турецких органов власти другую кандидатуру управителя экзаршего имущества¹⁴⁹.

Через несколько месяцев ситуация в данном вопросе временно нормализовалась, однако у епископа Андрея начался острый конфликт с обоими болгарскими священниками в Стамбуле: Романом Петровым и Борисом Астарджиевым (последний до 1941 г. служил настоятелем церкви св. Георгия в Эдирне). В связи с этим конфликтом владыка даже устроил в экзаршей часовне новый приходской храм, настоятелем которого стал он сам. 12 августа 1944 г. епископ отправил в Синод телеграмму с просьбой об увольнении и отзыве указанных священников в Болгарию. Правда, 11 сентября Министерство иностранных и религиозных дел написало Синоду, что сейчас, во время острой политической ситуации, неуместно менять священников (9 сентября в Болгарии произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришло правительство Отечественного фронта), и к тому же турецкие власти не разрешат назначить новых иереев в Стамбул. 28 сентября Синод ответил министерству согласием, но 1 ноября 1944 г. все же был вынужден уволить о. Б. Астарджиева¹⁵⁰.

На место о. Бориса Синод решил назначить священника Крума Иванова, однако ему отказали в турецкой визе. В этих условиях отцы Роман и Борис продолжали исполнять пастырские обязанности, пока 25 мая 1945 г. о. Б. Астарджиева не арестовала турецкая полиция. Ему предъявили политические обвинения и после нескольких месяцев заключения, к началу августа, выслали из Болгарии. Настоятелем же храма-памятника св. Стефана Священный Синод 1 февраля 1945 г. назначил имевшего турецкое подданство протоиерея Иоакима Мустрева. Следует упомянуть также, что в октябре 1944 г. по ходатайству епископа Андрея в приют Русенского православного братства (в Болгарии) были приняты двое сирот из Стамбула, так как там не имелось болгарского приюта¹⁵¹.

Важнейшее значение для дальнейшего существования экзаршего местничества в Стамбуле имели переговоры о снятии схизмы с Болгарской

---

¹⁴⁹ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 261, л. 65, ф. 246к, оп. 3, е. х. 262, л. 1–4.

¹⁵⁰ Там же, е. х. 263, л. 1–3.

¹⁵¹ Там же, л. 8, 9, 13, 21, е. х. 261, л. 60.

Церкви, наложенной в XIX в. Константинопольским Патриархом. Условиями снятия схизмы был отказ Болгарского экзархата от своих епархий, находившихся вне государственной территории Болгарии, отзыв экзаршего наместника из Стамбула и переход болгарских приходских общин на территории Турции под юрисдикцию Вселенского Патриархата¹⁵². В начале переговоров член болгарской делегации Велико-Тырновский митрополит Софроний отметил два существенных факта: 21 января 1945 г. Болгарский Синод принял решение о переносе экзаршей кафедры из Константинополя в Софию, и все три входивших в делегацию Болгарской Церкви архиерея (в том числе епископ Андрей) отклонили просьбу местных болгар совершить литургию в храме-памятнике св. Стефана до решения проблемы схизмы.

22 февраля 1945 г. представители обеих Церквей подписали Томос об отмене схизмы и предоставлении Болгарской Православной Церкви автокефалии. Единственным вопросом, который остался нерешенным в ходе переговоров, оказалась проблема статуса экзаршего наместничества в Стамбуле и положения болгарских общин в Турции. В дополнительном протоколе к Томосу указывалось, что этот вопрос должен быть решен в духе выработанных в 1934 г. в Иерусалиме условий, согласно которым после отмены схизмы болгарские общины в Турции переходили в юрисдикцию Вселенского Патриархата и получали автономное внутреннее самоуправление с правом избрания священников, которые утверждались (а в случае необходимости и рукополагались) Константинопольским Патриархом. Подобные условия предполагалось ввести и для греческих приходов в Болгарии. 4 марта 1945 г. состоялось совместное богослужение болгарских и греческих архиереев в болгарской церкви св. Стефана в Стамбуле¹⁵³.

Вскоре после этих событий, 12 апреля владыка Андрей написал экзарху Стефану, что согласно условиям восстановления канонических отношений Болгарской и Константинопольской Церквей экзаршее наместничество должно быть закрыто, управлявший им епископ покинуть Стамбул,

---

¹⁵² Бойкичева К.-А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005. С. 179.

¹⁵³ ЦДА, ф. 246к, оп. 3, е. х. 608, л. 1–3.

а болгарские церковные общины в Турции переустроены на новых условиях. Объясняя свой вариант решения проблемы, владыка Андрей ссылался на русские общины, которые входят в «Константинопольский русский церковный округ» и таким образом независимы от греческих приходов, на территории которых находятся. Епископ предлагал объединить болгарские приходы Турции в рамках вновь образованного «Болгарского экзаршего наместничества в Царьграде» и назначить в Стамбул еще одного священника с высокими моральными качествами, чтобы отстоять «от возможных домогательств» материальное, экономическое и юридическое существование болгарских церквей. Из письма видно, что епископ Андрей не слишком доверял дружеским чувствам Константинопольской Патриархии¹⁵⁴.

27 июля болгарский посол в Анкаре также написал в Министерство иностранных и религиозных дел доклад об опасной ситуации для болгарских общин в Турции. Посол предлагал поставить перед Синодом вопрос о новом священнике и назначении архиерейского наместника на место епископа Андрея (который канонически не может долго оставаться в Стамбуле, и Вселенская Патриархия лишь временно терпит его), отправив последнего в Америку. 9 августа министерство переслало доклад посла в Священный Синод, что сыграло свою роль для принятия дальнейшего решения¹⁵⁵.

Согласно указу экзарха Стефана владыка Андрей 6 декабря 1945 г. уехал из Стамбула в США. После отъезда епископа Андрея временное управление экзаршим наместничеством было поручено протоиерею Иокиму Мустреву. В 1946 г. Священный Синод решил упразднить экзаршее наместничество в Константинополе и создать вместо него «Болгарскую церковную общину» во главе с экзаршим представителем (делегатом) в Константинополе, на этот пост первоначально был назначен архимандрит Горазд. Когда, после нескольких месяцев настойчивых попыток добиться разрешения на въезд о. Горазда в Стамбул, стало ясно, что турецкое правительство не даст ему визу, в октябре 1946 г. экзаршим представителем был назначен о. И. Мустрев. Так как не имевших турецкого гражданства священнослужителей власти этой страны в Стамбул не пропускали, пришлось вновь назначить приходским

---

¹⁵⁴ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 263, л. 17.

¹⁵⁵ Там же, е. х. 266, л. 1.

священником уже уволенного о. Р. Петрова, а также рукоположить во иерея диакона Б. Чифлянова¹⁵⁶.

В середине марта 1947 г. Константинопольский Патриарх Максим направил Священному Синоду Болгарской Церкви письмо, в котором рекомендовалось принять решение и сделать соответствующие распоряжения об урегулировании канонического положения болгарских церковных общин в Стамбуле, передав их в юрисдикцию Константинополя. В письме также рекомендовалось Болгарской Церкви принять участие в планируемых на 1947–1948 гг. экуменических конференциях и съездах. 27 марта Синод, в отсутствие болевшего экзарха Стефана, принял положительное решение по обоим этим вопросам, но реализованы они не были¹⁵⁷.

Вскоре архимандрит Горазд получил турецкую визу и приступил к исполнению обязанностей экзаршего представителя в Константинополе. На заседании Священного Синода 6 сентября 1948 г. экзарх Стефан предложил обсудить доклад о. Горазда о положении болгарской церковной общины в Стамбуле и возможности перемещения епископа Андрея (Петкова) из США в Турцию. Однако в этот день вспыхнул конфликт, в результате которого экзарх покинул заседание (через два дня он был отправлен на покой), и решение по докладу Синод не принял. По мнению болгарского посланника в Турции Ангелова о. Горазд занимался интригами против Болгарии, а генеральный консул в Стамбуле Попаврамов подозревал, что архимандрит «на всякий случай» готовил «убежище в Турции для экзарха Стефана». В результате в докладной записке председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова в Совет Министров СССР от 28 сентября 1948 г. рекомендовалось: «Во избежание дальнейших интриг против болгарского правительства архимандрита Горазда в Турции и епископа Андрея (Петкова Стояна) в США Министерству иностранных дел Болгарии следует также принять возможные меры»¹⁵⁸.

В начале 1949 г. архимандрит Горазд был отозван из Стамбула, и болгарские общины в этом городе остались окормлять протоиерей Иоаким Мустрев

---

¹⁵⁶ Там же, е. х. 263, л. 22–32, е. х. 264, л. 4, е. х. 267, л. 1–7; Калканджиева Д. Българската православна църква и «народната демокрация». С. 58.

¹⁵⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 481–483.

¹⁵⁸ Там же. С. 745–746, 750.

и священник Борис Чифлянов. В письме заведующего Отделом балканских стран МИД СССР В.А. Валькова Г.Г. Карпову от 6 марта 1951 г. говорилось: «В Стамбуле назначенных священников нет, так как турецкие власти не дают виз предлагаемым Дирекцией вероисповеданий лицам. В связи с этим болгарские приходы в Стамбуле на протяжении двух лет обслуживаются двумя болгарскими священниками, которые являются турецкими подданными. По соглашению об отмене схизмы болгарская церковная община в Стамбуле находится в канонической зависимости от Стамбульской Патриархии. Фактически же община поддерживает связь с болгарским Св. Синодом, который она считает своим духовным начальством»¹⁵⁹.

В справке атташе посольства СССР в Софии М.Н. Петрова о положении в Болгарской Православной Церкви в июле 1951 г. констатировалась та же ситуация: «В Стамбуле в настоящее время нет назначенных Болгарской церковью священников, поскольку турецкие власти не дают разрешения на въезд в Турцию болгарских священников. Поэтому в качестве представителей Болгарской церкви в Стамбуле работают два священника, являющиеся по национальности болгарскими, но состоящие в турецком подданстве»¹⁶⁰. В результате разгоревшейся холодной войны проблема статуса болгарской церковной общины на территории Турции оставалась нерешенной до начала 1960-х гг.

После своей интронизации в мае 1953 г. Патриарх Кирилл получил восторженное приветствие от настоятеля и прихожан одного из двух болгарских приходов в Стамбуле. При этом в храме данного прихода Константинопольский Патриарх Афинагор присутствовал на богослужении, и Патриарх Кирилл расценил приветствие болгарской общины Стамбула как «признак надежды» на его признание Константинопольским Первосвященителем. Однако приехавшему на интронизацию в Софию митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову) болгарские митрополиты заявляли, «что они за свои приходы в Стамбуле борются и не собираются уступать»¹⁶¹.

Ситуация нормализовалась только после признания Константинопольской Патриархией канонического достоинства Болгарского Патриархата

---

¹⁵⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 688.

¹⁶⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 842, л. 7–8.

¹⁶¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1052–1053.

в 1961 г. При этом, хотя болгарские приходы и пребывают в юрисдикции Константинопольского Патриарха, фактически управляются Священным Синодом в Софии. В 2000-е гг. два болгарских храма и часовню Стамбула обслуживал единственный священник, который окормлял около 500 прихожан. Также существовали две болгарские церкви со своим священником в г. Эдирне и окрестностях, причем сгоревший в конце 1980-х гг. храм свв. Константина и Елены был восстановлен и вновь открыт 14 сентября 2008 г. в присутствии премьер-министра Болгарии С. Станишева.

3. Элладская Православная Церковь

Вторая мировая война закончилась для Греции осенью 1944 г. 12 октября этого года части прокоммунистической Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС) под командованием генерала Стефаноса Сарафиса освободили Афины, 30 октября — Салоники, а 3 ноября — всю Грецию. Одновременно по приглашению премьер-министра созданного к тому времени в эмиграции правительства национального единства Георгиоса Папандреу в страну вошли английские войска. 13 октября они заняли Афины, а 1 ноября — Салоники.

В период оккупации 1941–1944 гг., несмотря на тяжелые испытания и временную утрату северо-восточных епархий, благодаря активной политической и социальной деятельности священноначалия Элладская Церковь укрепила свои позиции в стране. Православная Церковь стала существенным фактором в жизни крупных городов и равнинных районов страны. Однако в горных районах, которые находились под контролем левых сил сопротивления, ситуация была иной.

Следует отметить также, что общие людские потери Греции в годы Второй мировой войны составили почти 600 тысяч человек, из них от голода умерли 436 тысяч, около 120 тысяч расстреляли оккупанты, 7 тысяч погибло от бомбардировок, остальные — в боях, в рядах регулярной армии или партизанских отрядов.

26 декабря 1944 г. премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, представители США и Франции прибыли в Афины, где встретились с враждующими между собой греческими повстанцами. К этому времени власть королевского правительства, находившегося под защитой английской армии,

была восстановлена только на территории Афин, Эпира, Восточной Македонии и большинства островов. С другой стороны, части Народно-освободительной армии Греции полностью контролировали остальную часть страны, выступая за создание демократической республики. В декабре начались вооруженные столкновения между силами ЭЛАС, с одной стороны, и правительственными войсками, полицией и английскими частями, с другой. Ситуация изменилась только после добровольного разоружения и самоопределения военной организации левой партии после подписанного в феврале 1945 г. в Варкизе соглашения, в обмен на обещание провести парламентские выборы и референдум о судьбе монархии (важную роль в этом сыграли ятинские договоренности между У. Черчиллем и И. Сталиным, согласно которым Греция отходила в зону английских интересов)¹⁶².

В примирении двух партий, левой — ЭАМ — и правой — монархистов, активное участие принял оставшийся после изгнания оккупантов Предстоятелем Эладской Православной Церкви Архиепископ Афинский и всяя Элады Дамаскин (Папандреу), удививший многих греков своей уступчивостью некоторым требованиям левых. Отдавая должное политическим и организаторским способностям архиепископа, У. Черчилль (заручившись поддержкой американцев) уговорил греческого короля назначить владыку Дамаскина временным главой правительства, с условием, что коммунисты в него не войдут. С января 1945 г. архиепископ более полутора лет был регентом — представителем короля Георга II, а после отставки Г. Папандреу и премьер-министром, вплоть до возвращения короля в страну 28 сентября 1946 г. (в результате плебисцита от 1 сентября 1946 г., когда большинство населения одобрило предложение о возрождении монархии)¹⁶³.

Архиепископ Дамаскин оказался одним из наиболее сильных лидеров националистов и центристов, который обеспечил их контакты с англо-американскими союзниками (так же, как в свое время с оккупантами) с целью избежать послевоенного доминирования левых партий и обеспечить продолжение существовавшего до начала оккупации страны режима.

---

¹⁶² Шеменков К.А. Греция: проблемы современной истории. М., 1987. С. 119; Кирьякидис Г.Д. Гражданская война в Греции: 1946–1949. М., 1972. С. 35, 114.

¹⁶³ Дамаскин (Папандреу), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 688.

Вскоре после этого начался так называемый период «белого террора», проводимого военизированными организациями правых сил с санкции правительства. По мнению некоторых греческих историков, именно эти репрессии привели к восстанию коммунистов во главе с «неистовым Никосом» Захариадисом и началу греческой гражданской войны¹⁶⁴. Вскоре после освобождения Греции и разоружения ЭЛАС священнослужители, которые участвовали в левом движении сопротивления, также были подвергнуты остракизму со стороны руководства Церкви.

В конце 1946 г. в Греции началась ожесточенная гражданская война между прокоммунистическими военными формированиями, реорганизованными в октябре 1946 г. в Демократическую армию Греции (ДАГ) во главе с генералом Маркосом Вафиадисом, с одной стороны, и частями королевской армии и англичанами (при массивной помощи США), с другой. Война продолжалась около трех лет, до 16 октября 1949 г., и закончилась поражением ДАГ, разбитые части которой вместе с беженцами ушли на территорию Албании, а затем были вывезены в СССР. При этом советские власти обвиняли во вмешательстве в греческую политику, в результате чего 6 апреля 1947 г. почти весь персонал посольства был отозван из Афин (официально новый посол СССР в Греции был назначен только в 1953 г.). Эта ожесточенная война сопровождалась репрессиями духовенства (по разным сведениям было убито от 50 до 300 православных священников) и разрушением церквей, главным образом со стороны коммунистов¹⁶⁵.

Руководство Элладской Церкви активно поддержало королевское правительство (в 1947–1967 гг. в Греции, после смерти Георга II, правил его младший брат — король Павел I), хотя архиепископ Дамаскин и призывал периодически противоборствующие стороны к миру. Фактически Элладская Церковь стала важной частью так называемого «святого» антикоммунистического

---

¹⁶⁴ *Psallidas G. Ecclesiastical Policy of the Occupying Forces in Greece and the Reactions of the Greek Orthodox Church to Its Implementation (1941–1944) // Religion under Siege. II. Protestant, Orthodox and Muslim Communities in Occupied Europe (1939–1950). Leuven, 2007. P. 116.*

¹⁶⁵ *Кирьякидис Г.Д. Указ. соч. С. 160–161; Bryner E. Die Ostkirchen vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Leipzig, 1996. S. 78; Панатомас Г.Д. История Элладской Церкви в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 64.*

фронта. У терпимости, которую Церковь показала в отношении террористической тактики правого фланга и правительственных репрессий, в том числе создания концентрационных лагерей для сторонников левых сил, было идеологическое основание. Марксизм считался преступной идеологией, и коммунисты рассматривались в качестве преступников. Несмотря на это, руководство Эладской Церкви не осмелилось подвергнуть коммунистов анафеме¹⁶⁶.

Вследствие позиции церковного руководства лояльное ЭЛАС духовенство (в основном те священнослужители, которые ранее боролись против оккупантов) подвергалось гонениям. Так, 12 апреля 1945 г. Священный Синод отстранил от исполнения обязанностей двух епископов — Иоахима и Антония, поддерживавших во время оккупации левое народно-освободительное движение. Официальным предлогом послужил отъезд этих епископов из своих епархий больше чем на шесть месяцев, хотя они лишь скрывались от преследования нацистов. Под различными предлогами, но в действительности за участие в левом народно-освободительном движении против немецких оккупантов, после окончания Второй мировой войны преследованиям подвергались митрополиты Козани, Метхимни, Илии, Халкиссы, а также многие приходские священники¹⁶⁷. Так, например, вступивший в ряды ЭАМ в 1944 г. митрополит Илийский Антоний был низложен в 1946 г. и возвращен на свою кафедру только после амнистии 1952 г.¹⁶⁸

Подобная деятельность руководства Эладской Церкви резко негативно воспринималась в СССР. Это, в частности, проявилось в реакции на телеграмму архиепископа Дамаскина Патриарху Алексию от 4 августа 1946 г., в которой говорилось, что во время Второй мировой войны «греческий народ принес в жертву делу союзников и ради спасения свободы мира свою жизнь», «оказал сопротивление и своим сопротивлением смог в течение месяцев задержать выполнение планов общего врага, предоставив, таким образом, большие преимущества борьбе союзников». В телеграмме также содержалась

---

¹⁶⁶ Psallidas G. *Opt. cip.* P. 116–117.

¹⁶⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 21, л. 49–50, 83; Якунин В.Н. Внешние связи Московской Патриархии и расширение ее юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2002. С. 145–146.

¹⁶⁸ Мосс В. Указ. соч. С. 256.

просьба «выступить на мирной конференции в пользу прав Греции, которая связана с благочестивым русским народом глубокими и нерушимыми религиозными узами». В своем письме заместителю министра иностранных дел В.Г. Деканозову от 13 августа председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов так обосновал нежелательность ответа Патриарха: «Совет считает, что, поскольку Греческая Православная Церковь в целом (за исключением отдельных священнослужителей) не установила общения с Московской Патриархией, Патриарх Алексей должен воздержаться от ответа на телеграмму Дамаскиноса». 26 августа МИД СССР выразил свое согласие с этим мнением¹⁶⁹.

В докладе Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) об итогах работы Совета по делам Русской Православной Церкви за 1946 г. (от 14 февраля 1947 г.) отмечалось: «От какой-либо связи с Греческой Православной Церковью Московская Патриархия воздерживалась сама, учитывая, что глава этой церкви архиепископ Дамаскинос отражал интересы реакционных кругов Греции и ориентировался на англичан»¹⁷⁰.

Схожая позиция была и у Первоиерархов некоторых других Православных Церквей в странах народной демократии, в частности, Сербский Патриарх Гавриил в беседе с посетившим в декабре 1946 г. Белград митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем заявил: «У нас неопределенные отношения с главой Греческой Церкви Дамаскиносом. Ведь неясно: кем он утвержден главой Церкви? Каноничен ли он? Ведь он поставлен немцами путем низвержения митр. Хрисанфа. И странно: он оказался угоден и англичанам. Я временно воздерживаюсь от канонического общения с ним»¹⁷¹.

Однако уже вскоре, весной 1947 г., пытаясь привлечь как можно больше Поместных Православных Церквей к участию в намечаемом на октябрь 1947 г. Всеправославном совещании в Москве, Патриарх Московский и всея Руси Алексей послал известительное письмо о нем и архиепископу Афинскому Дамаскину¹⁷².

---

¹⁶⁹ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви ... С. 178–179.

¹⁷⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 946, л. 116.

¹⁷¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 368.

¹⁷² Там же. С. 515.

Правда, некоторые иерархи Эладской Церкви отреагировали на планируемый созыв Всеправославного совещания в Москве резко негативно. Так, митрополит Закинфский Хризостом 1 августа 1947 г. опубликовал в официальном печатном органе Церкви статью «Две главные опасности», в которой писал, что «Православная Греческая Церковь имеет своим врагом не только папизм и Западную католическую церковь, но и славянство, и славянские Православные Церкви, которые находятся под коммунистическим режимом». Митрополит считал Патриарха Алексия неправомочным созывать Всеправославные совещания и утверждал, что «славянские Церкви стремятся поставить русского Патриарха на то видное место, которое в течение веков занимает Вселенская Патриархия»¹⁷³.

7 декабря 1947 г. Патриарх Алексей в разъяснительном письме Александрийскому Патриарху Христофору II по поводу его приглашения на Всеправославное совещание отмечал: «...Вы желаете уверить нас, что Греческие Церкви неповинны в том, что греческая печать пишет против русской Церкви. И нам хотелось бы, чтобы это было так и на самом деле. Но разве мы можем закрыть глаза на статью в официальном органе Эладской Церкви и притом принадлежащую перу митрополита Закинфского Хризостома, где заявляется, что славянские Церкви являются столь же опасными врагами Церквей Греческих, как и папизм, и что ни одна Православная Церковь не должна сотрудничать с Московским Патриархатом... ("Екклесиа" № 29–31 от 1.VIII.1947). И, насколько знаем, ни один греческий иерарх не нашел мужества возразить против такого странного утверждения в защиту единства греко-славянского православного мира, против которого ополчается лукавство инославных»¹⁷⁴.

В конце концов, владыка Дамаскин все же послал делегацию Эладской Церкви во главе с митрополитом Кавалским Хризостомом на состоявшиеся в июле 1948 г. в Москве торжества по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, но участие в работе Всеправославного совещания она не приняла¹⁷⁵. При этом 12 июля, во время литургии в Богоявленском Елоховском соборе, митрополит Хризостом неожиданно выразил возмущение

---

¹⁷³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 322–323.

¹⁷⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 79–85.

¹⁷⁵ Там же, оп. 1, д. 290, л. 23, 121–122.

тем, что не услышал на провозглашении многолетия Патриархам имени главы своей Церкви Архиепископа Афинского Дамаскина. Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) сумел замять конфликт, объяснив произошедшее тем, что предстоятель Элладской Церкви не является Патриархом, и будет упомянут отдельно¹⁷⁶. Вопреки решению Московского Всеправославного совещания делегация Элладской Церкви участвовала в работе первой экуменической Генеральной ассамблеи христианских Церквей, состоявшейся в августе 1948 г. в Амстердаме.

В этот же период архиепископ Дамаскин неоднократно делал антикоммунистические заявления. Так, в Пасхальном послании к своей пастве от 2 мая 1948 г. он писал: «Мы боремся против тех, кто попирает наши самые святые традиции и поклоняется иностранцам». А в феврале 1949 г. публично присоединился к протестам против приговора к пожизненному осуждению примаса Венгрии кардинала Йозефа Миндсенти, заявив: «Греки ... не удивлены этим приговором, поскольку им давно известно, что представляет из себя идеология коммунистов, которые творят в Греции чудовищные преступления, убивая женщин, распиная на крестах сотни священников и оскверняя церкви. Факт осуждения главы Венгерской церкви ужасен, но он имеет свою положительную сторону: он дает христианскому миру повод усилить свое стремление защищать святые дела и приблизиться к Богу, так как только в нем мы можем найти основу для свободы, подлинной радости и человеческого достоинства»¹⁷⁷. В свою очередь, Московская Патриархия протестовала против вооруженной борьбы с греческими коммунистами¹⁷⁸.

Еще в марте 1947 г., согласно Парижскому договору, Италия передала Греции Додеканесские острова. Принятый греческим правительством в 1949 г. закон № 1062 предоставил возможность распространить на Додеканес законодательство Элладской Церкви, однако это право до сих пор не реализовано, пять местных митрополий непосредственно подчиняются Константинопольской Патриархии.

---

¹⁷⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 37

¹⁷⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Т. 2. С. 1009.

¹⁷⁸ Левченко И.В. Русская Православная Церковь и государство. Иркутск, 1997. С. 128–129.

В послевоенные годы исключительно важную роль играли религиозные братства, так как именно им было поручено выполнение социальной части плана Маршала по восстановлению экономики Греции. Некоторые греческие ученые считают, что в тот период каждый третий грек участвовал в деятельности братств, прежде всего «Зои». В конце 1940-х и в 1950-е гг. в этом братстве состояло около 200 богословов-мирян и 500 женщин, которые повсеместно учреждали в Греции филиалы своей организации, действовавшие отдельно и независимо от приходов. Братства организовывали начальные и средние школы, дома престарелых, школы катехизации, сиротские приюты и другие благотворительные учреждения (в 1961 г. от «Зои» откололась более консервативная часть — движение «Сотир», и роль братств постепенно начала снижаться)¹⁷⁹.

20 марта 1949 г. владыка Дамаскин скончался. Следующим Архиепископом Афинским и всей Эллады 4 июня 1949 г. был избран митрополит Иоаннинский Спиридон (Влахос), занимавший этот пост до своей кончины в 1956 г. Еще в 1911 г. он основал знаменитую церковную академию в Веллас-Иоаннине, где готовил священников и церковных учителей для Северной Греции, а затем участвовал в национально-освободительной борьбе на севере страны против болгарских войск. Владыка пользовался большим авторитетом как у своей паствы, так и у представителей государственной власти (тем не менее, в условиях тяжелой экономической ситуации после окончания гражданской войны, в 1952 г. государство конфисковало три четверти церковной собственности)¹⁸⁰.

9 июня 1949 г. архиепископ Спиридон в письме известил Патриарха Алексия о своем избрании, указав: «Братски просим Ваше Священное Блаженство не переставать помогать пребывающей в испытаниях Церкви нашей словом, делом и посланием и молиться о научении и укреплении нас для выполнения возложенного на нас трудного дела». В ответном послании Патриарха говорилось: «Наш Священный Синод и я благожелательно приветствуем Ваше вступление и молим Господа о даровании Вам небесной помощи в несении возложенного на Вас Божественным Промыслом высокого послушания»¹⁸¹.

---

¹⁷⁹ Папатомаc Г.Д. Указ. соч. С. 56–57, 65.

¹⁸⁰ Там же. С. 58, 64–65.

¹⁸¹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной церкви... С. 476–477.

Однако при архиепископе Спиридоне отношения Московского Патриархата с Эладской Православной Церковью из-за влияния политических конфликтов оставались довольно напряженными, что негативно влияло на положение русских обитателей на Афоне. Так, например, в письме председателя совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова в Комитет информации при МИД СССР от 22 июля 1950 г. отмечалось: «Имеются оппозиционные [Константинопольскому Патриарху Афинагору] митрополиты и духовенство в Эладской (Греческой) церкви, глава которой архиепископ Спиридон — враг Советского Союза и стран народной демократии — проводит проамериканскую позицию»¹⁸².

Примерно в это же время, в июне 1950 г. владыка Спиридон прислал Румынскому Патриарху Юстиниану письмо с требованием вмешаться в дело возвращения на родину детей греческих коммунистов, отправленных во время гражданской войны в Югославию, власти которой отказывались возвращать их. Афинский архиепископ грозил «в противном случае порвать отношения с Румынской Церковью, на что Юстиниан ответил, что у него нет данных для какого-либо вмешательства в это дело»¹⁸³.

29 июня 1950 г. праздновалось 100-летие со дня признания деянием Константинопольского Собора 1850 г. Эладской Церкви «законно самостоятельной». В это время отмечались и другие юбилеи. Так, 9 июля 1952 г. исполнилось 100 лет со дня утверждения «Уставного закона о Священном Синоде Эладской Церкви», то есть закона об устройстве ее управления. Однако с наибольшим размахом праздновалось 1900-летие со времени прибытия святого апостола Павла на греческую землю, подготовкой которого занимались богословские факультеты Афинского и Салоникского университетов¹⁸⁴.

Московская Патриархия реагировала на эти юбилеи. Так, еще 15 сентября 1948 г. Ученый Совет Ленинградской духовной академии заслушал два задания ее Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС): 1. Составить к 25 сентября исторические справки в отношении Православных Поместных

---

¹⁸² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 725, л. 12.

¹⁸³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 469.

¹⁸⁴ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 23, 30.

Церквей — какие знаменательные события их церковной жизни могут быть «юбилейно отмечены» в 1949–1951 гг.; 2. Так как Элладская Церковь начала научную подготовку к празднованию в 1950 г. 1900-летней годовщины прибытия св. ап. Павла в Грецию, «русские православные богословы могли бы принять участие в данной научной работе, и Совету Академии следовало бы обсудить вопрос об участии в ней, сформулировать темы работ и распределить их среди корпорации»¹⁸⁵.

Обсудив эти задания, Ученый Совет постановил поручить своим преподавателям составить соответствующие справки. Относительно же второго задания последовал обоснованный отказ с явным намеком на цензуру советских властей: «Научную работу о творениях и о богословии ап. Павла Ленинградская духовная академия не имеет возможности осуществить до получения разрешения на комплектование при Академической библиотеке отдела новейшей иностранной богословской литературы, выпущенной за пределами СССР в последние десятилетия»¹⁸⁶.

В начале мая 1949 г. ОВЦС сообщил, что на основании поступивших исторических справок, Священный Синод принял решение подготовиться к празднованию следующих юбилеев общецерковного значения: в 1950 г. — 1900-летия прибытия св. ап. Павла в Грецию, в 1951 г. — 1900-летия Апостольского Собора в Иерусалиме и 1500-летия IV Вселенского Собора в Халкидоне, в 1953 г. — 1400-летия созыва V Вселенского Собора и в 1954 г. — 900-летия со времени разделения Церквей. ОВЦС также указал, что в связи с этим «предположено составление исследовательских и историко-богословских трудов, а также и пересмотр ранее изданных научных трудов (не первоисточников) с оценкой значения празднуемых событий для Русского Православия в современном его положении. При этом следует учесть и факт нового внешнего устройства нашей Русской Церкви, и обострение агрессии Ватикана, и поход пан-протестантизма на православие (экуменизм), а также и попытки установления папства в Православной семье (с преувеличением не имеющих места прав Константинопольского Престола) и др. В связи с этим Учебному Комитету надлежит выработать проекты тем научных трудов и распределения их

---

¹⁸⁵ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 23.

¹⁸⁶ Там же, л. 24.

среди научно-богословских сил нашей Церкви». Соответствующие проекты должны были быть представлены в Синод к 1 июня. На состоявшемся 13 мая Совете Ленинградских духовных школ темы научных трудов (причем далекие от политики) выбрали два преподавателя: профессор-протоиерей А.А. Осипов — Апостольский Собор в Иерусалиме — и профессор А.И. Сагарда — IV Вселенский Собор в Халкидоне¹⁸⁷.

Крупнейшим ученым в Ленинградской академии в то время был профессор Александр Иванович Сагарда, мнение которого имело большой вес в Московской Патриархии. Так, когда он выразил обоснованное сомнение в правильности празднования 1900-летия вступления св. ап. Павла в пределы Греции именно в 1950 г., а не в 1951 г., Отдел внешних церковных связей запросил об этом Священный Синод Эладской Церкви, и в середине июля 1949 г. получил от секретаря Синода телеграмму с подтверждением, что празднование состоится в 1950 г.¹⁸⁸ Однако в дальнейшем для юбилея все-таки была выбрана более верная дата — июнь 1951 г.

31 марта 1950 г. Совет Ленинградских духовных школ заслушал информацию о том, что профессорами Московской академии к 1900-летию вступления св. ап. Павла в пределы Греции составлен библиографический указатель всех вышедших на русском языке трудов об этом апостоле, и принял к исполнению пожелание митрополита Григория — отобрать из академической библиотеки имеющиеся дубликаты данных трудов, чтобы к предстоящим юбилейным торжествам отправить их в подарок богословскому факультету Афинского университета¹⁸⁹.

В январе 1951 г. Архиепископ Афинский и всея Элады Спиридон пригласил в Афины для участия в июне того же года в торжествах по поводу 1900-летия со времени прибытия святого апостола Павла на греческую землю, наряду с некоторыми другими Поместными Православными Церквями, также делегации Русской, Грузинской и Румынской Церквей. Первоначально Патриарх Алексей, по согласованию с Советом по делам Русской Православной Церкви, предполагал послать делегацию Московской Патриархии и даже написал

---

¹⁸⁷ Там же, л. 256–258.

¹⁸⁸ Там же, д. 4, л. 52.

¹⁸⁹ Там же, л. 209–210.

10 марта проект соответствующего послания архиепископу Спиридону, однако в начале мая позиция советских властей (а под их давлением и Патриарха Алексия) изменилась. После того, как стало известно, что Болгарская, Албанская и Польская Церкви приглашения не получили, было решено в Афины делегацию не посылать, а, в свою очередь, пригласить в Москву летом 1951 г. глав этих трех, а также Румынской и Антиохийской Церквей, и «принять обращение, осуждающее дискриминационную политику Греческой Церкви в отношении ряда других Церквей»¹⁹⁰.

В отличие от Румынского Первосвятителя Антиохийский Патриарх Александр III все-таки приехал на торжества в Афины, где архиепископ Спиридон и премьер-министр Греции К. Цалдарис отговаривали его от предстоящей поездки в Москву, «рисую положение в СССР в самых черных тонах». 18 июля 1951 г. главы Русской, Грузинской, Болгарской, Польской и Румынской Церквей встретились на торжествах в честь прп. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. Через два дня в Москву приехал Антиохийский Патриарх, и 23 июля главы указанных Церквей приняли общий, правда, совсем другой документ — антивоенное и по сути антиамериканское «Обращение к христианам и ко всем людям доброй воли».¹⁹¹ При этом Патриарх Александр III сделал громкое антигреческое заявление для печати: «Во время своей недавней поездки в Грецию я убедился в том, что Православная Церковь в этой стране, получающей ежегодные подачки от американцев, не выступает за дело мира ...»¹⁹².

12 сентября 1951 г. Патриарх Алексий получил письмо Всеэпиротского братства от 29 июля, подписанное председателем этого братства профессором Афинского университета А. Трахилисом. В письме говорилось о том, что в годы гражданской войны около 5 тысяч семей были вывезены греческой республиканской армией (т.е. коммунистами) в пограничные государства «в целях предохранения их от ужасов, творившихся на фронте»; сейчас эти люди находятся в Польше, Венгрии, Чехословакии и Румынии и хотели бы вернуться на родину.

---

¹⁹⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 704–706.

¹⁹¹ Там же. С. 506, 759–762, 799, 809.

¹⁹² ЖМП. 1951. № 9. С. 4.

Братство просило Патриарха оказать содействие в возвращении греческих семей и возбудить ходатайство об этом перед советским правительством, подчеркивая: «Мы от всякой политики далеки... Мы просим о разрешении дать нашим отцам, матерям, мужьям и женам, в огромном большинстве немощным старикам, возможность вернуться к своим семьям, с которыми злая необходимость их так жестоко разлучила». К письму было приложено аналогичное обращение к Президиуму Международного конгресса мира. В связи с тем, что этот вопрос имел ярко выраженное политическое значение, Патриарх Алексий не стал участвовать в его разрешении¹⁹³.

Лишь в конце 1950-х гг. отношения Московского Патриархата с Элладской Православной Церковью при Архиепископе Афинском Феоклите (Панайотопулосе, 1957–1962) нормализовались, что вскоре в лучшую сторону отразилось на положении русских обителей Афона.

4. Славянские монастыри Святой Горы Афон

К концу Второй мировой войны славянское, и прежде всего русское, монашество на Афоне, почти 30 лет лишенное связи с родиной, переживало глубокий кризис и постепенно вымирало. Ситуация усугублялась тем, что греческие власти с середины 1920-х гг. (после принятия Нового канонизма Святой Горы) препятствовали пополнению монашества Афона любыми иноками, не имевшими гражданства Греции. В этих условиях в 1945 г. в истории Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) и всего русского Афона произошло знаменательное событие. Братия обители обратилась с просьбой о помощи к Русской Православной Церкви, авторитет которой в православном мире после окончания Второй мировой войны значительно возрос. Настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря схиархимандрит Иустин в феврале 1945 г. написал на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I послание с просьбой принять русских святогорцев под свое духовное покровительство. Это послание сыграло важнейшую роль во всей послевоенной истории обители и, в сущности, позволило сохраниться ей в качестве русской. В нем говорилось: «Русский монастырь Святого Великомученика

---

¹⁹³ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 598.

и Целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской сыновне шлет настоящим письмом свои искреннейшие и теплейшие поздравления Вашему Святейшеству по случаю избрания Вас на древний Московский Патриарший престол и торжественного поставления Святейшим Патриархом Московским и всея России.... Пользуясь случаем этого первого после многих лет перерыва письменного общения с Русской Церковью, мы обращаемся от имени нашего Русского монастыря Святого Пантелеимона и всех русских монахов Святой Горы к Вашему Святейшеству с нижеследующей просьбой.

Вот уже 30 лет, как Святая Гора Афонская перешла без согласия на то России во власть греков. С этих пор наш монастырь и все русские обители на Афоне начали подвергаться тяжелым стеснениям со стороны Греческого Правительства. Цель греков ясна — удушить все негреческие обители на Афоне (и прежде всего русские), уничтожить живущие в нем национальные меньшинства и превратить Святую Гору из всеправославного многонационального монашеского центра, где свободно живут монахи всех православных национальностей, в чисто греческую область, населенную одними греками.

С этой целью Греческое Правительство, прежде всего, всеми мерами препятствует приезду на Афон и поселению на нем с целью принятия монашества всех лиц негреческого подданства и национальности, в то время как грекам разрешается совершенно свободно приезжать и принимать монашество на Святой Горе. В результате этой систематически проводимой политики греческим Министерством иностранных дел все русские обители на Афоне почти совершенно запустели и находятся на краю гибели: так, в нашем монастыре Святого Пантелеимона из 800 монахов в 1920 г. осталось сейчас всего 215 человек, всех русских на Афоне не более 510 (вместо полутора тысяч 25 лет тому назад). Да и остаются в большинстве старики. Мы пришли к глубокому убеждению, что, если международное положение Афона не изменится, если он останется по-прежнему во власти одной лишь Греции и не будет поставлен под покровительство всех Православных Государств, и если не будет обеспечен международными договорами свободный доступ и поселение на нем с целью принятия монашества всех православных христиан без различия национальностей (как это издревле существовало до начала греческого владычества), все русские и вообще негреческие обители Святой Горы обречены на верное и сравнительно быстрое вымирание и уничтожение, за которыми

последует общая гибель Святой Горы как особой монашеской автономной области. Мы вместе с тем сознаем, что в нашей беде, беде русских людей на далеком Афоне, нам может помочь одна лишь Россия.

Поэтому мы умоляем Ваше Святейшество: взять нас под свое отеческое духовное покровительство и довести наши нужды и жалобы до сведения Правительства Державы Российской и просить у него защиты и помощи. Мы прилагаем к настоящему письму подробный меморандум о положении Русских обителей на Афоне, о международном положении Святой Горы и о желательных путях разрешения афонской проблемы в интересах Русских обителей и всей Святой Горы на предстоящей мирной конференции. Мы твердо убеждены, что постановка вопроса об Афоне на мирной конференции является абсолютно необходимой и что Русское Правительство, продолжая вековую традицию России защиты Православия на Востоке, сможет с честью и успехом защитить на ней и надолго обеспечить русские и общеправославные интересы на Афоне. Мы просим сыновне Ваше Святейшество взять на себя труд ознакомить с содержанием нашего меморандума компетентные Русские Власти и поддержать авторитетом Русской Православной Церкви высказанные в нем наши пожелания... »¹⁹⁴.

К приведенному посланию был приложен меморандум, направленный 12 мая 1913 г. Братством русских обителей (келлий) в адрес участников международной Лондонской конференции. Антипросоп монастыря монах Василий (Кривошеин) посетил заместителя генерального консула Югославии в Салониках и попросил доставить послание русских монахов Святейшему Патриарху Алексию I через дипломатическую почту, что и было выполнено в июле 1945 г. Вопрос статуса Афона на состоявшейся после капитуляции нацистской Германии Потсдамской мирной конференции не обсуждался, однако Русская Православная Церковь подняла свой голос в защиту всеправославной святыни.

С этого момента началась трудная многолетняя борьба Московского Патриархата за сохранение русского присутствия на Святой Горе. Выступая за сохранение в неизменности издавна установленных прав и привилегий

---

¹⁹⁴ Архив Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии (ОВЦС МП). Папка 9 «Афон». 1945 г.

монастырей Святой Горы, ходатайствуя о свободном доступе в эти обители всех стремящихся к иночеству, а также о свободном посещении Афона учеными и паломниками всех национальностей, Русская Православная Церковь строго разграничивала область каноническую, подлежащую суду Церкви, от вопросов, подведомственных гражданской власти. Не вторгаясь в область суверенного права Греции, Русская Церковь неоднократно указывала на самобытное положение иноков разных национальностей на Святой Горе, на исторически складывавшиеся льготы, которые предусматривали освобождение афонских монастырей от значительных государственных налогов и таможенных сборов на ввоз необходимых товаров и материалов.

Следствием письма схиархимандрита Иустина стало усиление давления на Свято-Пантелеимоновский монастырь со стороны греческого правительства и Протата, а также почти полное прекращение небольшой финансовой помощи, которую присылали в обитель представители русской церковной эмиграции. Однако связи с Московской Патриархией постепенно возобновились, что в конечном итоге спасло русский монастырь на Афоне от исчезновения.

Уже 13 июля 1945 г. заведующий отделом Балканских стран Народного комиссариата иностранных дел СССР А. Лаврищев сообщил председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову о притеснениях русских монахов на Афоне со стороны греческих властей и попросил подготовить предложения по вопросу русских афонских монастырей. Однако Карпов 26 июля поставил на письме резолюцию: «Напишите в НКВД, что до установления дипломатических отношений с Грецией Патриарх не может дать никаких предложений по этому вопросу»¹⁹⁵.

Московская Патриархия и советское правительство старались координировать свою «афонскую политику» с другими Православными Церквями и государствами Восточной Европы. Югославское Министерство иностранных дел уже 2 июля 1945 г. послало своему посольству в Афинах запрос о состоянии сербского афонского монастыря Хиландар, и 28 августа получило неутешительный ответ, что братии оставалось лишь 35 человек, в основном старых и больных. В это же время заместитель Сербского Патриарха митрополит Скопленский Иосиф (Цвийович), ввиду планировавшейся после

---

¹⁹⁵ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 166.

капитуляции Японии и полного окончания Второй мировой войны итоговой мирной конференции, поручил составить реферат об историческом и юридическо-политическом значении Святой Горы. Первый вариант реферата под названием «Защита Святой Горы Афон» составил профессор богословского университета Белградского университета протоиерей Стеван Димитриевич, а второй вариант с названием «Международное положение Афона» — русский эмигрант, профессор Белградского университета Сергей Викторович Троицкий. 22 июля 1945 г. благочинный русских приходов в Югославии протоиерей Иоанн Сокаль переслал копию реферата С.В. Троицкого Святейшему Патриарху Алексию I¹⁹⁶.

Реферат был получен в Москве 26 сентября и вызвал большой интерес. С.В. Троицкий писал в нем о большом значении Афона, резком сокращении численности славянских монахов и необходимости помешать греческим властям вытеснить славян с Афона и «возвратить Святой Горе ее великое историческое значение духовного центра православия и символа единства Греко-славянского мира». Профессор отмечал, что греческий министр Папа-Анастасиу даже составил проект полной секуляризации Афона и превращения его в коммерчески выгодный курорт с игорными заведениями, и лишь противодействие Вселенского Патриарха и афонитов при поддержке части греческих политиков помешали реализации этого плана. В связи с этим С.В. Троицкий предлагал поставить вопрос, не следует ли теперь осуществить Лондонский проект 1912 г. о провозглашении Афона особой монашеской республикой под общим протекторатом православных государств или предоставить Святой Горе экстерриториальный статус в пределах Греции, подобный статусу Ватикана?¹⁹⁷

Как раз накануне получения реферата сотрудник Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии Г. Разумовский 26 сентября передал председателю отдела митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) написанную им «Краткую справку об афонских монастырях», в которой предлагал ряд практических шагов: «1. Наша Русская Православная Церковь должна настаивать на возврате принадлежавших ей трех монастырей

---

¹⁹⁶ Архив ОВЦС МП. Папка 10 «Афон». 1946 г., л. 23.

¹⁹⁷ Там же, л. 36–37.

и скитов в целях восстановления своего русского православного форпоста в преддверии выхода на Средиземное море» и т.д. На следующий день, прочитав реферат С.В. Троицкого, Г. Разумовский подал владыке Николаю новую записку с обширными цитатами из присланного документа, выразив при этом несогласие с некоторыми предложениями его автора. В частности он был против предоставления Святой Горе экстерриториального статуса и предлагал на предстоящей мирной конференции лишь «поставить вопрос об открытии полного доступа на Афон и об освобождении его от духовной эллинской диктатуры». 17 мая 1946 г. Г. Разумовский подал владыке Николаю еще одну подобную записку¹⁹⁸.

В октябре 1945 г. сербский епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич) отвез рефераты о. Стевана Димитриевича и С.В. Троицкого в Москву и высказал Святейшему Патриарху Алексию I просьбу вынести вопрос Афона на предстоящую мирную конференцию (которая так и не состоялась). Патриарх обещал епископу заняться проблемой Афона. Подобное обещание владыка Владимир получил и от председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова, который сказал, что желания Сербской Церкви соответствуют чаяниям Московской Патриархии, и об этой проблеме он уже разговаривал в Министерстве иностранных дел СССР¹⁹⁹.

На насельников болгарского монастыря Зограф уже вскоре после окончания Второй мировой войны обрушились репрессии. В 1945 г. Салоникский трибунал обвинил семь зографских монахов, в том числе игумена, в пособничестве немецким оккупантам, хотя их вина состояла лишь в том, что они в годы войны ездили в Болгарию для закупки и доставки на Афон продовольствия. Один монах умер в ходе следствия, а остальные шесть были приговорены к различным срокам заключения — от двух до пяти лет²⁰⁰. Подобные же репрессии готовились и против некоторых насельников Руссика, в том числе монаха Василия (Кривошеина), — против них было начато следствие. Однако в 1945 г. по настоянию бывшего Предстоятеля Элладской Православной

---

¹⁹⁸ Архив ОБЦС МП. Папка 10 «Афон». 1946 г., л. 39–40 об, 49–50.

¹⁹⁹ Радич Р. Држава и верске заједнице 1945-1970. Београд, 2002. Део 2. С. 380; Гласник. Београд. 1945. № 9; Политика. Београд. 8.09.1945. С. 3.

²⁰⁰ Троицкий П. Русские на Афоне, XIX–XX века. М., 2003. С. 99.

Церкви (в 1938–1941 гг.) митрополита Хрисанфа (Филиппидиса), покровительствовавшего русским эмигрантам, подготовка этого процесса была прервана²⁰¹.

Между тем, эпитроп монастыря о. Василий (Кривошеин), находясь временно в Афинах, по поручению игумена и братии Руссика 14/27 марта 1946 г., не дождавшись ответа на свое письмо 1945 г., передал по дипломатическим каналам еще одно письмо Святейшему Патриарху Алексию I, отметив, что «об отправке его по почте обычным путем не может быть, конечно, и речи, ибо мы живем в атмосфере антирусского террора». Отец Василий писал о желательности постановки афонского вопроса на предстоящей мирной конференции, так как основным чертам святогорского строя — автономии и его международному правовому характеру — грозит серьезная опасность, поскольку греческое правительство стремится к полной эллинизации Афона и «утесняет» национальные меньшинства. Братия Руссика считала необходимым и приезд в монастырь делегации Московского Патриархата для изучения ситуации под видом паломничества, при этом о. Василий отмечал: «Просим также Ваше Святейшество нигде не говорить, что наш монастырь сам просил о приезде делегации, иначе нам могут грозить репрессии (все должно произойти как бы помимо нас) ... Наши отношения с Московской Патриархией мы держим в тайне от греческих властей». Кроме того, братия хотела обсудить вопрос о восстановлении подворий Руссика в Москве, Одессе и т.д. В заключение монах от имени игумена и всей братии поздравлял Патриарха с наступающей Пасхой²⁰².

Прочитав письмо, Святейший Патриарх Алексей поставил резолюцию: «Преосвященному Митрополиту Николаю. Что можно по сему сделать?» Председатель Отдела внешних церковных сношений передал документ для рассмотрения Г. Разумовскому, который, в свою очередь, написал резолюцию: «Передано для составления заключения профессору-протоиерею Вениамину Платонову (по территориальному признаку сферу его компетенции)»²⁰³.

---

²⁰¹ Афонские письма архимандрита Кассиана (Безобразова) / Публ. протонерея А. Емельянова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 3 (52). С. 116.

²⁰² Архив ОВЦС МП. Папка 10 «Афон». 1946 г., л. 43–46.

²⁰³ Там же, л. 46.

В конце марта 1946 г. на Афон через США был привезен портрет Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I для русских святогорских обителей. Вскоре сотруднику Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии протоиерею Вениамину Платонову поручили составить записку о положении монастырей Святой Горы. В апреле он представил первую краткую «Записку по делу Старого Афона», в которой предлагал «морально-вещественно» поддержать русских святогорцев и с этой целью объявить сбор по всем русским храмам, а также послать делегацию Московского Патриархата на Афон. Через несколько дней о. Вениамин написал новый документ «К записке по делу Старого Афона (дополнение)», отметив в нем: «На основании последних данных, поступивших в Патриархию, настроение афонских иноков интересно в том отношении, что, будучи в большинстве своем вне политики, они не поддались доходившим до них обрывкам пропаганды против Советского Союза, шедшим со стороны этих кругов, и не прониклись симпатией к “крестовому походу” Гитлера против Советского Союза в 1941–1945 гг. Наоборот, героическая борьба Советского Союза против немецких захватчиков, немецких зверств в оккупированных областях и, наконец, восстановление Патриаршества в Москве коренным образом изменило отношение значительной части монахов к Советской власти: для них стало ясным, что Советский Союз проводит политику защиты традиционных интересов Родины в мире и, в частности, на Балканах и на Ближнем Востоке... Стоит отметить общую сознательность и солидарность монахов Пантелеимонова монастыря, которые решили ответить молчанием на новое предложение Болгарии о предоставлении продовольствия и не подводить своего представителя»²⁰⁴.

В своем отзыве на эти документы Г. Разумовский 17 мая написал митрополиту Николаю (Ярушевичу), что на основании будущего более обстоятельного доклада о. Вениамина Платонова необходимо просить правительство о включении обсуждения вопроса Афона в повестку работы предстоящей мирной конференции. В начале лета 1946 г. обширная аналитическая записка «К вопросу об Афоне» с подробной исторической справкой была готова, и 28 июня Святейший Патриарх Алексий I переслал ее

---

²⁰⁴ Архив ОБЦС МП. Папка 10 «Афон». 1946 г., л. 41–42, 51.

Г.Г. Карпову. В заключение этой работы о. Вениамин писал, что «протянуть руку помощи насельникам Афона может и должно только исключительно славянское государство — СССР»²⁰⁵.

В свою очередь, 27 апреля 1946 г. заместитель заведующего отделом Балканских стран Министерства иностранных дел СССР А. Власов направил Г.Г. Карпову письмо с приложением двух писем и меморандума представителей русского монашества Святой Горы, адресованных Святейшему Патриарху Алексию I. Власов просил ознакомиться с этими материалами и сообщить Министерству отношение к ним Совета по делам Русской Православной Церкви и Патриарха.

На соответствующий запрос Г.Г. Карпова Святейший Патриарх Алексий I 9 августа написал свой «отзыв по делу об Афонских иноках», в котором предложил целый ряд практических мер по улучшению положения русских святогорцев: «По деятельному сочувствию ко всем обездоленным и труждающимся во всем мире; по обязанности ко всему славянскому как родному по крови; наконец, по долгу пред ущемляемыми со стороны греков своими сородичами — русскими — Советскому Правительству, а также и Русской Церкви естественно и необходимо выступить в защиту национальных меньшинств Афона. Общее положение на Афоне таково, что усиление фашистских и реакционных элементов в Греции, поддерживаемых британским империализмом, грозит повлиять самым неблагоприятным образом на судьбу русских монастырей Афона. Лучшим выходом нужно считать возврат к русскому предложению 1913 года об объявлении Афона независимой и нейтральной монашеской автономной областью, находящейся под покровительством и гарантией государства с православным населением, вследствие чего Афон перестал бы быть составной частью, хотя бы и автономной, но одного греческого государства. Подданство их было бы «Афонским» или «Святогорским», а губернатор назначался бы гарантом. Приезд на Афон и принятие монашества на нем свободны для всех православных христиан. Это первый вариант.

Второй заключается в постановке вопроса не о выделении Афона из состава греческой территории, а лишь об его экстерриториальности, подобной

---

²⁰⁵ Там же, л. 24–34, 40; Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 165–166.

той, которую имел Ватикан в Италии до Латеранского договора, по закону о гарантиях от 13 мая 1871 г. При этом гарантия свободного доступа представителям всех православных национальностей для принятия монашества, а также и для вручения сборов предполагается. Но пока это дело защиты будет проведено и получатся соответствующие результаты, необходима морально-вещественная поддержка страждущих, продолжительное время оторванных от Матери-Церкви единокровных иноков. Прежде всего, сама Патриархия должна выступить в качестве доброго примера братской любви к труждающимся и обремененным славянам-инокам Св[ятой] Горы и сделать пожертвование в их пользу деньгами и вещами. Затем Русской Церкви следовало бы обратиться с особым посланием к духовенству и мирянам, посланием, посвященным восстановлению молитвенно-благотворительных отношений Русской Церкви и русских людей с Афоном ввиду наступившего мира после тяжелой войны.

В этом послании мы должны отметить историческое значение преклонения перед молитвами святогорцев и верующим предложить посылать просьбы на Афон молиться за них и их родных и не скупиться помочь святогорцам от своих щедрот. В послании объявить время первого сбора по храмам и от отдельных лиц. Этот сбор деньгами и вещами может периодически повторяться в особо назначенные дни. Когда сбор будет доставлен в Патриархию (лучше всего непосредственно от церквей на другой день сбора), мы приобретем объективное основание для составления нового послания к инокам Афона с преподанием им благословения от Матери-Церкви, хотя бы через Вселенского Патриарха Константинопольского. Пожертвования деньгами и вещами желательно направить через особую комиссию.

Передавая привет с Родины и оделяя подарками, представители комиссии постараются изучить жизненную обстановку иноков и сделать выводы, в чем русские иноки нуждаются. В то же время, поскольку предполагается поездка делегации от Патриархии в Св[ятую] Землю, желателен заезд делегации, по дороге, на Афон и участие по-прежнему в церковном служении в том или ином из афонских монастырей, особенно русских. Полагаю, что возобновление традиционной русской политики покровительства русскому Афону может коренным образом укрепить положение последнего, укрепляя тем самым влияние Советского Союза среди православных народов Балкан и Ближнего

Востока. Только Советский Союз может помешать греческим шовинистам наложить свои руки на русские монастыри»²⁰⁶.

17 августа 1946 г. Г.Г. Карпов направил это письмо Патриарха Алексия в Министерство иностранных дел. Совет по делам Русской Православной Церкви считал мнение Первосвятителя правильным и просил Министерство сообщить, что может быть предпринято со стороны Московской Патриархии²⁰⁷.

Тем временем Святейший Патриарх Алексей I получил от проживавшего в Париже брата монаха Василия (Кривошеина) Игоря Александровича Кривошеина доклад «Положение русских монастырей Афона в связи с политическими событиями в Греции». В тот период И.А. Кривошеин, хотя и служил в годы гражданской войны в Белой армии, был настроен просоветски. Во время нацистской оккупации Франции он активно участвовал в движении Сопротивления, дважды подвергался арестам гестапо и до весны 1945 г. находился в немецком концлагере Бухенвальд. В своем докладе Игорь Александрович писал, что враждебное отношении руководящих кругов Греции к русскому Афону проявлялось всегда, но особенно усилилось в последнее время, в заключении отмечал: «Не подлежит сомнению, что возобновление традиционной русской политики покровительства русскому Афону сможет коренным образом укрепить положение последнего, укрепляя тем самым престиж Советского Союза среди православных народов Балкан и Ближнего Востока. Только Советский Союз может помешать греческим шовинистам наложить свои руки на русские монастыри... Афон должен оставаться центром сближения всех православных народов под номинальной юрисдикцией Константинопольского Патриарха, но при этом почетное место должно быть предоставлено русскому элементу как наиболее многочисленному и пользующемуся поддержкой Советского Союза, и о желательности установления тесной связи между Московской Патриархией и русским Афоном путем присылки информации о церковной жизни в Советском Союзе, чтобы противодействовать пропаганде бывшего Карловацкого Синода и антисоветских кругов Америки»²⁰⁸.

---

²⁰⁶ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 181–183.

²⁰⁷ Там же. С. 184.

²⁰⁸ Там же. С. 190–191; Архив ОБЦС МП. Папка 10 «Афон». 1947 г. Л. 48–53; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 21, л. 82–84.

И.А. Кривошеин также написал, что его брату — монаху Василию — в 1946 г. из-за столкновений с представителями греческих монастырей пришлось выйти из состава Кинота, но он был назначен «грамматиком» (секретарем по внешним сношениям) Свято-Пантелеимоновского монастыря, а представителем этой обители в Киноте (антипросопом) стал разделявший взгляды о. Василия монах Давид (Цубер)²⁰⁹.

Прочитав доклад И.А. Кривошеина, Святейший Патриарх Алексий I 21 августа направил еще одно письмо Г.Г. Карпову, в котором вновь отмечал тяжелое положение русских иноков на Афоне: «... не решаясь обвинить монаха Кривошеина в просоветской деятельности, опасаясь вызвать недовольство Советского Союза, греческие реакционеры возбудили против него дело в “проболгарской” деятельности за то, что он во время страшного голода в Греции в 1942 г. спас Афон от голодной смерти благодаря получению продовольствия из Софии. Дело это пока отложено на неопределенное время, но всегда может быть возобновлено, поскольку сношение с Болгарией считается у греков особенно враждебным актом. Во всяком случае, стоит отметить общую сознательность и солидарность монахов Пантелеимонова монастыря, которые решили ответить молчанием на новое предложение Болгарии о предоставлении продовольствия и не подводить своего представителя. На основании всего изложенного ясно, что охарактеризованное настроение русских монахов должно вызвать еще большее сочувствие Родины к ним и намерение правительства Советского Союза поддержать их права, религиозных тружеников, на мирной конференции, против ущемления их законных интересов со стороны греческих шовинистов»²¹⁰.

23 августа Г.Г. Карпов отправил в Министерство иностранных дел копии доклада И.А. Кривошеина и письма Патриарха. В ответном письме Министерства от 25 ноября 1946 г. выразалось принципиальное согласие на установление связей Московской Патриархии с русскими монастырями на Афоне (но, к сожалению, предлагаемое Первосвятителем послание к верующим

---

²⁰⁹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 190–191; Архив ОВЦС МП. Папка 10 «Афон». 1947 г. Л. 48–53; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 21, л. 82–84.

²¹⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 21, л. 86.

Русской Православной Церкви и сбор пожертвований для святогорцев советские власти не разрешили)²¹¹.

Между тем, летом 1946 г. монахи Свято-Пантелеимоновского монастыря пригласили на Афон второго секретаря советского посольства в Греции В.Д. Карманова, который вместе с сопровождающими лицами посетил Святую Гору 21 июля того же года и был торжественно встречен в обители колокольным звоном²¹². Правда, в письме двоюродной сестры архиепископа Василия (Кривошеина) О.А. Кавелиной, отправленном диакону Михаилу Городецкому в конце 1985 г., говорилось: «... после окончания войны встал вопрос о посещении русским послом в Греции Афона. Владыка сказал, мы должны его приветствовать колокольным звоном. В его лице мы приветствуем наше Отечество и нашу Церковь Русскую. Это не приняли. Когда посол приезжал на Афон, владыки там уже не было». В другом письме, отправленном в конце 2000 г. Л.А. Успенской во Францию, О.А. Кавелина привела новые подробности: «Владыка сказал, “Считаю, что его надо встретить с колокольным звоном, в его лице мы приветствуем страну, спасшую мир от фашизма”. После этого последовала угроза: “Море глубоко, скалы отвесны”. Он понял, что его жизнь в опасности, и покинул Афон тайно...»²¹³. Однако эти свидетельства не совсем точны, в 1946 г. монах Василий никуда не уезжал с Афона и участвовал во встрече Владимира Карманова, который выступил перед сельниками Руссика.

Сохранилась запись в книге почетных гостей Свято-Пантелеимоновского монастыря, свидетельствующая о посещении обители советскими дипломатами. Впрочем, считается, что многие святогорцы холодно и с недоверием встретили соотечественников, даже не перекрестившихся при входе в храм²¹⁴.

В своем отчете в Министерство иностранных дел СССР о результатах поездки В.Д. Карманов сделал следующие выводы: 1. Необходимо и в дальнейшем интересоваться положением русских монахов на Афоне, периодически

---

²¹¹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 166, 191, 328.

²¹² СА, д. 19/47.

²¹³ Василий (Кривошеин), архиеп. Богословские труды. С. 147.

²¹⁴ Талалай М. О положении русского монашества на Афоне после 1912 г. // Страницы. Т. 3. Вып. 3. М., 1998. С. 420–422.

посылать туда представителей посольства. 2. Трудно осуществить эффективные мероприятия по закреплению за советским государством имущества и владений русских обитателей на Афоне. 3. Следует продумать вопрос о возможности принятия русских монахов в советское гражданство. 4. Распространять среди русских монахов советскую церковную литературу. 5. Желательно, чтобы Русская Православная Церковь заинтересовалась афонскими монахами. 6. Продумать вопрос о возможности того, чтобы добиться от греческих властей смягчения режима поступления молодых послушников в русские обители. 7. Поскольку имущество русских монастырей принадлежало бывшей Российской империи, советское государство имеет все основания претендовать на это имущество, но необходимо провести подготовительную работу²¹⁵.

Приезд В.Д. Карманова на Афон и его торжественная встреча вызвали в условиях начинавшейся ожесточенной гражданской войны сильнейшую тревогу греческих королевских властей и в дальнейшем стали главной причиной репрессий против русских монахов, в том числе судебного процесса над четырьмя насельниками Свято-Пантелеимоновского монастыря в сентябре 1947 г. 26 сентября этого года в Салониках состоялся новый суд. По обвинению в сотрудничестве с немецкими оккупантами трибунал постановил приговорить группу русских и болгарских иноков к тюремному заключению: монаха Василия (Кривошеина) — к двум годам, монахов Панкрата и Вениамина из Свято-Пантелеимоновского монастыря — к одному году тюрьмы, а двух насельников Зографского монастыря — его настоятеля архимандрита Владимира и иеродиакона Панкрата — к одному году заключения; русского иеромонаха Владимира (Белозерского) освободили из-под надзора²¹⁶. Все обвинения в адрес иноков были полностью надуманы, судебный процесс являлся мстью за приглашение русскими монахами представителя советского посольства и в значительной степени служил инструментом политики эленизации.

Бушевавшая в Греции в 1946–1949 гг. гражданская война существенно отразилась на положении Афона. В это время страны социалистического лагеря (прежде всего Югославия) поддерживали так называемую Демократическую

---

²¹⁵ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 166.

²¹⁶ СА, д. 19/47.

армию Греции под командованием бывшего руководителя прокоммунистического ЭЛАС (Элладского национально-освободительного фронта) Маркоса Вафиядеса. Королевское правительство расценило позицию Югославии, Болгарии и Албании как вмешательство во внутренние дела. Уже в начале 1946 г. в Греции началась пропагандистская кампания о «славянской опасности».

В марте 1946 г. югославский генеральный консул в Салониках попытался оказать материальную помощь Хиландару, делая акцент, прежде всего, на ее политическом эффекте, а также добиться разрешения на посещение Афона министром иностранных дел Югославии. Его усилия не имели успеха, в том числе из-за противодействия Великобритании. Согласно сообщению югославского консула, на полуострове Халкидики находилась главная база снабжения английских войск в Северо-Восточной Греции, и англичане арестовали одного сербского монаха по обвинению в шпионаже. В конце августа 1946 г. югославский посол в Афинах был отозван из-за резких нападок с греческой стороны. Отношения двух стран очень ухудшились²¹⁷.

14 января 1947 г. профессор Белградского университета С.В. Троицкий написал еще один реферат — «Афон и международное право», полученный Московской Патриархией 3 марта. В нем предлагалось выработать закон о гражданском устройстве Афона на конференции государств с православным населением: СССР, Румынии, Югославии, Болгарии, Албании, Греции и Грузинской республики с участием представителей греческого и славянского монашества Святой Горы. Троицкий также предлагал организовать комиссию по Афону существовавшему тогда Всеславянскому комитету и Московской Патриархии²¹⁸. Однако эти предложения было невозможно реализовать.

Между тем, Московская Патриархия не оставляла попыток защитить русских святогорцев. 15 мая 1947 г. Святейший Патриарх Алексий I обратился к главе Элладской Церкви Архиепископу Афинскому Дамаскину с посланием, в котором, стремясь обратить его внимание на тяжелое положение славянских монахов на Святой Горе, писал: «... Ныне глубокое недоумение смущает наши сердца, когда мы узнаем, что покровительство Святой Элладской Церкви не распространяется на славянских иноков, которые почему-то лишены

---

²¹⁷ Радич Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Део 2. С. 381–382.

²¹⁸ Архив ОБЦС МП. Папка 10 «Афон». 1947 г., л 17–44.

права голоса в самоуправлении и не могут надеяться на смену себе из числа русских и вообще славянских иноков. Тогда как на территории Святой Горы разрешены проживание и въезд греческим подданным, русских иноков только терпят, и им не разрешается иметь никакой связи со своими соотечественниками, которые могли бы поддержать их в испытываемой ими крайней материальной нужде»²¹⁹.

17 мая Святейший Патриарх Алексий I с сопроводительным письмом переправил это послание для сведения Предстоятелям восьми автокефальных Поместных Православных Церквей: Константинопольской, Антиохийской, Александрийской, Иерусалимской, Сербской, Болгарской, Румынской и Грузинской, прося их обратить внимание на бесправное положение славянских иноков Афона. В ответных письмах Предстоятели Антиохийской, Александрийской, Сербской и Болгарской Церквей в основном подтвердили сведения о негативной ситуации, в которой оказались негреческие монахи Святой Горы, и выразили готовность содействовать восстановлению нормального положения²²⁰.

Так, в своем послании Святейшему Патриарху Алексию I от 12 июня Патриарх Сербский Гавриил писал: «... Вследствие нарушения вековых традиций и изменения статута Святой Горы Афонской после Первой мировой войны одной стороной положение братства в его славянских обителях сделалось настолько тяжело, что грозит опасность их существованию. Умножение и омоложение братства в славянских обителях делается невозможным вследствие систематического препятствования доступа славянам на Афон. Наша Сербская Православная Церковь, начиная с 1918 г., постоянно старалась морально и материально помочь и защитить славянские обители на Афоне, но в этих своих усилиях встречала великие затруднения, которые происходили от Константинопольской Патриархии и от греческих государственных властей... Мы глубоко благодарны Вашему Святейшеству за предпринятые шаги в защиту

---

²¹⁹ Архив ОВЦС МП. Папка 10 «Афон». 1947 г., л. 54–55.

²²⁰ Ювеналий (Поярков), митр. Крутицкий и Коломенский. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Афона в XX в. [Электронный ресурс] / Доклад на международной научно-богословской конференции «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства» в Москве 1 октября 2006 г. URL: <http://www.mospat.ru/center.php?page=33216&newwin=1&prn=1> (дата обращения: 15.09.2013).

славянских обителей и их братств на Афоне, а со своей стороны мы окажем Вам в этом деле всякое содействие, какое только можем, так как мы уверены, что без надлежащей защиты наш славянский элемент был бы задушен, и наши славянские обители с течением времени были бы совершенно уничтожены, ибо это входит в план другой стороны, как о том говорят все известия»²²¹.

В подобном послании экзарха Болгарской Православной Церкви Стефана от 28 июня отмечалось: «Славянские обители Афона начали уменьшаться численно и обезлюдевать. Таково же положение славяно-болгарского Зографского монастыря святого Георгия Победоносца, как и болгарских келий и скитов на Афоне. Более 30 лет мы с сердечной скорбью наблюдаем их упадок и обезлюдевание, не будучи в состоянии пресечь это зло, вредное вообще для всего православного иночества. И ныне, как Вы, Ваше Святейшество, заступаете за основные законные права славянских обителей на Святой Афонской Горе, домогаясь справедливого отношения к ним, мы с душевной радостью выражаем Вам свою благодарность, уповая, что предстательством святой Богородицы Господь поможет установить отвечающий достоинству нашей православной веры порядок на этой Горе иноческого подвига. Это Ваше заступничество будет правильно и беспристрастно оценено истинной Православной Церковью, которой Вы ставите свое имя и как защитника святых Афонских обителей»²²².

Антиохийский Патриарх Александр III в послании от 15 июня писал, что «всей душой присоединяется к пожеланиям и заботам» Патриарха Алексия I, и советовал обратиться к Вселенскому Патриарху Максиму. Александрийский же Патриарх Христофор, в свою очередь, 15 июня сообщил, что, хотя он и не разделяет выраженного в письме Патриарха Алексия I мнения, но уже написал архиепископу Дамаскину свою просьбу оказать славянским монахам через Церковь или греческое правительство содействие в удовлетворении «быть может, законных требований этих монахов»²²³.

14 августа 1947 г. Г.Г. Карпов направил заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому письмо с подробным описанием положения

---

²²¹ Архив ОВЦС МП. Папка 10 «Афон». 1947 г., л. 62–64.

²²² Там же, л. 60–60об.

²²³ Там же, л. 57–58.

русских монахов на Афоне и сообщением об отправке Святейшим Патриархом Алексия I послания архиепископу Афинскому Дамаскину²²⁴. Однако это послание не принесло положительных результатов. В ответном письме от 28 июля владыка Дамаскин ограничился замечанием, что он не имеет «ни какого отношения к самоуправлению Святой Горы», и утверждением, что Афон «пользуется привилегией самостоятельности и независимости в своем управлении, согласно Учредительной Хартии». Архиепископ все же обратился «к компетентным лицам» и из ответов министра иностранных дел и губернатора Афона, якобы, убедился, что Патриарх Алексей «не имеет точных и правильных сведений о Святой Горе, почему и видит несправедливость там, где ее нет». В частности, в ответе говорилось, что представители русских обитателей (кроме Свято-Пантелеимоновского монастыря) не представлены в органах управления согласно канонизму, а контроль над приездом монахов и клириков на Святую Гору в последнее время «ведется строже, чем прежде, ввиду напряженного общего политического положения». Таким образом, по мнению архиепископа Дамаскина, не было никаких оснований для беспокойства и печали²²⁵.

В начале января 1948 г. в письме Александрийскому Патриарху Христофору Патриарх Алексей I отмечал: «Гонения против православного славянства существуют, но не там, где об этом пишет лондонская пресса, а, к сожалению, на Святой Горе Афонской, где уже несколько десятилетий систематически искореняется славянское монашество, а наше послание 1946 г. [правильно — 1947 г.] главам Православных Церквей, в том числе и Вашему Блаженству, в его защиту, насколько знаем, до сих пор не имело практических результатов»²²⁶.

Вопрос «О славянском монашестве на Афоне» обсуждался на проходившем в Москве 5–18 июля 1948 г. Совещании глав и представителей Поместных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви²²⁷. В ходе работы Совещания было отмечено тяжелое положение русского Свято-Пантелеимоновского монастыря

---

²²⁴ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 166.

²²⁵ Архив ОВЦС МП. Папка 10 «Афон». 1947 г., л. 68.

²²⁶ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 328.

²²⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 141, л. 46.

и создана Комиссия по докладам о положении Святой Горы Афонской. Резолюция, принятая этой комиссией, гласила: «Московское Совещание считает своим долгом привлечь внимание Святейших и Блаженнейших Предстоятелей всех Автокефальных Православных Церквей на судьбу афонского монашества в настоящее время, и в особенности на трудное положение монахов негреческой национальности: русских, болгарских, сербских, румынских, грузинских, албанских и других; от древности имеющих там свои обители, но лишенных в данное время тех прав, которыми они пользовались до недавнего времени в силу канонических и международных законодательных положений о Святой Горе Афонской, например, права свободного вступления в свои имеющиеся там обители, права свободного допуска паломников и ученых исследователей и т.д. Поэтому Совещание просит всех православных Предстоятелей обратиться к своим правительствам за содействием об улучшении положения афонских монахов негреческой национальности путем переговоров с правительством Греции». Далее участники совещания, опираясь на международные договоры и в силу освященной веками традиции, заявили о необходимости восстановить и гарантировать права афонского монашества²²⁸.

Комиссия по докладам о положении Святой Горы Афонской, в свою очередь, призвала Поместные Православные Церкви и ООН сделать все возможное для облегчения тяжелого положения русского Свято-Пантелеимоновского монастыря²²⁹. В ходе празднования в 1948 г. 500-летия со дня провозглашения автокефалии Русской Православной Церкви Патриарху Московскому и всея Руси Алексию удалось установить контакты с представителями Элладской и Константинопольской Церквей, приглашенными на юбилейные торжества. В беседах с ними поднимался и вопрос разрешений на прибытие на Афон русских монахов. Однако гражданская война в Греции (1946–1949 гг.) и плохие отношения между Грецией и СССР не оставили никаких надежд для решения этого жизненно важного для Свято-Пантелеимоновского монастыря вопроса.

---

²²⁸ Деяния Совещания глав и представителей автокефальных Православных Церквей. М., 1949. Т. 2. С. 358–359.

²²⁹ Архив ОВЦС МП. Папка «Афон». Справочные материалы.

Вскоре после окончания Московского совещания 1948 г. произошел разрыв отношений СССР с Югославией (так называемый конфликт Сталин — Тито), взаимодействие Русской и Сербской Церквей временно прервалось, и последняя начала самостоятельно действовать в решении «афонского вопроса», причем смогла добиться некоторого успеха. В 1950 г. нормализовались отношения между Грецией и Югославией, и в июле 1951 г. делегация Сербской Православной Церкви в первый раз за многие годы посетила Хиландар, где еще поминали югославского короля Петра. В это время в обители оставалось только 27 насельников, к 1954 г. их количество уменьшилось до 24, из которых лишь четверо были моложе 50 лет. В 1955 г. на Афон приехал Сербский Патриарх Викентий (Проданов). После его визита, в середине 1955 г., три монаха из Югославии, а в 1959 г. еще пять получили разрешение поселиться в Хиландаре. Таким образом, сербский монастырь был спасен от вымирания²³⁰.

В отношении болгарского монастыря Зограф греческие власти пошли на уступки значительно позже. В частности, в справке посольства СССР в Болгарии от 28 июля 1951 г. отмечалось: «В Греции (на Афоне) находится около 11 болгарских монастырей и скитов, два из которых, а именно — монастыри “Св. Георгий Зограф”) и “Достойно есть”, владеют собственностью в Болгарии. Монастырю “Св. Георгий Зограф” принадлежит четырехэтажный дом в г. Пловдиве, большой дом в г. Софии, т.н. Германский монастырь (в с. Герман, около Софии) с 150 декарами земли и мельницей. Для управления этим имуществом создана комиссия (эфория), председателем которой назначен министр правосудия Болгарии. Монастырю “Достойно есть” принадлежит около 200 декаров земли в с. Расово Ломской околии, в котором находится монастырское подворье и хозяйственные постройки. Этому монастырю принадлежат также две виллы в с. Княжево Софийской околии. Связь Св. Синода с болгарскими монастырями в Греции прекратилась с 1946 г. С этого времени Св. Синод, а также и Дирекция по делам вероисповеданий не имеют сведений о положении болгарских монахов в Греции, за исключением разрозненных сообщений, получаемых через третьи лица и из газет»²³¹.

---

²³⁰ Радих Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Део 2. С. 383, 391.

²³¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 780–781.

В 1954 г. во всех афонских обителях осталось только 36 болгарских иноков. В списке насельников Зографа, составленном 29 января 1957 г. его настоятелем архимандритом Прокопием для Патриарха Кирилла, значилось 27 человек (самому молодому из них было 40 лет). Во время первого визита Болгарского Патриарха в монастырь в 1962 г. в обители проживало 18 монахов преклонного возраста. На следующий год их число сократилось до 12. Лишь в конце 1965 — начале 1966 гг. между Болгарией и Грецией было достигнуто соглашение о пополнении братии Зографа десятью монахами, причем и тут греческая полиция допустила на Афон лишь пять из них. Поэтому и в дальнейшем число насельников болгарского монастыря оставалось небольшим: в 1966 г. — 26, в 1968 г. — 15, в 1971 г. — 11, 1991 г. — 12.

Интересно отметить, что среди прибывших в Зограф монахов был агент болгарской разведки, который в 1978–1983 гг. сфотографировал все рукописи в монастырском архиве и библиотеке — всего 3200 роликов (по 36 кадров в каждом). В настоящее время эти ролики хранятся в Центральном государственном архиве в Софии и служат важной научной базой для исследований болгарских историков, так как они до сих пор не могут получить доступ к собранию рукописей в Зографе²³².

Из всех негреческих обителей Афона наиболее печально сложилась судьба русских. Уже в 1945 г. на Святой Горе оставалось лишь 510, а в 1946 г. 472 русских инока. Большинство из них были ветхими старцами, остро нуждающимися в поддержке и помощи русской церковной общественности. В дальнейшем греческие власти длительное время не пускали на Святую Гору новых русских монахов с «явной тенденцией завладеть всеми русскими обителями, со всеми их духовными сокровищами» (только в Свято-Пантелеимоновском монастыре хранилось несколько десятков тысяч старинных книг и около 50 ковчегов с мощами святых)²³³.

Тема катастрофического сокращения численности русской общины Афона стала основной в общении иеромонаха Василия (Кривошеина) и председателя

---

²³² Сообщение автору 24 июня 2013 г. в Белграде профессором Софийского Университета Кириллом Павликиановым.

²³³ Архив Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ, ф. В.А. Маевского, д. Афон; На Святом Афоне // Церковная летопись. Лозанна. 1945. № 2. С. 29.

Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) в 1951–1957 гг., будущий владыка стремился донести до руководства Московского Патриархата правду о положении русского монашества на Святой Горе и поделиться с ним мыслями о том, как способствовать исправлению ситуации. Так, 7 августа 1951 г. он получил письмо от митрополита Николая, где тот живо интересовался «жизнью наших русских братьев на Афоне и положением там этого дела в наши дни». В ответном письме от 24 августа о. Василий описал ситуацию и предложил ряд мер. Они сводились к тому, что «нужно начинать не какую бы то ни было борьбу за пересмотр афонских законов, а добиваться только одного, единственно существенного в данное время — допущения русских монахов на Афон, иначе русское монашество там вымрет»²³⁴. Об этом же говорилось и в других письмах иеромонаха.

В 1950-е гг. священноначалие Московского Патриархата неоднократно обращалось к Константинопольским Патриархам, Афинским архиепископам и греческому правительству в связи с бедственным положением русских и других негреческих насельников Афона. При этом оно старалось объединить усилия других заинтересованных в решении этого вопроса Поместных Церквей. Так, в июле 1951 г. вопрос о положении в Эладской Церкви — об афонских монахах и борьбе со старостильниками — обсуждался на встрече в Москве Предстоятелей Русской, Антиохийской, Румынской, Болгарской и Грузинской Православных Церквей²³⁵.

В письме Румынскому Патриарху Юстиниану от 15 августа 1952 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей предложил провести в Бухаресте специальное совещание представителей Поместных Православных Церквей по вопросу положения негреческого монашества на Афоне²³⁶. 29 августа 1952 г. Патриарх Алексей отправил председателю Священного Синода Болгарской Церкви митрополиту Пловдивскому Кириллу (Маркову, будущему Болгарскому Патриарху) письмо относительно защиты прав православных монахов

---

²³⁴ Василий (Кривошеин), архиеп. Богословские труды / Сост. и авт. биографических вступлений диакон Александр Мусин. Нижний Новгород, 2011. С. 157.

²³⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 753.

²³⁶ Архив ОВЦС МП. Папка «Афон». Справочные материалы.

негреческой национальности на Афоне. В ноябре 1952 г. Совет по делам Русской Православной Церкви рекомендовал Святейшему Патриарху Алексию еще раз запросить у митрополита Кирилла, «что делается к защите прав монахов Болгарской Церкви на Афоне?»²³⁷

В связи с особой актуальностью афонской тематики, в начале сентября 1952 г. Отдел внешних церковных сношений Московской Патриархии, по благословению Святейшего Патриарха Алексия I, попросил митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) «о постановке перед Советом Академии вопроса о поручении профессорам и преподавателям церковной истории, церковного права, патрологии изготовления статей для помещения в “Журнал Московской Патриархии” исторического, канонического, патрологического характера о русском и грузинском иночестве на св. Горе Афон: о монастыре св. вмч. Пантелеимона и других русских и грузинских церковных владениях, о духовном подвиге русского и грузинского монашества, о древних церковных памятниках русской и грузинской культуры, о ценнейших памятниках древней письменности, иконописи и предметах церковного обихода, хранящихся в стенах русских и грузинских обителей, о попрании греческим правительством и Константинопольской Патриархией исконных бесспорных прав Русской и Грузинской Церквей и обличение этой акции»²³⁸.

При этом Отдел внешних церковных сношений подчеркивал, что «важность Афонского вопроса требует незамедлительной напряженной работы над предложениями членов ученой корпорации Академии». 6 сентября Совет Ленинградской духовной академии постановил поручить это задание преподавателям, и уже вскоре появились конкретные результаты, в частности, иеромонах Леонид (Поляков, в дальнейшем митрополит Рижский и Латвийский) написал обширную работу «Очерки по истории Афонского и русского монашества в XI–XVIII вв.»²³⁹ (позднее, в 1964 г., уже в сане архиепископа, владыка Леонид защитил диссертацию на соискание степени доктора церковной истории «Афон в истории русского монашества XI–XVIII вв. (духовно-нравственные связи)»).

---

²³⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1020.

²³⁸ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 46.

²³⁹ Там же, л. 46, д. 10, л. 218.

В начале 1953 г. владыка Кирилл (Марков) обсудил афонский вопрос с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) в Вене и Румынским Патриархом Юстинианом в Бухаресте. Во время этих встреч была достигнута договоренность о созыве в Бухаресте совещания для разработки совместных мероприятий по защите прав монахов негреческой национальности на Афоне. Вернувшийся в мае 1953 г. из поездки в Софию, предпринятой для участия в интронизации Святейшего Патриарха Кирилла, митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий сообщил Г.Г. Карпову, что Патриархи Кирилл и Юстиниан «ждут сигнала от Московской патриархии и готовы принять участие в обсуждении» положения на Афоне²⁴⁰. Однако запланированное в Бухаресте совещание так и не состоялось.

7 марта 1953 г. Святейший Патриарх Алексей I в послании Константинопольскому Патриарху Афинагору (Спиру) снова напомнил о современном тяжелом положении русского монашества на Святой Горе, более чем три десятилетия лишённого общения со своей родной Церковью и повседневно терпящего всевозможные притеснения и ограничения. В этом обращении говорилось: «Некогда дружная семья подвижников, выходцев из всех стран, вот уже несколько последних десятилетий раздрается борьбой греков, добывающихся для себя исключительного господства на Святой Горе, с монахами иноземными, желающими пользоваться правами, равными с греками... Справедливо ли, что Русская Православная Церковь, в свое время внесшая немалую лепту в развитие и процветание православного монашества Святой Горы, без различия национальности и церковной принадлежности, ныне не имеет возможности осуществлять обычную связь со своими монастырскими учреждениями на Афоне, не имеет возможности пополнить молодыми иноками славные ряды русских ревнителей духа в Уделе Пресвятыя Богородицы, не имеет возможности более почерпать из величайшего собрания духовных сокровищ Афона?... Настоящее бесправное положение русских иноков на Афоне дальше нестерпимо. Все Православные Церкви должны возвысить свой голос в защиту прав русских иноков на Афоне. Необходимо безотлагательно принять меры к восстановлению положения русского афонского монашества на свободное проживание и въезд на Святую Гору, на возвращение изъятого

---

²⁴⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1053, 1058–1059.

имущества Пантелеймоновой обители, на установление канонических отношений русских монастырских владений с Русской Православной Церковью. Одним из организованных мероприятий можно было бы предложить созыв межправославной конференции, на которой обсудить возможность восстановления русских владений на Афоне, свободное поселение новых русских иноков и защиту прав русских монахов наравне с насельниками других национальностей»²⁴¹.

Прежде решения общего вопроса о возрождении восточного монашества, обозначенного в программе возможного Просинода, Святейший Патриарх Алексей I предложил незамедлительно урегулировать конкретную афонскую проблему между Константинопольским престолом и Русской Православной Церковью и обеспечить «нормальные» связи между Московским Патриархатом и русскими обителями на Афоне.

Весной 1953 г. Святейший Патриарх Алексей I также обратился с письмом к правительству Греции с выражением надежды на благоприятное разрешение вопроса о восстановлении в правах проживавших на Афоне русских монахов. В этом письме отмечалось, что утвержденный в 1926 г. греческим правительством афонский устав («Новый канонизм») «стоит в полном противоречии как с традициями Святой Горы, так и с международным правом, а равно и с Конституцией самой Греции». Патриарх призывал устранить препятствия для восстановления канонических отношений русских монастырских владений с Русской Православной Церковью, а также ограничения для въезда и поселения на Афоне русских, желающих вступить в братию монастырей, и для посещения Святой Горы русскими учеными²⁴².

Однако ни от Константинопольской Патриархии, ни от греческого правительства официальных ответов не последовало. Во второй половине 1953 г. профессор Московской духовной академии Н.П. Доктусов по поручению Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии написал два обширных исторических труда «Проект Меморандума о Святой Горе Афон», а затем и «Меморандум Святой Горы Афон», куда включил оба упомянутых

---

²⁴¹ Архив ОВЦС МП. Папка 10 «Афон». 1953 г.

²⁴² Там же. 1948 г., л. 25–38; Доктусов Н.П. Меморандум о Святой Горе Афонской. М., 1953. Рукопись. С. 63–64 // Архив ОВЦС МП. Папка «Афон». Справочные материалы.

послания Святейшего Патриарха Алексия I 1953 г. В первом из своих трудов профессор предлагал сделать Православную Церковь на Афоне автокефальной, взяв за образец Синайский монастырь св. Екатерины, для чего, по его мнению, следовало игумена Великой Лавры св. Афанасия возвести в сан архиепископа²⁴³.

Настойчивость выступлений в защиту русских святогорцев побудила греческую сторону к ужесточению позиции. В начале 1950-х гг. Московская Патриархия, в сотрудничестве с Министерством иностранных дел СССР, предложила свое покровительство русскому Афону, однако подобное предложение было отвергнуто греками. После этого иерархи Московского Патриархата стали проводить радикальную политику, требуя у Константинопольского Патриарха переведение русских обителей в свою юрисдикцию.

7 сентября 1954 г. Свято-Пантелеимоновский монастырь смог посетить посол СССР в Греции Михаил Сергеев в сопровождении трех сотрудников посольства. Греческое Министерство иностранных дел дало понять, что его приезд на Афон нежелателен, но посол все-таки поехал, заручившись лишь разрешением местных властей в Салониках. Согласно утверждению греческого историка Н. Милонакоса, М. Сергеев «предлагал признать Патриарха Алексия I», обещая монахам значительную материальную поддержку. Он был очень сдержанно принят игуменом Иустином, а братия «была шокирована» тем, что, «войдя в алтарь», посол «даже не перекрестился»²⁴⁴. В гостевой книге обители М. Сергеев записал: «Выражаю признательность игумену монастыря архимандриту Иустину и всей монашеской братии за любезный прием, оказанный мне и сотрудникам посольства»²⁴⁵.

В заслушанном на Соборе старцев 1/14 сентября докладе иеромонаха Виссариона о его разговоре с М. Сергеевым говорилось, что посол так изложил цель своего приезда: «Желает ли наш монастырь завязать хорошие отношения с Московской Патриархией?». На эти слова последовал ответ, «что так

---

²⁴³ Архив ОВЦС МП. Папка «Афон». Справочные материалы.

²⁴⁴ Милонакос Н. Святая Гора Афон и славянство. Афины, 1960. Пер. на русский язык. Рукопись. С. 26 // Архив Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии. Папка «Афон». Справочные материалы. С. 36.

²⁴⁵ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА), оп. 10, д. 241, док. № 190, л. 8.

как этот вопрос серьезен и касается общего и каждого лично, то он требует общего обсуждения, и поэтому сразу ответить не можем». Заслушав доклад, Собор старцев решил обсудить ситуацию с другими русскими обителями Святой Горы и выяснить их позицию, «дабы потом последовал согласный ответ от всего русского Афона». Посол, в свою очередь, обещал еще раз приехать в Свято-Пантелеимоновский монастырь²⁴⁶.

По данным Н. Милонакоса, русские монахи будто бы отклонили предложение М. Сергеева²⁴⁷, на Афон же посол больше не приехал. 6 октября Собор старцев обители заслушал письмо Священного Кинота с жесткой оценкой приезда советского посла и запросом о причинах поездки. В протоколе данного заседания было отмечено: «Это письмо Собор наш рассматривает как придирку к монастырю и жалеет за такой поступок Кинота. Решено ответить соответственно с выговором»²⁴⁸.

Приезд советского посла вызвал резко негативную реакцию со стороны некоторых кругов русской эмиграции. Так, известный американский адвокат, член Митрополичьего совета Американской православной митрополии Иван Михайлович Цап опубликовал в газете «Филадельфия Инквайрер» статью, в которой обращался к правительству США с призывом употребить свое влияние, чтобы помешать посягательствам СССР на Свято-Пантелеимоновский монастырь. В эмигрантской газете «Русская жизнь» появилась статья «СССР намерен захватить Афон» и т.д.²⁴⁹

Со временем позиция Московской Патриархии смягчилась. Согласно воспоминаниям владыки Василия (Кривошеина), еще в июле 1955 г. в Лондоне митрополит Питирим (Свиридов) говорил ему: «Афонский вопрос обсуждался... в Синоде, и было постановлено требовать подчинения афонских русских обителей нашей юрисдикции». На замечания о невозможности этого последовало безапелляционное: «Мы так постановили»²⁵⁰.

Во время своего первого посещения СССР в августе 1956 г. иеромонах Василий во встрече с митрополитом Николаем (Ярушевичем) высказал точку

---

²⁴⁶ Там же, д. 243, док. № 3753, л. 9–9об.

²⁴⁷ Милонакос Н. Указ. соч. С. 36.

²⁴⁸ АРПМА, оп. 10, д. 243, док. № 3753, л. 10.

²⁴⁹ СССР намерен захватить Афон // Русская жизнь. 1954. 2 декабря.

²⁵⁰ Василий (Кривошеин), архиеп. Богословские труды. С. 157–158.

зрения, что в основе всей политики Московской Патриархии должна лежать просьба к греческому правительству допустить хотя бы десять монахов на Афон. При этом нужно было действовать в рамках законов, непосредственно через Вселенскую Патриархию. Ошибочно было бы возбуждать вопрос о пересмотре афонского положения или оспаривать юрисдикцию Константинопольского Патриарха — это «вооружило бы греков» и дало бы повод греческому правительству отказать в праве приезда²⁵¹.

12 марта 1957 г. Московская Патриархия обратилась в Министерство иностранных дел Греции, через греческого посла в Москве, с просьбой дать разрешение на приезд и вступление на Афоне в братство монастыря святого великомученика Пантелеимона для десяти человек. Одновременно было отправлено письмо Константинопольскому Патриарху как духовному главе Святой Горы, в котором Московская Патриархия извещала о своем обращении к греческому министерству и просила Святейшего Патриарха Афинагора дать свое согласие. Ответа не последовало.

В следующем году, 5 марта 1958 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей вновь обратился к Константинопольскому Патриарху с посланием от лица Русской Церкви, в котором подчеркивалось великое значение Святой Горы для внутренней жизни верующего русского народа. В послании снова делался запрос о согласии Константинопольского Патриарха на поселение в Свято-Пантелеимоновском монастыре 10 братьев. И достаточно мягкая тональность этих обращений, и цифра в 10 человек, по всей видимости, были заимствованы из предложения о. Василия (Кривошеина).

Через восемь месяцев, в письме от 20 ноября 1958 г. Святейший Патриарх Афинагор дал ответ на оба указанных выше послания, в котором лишь разъяснил порядок допуска новых насельников в монастыри Святой Горы и привел перечень документов, которые должны представить в греческие государственные инстанции желающие поселиться на Афоне: 1. Прошение о своем зачислении; 2. Удостоверение соответствующего церковного начальства о том, что проситель принадлежит от рождения к Восточной Православной Церкви; 3. Официальную копию свидетельства о крещении; 4. Собственноручное и подписанное заявление о том, что он знает правила и порядки Устава

---

²⁵¹ Василий (Кривошеин), архиеп. Богословские труды. С. 157.

Святой Горы; 5. Удостоверение о хорошем поведении и нравственной жизни, выданное компетентными властями по месту пребывания его; 6. Выписка из уголовного метрического свидетельства для всеобщей проверки и одобрения со стороны святого монастыря, в котором он хочет жить, со стороны общества Святой Горы и Министерства иностранных дел Эллады в целях общей безопасности. Между тем политика эллинизации афонских монастырей продолжалась, а греческие газеты писали, что русские афониты якобы не желают принимать новых монахов из СССР²⁵².

В письме избранного в 1958 г. настоятелем Свято-Пантелеимоновского монастыря схиархимандрита Илиана (Сорокина) на имя председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополита Николая (Ярушевича) от 29 октября / 11 ноября 1959 г. содержалась просьба о материальной помощи и прямо говорилось о растущих трудностях, переживаемых русским афонским братством: «Ваше Высокопреосвященство! От лица всей братии нашей Русского монастыря Святого Великомученика Пантелеимона на Афоне обращаюсь к Вам и в Вашем лице к нашей Матери — Русской Православной Церкви с нижеследующей горячей и настоятельной просьбой.

Наш монастырь пришел в полный упадок, и ему грозит полное запустение и переход в чужие руки этого древнего русского достояния, созданного трудами и жертвами многих поколений русского православного верующего народа. Основная причина этого бедственного положения — оскудение нашей братии из-за отсутствия поступления новых монахов в наше монашеское братство, как об этом мы уже сообщали и ранее в Московскую Патриархию. Нас осталось сейчас всего 50 человек, самому молодому из нас 54 года, большинство — семидесяти- и восьмидесятилетние старики. Только незамедлительное прибытие новых молодых сил в наше братство может спасти положение.

Кроме как с нашей Родины, России, ниоткуда не может прибыть к нам пополнение, и вся наша надежда на сохранение нашего монастыря, после Бога, Пречистой Богородицы и святого великомученика Пантелеимона,

---

²⁵² Якимчук И.З. Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 163.

на Русскую Православную Церковь, Московскую Патриархию. Нам известно, что Московская Патриархия обратилась с просьбой к Вселенскому Патриарху, в канонической юрисдикции которого находится наш монастырь, допустить из России приезд десяти человек для поступления в братство нашего монастыря. Мы глубоко благодарны всегда Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Алексию и Вам за этот шаг и всецело его приветствуем.

Но нам известно, что Вселенский Патриарх не сумел возможным ответить на Ваше письмо. Причина тому — давление, оказываемое на него со стороны греческого правительства, противящегося приезду на Афон русских. Формальный предлог для неотвечания — Афон пользуется известной церковной автономией, и Вселенский Патриарх не является первой инстанцией в такого рода делах. Мы умоляем Вас, Святейшего Патриарха Алексия и всю Русскую Православную Церковь незамедлительно оказать нам помощь. Иначе наш монастырь обречен на погибель. Испрашивая Ваших святых архипастырских молитв и святейшего благословения, остаемся Вашими смиренными послушниками и богомольцами — игумен архимандрит Илиан со всею о Христе братиею»²⁵³.

Неоднократно взывали о помощи к Русской Православной Церкви иноки и других русских обителей Афона: настоятель келлии в честь Воздвижения Честного Креста Господня иеросхимонах Афанасий, настоятель келлии во имя Архистратига Божия Михаила архимандрит Евгений, настоятель Свято-Ильинского скита архимандрит Николай.

Важной вехой в отношениях Московского Патриархата с Афоном стало его посещение в качестве паломника 9–13 февраля 1959 г. начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом (впоследствии — митрополитом Ленинградским и Новгородским) Никодимом (Ротовым), который в своем отчете о поездке указал на необходимость незамедлительного увеличения монашествующих Свято-Пантелеимоновского монастыря из числа иноков с Родины. С тех пор владыка Никодим не оставлял попечения об Афоне вплоть до своей кончины²⁵⁴.

---

²⁵³ Архив ОВЦС МП. Папка 9а «Афон». 1959 г.; *Троицкий П.* Русские на Афоне, XIX–XX века. С. 102.

²⁵⁴ Ювеналий (Поярков), митр. Крутицкий и Коломенский. Указ. соч.

Русская Православная Церковь в лице своих Предстоятелей лично и через председателей Отдела внешних церковных сношений делала непрекращающиеся попытки пополнить братию монастыря. Неоднократно она обращалась к Патриархам Константинопольским, архиепископам Афинским и греческому правительству по поводу бедственного положения русского Афона. Каждый контакт с Грецией использовался для постановки этого вопроса. Так, например, в 1959 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий I беседовал о пополнении братии русских святогорских обителей с главой либеральной партии Греции Венизелосом, посетившим с официальным визитом Москву²⁵⁵.

В 1959 г. в Свято-Пантелеимоновском монастыре случился сильный пожар, в результате которого очень пострадала библиотека. Московская Патриархия пыталась оказать материальную помощь пострадавшему монастырю, но передать ее из-за противодействия греческих властей первоначально оказалось невозможно. Вот что писали по этому поводу насельники монастыря: «Нам очень прискорбно, что греки пишут в своих газетах, что русские афонские монахи не желают принять жертву от Святейшего Патриарха Алексия, а также и новых монахов, — все это неправда. Мы все желаем соединиться с Православной Русской Церковью, но враги не допускают...»²⁵⁶

И все же Русской Церкви удалось доставить свои пожертвования на Афон. Сделано это было при помощи церковной делегации, находившейся 11–15 ноября 1959 г. в г. Салоники (Греция) на юбилейных торжествах в память святителя Григория Паламы, в связи с 600-летием со дня его кончины (14 ноября). Тогда впервые за много лет членам делегации Московского Патриархата: ректору Московской духовной академии протоиерею Константину Ружицкому и профессору Ленинградской духовной академии Николаю Дмитриевичу Успенскому после окончания торжеств было дано разрешение совершить паломничество на Афон. По результатам поездки оба участника поездки написали подробные отчеты, которые были опубликованы в «Журнале Московской Патриархии»²⁵⁷.

---

²⁵⁵ Милонакос Н. Указ. соч. С. 36.

²⁵⁶ Ювеналий (Поярков), митр. Крутицкий и Коломенский. Указ. соч.

²⁵⁷ См.: Журнал Московской Патриархии. 1960. № 2.

21 апреля 1960 г. Отдел внешних церковных сношений Московской Патриархии отправил Совету Ленинградской духовной академии письмо, в котором говорилось: «Необходимо отработать по материалам, хранящимся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода в Ленинграде, за последние сто лет, вопрос о связи Русской Православной Церкви с Афонскими обителями, особенно с русскими, с учетом переписки Синода с Константинопольскими Патриархами по этому предмету. Проработку эту требуется произвести с привлечением к делу максимума архивных документов для достижения возможной ясности и определенности в данном вопросе. Необходимо, чтобы основные документы в копиях были приложены докладу»²⁵⁸. 9 мая Совет Академии принял к сведению это задание и поручил его выполнение доценту А.Ф. Шишкину. Выполнение данного поручения сыграло важную роль в последующем получении разрешения Константинопольской Патриархии на проезд в святогорские обители новых русских иноков из СССР.

К началу 1960-х гг. наладилась переписка братии Свято-Пантелеимоновского монастыря с Москвой. Так, в письме архиепископу Василию (Кривошеину) от 28 февраля 1961 г. игумен Илиан отмечал, что он получает «Журнал Московской Патриархии» и церковные календари, также пришли от Святейшего Патриарха Алексия и епископа Никодима (Ротова) благодарности за поздравления с Рождеством. В письме же владыке Василию от 16 мая 1962 г. о. Илиан извещал, что получил от Святейшего Патриарха Алексия, митрополита Николая (Еремина) и архиепископа Никодима (Ротова) письма, три посылки и т.д.²⁵⁹

Но уже осенью 1961 г. греческое правительство, несмотря на разрешение Константинопольской Патриархии, не позволило посетить Святую Гору другой делегации Московского Патриархата, принимавшей участие в работе Всеправославного совещания на острове Родосе (1–15 сентября) и желавшей поклониться святыням Афона, в которую входили архиепископы Никодим (Ротов), Василий (Кривошеин), епископ Алексей (Ридигер) и протоиерей Виталий Боровой. В письме владыке Никодиму от 25 июня 1962 г. архиепископ

---

²⁵⁸ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, а. 21, л. 162.

²⁵⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. Письма и документы. М.-Брюссель, 2012. С. 64, 71.

Василий (Кривошеин) так описал со слов игумена Руссика о Илиане эту ситуацию: «Как мне удалось выяснить, и как мне писал отец Илиан..., против нашего приезда на Афон прошлой осенью была организована целая интрига. Главные ее деятели — карловчане и греческие власти. Как раз к моменту нашего прибытия в Грецию в Афины прибыл на своей яхте миллионер-американец русского происхождения Семененко...

Уже в Афинах он посетил Мин[истерство] иностр[анных] дел и настаивал на недопущении русской делегации на Афон. Потом он направился на Афон и там вместе с губернатором Константинопуло оказал давление на настоятеля Ильинского скита архим. Николая, человека неплохого, но слабого и любящего американские доллары. Архим. Николай подал [письмо] через свой монастырь Пантократор, что они не примут архиереев из России. В Киноте произошло разногласие, наш монастырь стоял за наш приезд, но греческое правительство воспользовалось этим, чтобы отказать в разрешении... В греческой печати вновь возобновились нападки на русское монашество на Афоне... Это все перепевы старого: русские не имеют никаких прав на Пантелеимоновский монастырь, русские монахи хотят захватить Афон, они — органы панславизма, чуждый и вредный элемент и так далее. Об этом писали еще до Первой мировой войны, а теперь вновь всплывает на поверхность в связи с интересом Московской Патриархии к русскому монашеству на Афоне и попыткам ему помочь»²⁶⁰.

Вскоре греческие власти стали преследовать за письма и посылки, которые русские монахи получали с Родины (в это время единственной формой помощи русским святогорцам были посылки, отправлявшиеся через Московскую Патриархию). В греческой печати возобновились нападки на русское монашество Святой Горы. Тогдашний губернатор Афона Константинопуло направил свою деятельность «в сторону последовательного ограничения самоуправления Святой Горы и полного подчинения правительству Греции, но на пути к этому стояли славянские монастыри. Поэтому определенные круги устраивали всевозможные препятствия пополнению монахами этих монастырей»²⁶¹.

---

²⁶⁰ Там же. С. 74–75

²⁶¹ Там же.

Во время своего визита в Константинополь Патриарх Московский и всея Руси Алексий I в беседе со Вселенским Патриархом Афинагором 8 декабря 1960 г. поднял вопрос о присылке новых иноков в Руссик и получил уверения, что он может это сделать. Правда, реализация этих слов затянулась на шесть лет. В связи с чинимыми препятствиями Патриарх Алексий неоднократно утешал святогорцев своим святительским словом. В одном из своих писем братии Свято-Пантелеимоновского монастыря (от 2 сентября 1961 г.) он свидетельствовал: «Все вы, как и великий угодник Божий преподобный Серафим, служки Божией Матери в Ее уделе на Святой Горе, всегда прибегаете к Ее заступлению, и верую, что ваше молитвенное к Ней обращение преклонит Заступницу рода христианского благословить Православную Церковь Русской Земли». В конце июня 1962 г. Афон во главе небольшой делегации Московского Патриархата вновь удалось посетить архиепископу Никодиму (Ротову), в своем отчете о поездке он рекомендовал оказать Руссику всю возможную материальную и моральную помощь, а также послать в обитель как минимум 10 иноков²⁶².

Эта поездка вызвала негативную реакцию греческих властей. Так, игумен Илиан в письме архиепископу Василию (Кривошеину) от 2 октября 1962 г. сообщал: «После посещения Высокопреосвященнейшего владыки Никодима греки, то есть гражданское правительство, очень озлобились на нас. Все письма наши читают. Отец Давид совсем испугался, сидит и молчит, боится, что его могут арестовать. Владыка Никодим послал нам дорогой рыбы на праздник святого Пантелеимона. Но ее не пропустили, сказали, что она испортилась»²⁶³.

Несмотря на то, что с 1962 г. возобновились паломнические поездки на Афон представителей Русской Церкви, они были очень редкими. Единственная форма помощи русским святогорцам заключалась в периодических посылках с одеждой, обувью, церковной литературой и утварью, отправляемых через Московскую Патриархию, которые свидетельствовали о глубокой любви русского верующего народа к афонским инокам.

---

²⁶² Архив ОВЦС МП. Папка 9а «Афон». 1961 г.

²⁶³ Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. С. 81.

В связи со случившимися пожарами в Свято-Пантелеимоновском монастыре и Свято-Андреевском скиту Московская Патриархия послала 13 ноября 1962 г. через посольство СССР в Греции денежные переводы на восстановление пострадавших помещений, в каждую из обителей по 75 тысяч греческих драхм. Кроме того, в Свято-Пантелеимоновский монастырь Святейший Патриарх Алексей направил в марте 1963 г. новый грузовой автомобиль. «Мы всегда помним вас, — писал братии Руссика в это время владыка Никодим (Ротов), — своих русских иноков, находящихся вдали от родного края, в трудных и тяжелых условиях несущих свои подвиги духовного совершенствования и молитвы. Бог даст, устроятся дела русского иночества на прославленном с древних времен Святом Афоне»²⁶⁴.

Между тем политика эллинизации афонских монастырей продолжалась, а греческие газеты писали, что русские святогорцы якобы не желают принимать новых монахов из России. Незаинтересованными наблюдателями неоднократно отмечалось, что греческая политика Греции наносит больший вред святому делу Афона. В частности, профессор Константин Каварнос считает, что «отсутствие молодых монахов в Свято-Пантелеимоновском монастыре и в Андреевском скиту обязано тому обстоятельству, что Священный Кинот и греческое правительство не допускают на Афон русских монахов из страха перед проникновением коммунистического влияния»²⁶⁵.

Конец холодной войны, вхождение Русской Православной Церкви в 1961 г. во Всемирный Совет Церквей и начало проведения на острове Родос Всеправославных совещаний ослабили прежние противоречия с Константинопольским Патриархатом. Новые шаги к восстановлению духовной связи Русской Православной Церкви со Святой Горой были предприняты в 1963 г.

Большое значение для насельников Святой Горы и всего православного мира имело празднование в этом году 1000-летия основания преподобным Афанасием Афонским Великой Лавры, ставшей образцом для всех последующих общежительных афонских монастырей (традиционной датой ее основания считается освящение соборного храма в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в 963 г.). В это же время праздновался юбилей всего

---

²⁶⁴ Якимчук И.З. Указ. соч. С. 163; Архив ОБЦС МП. Папка 9а «Афон». 1962 г.

²⁶⁵ Там же.

организованного монашеского сообщества на Святой Горе. К 1963 г. на Афоне проживал 1491 монах, то есть в пять раз меньше, чем в 1903 г., из них греков — 1290, румын — 94, русских — 62 (почти в 57 раз меньше, чем в 1903 г.), сербов — 28 и болгар — 17 человек²⁶⁶. Таким образом, праздник несколько омрачало демографическое вымирание Афона. Экономические трудности межвоенного периода, Второй мировой войны и последующих десятилетий вызвали упадок афонских обитателей и сокращение числа монашествующих (в 1965 г. в самой Великой Лавре проживал 71 насельник, а в ее скитах и келлиях — 180). Однако именно проведение юбилейных торжеств на Афоне стало исходной точкой и важным стимулом для последующего возрождения святогорского монашества.

Братия русского Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) первоначально отнеслась к празднованию юбилея несколько настороженно. 2 сентября 1959 г. Собор старцев Руссика, заслушав соответствующий указ Священного Кинота и письмо Константинопольского Патриарха Афинагора, решил ответить, что монастырь согласен с устройством праздника для поднятия престижа Афона в мире, «но только если таковой будет устроен и проведен в духе монашеской кротости и тишины, и празднество чтобы совершалось в Протатском храме в Карее и в срок не больше 10–15 дней. В случае же намерения делать праздник в форме фестиваля, то наш монастырь отвергает таковые празднества категорически и это все рассматривает, как противное духу и преданиям монашества»²⁶⁷. Но в дальнейшем братия Руссика приняла участие в подготовке и проведении различных праздничных мероприятий. 9 января 1963 г. Собор старцев выслушал подготовленный сербом Г. Радоничем проект выпуска в США почтовой марки к 1000-летию Афона в пользу Свято-Пантелеимоновского монастыря и выразил свое согласие²⁶⁸.

В 1962 г. был создан Центральный комитет по организации празднования 1000-летия Афона под председательством Архиепископа Афинского и всей Эллады Хризостома II (Хатзиставру). 24 декабря того же года на заседании

---

²⁶⁶ Якимчук И.З. Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 163.

²⁶⁷ АРПМА, оп. 10, д. 243. док. № 3753, л. 69об–70.

²⁶⁸ Там же, л. 100.

Академии наук в Афинах после соответствующего доклада был объявлен конкурс написание истории Афона. 20 января 1963 г. была принята Программа празднования тысячелетия Святой Горы Афон. Начало празднеств было положено 3 марта 1963 г. Патриаршей литургией в Константинополе, на которой присутствовали представители Священного Кинота. После благодарственного молебна глава афонской делегации передал Вселенскому Патриарху Афинагору письмо, содержащее воззвание к миру, которое было зачитано Патриархом. На следующий день Святейший Афинагор объявил об учреждении 10 стипендий имени Патриархов-святогорцев на обучение в Богословской школе на о. Халки выпускников Афонского церковного училища.

9 марта в Центре македонских исследований в Салониках открылась выставка фотографий, посвященная Святой Горе, и показан кинофильм об Афоне. На следующий день состоялось торжественное собрание в актовом зале Салоникского университета им. Аристотеля, на котором декан богословского факультета объявил о составлении и издании факультетом памятного сборника в честь 1000-летия Афона, затем выступил Салоникский митрополит Пантелеимон. 16 марта прошел прием делегаций Константинопольского Патриарха и Святой Горы в мэрии Афин, в ходе которого мэр передал от имени муниципалитета главе делегации памятную золотую медаль и объявил об учреждении стипендии для афонского иеромонаха, имеющего диплом по богословию, для продолжения обучения в течение четырех лет в Лондоне. 17 марта состоялось торжественное собрание в актовом зале Афинского университета, на котором декан богословского факультета объявил о решении издать памятный том, посвященный Афону, затем было зачитано «Постановление Национального университета о праздновании тысячелетия».

18 марта прошел прием в королевском дворце, в ходе которого греческий король Павел I вручил ордена членам Патриаршей экзархии и святогорской делегации. В тот же день члены делегации нанесли визит премьер-министру Греции Караманлису Константиносу и посетили торжественное собрание в актовом зале Академии наук в Афинах. 19 марта в афинском дворце Заппион была открыта выставка фотографий Святой Горы и показаны кинофильмы об Афоне (позднее эти фотографии демонстрировались в Международном центре в Париже, на Международной выставке в Нью-Йорке и выставке в Чикаго). В том же месяце греческий министр религии объявил конкурс на лучшее

сочинение среди учеников государственных школ и факультетов технического образования на тему: «Святая Гора — Православие и греческий дух».

17 апреля, в среду Пасхи в храме Афинской архиепископии было совершено архиерейское богослужение с участием иеромонахов — членов большой святогорской делегации, после окончания которого состоялся крестный ход общей протяженностью 4 километра со списками чудотворной иконы Божией Матери «Достойно Есть» и более 20 икон святых, которых прославляют афонские монастыри. В этом крестном ходе приняли участие около 100 архимандритов, 300 иереев, 100 диаконов и свыше 500 певчих, были вынесены хоругви 250 храмов Афинской архиепископии и митрополий Пирейской и Аттической, а также 1700 знамен и флагов различных организаций. На Олимпийском стадионе, куда пришел крестный ход, смешанный хор из тысячи исполнителей исполнил «Достойно Есть» и различные гимны в сопровождении большого оркестра духовых инструментов²⁶⁹.

28 апреля 1963 г. насельник русского Свято-Пантелеимоновского монастыря иеродиакон Давид (Цубер) в письме бывшему монаху этой обители архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину) так описывал подготовку к торжествам на Афоне и начале празднования в Афинах: «К 1000-летию идет горячая подготовка. Дорога автомашинная почти готова: Дафна — Карея, а Карея — Ивер, монастырь к праздникам готова не будет. В Карее идут усиленные работы по ремонтам во многих зданиях, а также государство ведет ремонты в Кутлумуше, Ивере, Лавре и т.д. Наш Патриарх Вселенский едва ли приедет — турки очень тормозят, и надежды нет²⁷⁰. Здесь известно, что приглашения сделаны всем Православным Церквям, от Русской Церкви тоже приедут, но еще неизвестно, кто. Предполагается, что сюда прибудет очень много народу, но если не будет места в Карее, то государство будет держать в Дафне пассажирский пароход, где можно будет приютить народ. Мы свой конак тоже весь обновили, так что на случай своих людей человек 7–8 можно будет принять. Наш антипросоп о. Аввакум теперь находится в Афинах. В среду Пасхи весь Св. Кинот поехал со святой иконой

---

²⁶⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. С. 345–353.

²⁷⁰ Святейший Патриарх Константинопольский Афинагор смог принять участие в торжествах на Святой Горе.

“Достоинно Есть” и протэпистатом в Афины. В Дафну для этого был прислан военный пароход, который отвозил и привозил всех. Кинот в Афинах находился 8 дней, и везде были принимаемы торжественно»²⁷¹.

Празднование 1000-летия Афона действительно стало новым шагом к восстановлению духовной связи Русской Православной Церкви со Святой Горой. В послании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I Патриарху Константинопольскому Афинагору от 20 мая 1963 г. отмечалась постоянная многовековая связь Русской Православной Церкви с русскими монастырями и инонациональной братией Святой Горы; напоминалось также, что Константинопольский Патриарх всегда признавал вполне каноническими связи Русской Церкви с Афоном и все проявления русского церковного покровительства инокам Святой Горы. Подчеркивая далее озабоченность Русской Православной Церкви будущими судьбами Святой Горы и русских обитателей на ней, которым грозило вымирание из-за запрета приема новой братии из Советского Союза, Святейший Патриарх Алексей призвал Константинопольского Патриарха употребить весь свой авторитет, чтобы разрешить святогорскую проблему и вернуть Святой Горе ее общеправославное значение, какое она имела на протяжении минувшего тысячелетия²⁷².

1000-летие Афона отмечал весь христианский мир. Такое представительное паломничество, каким стало посещение празднование этого юбилея с 19 июня по 2 июля 1963 г., оказалось первым за весь период вхождения Святой Горы в состав греческого государства. На торжествах присутствовали четыре Патриарха, делегации многих Поместных Православных Церквей, а также греческий король Павел I и престолонаследник принц Константин (будущий король Константин II). Официальную делегацию Московского Патриархата в качестве представителя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I возглавлял председатель Отдела внешних церковных сношений архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов) — будущий митрополит Ленинградский и Новгородский. В качестве личного переводчика владыки Никодима Афон в последний раз удалось посетить неутомимому защитнику русских святогорцев писателю Владиславу Альбиновичу

---

²⁷¹ Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. С. 87.

²⁷² Архив ОВЦС МП. Папка 9 «Афон». 1963 г.

Маевскому. В делегацию также входили архиепископ Сурожский Антоний (Блум), впоследствии митрополит и экзарх Патриарха Московского в Западной Европе, епископ Саратовский и Волгоградский Варфоломей (Гондаревский), впоследствии архиепископ, и другие лица²⁷³.

Основные празднества начались 21 июня, в этот день в храме Протата состоялась Великая вечерня под началом Константинопольского Патриарха, перед которой прибывшие гости посетили монастырь Кутлумуш, Свято-Андреевский скит и богословскую школу Афониада, где открылась выставка агиографии и афонского прикладного искусства. 22 июня в храме Протата Патриарх Афинагор в сослужении других Предстоятелей Православных Церквей совершил литургию, затем было зачитано Патриаршее воззвание и состоялась большой крестный ход с чудотворной иконы Божией Матери «Достойно Есть», а также переносными святыми иконами афонских монастырей. Вечером в храме Свято-Андреевского скита преподаватели и учащиеся богословской школы Афониада провели специальный праздник. 23 июня, в воскресенье, все гости посетили Великую Лавру, где состоялось Патриаршее богослужение, Символ веры читал греческий король Павел I. За монастырской трапезой была произнесена лекция о тысячелетней истории Лавры и о подвиге святого Афанасия Афонского, состоялось и посещение могилы преп. Афанасия Святогорца. После Великой вечерни и торжественного ужина большая часть гостей начала разъезжаться.

Делегация Московского Патриархата проживала в канаке Свято-Пантелеимоновского монастыря в Карее. 10 апреля 1963 г. Собор старцев Руссика решил купить для своего канака кровати, постельное белье и другие необходимые вещи для пребывания высоких гостей. 23 июня Собор старцев, отметив, что представители Русской Церкви в благодарность за оказанное гостеприимство обещали прислать материальную помощь, постановил письменно предварительно поблагодарить Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I²⁷⁴.

В русском Свято-Андреевском скиту торжественное собрание во главе с Патриархом Афинагором заседало в трапезной. Но в этом собрании не

---

²⁷³ Маевский В. А. Афон и его судьба. Мадрид, 1973. С. 11, 203; ЖМП. 1963. № 10.

²⁷⁴ АРПМА, оп. 10, д. 243, док. № 3753, л. 103об–104об.

участвовал пребывавший в затворе настоятель скита, престарелый схиархимандрит Михаил (Дмитриев). Отец Михаил встретился только с членами делегации Московского Патриархата во главе с архиепископом Никодимом (Ротовым)²⁷⁵.

После официальных торжеств в Великой Лавре преп. Афанасия 24 июня состоялось совещание, в котором участвовали Патриарх Константинопольский Афинагор (Спиру), Патриарх Сербский Герман (Джорич), Патриарх Румынский Юстиниан (Марина), Патриарх Болгарский Кирилл (Марков), архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов), а также представители от других Православных Церквей со своими клириками. На совещании с особой остротой был поднят вопрос о современном положении святогорского монашества. «Долг всего Православия и каждой Православной Церкви в отдельности, — сказал в своем слове Святейший Патриарх Афинагор, — рассматривать все церковные вопросы со всеправославной точки зрения. Вопрос о Святой Горе, который относится ко всему Православию, относится также и к компетенции каждой из Православных Церквей»²⁷⁶.

Но сохранение Святой Горы в качестве «всеправославного монашеского центра, единой всеправославной державы и единой духовной лечебницы» было невозможно без того, чтобы святогорская иноческая дружина не пополнялась беспрепятственно посланцами братских Церквей. В связи с этим, присутствовавший на совещании Патриарх Болгарский Кирилл, обращаясь к Патриарху Афинагору, воскликнул: «Ваше Святейшество, Господь взыщет с Вас, а история Вас осудит, если в Ваше Патриаршество угаснут славянские лампы на Святой Горе»²⁷⁷.

Присутствовавший на совещании В.А. Маевский позднее писал: «Мне выпала исключительная честь быть переводчиком владыки Никодима, говорившего здесь от имени Московского Патриархата о русских и других славянских обителях на Святой Горе, о запустении их и желательности получить разрешение на приезд новых иноков из славянских стран, хотящих проходить свой монашеский подвиг в земном жребии Богоматери, и о необходимости

---

²⁷⁵ Русский афонский отечник XIX-XX веков. Святая Гора Афон, 2012. С. 564.

²⁷⁶ Архив ОВЦС МП. Папка 9 «Афон». 1963 г.

²⁷⁷ ЖМП. 1965. № 8. С. 76.

создания всеправославной координационной комиссии для согласования действий святых братских поместных Церквей»²⁷⁸.

На высказанные ему вопросы и пожелания Святейший Патриарх Афинагор ответил: «Когда Московский Патриарх Алексий был в Фанаре (8 декабря 1960 г.), я уведомил его, что он может посылать на Святую Гору сколько угодно монахов, и всем им будет гарантирован прием. То же самое я повторяю и сегодня: все Церкви могут посылать на Афон столько монахов, сколько сочтут нужным. И для всех тех, кто будут посланы, полной гарантией будут подписи соответствующих Предстоятелей Церквей. Я как духовное лицо сам поручусь за тех, которые будут посланы»²⁷⁹.

В своем выступлении 24 июня Святейший Патриарх Афинагор также указал, что ему близки нужды русского Свято-Пантелеимоновского монастыря, а 29 июня 1963 г. он лично посетил эту обитель и в ответ на приветствие настоятеля и членов делегации Московского Патриархата выразил чувство любви к Русской Православной Церкви и ее Предстоятелю Святейшему Патриарху Алексию I²⁸⁰. По общему мнению участников совещания, заявление Константинопольского Патриарха о гарантированном приеме в святогорские обители всех монахов, которых сочтут нужным направить на Афон Предстоятели Поместных Церквей, и его обещание ходатайствовать в этом вопросе перед греческими властями были особенно важными результатами прошедшего совещания.

Используя пребывание на Афоне Константинопольского Патриарха Афинагора, 13/26 июня к нему обратился с письмом настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря схиархимандрит Илиан (Сорокин), попросив помощи в решении наиболее острой проблемы: «Ваше Всесвятейшество, приветствуя Вас посреди нас, Ваших верных духовных чад, мы пользуемся случаем, чтобы довести до сведения Вашего Всесвятейшества серьезные вопросы, занимающие нас уже давно. Речь идет не об оспаривании материальных интересов, поскольку тогда не было бы никакой причины обращаться к Вам за помощью

---

²⁷⁸ Маевский В.А. Афон и его судьба. С. 203.

²⁷⁹ Архив ОВЦС МП. Папка 9 «Афон». 1963 г.

²⁸⁰ Нелюбов Б.А., Э.П.Г. Афинагор I, Патриарх // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 87.

и участием. Речь идет о самом выживании нашего святого монастыря, много веков оправдывавшего свое имя и борющегося сейчас, чтобы защитить это имя.

Как известно, до составления Устава Святой Горы, утвержденного великой Церковью Христовой и принятого Греческим государством, что является конституционным законом, никакого различия не должно существовать между святыми монастырями в отношении образа и процедуры принятия новых монахов. К сожалению, упомянутый Устав создал единственное исключение для негреческих монастырей, поэтому, предвидя происходящее сегодня, мы его не подписали.

После Второй мировой войны Министерство иностранных дел Греции создало для нас новые, почти губительные трудности, целью которых является препятствие приезду новых монахов (Министерство иностранных дел, Управление церковью, № прот. 39125 ЕК/ 18а/54). Это действие вступает в совершенное противоречие с последним международным актом, то есть с Конвенцией о меньшинствах в Лозаннском договоре, которая гарантирует нам все привилегии и права, которые мы имели издавна. Таким образом, настоящая цель этого, которой является не что иное, как уничтожение нашего святого монастыря, достигается путем необновления нашей со временем исчезающей братии.

Мы не наблюдали, чтобы подобные меры принимались в отношении других монастырей, но, напротив, убедились в ходе празднования тысячелетия нашей Святой Горы, в котором принимала участие как наша великая Церковь Христова, так и государство, что общим желанием обеих вышестоящих властей является сохранение этого Ватикана Православия, где представлены все единоверные народы, и нам больно и печально, когда мы видим, что такое исключение делается только для нас. Мы молимся, чтобы лучшие устремления восторжествовали, и наш Общеправославный центр, наследие свободной от расизма Византийской империи, существовал вечно. Для этого необходимы только дальновидность, терпимость и благосклонность как великой Церкви Христовой, так и наследника византийских императоров — Греческого государства»²⁸¹.

---

²⁸¹ *Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. С. 95–96.*

29 июня, в рамках празднования 1000-летия Афона, Свято-Пантелеимоновский монастырь вместе с делегацией Московской Патриархии посетили Болгарский Патриарх Кирилл, Румынский Патриарх Юстиниан и Константинопольский Патриарх Афинагор, который возглавил литургию в соборном храме. После богослужения состоялось обсуждение трудного положения обители, и Вселенский Патриарх заверил братию, что будет всемерно способствовать процветанию монастыря. В тот же день по просьбе архиепископа Никодима (Ротова) Патриарх Афинагор вручил схиархимандриту Илиану (Сорокину) и иеродиакону Давиду (Цуберу) высокие награды от Патриарха Московского и всея Руси Алексия I за заслуги перед Церковью — ордена святого князя Владимира. 30 июня на приеме в Салониках архиепископ Никодим вручил такой же орден Предстоятелю Эладской Церкви Архиепископу Афинскому Хризостому II²⁸².

За время торжеств владыка Никодим дважды служил в Свято-Пантелеимоновском монастыре, в обители также служили знаменитый русский архипастырь — архиепископ Сурожский Антоний (Блум) и епископ Саратовский и Волгоградский Варфоломей (Гондаревский). Вернувшись на родину, епископ Варфоломей написал подробный отчет о праздновании, опубликованный в «Журнале Московской Патриархии»²⁸³.

В письме архиепископу Василию (Кривошеину) от 20 июля 1963 г. игумен Илиан сообщал: «Праздники проводили, очень было торжественно и величественно, и теперь еще множество посетителей... Нас посетили Святейшие Патриархи Константинопольский, Румынский и Болгарский, чувствовалось единение духа, соединение всех Православных Церквей»²⁸⁴. Сам владыка Василий из-за противодействия греческих властей не смог приехать на торжества, но в сентябре 1963 г. он участвовал в богословской конференции в бенедиктинском аббатстве Сан-Джорджо в Венеции, посвященной 1000-летию монашества на Святой Горе.

Представителей Русской Православной Церкви за границей на празднование 1000-летия Афона не пригласили, однако она тоже отозвалась на юбилей.

---

²⁸² 282 Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. С. 31.

²⁸³ См.: ЖМП. 1963. № 10.

²⁸⁴ Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. С. 103.

В связи с его приближением подробный обзор положения Святой Горы и ее русских насельников сделал в своем докладе Архиерейскому Собору РПЦЗ в октябре 1962 г. известный богослов архиепископ Аверкий (Таушев). Он сделал акцент на тяжелых проблемах, стоявших перед русскими святогорцами, отметив: «Но не радостным будет этот праздник»²⁸⁵. Во время самих торжеств игумен ориентировавшегося на Зарубежную Русскую Православную Церковь Свято-Ильинского скита архимандрит Николай не пустил в свой скит Константинопольского Патриарха Афинагора из-за его экуменической деятельности.

Тем не менее в издательстве Свято-Троицкого монастыря Русской Православной Церкви за границей в 1963 г. был издан юбилейный сборник статей «К тысячелетию Святой Горы Афон». В одном из изданий русского Западно-Европейского экзархата (в юрисдикции Константинопольского Патриарха) была опубликована статья известного церковного историка И.К. Смолича «Святая Гора Афонская. К тысячелетнему участию ее в жизни Православной Церкви»²⁸⁶. Посвященные 1000-летию Афона статьи выходили и в «Журнале Московской Патриархии».

Известный русский писатель-эмигрант Борис Константинович Зайцев откликнулся на юбилей дорогой для его сердцу Святой Горы очерком «Афон. К тысячелетию его» (опубликованном в газете «Русская мысль» в 1963 г.), в котором писал: «Весной 1927 г. я уехал на Афон. Провел девятнадцать незабываемых дней на этом узеньком полуострове Греции. Ничего нет на нем, кроме лесов, монастырей, виноградников — некая монашеская республика православная на земле греческого государства. Жил преимущественно в русском монастыре св. Пантелеймона. Благоговейно вспоминаю эти дни. И теперь, в год тысячелетия Афона, еще раз мысленно поклоняюсь святым местам и памяти редкостных людей, виденных мной там — никого из них нет уже в живых, но в моей душе они живы, будто я их вчера видел. Выбираю отрывки

---

²⁸⁵ Аверкий (Таушев), архиеп. Святая Гора Афон и ее современное состояние // К тысячелетию Святой Горы Афон. Джорданвилл, 1963. С. 3–12.

²⁸⁶ Смолич И.К. Святая Гора Афонская. К тысячелетнему участию ее в жизни Православной Церкви // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1963. № 70–71. С. 29–43.

из моей книжки об Афоне — может быть, это даст некое прикосновение к Св. Горе и ее обитателям...»²⁸⁷.

Имевший длительные постоянные связи с Афоном бенедиктинский Шетонский монастырь (Бельгия) организовал в 1963 г. в Венеции международный конгресс, посвященный тысячелетию Святой Горы Афон²⁸⁸. Труды конгресса были опубликованы в двух томах и содержали, в частности, обширную библиографию по Афону, составленную отцом Иринеем Дунсом. Она включает 2634 названия опубликованных материалов по Афону и до настоящего времени остается самым обширным справочным библиографическим материалом на эту тему²⁸⁹.

Празднование 1000-летия стало своего рода вехой в истории Афона, положившей начало новому периоду возрождения святогорского монашества. С 1960-х гг. начался процесс возвращения афонских монастырей от особенного устава к общежительному. Был выпущен ряд высококачественных изданий документов и рукописей из собраний святогорских библиотек, разнообразных каталогов, альбомов, исследований по истории монастырей. Плодотворно развивались традиции византийского пения и византийской школы иконописи, издавались труды в области гимнографии, церковной истории, выходили периодические издания.

После празднования тысячелетия Святой Горы возвратились к жизни и обновились афонские монашеские общины, некоторые из которых уже считались угасающими. В них пришли молодые интеллигенты, ищущие живую духовную традицию, а именно традицию исихазма в паламитском и вообще патристическом понимании. Через несколько лет после юбилея, с 1971 г., когда был отмечен минимум — 1145 человек, началось неуклонное возрастание численности святогорцев. Важнейшим же результатом для Русской Православной Церкви стало фактическое снятие полного запрета на пополнение

---

²⁸⁷ Зайцев Б.К. Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник. СПб., 2015. С. 177.

²⁸⁸ Rousseau Olivier. Le Millénaire du Mont Athos célébré à Venise // Irénikon. № 36. 1963. P. 408–412.

²⁸⁹ Le Millénaire du Mont Athos 963–1963. Études et Mélanges. Tomes I et II. Chevetogne, 1963–1964. Библиография Святой Горы Афон (Bibliographie de la Sainte Montagne de l'Athos) о. Иринея Дунса находится в томе II, P. 337–495 [Репринт: Doens Irénée, Βιβλιογραφία του Αγίου Όρους Ἀθῶ. Ἀγίου Όρους, Ἀγιορείτικη Βιβλιοθήκη, 2001].

русской братии фонских обителей, что спасло от вымирания Свято-Пантелеимоновский монастырь.

Используя благоприятную ситуацию, Московская Патриархия весной 1963 г. отправила в русский монастырь грузовой автомобиль, полтора миллиона драхм (две с половиной тысячи долларов США) и церковную литературу. В январе 1964 г. она передала в помощь братии Руссика лекарства, рыбные консервы и сукно, а через несколько месяцев и другие пожертвования²⁹⁰. В 1964 г. Афон посетила официальная паломническая делегация Русской Православной Церкви во главе с начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом (впоследствии — митрополитом) Ювеналием (Поярковым)²⁹¹. В сентябре того же года посетивший с официальным визитом Афины Святейший Патриарх Алексий встретился там с прибывшими из Руссика игуменом Илианом (Сорокиным) и иеросхимонахом Серафимом (Текзой) и передал им ценные подарки, одежду и т.п.²⁹²

На рубеже 1950–1960-х гг. Русская Православная Церковь подверглась ожесточенным антирелигиозным «хрущевским» гонениям, что неблагоприятно отразилось и на ее международной деятельности, но, несмотря на тяжелую ситуацию в стране, она все более активно выступала в защиту русских монахов на Афоне.

14 октября 1963 г. Московская Патриархия направила Константинопольскому Патриарху Афинагору список из 18 лиц, ожидавших разрешения на поселение в Свято-Пантелеимоновском монастыре. Одновременно документы на 18 кандидатов были представлены в Министерство иностранных дел Греции. После долгого затягивания решения этого вопроса, а также после повторного обращения к Константинопольскому Патриарху Святейшего Патриарха Алексия I от 23 июня 1964 г. и митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима от 11 июля 1964 г. в конце июля было получено разрешение на въезд в Руссик только пяти иеромонахам из Псково-Печерского монастыря.

В 1965 г. правительство Греции предоставило греческое гражданство (обязательное условие для подвижничества на Святой Горе) этим пяти

---

²⁹⁰ АРПМА, оп. 10, д. 243, док. № 3753, л. 102об, 116.

²⁹¹ Ювеналий (Поярков), митр. Крутицкий и Коломенский. Указ. соч.

²⁹² Архив ОВЦС МП. Папка «Афон». Справочные материалы. С. 12.

иеромонахам из Советского Союза и впервые в истории разрешило им прибыть на Афон. В июле 1966 г. четверо из них приехали на Афон, но уже в следующем году один из них по болезни и из-за сложностей личного характера возвратился на Родину. Таким образом, братию монастыря пополнило всего лишь три человека. С тех пор Московский Патриарх стал официально считаться ктитором обители, получив реальную возможность ей помогать.

Однако вновь прибывших монахов было явно недостаточно для возрождения обители, поскольку ситуация в ней продолжала ухудшаться, и число братии неуклонно уменьшалось. Кроме того, огромный урон монастырю причинил катастрофический пожар 23 октября 1968 г.²⁹³ В 1970-х — первой половине 1980-х гг. пополнение братии Руссика происходило в минимальном размере и с огромными трудностями.

Лишь в период «перестройки» ситуация начала меняться к лучшему. С конца 1980-х гг. Московская Патриархия смогла оказывать гораздо большую помощь и поддержку братии Свято-Пантелеимоновского монастыря. Постепенно были решены все самые острые вопросы: открыто подворье Руссика в Москве, производилось регулярное пополнение братии, стала выпускаться разнообразная литература о русских обителях Афона, начались ремонтно-реставрационные работы монастырских зданий и т.д. Таким образом, многообразная и активная помощь со стороны Московского Патриархата помогли единственному русскому монастырю на Афоне выстоять и в дальнейшем, с 1990-х гг., получить активное развитие и возрождение.

---

²⁹³ Якимчук И.З. Указ. соч. С. 164.

Глава II

Поместные Православные Церкви славянских стран

1. Сербский Патриархат

После окончания Второй мировой войны и провозглашения Федеративной народной республики Югославия к власти в стране пришло коммунистическое правительство во главе с премьер-министром Иосипом-Броз Тито, который в августе 1945 г. также стал председателем Народного фронта ФНРЮ. Представители югославской королевской эмиграции были постепенно вытеснены из правительства, и в ноябре 1945 г. состоялись выборы по советскому образцу, принесшие победу коммунистам¹. В этом же году была создана федеративная комиссия по религиозным делам, в которую вошло несколько теологов и священнослужителей разных конфессий.

Руководитель четников генерал Дража Михайлович отказался покинуть страну и пытался бороться против коммунистов, но после упорных боев он попал в плен. Несмотря на протесты мировой общественности, Д. Михайлович был приговорен «за измену Родине» к высшей мере наказания и 17 июля 1946 г. расстрелян в Белграде. Он почитался как новомученик Свободной Сербской Церковью в Америке (в начале 1990-х гг. возвратившейся в состав Сербского Патриархата)².

По подсчетам некоторых историков в 1945–1946 гг. в Югославии в ходе титовских репрессий (массовых расстрелов, так называемых «маршей смерти» и концлагерей) погибло до 250 тысяч человек. За эти полтора года коммунистического террора было убито около 150 православных священников и три архиерея, в том числе русский владыка Гермоген (Максимов) и митрополит

---

¹ Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995. С. 453.

² Мосс В. Указ. соч. С. 242.

Черногорский и Приморский Иоанникий³. Еще несколько иерархов подвергались арестам или избиениям.

В 1946 г. Церковь в Югославии была отделена от государства, в школах прекратили преподавать Закон Божий, в том же году был принят закон об аграрной реформе, согласно которому у религиозных организаций конфисковали 180 тыс. гектаров возделываемой земли и лесов и национализировали 1180 церковных зданий, в том числе многие епископские резиденции⁴. Однако, несмотря на то, что Церковь оказалась отделена от государства, оно прямо или косвенно — освобождением от налогов и путем различных льгот — субсидировало функционирование различных церковных институтов, оказывало помощь в реставрации культурно-исторических памятников, в строительстве религиозных объектов, помогало бедным священникам и церковным школам.

В первые послевоенные годы активно развивались связи Сербской и Русской Церквей. Еще в середине января 1945 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей (Симанский) известил председателя Сербского Синода митрополита Иосифа (Цвийовича) о предстоящей посылке в Югославию делегации Русской Православной Церкви во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) по «деловым вопросам, касающимся наших церковных взаимоотношений и, в частности, по вопросу о переходе в наше ведение Мукачевско-Пряшевской епархии, а также тех русских приходов, которые находятся в ведении протоиерея Сокаля»⁵. Правда, 16 февраля владыка Иосиф написал Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I, что вопрос о присоединении Мукачевско-Пряшевской епархии к Русской Православной Церкви должен быть решен на заседании Синода Сербской Церкви, которое возможно только после возвращения из немецкого плена Патриарха Гавриила⁶.

8 апреля 1945 г. делегация Русской Церкви все-таки прибыла в Белград, ее принял митрополит Скопленский Иосиф. Патриарх Гавриил еще находился в немецком плену, и члены делегации в беседе с митрополитом выразили

---

³ Православная Русь. 1947. № 5. С. 16.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 35.

⁶ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 63.

тревогу за судьбу Первосвященника. 9 апреля епископ Сергей присутствовал на заседании Священного Синода, где в своем выступлении поставил вопрос об участии Сербской Церкви в борьбе с католицизмом, в частности, организации миссионерской деятельности в Словении и Хорватии. В ответном слове митрополит Иосиф заверил, что «они привязали свою малую ладью — Сербскую Церковь — к великому Русскому церковному древноуту, судьбу Сербской Церкви слили с Русской, но хотели бы в ладье быть абсолютно самостоятельными». Председатель Синода также высказал мнение, что «католицизм есть злейший враг православия, что все католики наши враги и нам нужно выбрать метод для борьбы с ними. Мы, сербы, уже приняли меры и послали миссию в Словению, есть уже много обращений в православие. Хорваты нас мучили. Но мы не свободны в борьбе с католиками, пока во главе правительства и государства стоят католики: маршал Тито, д-р Рибар, министр Шубашич, министр Рыбникар и др., они всегда будут за католиков, и нам бороться с ними не дадут. Нам необходимо открыть семинарию, где мы бы могли организовать отдельный курс антикатолической миссии, но они у нас закрыты, открыть их правительство не дает. Нам нужна печать, надо изготавливать молитвы, иконки и крестики, но католики в правительстве это сделать мешают... Просим Русскую Церковь возглавить борьбу с католицизмом»⁷.

Епископ Нишский Иоанн также просил повлиять на югославское правительство, чтобы оно освободило владыку Бачского Иринья. Таким образом, сербское церковное руководство хотело использовать приезд делегации для укрепления своих позиций в отношениях с коммунистическим правительством. Однако епископ Сергей отклонил все подобные пожелания, указав на невозможность вмешательства Русской Церкви во внутреннюю политику Югославии.

Одной из целей поездки делегации Московской Патриархии было решение вопроса о прекращении общения Сербской Церкви с Русской Православной Церковью за границей (так называемыми карловчанами), однако добиться этого не удалось. На заседании Сербского Синода 11 апреля епископ Сергей просил прекратить каноническое и евхаристическое общение с «нашими эмигрантами как раскольниками», широко оповестить об этом

---

⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 127–128.

общественность Югославии и уведомить предстоятелей автокефальных Православных Церквей. В ответ митрополит Иосиф сказал, что Синод не компетентен решать такие вопросы без Патриарха и Собора епископов, и попросил представить требование в письменной форме, а епископ Тимочский Емилиан открыто заявил, «что разрыв с эмигрантами для них тяжел, так как они в течение 26 лет помогали эмигрантскому Синоду, тем самым желая помочь всей Русской Церкви, что уведомление от Московской Патриархии о запрещении эмигрантов в священнослужении они не получали, что как профашистов Сербский Синод судить карловчан не будет, ибо — это политика, а они ведут Церковь Сербскую вне политики»⁸.

16 апреля епископ Сергей подал письменное требование о прекращении евхаристического и канонического общения с Карловацким Синодом, а также об осуждении деятельности последнего. В ответ митрополит Иосиф 18 апреля написал пространное письмо, в котором фактически уклонился от официального осуждения Архиерейского Синода РПЦЗ. Он заявил, что Сербская Церковь всегда признавала единственной и законной церковной структурой в России лишь Русскую Православную Церковь во главе с Патриархом Тихоном, а духовенство Зарубежной Церкви приняла под свое покровительство, «исходя из великой любви к Русской Церкви и Русскому народу и с целью сохранения их национального сознания и их церковных обычаев и в то время, когда эти бежавшие русские архиереи и священство были составной частью Русской иерархии, которая была в состоянии гонения... Когда произошло разделение между Патриаршей Церковью в России и бежавшей русской иерархией за границей, Сербская Православная Церковь всегда, начиная с 1922 г., старалась и настаивала на их примирении, не желая вмешиваться во внутренние дела и нестроения Русской Церкви». Далее владыка Иосиф писал, что, в связи с нормализацией церковной жизни в России, Сербская Церковь готова прервать общение с незаконными с точки зрения канонов церковными фракциями, но фактически обошел вопрос об осуждении всего Архиерейского Синода, указав: «Просим, чтобы Русская Церковь нам благоизволила доставить свое постановление, из которого будет ясно видно, какие русские архиереи считаются поименно отлученными, как раскольники,

---

⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 130.

с которыми Сербская Православная Церковь и все остальные автокефальные Православные Церкви должны прекратить свои канонические сношения и церковное общение. Когда такое постановление будет получено, Священный Архиерейский Синод сразу же прекратит с таковыми всякое церковное общение»⁹. Такой ответ, естественно, не устроил епископа Сергия.

Русская делегация была также принята заместителем председателя Совета Министров Югославии Э. Карделем, премьер-министром Сербии Нешковичем, председателем президиума Антифашистской скупщины народного освобождения Сербии Станковичем, председателем Антифашистского вече народного освобождения Югославии Рибаром и 21 апреля только что прибывшим из Москвы маршалом И. Б. Тито. В ходе беседы с Тито епископ Сергей выразил сожаление, «что иерархи Сербской Церкви недопонимают или просто не хотят принять ситуацию «знамения времени». Их реакционность перерастает дозволенный церковными традициями консерватизм клерикалов». Маршал согласился, заявив, что он обо всем знает и тоже сожалеет, отметив при этом, «что как Русская, так и Сербская Церкви сделали очень много для своих народов во время этой войны, особенно в лице своих руководителей — патриархов и пастырей, и выразил надежду, что неровности сгладятся и Сербская Церковь, имеющая во главе такого великого патриота, каким является томящийся в неволе Патриарх Гавриил, подобно Русской Церкви, выйдет на правильный путь служения своему народу»¹⁰.

Все члены делегации были награждены югославскими орденами; высший орден страны «Народного Освобождения» 1-й степени вручили 22 апреля в здании скупщины епископу Сергию (Ларину), архимандриту Симеону (Никитину), а также передали для вручения Святейшему Патриарху Алексию¹¹. Протоиереи Димитрий Цветков, Сергей Савинский и Стефан Марков удостоились орденов «Братство и единство», а владыке Сергию позднее был вручен еще один югославский орден — «Святой Славы».

---

⁹ Кострюков А.А. Сербская Церковь и вопрос о правах Зарубежного Синода в конце Второй мировой войны // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 285.

¹⁰ Там же. С. 135; ЖМП. 1945. № 6. С. 27.

¹¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 107.

13 апреля, в соответствии с данными епископу Сергию полномочиями, причт и общины двух русских храмов сербской столицы (Свято-Троицкого и Иверского) были приняты в каноническое и евхаристическое общение с Московской Патриархией. В связи с этим митрополит Иосиф поставил перед делегацией вопрос о предоставлении Сербской Церкви в столице СССР храма и жилого помещения для 2–3 священников, ссылаясь на то, что до революции в Москве было сербское подворье. Проблема передачи находившейся на территории отошедшего к Советскому Союзу Закарпатья Мукачевской епархии Московскому Патриархату в ходе визита делегации решена не была (со ссылкой на отсутствие Патриарха Гавриила), но эта поездка подготовила принятие в октябре 1945 г. соответствующего решения Синода Сербской Церкви¹².

Значительная часть сербских иерархов была в целом разочарована пребыванием русской делегации в Белграде. Вместо ожидаемой поддержки они столкнулись с некоторыми невыполнимыми требованиями и поучениями. Епископ Сергей повел себя явно нетактично и категорично отказался содействовать урегулированию отношений между руководством Сербской Церкви и правительством, о чем его просили члены Синода¹³.

По-видимому, не желая обострять отношения с русской делегацией, митрополит Иосиф 18 апреля от имени Синода, в ответ на письменный запрос от 16 апреля, все же передал епископу Сергию письмо с изложением позиции Сербской Церкви по отношению к Ватикану: «... Сербская Православная Церковь находится в состоянии обороны, как и до сих пор, так как она не располагает другими средствами и возможностями в борьбе с Ватиканом. В совместной же акции всех Православных Церквей против Ватикана, в которой всегда готова сотрудничать, наша Церковь считает, что первым шагом к тому будет работа по лишению Ватикана какого бы то ни было политического значения... Теперь же, когда отдельные части Западной Югославии одна за другою начинают освобождаться от вражеского ига, Священный Архиерейский Синод старается, чтобы как можно скорее дать возможность вернуться

---

¹² Владислав Цытин, *прот.* История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 348–349.

¹³ Русская Православная Церковь. XX в. / Беглов А.А., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. М., 2008. С. 364.

остальным нашим архиереям и православному сербскому духовенству на прежние места службы в тех краях, и дал им необходимые инструкции о том, как надо приступить к возвращению в лоно православия всех тех сербов, которые были насильственно переведены в римо-католичество»¹⁴.

Таким образом, далеко не все поставленные в Москве перед поездкой цели были достигнуты. В своем итоговом отчете Г.Г. Карпову от 28 апреля 1945 г. епископ Сергей писал: «Пребывание нашей делегации в Югославии имеет огромное церковное и политическое значение. Народ и духовенство нас везде торжественно приветствовали. Епископат Сербской Церкви в большинстве реакционный... Мне очень грустно констатировать свое бессилие в выполнении задания Московской Патриархии и Вашего. Я их не смог выполнить точно по отношению эмигрантской иерархии. Я столкнулся с организованным сопротивлением Синода Сербской Церкви в целом, при абсолютной “диктатуре” митр. Иосифа. Особа Патриарха Гавриила лишь служит удобной мишенью, когда надо сослаться на отсутствие полномочий Синода и отказать»¹⁵.

Статья С. Савинского о пребывании делегации Русской Православной Церкви в Белграде под названием «15 дней в Югославии» в дальнейшем была опубликована в «Журнале Московской Патриархии»¹⁶. 30 апреля Г.Г. Карпов направил И.В. Сталину и Л.П. Берии докладную записку о результатах поездки церковной делегации в Югославию и предложением предоставить один из недействующих храмов Москвы Синоду Сербской Церкви при условии выполнения им требования Патриарха Алексия осудить карловчан¹⁷.

Следует отметить, что требуемый разрыв евхаристического общения с Русской Православной Церковью за границей Сербская Церковь совершила лишь условно, с оговорками, которые впоследствии позволяли сербским иерархам сослужить с архиереями РПЦЗ¹⁸. Евхаристическое общение Сербского Патриархата с Русской Православной Церковью за границей не

---

¹⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 62–63.

¹⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 136–137.

¹⁶ ЖМП. 1945. № 6. С. 18–24.

¹⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 29, л. 157–160.

¹⁸ Кострюков А.А. Сербская Церковь и вопрос о правах Зарубежного Синода в конце Второй мировой войны. С. 286–288.

прекратилось и после переезда ее Архиерейского Синода в 1950 г. из Западной Германии в США. Так, например, проживавший до начала 1950-х гг. в Югославии протоиерей Владимир Родзянко 3 февраля 1979 г. писал секретарю Синодальной канцелярии РПЦЗ о. Георгию Граббе: «Сербская Церковь, в частности, Святейший Патриарх Варнава и мой епископ Иринея (передавший мне весь свой архив по этому вопросу и не раз со мной беседовавший на эту тему) сознательно и убежденно не прерывали евхаристического общения ни с одной частью Русской Церкви как в самой России, так и за границей. Как Вам известно, и сейчас Сербская Церковь, несмотря на разные попытки заставить ее изменить свою позицию, не считает Русскую Зарубежную Церковь “раскольничьей”, а Русскую Церковь в России “падшей”»¹⁹.

Особенно тесные отношения с Сербской Церковью в 1970–1990-е гг. существовали у члена Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей архиепископа Берлинского и Германского Марка, получившего духовное образование в Белградской духовной академии, ученика архимандрита Юстина (Поповича), поддерживавшего теплые отношения с другими учениками знаменитого богослова — митрополитом Черногорским Амфилохием (Радовичем), епископами Иринеем (Буловичем), Афанасием (Евтичем) и Артемием (Радосавльевичем).

29 июля 1945 г. Святейший Патриарх Алексей написал послание митрополиту Иосифу, в котором приглашал представителя Сербской Церкви — епископа Владимира (Раича) прибыть в Москву для обсуждения подробностей перехода Мукачевско-Пряшевской епархии в юрисдикцию Русской Православной Церкви. В послании также содержалась просьба снабдить епископа Владимира, ранее управлявшего этой епархией, соответствующим актом, разрешающим ее переход в юрисдикцию Московского Патриархата²⁰.

В соответствии с состоявшимся в середине октября 1945 г. решением Синода Сербской Православной Церкви митрополит Иосиф написал Святейшему Патриарху Алексею о согласии на переход Мукачевской епархии в юрисдикцию Русской Церкви, отмечая: «Исполнив до конца свою христианскую и церковную миссию в этой епархии, наша Святая Православная

---

¹⁹ Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 6, Folder 2.

²⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 133.

Сербская Церковь принимает во внимание крупные исторические события, которые в последнее время наступили в пределах Мукачевской епархии. Поэтому Священный Арх. Синод снова взял в рассмотрение просьбу Вашего Святейшества, чтобы как можно скорее свершилось присоединение этой епархии [к] Русск[ой] Правосл[авной] Церкви»²¹.

Вскоре епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич) приехал в Москву, где передал дела по управлению епархии Московской Патриархии. Акт передачи состоялся 22 октября на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви под председательством Святейшего Патриарха Алексия I. После прочтения письма председателя Сербского Синода митрополита Иосифа епископ Владимир заявил и о своем личном согласии. 23 октября епископом Ужгородским и Мукачевским был назначен бывший епископ Уманский Нестор (Сидорук)²².

Владыка Владимир (Раич) также встретился с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карповым для обсуждения вопросов об открытии подворья Сербской Церкви в Москве и о возможности обучения сербских студентов в Московской духовной академии. В начале ноября епископ Владимир переслал Святейшему Патриарху Алексию свою статью «Мои впечатления от пребывания в Москве», которая была частично опубликована в «Журнале Московской Патриархии»²³. 9 декабря он также выступил перед прихожанами русской Свято-Троицкой церкви в Белграде, рассказав о своих «очень благоприятных для Московской Патриархии» впечатлениях²⁴.

4 октября 1945 г. сербский Американско-Канадский епископ Дионисий (Маливоевич) получил от приехавшего в США представителя Московской Патриархии, архиепископа Ярославского и Ростовского Алексия (Сергева) письмо с предложением личной встречи для проведения совместного богослужения и обсуждения ряда церковных вопросов. Владыка принял это предложение с условием, что он предварительно опубликует открытое письмо Московскому Патриарху Алексию, освещающее положение Сербской

---

²¹ Там же, л. 135–136.

²² Там же, л. 135, оп. 2, д. 34а, л. 30-31; Владислав Цытин, прот. Указ. соч. С. 350, 751.

²³ Пребывание в Москве епископа Мукачевского Владимира // ЖМП. 1945. № 12. С. 20–21.

²⁴ СА, д. 47/44

Церкви в Югославии. 12 октября это письмо было написано и 19 октября появилось в прессе.

Напомнив в нем о страшных потерях во время войны, владыка Дионисий заявил, что нынешний политический режим в Югославии «нанес удар Православной Церкви и оставшемуся ее имуществу». В частности, коммунисты, уничтожая единство и целостность Сербской Церкви, пытаются расчленить ее на провинциальные автокефальные части: македонскую, черногорскую, хорватскую и пр. Владыка Дионисий также выступил против награждения Патриархом Алексием наперсными крестами некоторых сербских священников, «минуя Святейший Синод в Белграде, а через политические органы Тито». В этой инициативе епископ видел «не только попытку вмешательства во внутренние дела этой независимой Православной Церкви, а даже подчинения ее себе». Далее епископ Дионисий протестовал против терминов «реакционеры» и «фашисты», якобы применяемого Патриархом Алексием к некоторым сербским епископам и священникам, «которые защищались против полицейского режима и режима террора, осуществляемого ныне в Югославии»: «Ни один священник, ни один епископ Сербский не посмели так писать или говорить о Русской Церкви и ее иерархах, когда они были преследуемы в прошедшие годы». Владыка также просил заступиться за гонимую Сербскую Церковь, якобы арестованного митрополита Иосифа и не признавать самопровозглашенную Македонскую Православную Церковь²⁵.

В декабре 1945 г. Святейший Патриарх Алексий написал ответное письмо епископу Дионисию, в котором опроверг все обвинения, отметив: «Мы уверены, что только враги сближения двух Православных сестер-Церквей могли столь тенденциозно осветить перед Вами те отдельные случаи, на которые Вы ссылаетесь в Вашем послании». В частности, Патриарх указал, что переслал в сентябре 1944 г. в адрес священников-партизан несколько наперсных крестов и одну панагию в ответ на просьбу протоиерея Евстафия Караматиевича, «не вдаваясь в разбор вопроса, кому персонально они будут розданы» и не в качестве церковной награды (подобное разъяснение уже было дано в письме от 29 сентября 1945 г. митрополиту Скопленскому Иосифу в ответ на его сделанный в августе запрос). Первосвяtitель также опроверг наименование

---

²⁵ Церковная летопись. Лозанна. 1945. № 1. С. 31.

им части сербских епископов «реакционерами» и «фашистами», сообщив, что, почитав у о. Евстафия о переходе на сторону оккупантов двух сербских епископов и части священников, в ответном письме выразил соболезнование: «Вместе с Вами Русская Церковь скорбит о том, что нашлись среди вашего народа изменники вере и Отечеству, что даже среди сербских епископов оказались такие, которые и словом и делом пошли на службу фашистским оккупантам, что ваш доблестный Патриарх Гавриил страдает за свою верность Родине и народу...». В заключение Патриарх Алексий написал, что не имеет сведений об аресте митрополита Скопленского Иосифа, каких-либо преследованиях православных сербов со стороны югославских властей, и отметил: «Ни одна из образовавшихся в Югославии самостийно, без согласия Сербской Церкви, автокефальная церковь, как поступившая против священных канонов, не может быть нами признана». Ответное письмо Патриарха было направлено епископу Дионисию через экзарха Московской Патриархии митрополита Алеутского и Северо-Американского Вениамина (Федченкова) с указанием о возможности его использования в печати²⁶.

Одновременно 2 декабря к Святейшему Патриарху Алексию пришла телеграмма от Александрийского Патриарха Христофора с просьбой о немедленном вмешательстве и оказании помощи преследуемой Православной Церкви в Югославии. В ответной телеграмме Московского Патриарха от 15 декабря 1945 г. эта просьба фактически отклонялась: «... мы не имеем этих печальных сведений, хотя я и имею сношения с митрополитом Иосифом, а недавно был у меня сербский епископ Владимир. Поэтому вмешиваться в этот вопрос и выступать в качестве покровителя перед тремя правительствами на основе непроверенных сведений считаю неудобным...»²⁷.

На Архиерейском Соборе русского Американского митрополичьего округа, состоявшемся 13–14 декабря 1945 г. в Чикаго, было сообщено, что епископ Дионисий выразил Первоиерарху округа митрополиту Феофилу желание сотрудничать с Русской Церковью в Америке, поделился полученными из Югославии сведениями о гонении на Сербскую Церковь со стороны титовских

---

²⁶ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 247–251; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 148–152.

²⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 65, л. 467–469.

коммунистов и известил о приближении в ближайшее время в США из Англии крупнейшего сербского богослова епископа Николая (Велимировича)²⁸. В 1963 г. большая часть так называемой «Дионисиевской» сербской епархии в США и Канаде после последовавшего из Белграда низложения владыки Дионисия формально отделилась от Сербского Патриархата, обвиняя его в сотрудничестве с коммунистической властью. Отделившиеся таким образом Свободные сербы (как они стали себя называть) были осуждены Патриархией как безблагодатные раскольники. Первоначально они обратились к Русской Православной Церкви за границей, но были отвергнуты, затем входили в общение с рядом церковных юрисдикций. Их возвращение в лоно Сербской Матери-Церкви произошло лишь в 1991 г.²⁹

С 22 февраля по 28 марта 1946 г. делегация Московской Патриархии в составе епископа Кировоградского Сергия (Ларина) и секретаря Святейшего Патриарха Алексия I А.Н. Парийского вновь посетила Белград. На этот раз она вела переговоры о переходе в юрисдикцию Русской Церкви Чешской и Прешовской православных епархий, так как 8 ноября 1945 г. Епархиальное собрание Чешской епархии приняло решение о переходе из юрисдикции Сербской Церкви в Московский Патриархат. Первоначально делегация получила отрицательный ответ, так как еще 19 декабря 1945 г. Сербский Синод осудил решение Епархиального собрания как незаконное, поскольку на нем не было ни одного епископа, и чешская делегация, предварительно не обратившись к Церкви-Матери, поехала с ходатайством о принятии в Москву³⁰.

Высказанные пожелания вызвали негативную реакцию у части сербских архиереев. Дело дошло до того, что митрополит Иосиф в проповеди за богослужением 26 февраля 1946 г. в присутствии епископа Сергия и А.Н. Парийского позволил себе выпад против русской делегации, заявив: «К нам приехали вот эти два русса (слово «русс» на сербском языке является непочтительным в отличие от слова «русский»), которые хотят торговаться, кое-что у нас отнять, но вы не беспокойтесь, все будет хорошо, мы с ними поторгуемся, и они

---

²⁸ Церковная летопись. 1945. № 1. С. 30.

²⁹ Мосс В. Указ. соч. С. 275; Православие. 1991. 1 июня.

³⁰ Гласник Српске Православне Цркве. 1946. № 2. С. 18.

уедут». Все это было произнесено по-сербски, присутствовавшие в храме насмешливо заулыбались, а епископ Сергей с Парийским, не разобравшись в ситуации, заулыбались вместе с ними³¹.

Для русской делегации был также подготовлен меморандум о «научно-канонической невозможности» передачи Чешской епархии в юрисдикцию Московского Патриархата, а принявший делегацию митрополит Иосиф заявил, что этот вопрос может разрешить только Архиерейский Собор под председательством Патриарха, и отказался даже предоставить право одному из русских епископов окормлять епархию, не управляя ею, отметив, что «Патриарх Алексей и Русская Церковь в целом нанесли пощечину братской Сербской Церкви за все их доброе отношение к русским». 18 марта заявление делегации было заслушано на Архиерейском Соборе, а на следующий день по просьбе советского Министерства иностранных дел чехословацкий поверенный в делах Карпичек посетил митрополита Иосифа и сообщил ему о согласии правительства Чехословакии на переход епархии, в тот же день владыке была передана соответствующая письменная нота. Благодаря участию в решении этого вопроса государственных властей Чехословакии и Югославии был найден компромисс. 19 марта Архиерейский Собор постановил присоединить к Чешской епархии оставшуюся на территории Чехословакии часть Мукачевско-Пряшевской епархии, а 20 марта дал согласие на то, чтобы Московская Патриархия направила в Прагу епископа для временного возглавления епархии, хотя формально Сербская Церковь не отказалась от своей юрисдикции над ней³².

Извещение об этом решении за подписью митрополита Иосифа было направлено Святейшему Патриарху Алексию и Епархиальному совету в Прагу. Уже после отъезда делегации Московского Патриархата — 19–20 мая 1946 г. и Сербский Архиерейский Собор дал согласие на то, чтобы Чешскую епархию возглавил русский епископ³³. Однако лишь 15 мая 1948 г. Священный Архиерейский Собор Сербской Церкви окончательно отпустил

---

³¹ Кострюков А.А. Сербская Церковь и вопрос о правах Зарубежного Синода в конце Второй мировой войны. С. 288.

³² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 262–267.

³³ Русская Православная Церковь. XX в. С. 383, 386.

Чехословацкую Православную Церковь в юрисдикцию Московской Патриархии³⁴. Накануне отъезда — 27 марта 1946 г. русскую делегацию принял И.Б. Тито.

Во время посещения Святейшим Патриархом Алексием в мае 1946 г. Болгарии с ним встретился специально приехавший в Софию епископ Бачский Ириней (Чирич). Близко знавший его протоиерей Владимир Родзянко позднее вспоминал об этом так: «Епископ Ириней сам был первый, кого Сербский Синод послал в Софию для личной встречи и сослужения с Патриархом Алексием (это не спасло его, однако, от коммунистической расправы, т.к. он оставался, как архипастырь, стойким и принципиальным)»³⁵.

14 ноября 1946 г. в Югославию вернулся Патриарх Гавриил (Дожич). После освобождения из немецкого плена он поселился в Риме и долгое время не желал переезжать в Югославию, ожидая возвращения в страну короля Петра, у которого летом 1946 г. крестил новорожденного сына. При этом Сербский Патриарх старался поддерживать хорошие отношения и с Московским Патриархатом, и с Русской Православной Церковью за границей, желая примирить их. В частности, 22 октября 1945 г. на приеме в Лондоне он имел беседу с представлявшим РПЦЗ протоиереем Михаилом Польским. В тот же день о. Михаил в письме в США архиепископу Виталию (Максименко) так сообщил об этом разговоре: «Патриарх с чувством глубокой внутренней симпатии и личной дружбы говорил о митрополите Анастасии, осведомлялся о нем и его положении, рад, что он уже в Женеве... Патриарх, конечно, осведомился о нашем направлении и высказался за то, чтобы быть нам в общении с Московской Патриархией и этим поддержать ее в ее новом положении, допуская, что советами сделаны уступки церкви. На указание, что все это советская тактика, что епископат и духовенство в России страдают, Патриарх согласился и добавил все об ужасах в Югославии. А на напоминание, что некогда живоцерковники получили поддержку от восточных патриархов, он заявил, что он и тогда рекомендовал грекам не вмешиваться во внутренние дела Русской Церкви. В общем, он подчеркивал строгость, прямоту, чистоту и твердость митрополита Анастасия, но с мыслью, что, может быть, ему надо бы

---

³⁴ Владислав Цытин, *прот.* Указ. соч. С. 351.

³⁵ Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 6, Folder 2.

и уступить теперь. Однако сам сказал, что и Сербская Церковь переживает сейчас свой 18-й год. Туда он отказался вернуться»³⁶.

Только переговоры в сентябре 1946 г. в Карловых Варах, где Патриарх находился на лечении, с экзархом Московской Патриархии в Чехословакии архиепископом Елевферием (Воронцовым) побудили Сербского Первосвященителя изменить решение о невозвращении на Родину. В докладе Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1947 г. отмечалось, что архиепископ Елевферий «по поручению Патриарха Алексия, провел с Гавриилом ряд бесед и убедил его в необходимости вернуться в Югославию и сотрудничать с демократическим правительством Тито, оставив надежды на восстановление монархии». Следует отметить, что коммунистическое правительство Югославии лишь после некоторых колебаний позволило Патриарху вернуться в страну, дав ему требуемое обещание личной неприкосновенности³⁷.

В день своего прибытия Первосвященитель получил поздравление с приездом от маршала Тито и совершил благодарственный молебен в кафедральном соборе Белграда. В своем слове собравшимся в храме Патриарх Гавриил сказал, что он прибыл на Родину добровольно, имея в виду необходимость полного объединения церковных сил для устройства церковной жизни в новых условиях современности в духе мира и христианской любви. К этому объединению он призвал всех чад Сербской Церкви. В дальнейшей беседе с духовенством Патриарх сказал, что он верен традиционной дружбе с Россией и ее народом, отметив: «В 1943 г. немцами было ему предложено издать акт с осуждением избрания в Москве П. Сергия; он категорически отказался это сделать»³⁸.

Сербский Первосвященитель также тепло принял делегацию русского духовенства Югославии во главе с настоятелем Свято-Троицкой церкви Белграда протоиереем Иоанном Сокалем. Извещая Московского Патриарха Алексия о своем вступлении в управление Сербской Церковью, священитель Гавриил писал: «Наша святая Сербская Православная Церковь со своим священством и народом на протяжении свыше столетия получала помощь от своей

---

³⁶ СА, личное дело митрополита Анастасия (Грибановского).

³⁷ Пузович П. Краткая история Сербской Православной Церкви в бывшей Югославии в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 129; Православная Русь. 1947. № 5. С. 16.

³⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. I. С. 365.

сестры — Русской Православной Церкви, защиту у великого братского русского народа и у матери и покровительницы славянства — великой Русской земли. Мы будем следовать веками освященным светлым традициям прошлого в интересах православия и славянской солидарности»³⁹.

Посетивший Белград для участия во Всеславянском конгрессе член Славянского комитета СССР митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) с 3 по 11 декабря 1946 г. имел несколько встреч с Патриархом Гавриилом, который заявил, что верен дружбе с Россией и категорически отвергает ориентацию на Запад, а Русская Церковь должна быть не только сестрой для славянских Церквей, но и матерью. Патриарх также говорил о желании побывать весной или летом 1947 г. в Москве, невозможности соединения с Англиканской Церковью, своем негативном отношении к экуменическому движению, попросил Патриарха Алексия не торопиться с решением вопроса о принятии православных венгров в юрисдикцию Московского Патриархата и высказал мысль о том, что Православные Церкви должны иметь единый фронт по всем общим для них вопросам, для чего необходимо собраться в Москве представителям всех указанных Церквей: «Несмотря на все испытания, Русская Церковь самая могущественная, и мы, все остальные малые Церкви, должны быть с ней. Русской Церкви принадлежит теперь руководящее начало, и мы должны пользоваться этим руководством»⁴⁰.

Выступая 10 декабря на Всеславянском конгрессе, Святейший Патриарх Гавриил заявил, «что первенство в православном мире должно принадлежать Московскому Патриархату, и Русская Церковь должна стать Матерью для славянских Церквей». Развивая эту мысль и констатируя антиславянскую и антисоветскую «подрывную» работу Ватикана, Патриарх сказал: «Вот почему нам нужно быть вместе с русским народом и Русской Церковью, чтобы противостоять всем козням и вражеским замыслам всего Запада во главе с Римским Папой и его сторонниками». Кроме того, Первосвятитель говорил, что Сербская Церковь «будет служить своему

---

³⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 149, л. 39.

⁴⁰ Там же, л. 36, оп. 7, д. 91, л. 25; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. С. 27–28.

народу, во главе которого стоит народный вождь Тито, и будет в полном единении с Русской Церковью и русским народом, возглавляемым великим Сталиным»⁴¹.

При этом у Патриарха в Синоде была оппозиция в лице митрополита Скопленского Иосифа и епископа Тузланского Нектария. В начале декабря 1946 г. острая полемика между ними произошла даже во время одной из встреч с владыкой Николаем (Ярушевичем). Митрополит Иосиф заявил: «Как можно иметь дело с безбожной и с коммунистической властью? Как можно доверять коммунистам? Кто такой Тито, откуда он взялся? Кто он — жид или мусульманин? Коммунисты умеют только обманывать». Однако Патриарх Гавриил резко прервал его, сказав: «Не имеете права так говорить, тем более в присутствии дорогого гостя. И рассуждения Ваши в корне неверны: нас не касается то, безбожна ли власть или нет, и то, что она — коммунистическая власть; мы должны знать, что она — народная власть, избрана народом, и потому она для нас так же дорога, как и нашему народу»⁴². Следует отметить, что на это противостояние влияло и недовольство митрополита Иосифа утратой поста предстоятеля Сербской Церкви. В частности, по поводу прибытия Патриарха в Югославию он публично сказал: «Я спас за время оккупации Церковь, а вот посмотрим, что сделает этот черногорец»⁴³.

Под влиянием митрополита Николая Патриарх Гавриил перестал колебаться относительно необходимости встречи в ближайшее время с И.Б. Тито (он опасался церковного раскола). 6 декабря Первосвященитель, а также митрополит Иосиф и епископ Нектарий были приняты руководителем Югославии. Тито, который впервые лично встретился с церковными иерархами, выслушав их просьбы (о предоставлении здания для Духовной семинарии в Призрене, разрешении преподавания в школах Закона Божия во внеурочное время, учреждении государственного Совета по церковным делам и т.д.), попросил составить докладную записку обо всех нуждах Церкви и обещал содействие. После встречи владыка Иосиф сказал митрополиту Николаю (Ярушевичу), что он не ожидал того, что маршал «не только не будет бранить его за

---

⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 27.

⁴² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 366.

⁴³ Там же. С. 551.

упорное уклонение от контакта с правительством и за оппозицию, но шутил с ним...»⁴⁴

В середине января 1947 г. И. Б. Тито нанес ответный визит Патриарху Гавриилу, который в беседе с ним заявил о своей полной готовности поддержать правительство в деле восстановления страны, в свою очередь попросив оказать Сербской Церкви материальную помощь, и, не скрывая враждебного отношения к Ватикану, высказался о целесообразности создания независимой от него Католической Церкви в Югославии. Первосвященитель также положительно отозвался об идее объединения славянских народов и выразил желание поехать в Советский Союз. И. Б. Тито «высказался за сохранение единой Православной Церкви в Югославии» и заявил Патриарху: «С Вами легко сговориться. Вы здесь на месте, и мы знаем, что Православная Церковь с народом, как и мы, а посему друг друга легко сможем понять и пойти взаимно навстречу. А вот с католиками, у которых центр вне нашей страны и притом чуждый нашему народу, сговориться труднее, да при том и желания нет»⁴⁵.

27 января руководитель Югославии в разговоре с советским послом в Белграде А.И. Лаврентьевым поставил вопрос о необходимости приглашения Патриарха Гавриила Московской Патриархией. И.Б. Тито также вкратце пересказал содержание своей беседы с предстоятелем и заявил, что «намерен денежно помочь Православной Церкви», а о создании независимой Католической Церкви в Югославии он тоже думал, и эта идея «заслуживает внимания».⁴⁶ По предложению Совета по делам Русской Православной Церкви Совет Министров СССР распоряжением от 7 апреля дал свое согласие на приезд в Москву главы Сербской Церкви, и через неделю Святейший Патриарх Алексей направил соответствующее приглашение в Белград. Однако из-за серьезных внутрицерковных проблем в 1947 г. эта поездка не состоялась.

В другой беседе с А.И. Лаврентьевым 29 апреля 1947 г. И.Б. Тито сообщил, что руководство Сербской Церкви направило югославским властям «про- страннный меморандум по ряду вопросов» и «правительство в основном

---

⁴⁴ Там же. С. 366.

⁴⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 134, л. 76–77; Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 247.

⁴⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 134, л. 104–105.

удовлетворило просьбу Патриархии... На этот год югославское правительство согласилось дать дотацию Сербской Церкви в сумме 20 млн динар, а также согласилось вернуть ряд ранее взятых церковных помещений»⁴⁷.

Несмотря на существующие преграды, было частично восстановлено фактически исчезнувшее в годы войны духовное образование. Возобновивший свою работу в 1945 г. богословский факультет до 1952 г. оставался частью Белградского университета. При этом следует упомянуть, что одним из девяти преподавателей, стараниями которых факультет восстановил свою деятельность, был русский профессор В.Ф. Фрадинский⁴⁸. В Призрене в октябре 1947 г. открылась первая духовная семинария, еще одна семинария — св. Саввы — начала действовать в 1949 г. в Раковицком монастыре (Белград). Выходивший нерегулярно в годы войны журнал «Вестник Сербской Православной Церкви» («Гласник Српске Православне Цркве») с 1 марта 1946 г. стал выпускаться ежемесячно. «Великий календарь» под названием «Церковь» (со статьями просветительного характера) периодически издавался в период оккупации и после войны до 1946 г. С 1949 г. стал регулярно выходить карманный «Календарь». Весной того же года Союз православных священников Югославии начал выпускать ежемесячную газету «Вестник» («Виесник») с целью повышения образовательного уровня духовенства⁴⁹.

Между тем весной—летом 1947 г. положение в Сербской Православной Церкви обострилось, вновь возникла угроза раскола. Большая часть епископата во главе с митрополитом Скопленским Иосифом негативно восприняла проправительственный курс святителя Гавриила в первые месяцы после его возвращения. Благодочинный русских церквей в Югославии о. И. Сокаль в своем письме в Московскую Патриархию от 11 августа 1947 г. сообщал: «Патриарху стали внушать мысль, что если он останется с правительством, то весь народ уйдет из Церкви, и нечем будет содержаться, что этим он погубит Церковь, произведет в ней раскол и кончит катастрофой. Чтобы сильнее повлиять на Патриарха, ему устроили демонстрацию. Во время крестного хода [22 мая]

---

⁴⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 589.

⁴⁸ Драшкович Ч. Четыредесят година Богословског факултета у Београду // Богословье, Београд, 1961. № 1–2. С. 11.

⁴⁹ Пузович П. Указ. соч. С. 130–131.

десятки тысяч народа во главе с реакционерами подошли к дворцу Патриарха и потребовали его выхода. Вышли на балкон м. Иосиф и Патриарх, который стал благословлять народ, а в ответ раздались громогласные рукоплескания и крики толпы: «Иосиф, Иосиф, Иосиф...», а тот и сказал Патриарху: «Народ со мной, а не с Вами...». Не имея на своей стороне ни епископата, ни народа..., Патриарх действительно устранился от возможного разделения в Церкви и решил употребить все меры, чтобы этого избежать»⁵⁰.

В связи с этим Патриарх Гавриил на заседаниях Архиерейского Собора в апреле — мае поддержал ряд оппозиционных по отношению к правительству предложений большинства епископата несколько священников, выказавших симпатию новому строю, были преданы дисциплинарному суду. Собор также принял обращение к государственной Комиссии по вероисповеданиям Сербии с изложением различных фактов притеснений верующих на местах, и, не дожидаясь проверки их, опубликовал в журнале «Гласник»⁵¹. Священный Синод отказал нескольким сербским священникам в США в их жалобе на епископа Дионисия, который запретил им продолжать службу за их симпатии к Федеративной народной республике Югославия. Сказалась ситуация и на отношениях с Московской Патриархией: на Архиерейском Соборе не был утвержден переход Чешской епархии в юрисдикцию Русской Церкви (подтвердили лишь временную передачу епархии, причем Епархиальному собранию предложили послать Патриарху Гавриилу отношение с сообщением, что никакого давления на чешские круги в вопросе смены юрисдикции оказано не было), кроме того, выражен протест против возможного принятия в юрисдикцию Московского Патриархата нескольких православных общин в Венгрии, святитель Гавриил отложил свою поездку в Москву (от этого его отговаривал при личной встрече и английский посол в Белграде Пиик). При этом митрополит Иосиф настаивал на резкой телеграмме в Московскую Патриархию по поводу ситуации с православными венграми (подобная телеграмма все же не была послана)⁵².

---

⁵⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 551.

⁵¹ Гласник Српске Православие Цркве. 1947. № 5.

⁵² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 552–553; Политика. Београд. 6.08.1947.

Югославское правительство, согласно сообщению премьер-министра Сербии Б. Нешковича советскому послу в Белграде А.И. Лаврентьеву в июле 1947 г., уже планировало «некоторые меры дискриминации в отношении Иосифа» (о возможности «изоляции» митрополита послу еще 27 апреля 1947 г. говорил И.Б. Тито). С целью создать себе опору среди духовенства, коммунистические власти стали использовать появившиеся в Сербской Церкви течения, близкие по своим взглядам с обновленчеством в СССР. В результате данной политики в период с августа 1947 по начало 1948 гг. были образованы контролируемые коммунистами республиканские Союзы православных священников Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Македонии. Они официально подчинялись Священному Синоду, однако имели статус профсоюза и как субъект национальной профсоюзной организации находились под прямым государственным и партийным контролем⁵³.

В начале сентября 1947 г. первый секретарь советского посольства в Белграде А.И. Иванов посетил Патриарха Гавриила и вручил ему письмо Московского Патриарха от 14 августа об отсрочке планируемого на осень 1947 г. Всеправославного совещания в Москве и негативной реакции на созыв совещания Элладской Церкви. В ходе беседы святитель Гавриил «также высказал сомнение в том, имел ли право Алексей решать вопрос о созыве такого совещания с определением времени и места его». Относительно напоминания о желательности его приезда в Москву Патриарх сказал, что намерен отложить поездку до апреля следующего года из-за плохого состояния его здоровья и «тяжелого морального и материального положения» Сербской Церкви. При этом Первосвятитель заявил, что, несмотря на обещания Тито, гонения на Церковь и оскорбления верующих продолжаются и церковное имущество не возвращается⁵⁴.

Обо всех случаях гонения на Церковь Патриарх сообщал генеральному секретарю правительства Югославии генералу Л. Джуричу (игравшему в органах власти главную роль в решении церковных вопросов) и заместителю премьер-министра Сербии, которые обещали принять меры к их

---

⁵³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 531, 553, 589; Политика. 9.08.1947.

⁵⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 134, л. 150–151.

предотвращению, однако подобные факты продолжают происходить. В итоге Первосвященитель заявил, «что если такая политика правительства, направленная против Церкви, будет продолжаться, то он вынужден будет сказать: “Довольно”!» В результате беседы у сотрудников посольства сложилось впечатление, «что Гавриил серьезно колеблется. По-видимому, он не согласен с политикой правительства и в тоже время не хочет выступать против него. Несомненно то, что на Гавриила оказывает влияние его окружение, так как епископы в подавляющей своей части настроены реакционно»⁵⁵.

9 сентября посол СССР в Белграде А.И. Лаврентьев проинформировал председателя Совета Министров Югославии Э. Карделя о беседе с Патриархом Гавриилом и высказанных последним претензиях. Интересно, что Кардель воспринял это как упрек с советской стороны югославским властям и в состоявшейся беседе фактически оправдывался⁵⁶.

В октябре 1947 г. Сербскую Патриархию посетил Болгарский экзарх митрополит Стефан, который в письме Московскому Патриарху Алексию от 30 октября писал о согласии сербских архиереев со своим мнением, «что нельзя бездействовать пред католической агрессией, как и пред, с одной стороны, непонятным властолюбием, а с другой, пассивным отношением Царградского Патриарха к инославным Церквам»⁵⁷.

В свою очередь, Святейший Патриарх Алексей 28 октября отправил Сербскому Патриарху телеграмму, в которой писал: «Благодарю Ваше Святейшество за приветствие Ваше в письме митрополиту Николаю, взаимно приветствую пожеланиями здоровья. Неизменно желаю личного свидания с Вашим Святейшеством для решения вопросов, касающихся наших Церквей — Сербской и Русской. С любовью приглашаю Вас посетить в ближайшее время Москву». Однако 2 ноября Патриарх Гавриил сообщил о необходимости отложить посещение СССР, ссылаясь на нездоровье и «другие препятствия»⁵⁸.

Между тем отношения югославского правительства и Сербской Патриархии продолжали обостряться. В январе 1948 г. был арестован и отдан под суд

---

⁵⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 134, л. 150–151.

⁵⁶ Там же, л. 152–153.

⁵⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 602–603.

⁵⁸ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 314.

управлявший Сараевской епархией молодой викарный епископ Хвостанский Варнава (Настич), допустивший в проповеди несколько некорректных выражений в отношении югославской армии и пятилетки⁵⁹. В это же время без разрешения Сербской Патриархии, но при активной поддержке Комиссии по вероисповеданиям Сербии (возглавляемой протоиереем Миланом Смиляничем) в Белграде состоялся съезд православного духовенства⁶⁰.

В начале января 1948 г. Сербский Патриарх принял приехавшего из Москвы профессора С.В. Троицкого, который передал Первосвятителю письмо Патриарха Алексия. В беседе с Троицким Патриарх Гавриил сказал, что собирается принять участие летом 1948 г. в Московском Всеправославном совещании, а вопрос о переходе Чехословацкой Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата будет рассмотрен на ближайшем Архиерейском Соборе после изучения особой комиссией⁶¹.

В первой половине января Сербского Патриарха также посетили англиканский Гибралтарский епископ и главный секретарь экуменического движения Роберт Тобиас, передавший значительную сумму в помощь богословскому факультету Белградского университета. После этого святитель Гавриил начал склоняться к мысли о необходимости присутствия делегатов от православных славян во Всемирном Совете Церквей (ВСЦ), чтобы Православие в нем не представляли «одни греки»⁶². В докладной записке Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 3 июля 1948 г. отмечалось, что «Болгария и Югославия стали местами паломничества видных деятелей ВСЦ, встречавшихся с главой Болгарской Православной Церкви, с Сербским Патриархом, митрополитами и богословами», при этом постоянно звучали обещания щедрой материальной помощи в обмен на участие в экуменическом движении⁶³.

В письме от 12 февраля Сербский Патриарх сообщил Патриарху Алексию о полученном им письме от Всемирного Совета Церквей, в котором содержалась просьба о присоединении Сербской Церкви к мировому экуменическому

---

⁵⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 149, л. 9–10.

⁶⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 633–634.

⁶¹ Там же. С. 633.

⁶² Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е гг. М., 2011. С. 222.

⁶³ Там же. С. 256–257; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 2.

движению, и попросил совета: «...Я с братской любовью прошу Ваше Святейшество, чтобы Вы благоволили оповестить нас об отношении Святой Православной Русской Церкви к Мировому движению христианских Церквей, и какую позицию к нему намерено занять в будущем Ваше Святейшество? Со своей стороны мы желаем, чтобы отношение и позиция Сербской Православной Церкви были приведены в гармонию с отношением нашей братской великой Русской Православной Церкви к этому вопросу». В ответе от 5 марта Патриарх Алексий уклончиво написал, что Русская Церковь «считает за лучшее не самостоятельно решать вопрос об участии или неучастии в экуменическом движении», а предварительно посоветоваться с другими Православными Церквями: «Мы же заявляем, что до совместного обсуждения этого вопроса на общем совещании наша Церковь воздерживается от ответа Всемирному совету Церквей»⁶⁴.

В марте 1948 г. была создана государственная Комиссия по вероисповеданиям Югославии во главе с генеральным секретарем правительства генералом Любодрагом Джуричем (крещенным в католичество), которая установила непосредственную связь с Патриархом Гавриилом и добилаь от него согласия освободить митрополита Иосифа от Скопленской кафедры на предстоящем в мае Архиерейском Соборе (это сделано не было). Кроме того, по настоянию комиссии Синод признал законным существование проправительственных союзов православных священников, сняв все наложенные запрещения на вступление в их ряды. Комиссия по вероисповеданиям и Патриарх также заключили тайное соглашение, в соответствии с которым все кандидаты в епископы должны были получать одобрение правительства. Кроме того, Первосвятитель обещал постараться провести через Синод замещение кафедр эмигрировавших в США епископов Николая (Велимировича) и Иринея (Джорджевича)⁶⁵.

26 апреля протоиерей Иоанн Сокаль в письме Патриарху Алексию сообщил эти новости, отметив, что югославское правительство старается изолировать митрополита Иосифа от Патриарха Гавриила, а затем и вообще от влияния на церковные дела. В письме также указывалось: «Что касается

---

⁶⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 422, л. 15–19.

⁶⁵ Там же, л. 49–50.

поездки в Москву, то Патриарх хочет, но не знает еще до Собора, пустят ли его или пошлют делегатов без него, т.к. боятся, что он, как черногорец, может изменить интересам сербского шовинизма и стать на сторону правительства и Москвы, а они свой челнок уже отвязали от русского дредоута и пытаются пристегнуть к английскому пакету с американскими долларами и атомной бомбой»⁶⁶. Здесь о. Иоанн имел ввиду группу сторонников митрополита Иосифа, несколько сгущая краски и преувеличивая их прозападные симпатии.

23–27 апреля в Белграде находилась возвращавшаяся из Албании делегация Московской Патриархии во главе с епископом Мукачешким и Ужгородским Нестором (Сидоруком), который был несколько раз принят Патриархом Гавриилом. В состоявшейся беседе Сербский Первосвященитель заявил, что, если ему позволит здоровье, он приедет на Московское совещание сам, а в противном случае пришлет делегацию⁶⁷. 15 мая 1948 г. Священный Архиерейский Собор Сербской Церкви принял обещанное постановление о передаче Чехословацкой Православной Церкви в юрисдикцию Московского Патриархата⁶⁸.

Однако вскоре советско-югославские отношения начали быстро ухудшаться (возник известный конфликт Сталин — Тито). В июне 1948 г. на совещании Коммунистического информационного бюро в Бухаресте югославское руководство было подвергнуто резкой критике, обвинено в «пересмотре марксистско-ленинского учения о партии», «проведении ошибочной политики в деревне», «переходе партии на путь национализма» и т.п. Все это излагалось в принятой на Бухарестском совещании резолюции «О положении в коммунистической партии Югославии»⁶⁹.

В результате 3 июля Л. Джурич, посетив Патриарха Гавриила, объявил ему, что правительство Югославии против поездки в Москву на совещание делегации Сербской Церкви, и подчеркнул: «Если же делегация поедет, то правительство обнаружит, что это сделано против воли правительства и народа ... Москва против нашего правительства и народа, и если Вы поедете, то это

---

⁶⁶ Там же, оп. 7, д. 149, л. 9–11.

⁶⁷ Там же, оп. 1, д. 289, л. 189–190, д. 422, л. 57–58.

⁶⁸ Владислав Цытин, прот. Указ. соч. С. 351.

⁶⁹ Совещания Коминформа. 1947. 1948. 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 455–461.

будет означать, что Вы солидарны с Москвой. Москва незаслуженно критикует КПЮ и этим самым оскорбляет югославское правительство и югославский народ». Никакие доводы Патриарха не были приняты Джуричем во внимание, указавшим, что его заявление официально, и пригрозившим лишением Патриаршества и права возвращения на родину⁷⁰.

Только после вмешательства Министерства иностранных дел СССР Святейший Патриарх Гавриил с сопровождающими лицами смог вылететь в Москву специальным самолетом, предоставленным советской стороной⁷¹. Таким образом, в июле 1948 г. представительная сербская делегация все-таки приняла участие в проведенном в СССР под благовидным предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви совещании глав Православных Церквей. Целью совещания была попытка объединения Православных Церквей под эгидой Московского Патриархата или, как минимум, окончательное оформление европейского «Православного блока». В Москву приехали делегации 11 автокефальных Церквей из 13, правда, две делегации — Константинопольская и Греческая (Элладская) прибыли только на празднества и в работе совещания непосредственно не участвовали, пытаясь своим воздействием на некоторых глав Церквей сорвать принятие ряда решений⁷².

Празднества и заседания проходили в Москве почти две недели, все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства⁷³. В результате предварительной работы удалось достичь единства позиций участников, хотя без борьбы не обошлось⁷⁴. Особую позицию по отношению к экуменическому движению (в котором было решено не участвовать) занимал Болгарский экзарх Стефан, но на него, в конце концов, повлияло сильное давление со стороны Московской Патриархии и Сербского Патриарха Гавриила. В своей докладной записке в Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 3 августа 1948 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов отмечал: «Успешной работе совещания

---

⁷⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 724–725.

⁷¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 412, л. 95.

⁷² РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 100–103.

⁷³ Там же, л. 25.

⁷⁴ Там же, оп. 132, д. 8, л. 47.

содействовало доброжелательное отношение к Русской Церкви Сербского Патриарха Гавриила, особенно выделявшегося своей прямоотой, откровенно дружеским расположением...»⁷⁵.

В результате на совещании были единогласно приняты постановления «Ватикан и Православная Церковь», «Экуменическое движение и Православная Церковь», направленные против Римского Папы и «гнезда протестантизма» Америки, а также схожее по характеру «Обращение к христианам всего мира». В резолюции «Об англиканской иерархии» ей, хотя и в мягкой форме, фактически отказывали в признании действительности⁷⁶. Конфронтация бывших военных союзников повлияла на межцерковные связи, Англиканская Церковь рассматривалась уже как претендент на европейское лидерство.

В ходе празднества и совещания Святейший Патриарх Гавриил неоднократно говорил об исключительной роли Московской Патриархии в современном Православии: «Мы и ныне видим в величии России надежную гарантию счастливой будущности всего Православия и славянских народов, гарантию мира и правды, и свободы всего человечества»⁷⁷. Первосвятитель считал, что связи югославского правительства и народа с Москвой должны быть крепкими, так как «Балканы — это пороховой погреб, и нам надо ориентироваться на Восток, разрывая связь с Западом и Ватиканом без всяких оговорок». Он также обратил особое внимание на взаимоотношения, существовавшие между Московской Патриархией и государством в лице Совета по делам Русской Православной Церкви, находя эти отношения «вполне правильными», в отличие от Югославии, где существуют притеснения и преследования духовенства. Святитель Гавриил не скрыл того факта, что его выезду в СССР пыталось препятствовать правительство Югославии, а «адъютант Тито» генерал Джурич даже «угрожал репрессиями в случае поездки»⁷⁸.

В середине июля сербская делегация посетила Совет по делам Русской Православной Церкви. В беседах в Совете и с членами Синода Московско-

---

⁷⁵ Там же, л. 102; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 124.

⁷⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 104–105.

⁷⁷ ЖМП. 1948. № 8. С. 48.

⁷⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 125–126; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 103–105.

го Патриархата Патриарх Гавриил заявлял, что он считает линию, занятую Москвой по отношению к югославскому правительству, правильной, выражал свое недовольство по отношению к Тито, говоря, что «мы хотели бы иметь во главе правительства не хорвата, а серба». В своем донесении о ходе совещания от 12 июля советскому руководству Г.Г. Карпов писал: «Сербский Патриарх Гавриил на приеме в Совете высказал недовольство отношением к Православной Церкви югославского правительства, которое усилило репрессии. Во главе Комиссии по вероисповеданиям стоит католик, а заместителем его является мусульманин. По словам Гавриила, последнее время арестовано много православных священников, в том числе один младший викарий, осужденный на 11 лет каторги за то, что заявил с амвона, что не пятилетка поднимает благосостояние народа, а Бог. Этому викария в тюрьме обрили и угнали на каторжные работы, а в тоже время католический епископ Степинац, осужденный по процессу, пользуется в тюрьме особыми привилегиями, имеет две комнаты и прислугу. Патриарх Гавриил высказывает также свое недовольство лично Тито...». В другом донесении от 20 июля Г.Г. Карпова приводилась следующая оценка, данная Сербским Патриархом: «У вас вождь — всему народу известный Сталин, а у нас — откуда явился Тито, никто не знает, что это за человек и куда он поведет»; Сербская Церковь из-за политики югославского правительства «не может найти свое место в государстве»⁷⁹.

Из всех членов сербской делегации лишь митрополит Скопленский Иосиф порой позволял себе недружественные высказывания. Так, касаясь достижений советского правительства и благоустройства Москвы, он заявил, что «все это построено на крови и страданиях народа»⁸⁰.

В дни работы совещания была достигнута договоренность об открытии московского подворья Сербской Православной Церкви — при храме святых апостолов Петра и Павла (Петропавловский пер., д. 4/6), с условием полного содержания этого храма и причта Московской Патриархией (соответствующее решение было принято Советом министров СССР еще 16 декабря 1947 г., а «Положение о храмах, передаваемых Автокефальным Православным

---

⁷⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 48, 94; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 103–104.

⁸⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 290, л. 127.

Церквам» введено в действие распоряжением Совета министров от 7 января 1949 г.)⁸¹.

Вскоре после возвращения делегации в Белград, 9 августа 1948 г. митрополит Иосиф посетил советского посла А.И. Лаврентьева и от имени Святейшего Патриарха Гавриила и всех других приезжавших в Москву представителей Сербской Церкви «выразил сердечную благодарность за теплый прием, оказанный им... как Патриархом Алексием, так и министром Карповым». Владыка Иосиф также сообщил, «что в составе югославской делегации было единогласие по обсуждаемым в Москве вопросам»⁸². После этого регулярные межцерковные связи из-за влияния конфликта Сталин — Тито надолго прервались.

7 февраля 1949 г. Святейший Патриарх Алексей направил письмо святителю Гавриилу, в котором просил информировать о мероприятиях Сербской Церкви по реализации решений Московского совещания. Патриарх Гавриил получил это послание только 22 апреля через советского консула Иванова и 4 мая передал для отправки ответное письмо, в котором сообщил о публикации решений Московского совещания с комментариями в журнале «Гласник», отметив: «Мы не только что готовы, но и горячо желаем с великою Русскою Церковью верно и тесно держать единство и ей оказывать всякое возможное сотрудничество в интересах Православия и Славянства. Но в таких условиях, когда нас держат в крепком оцепенении и постоянном третировании, мы не в состоянии выполнить наши обязательства, которые по вызову и положению имеем»⁸³.

Первосвященитель также осудил участие официальных делегаций Константинопольской и Элладской Церквей в Амстердамской ассамблее и подробно описал «отчаянное положение», в котором теперь находится «многострадавшая Сербская Церковь»: «Может быть, под влиянием политических перемен в отношениях с Советским Союзом или вследствие некоторых других причин положение в нашей Церкви чувствительно ухудшилось...

---

⁸¹ Владислав Цыпин, *прот.* Указ. соч. С. 356; Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 379.

⁸² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. I. С. 743–744.

⁸³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 580, л. 35.

Епархиальные архиереи были поставлены в невозможность обращаться к пастве хотя с каким-либо печатным произведением. Нам в Св. Синоде была предоставлена возможность в праздники Рождества и Воскресения Христова обращаться в каждый из них с кратким посланием. В последнее время это стало для нас невозможным. Интересно упомянуть, что “Благовест”, периодическое издание здешней римско-католической архиепископии, регулярно каждый месяц печатается в той самой типографии, где и наш “Вестник”, который едва мог быть опубликован всего в трех выпусках. Третирование, дурное обращение и аресты наших архиереев и священников совершаются постоянно по всей нашей стране. Храмы разрушаются, оскверняются и закрываются. Имущество, насколько уж минимально оставлено оно Церкви аграрною реформой, однако, притесняется и отнимается. Богослужения и обряды нарушаются и запрещаются... Открыто угрожается, что этот Союз [православного священников] возьмет управление Сербской Церковью, которое будет организовано по духу нового времени и в котором, как говорят, епископы считаются излишними и ненужными. Сейчас власти приказывают, чтобы на нашем теологическом факультете был введен, как обязательный предмет, диалектический материализм по атеистической идеологии Маркса и Ленина! Кратко говоря, существующий режим хочет любой ценой нашу Православную Церковь превратить в слепое и послушное свое орудие... Не считаясь с тем, что такая политика наносит огромный ущерб не только Церкви, но и самому государству, наши нынешние светские власти хотят осуществить свое намерение совершенно удушить веру и Церковь»⁸⁴.

В заключение святитель Гавриил указал, что вынужден скрывать правду от иностранных журналистов, и лишь Московскому Патриарху с полной доверительностью излагает действительную ситуацию. С этим письмом Сербского Патриарха были ознакомлены высшие советские руководители — И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Г.М. Маленков.

Следует отметить, что к концу 1940-х гг. религиозные организации оказались изолированы от участия в общественной жизни Югославии, и в то же время были созданы условия для прямого вмешательства властей в жизнь

---

⁸⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 580, л. 33–34.

и деятельность Церкви. Хотя Церковь была отделена от государства, оно активно вмешивалось в церковные дела: гражданские власти изымали церковные метрические книги, нередко аннулировали освященные Церковью браки, запрещали религиозное воспитание в школах, перевели пенсионные фонды для священников и их вдов в Министерство труда, упразднили социальную помощь духовенству, в некоторых районах мешали или даже запрещали священникам исполнять их служение и т.д.

Власти подавляли приходскую жизнь, в конце 1940-х гг. началась новая, связанная с холодной войной и конфликтом Сталин — Тито, волна репрессий духовенства. Так, например, в январе 1948 г. был арестован упоминавшийся Патриархом Гавриилом в беседах с профессором С.В. Троицким и Г.Г. Карповым православный епископ Хвостанский Варнава (Настич). 1 марта того же года епископ оказался осужден Окружным судом в Сараево на десять лет тюрьмы⁸⁵. К концу 1949 г. были арестованы и заключены в тюрьмы свыше ста православных священников, например, 27 декабря агенты УДБ схватили известного белградского протоиерея Иовановича. В числе других в 1949 г. оказались арестованы и осуждены несколько служивших в Югославии русских священников⁸⁶.

В июне 1949 г. Святейший Патриарх Гавриил и Синод направили И.Б. Тито меморандум, в котором были изложены наиболее вопиющие факты притеснения Православной Церкви: аресты священнослужителей, разрушение церквей и т.п. В ответном письме Тито известил Патриарха о создании специальной правительственной комиссии для расследования указанных фактов. Однако через несколько дней на Сербского Патриарха было оказано давление со стороны руководства комиссии, чтобы он признал изложенные в меморандуме факты не соответствующими действительности. В дальнейшем Синод получил из канцелярии Тито уведомление, в котором указывалось, что при расследовании на месте факты притеснения Православной Церкви не подтвердились⁸⁷.

---

⁸⁵ См.: Духовный Собеседник. 2003. № 1 (33) — 2 (34).

⁸⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: В 2 т. Т. 2. 1949–1953. М., 2002. С. 237–238.

⁸⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 163–164, 300.

Святейший Патриарх Гавриил рассказал об этих событиях посетившему его 29 сентября 1949 г. для передачи новых номеров «Журнала Московской Патриархии» первому секретарю советского посольства А.М. Зубову. Первосвященитель также сообщил новые факты тяжелого положения Церкви: «...Несколько недель тому назад Патриархия вынуждена была уплатить 600 тыс. динар налога. Кроме того, налогами облагаются все епархии, отдельные церкви и священнослужители... Что же касается Союза православных священников., то он пользуется полной поддержкой правительства, с ведома которого он действует... Союз... является отделением УДБ в рамках Православной Церкви»⁸⁸.

В июне по всей стране прошли собрания рабочих и служащих под лозунгом «бесславной годовщины резолюции Информбюро». Союз православных священников Белграда также принял резолюцию, осуждавшую Коминформбюро, написанную, по свидетельству руководителя союза протоиерея Милана Смилянича, в УДБ. Летом и осенью 1949 г. состоялись конференции Союзов православных священников Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории, которые в своих решениях обвиняли СССР и «страны народной демократии» в «незаслуженных напаках» на правительство Югославии, признавали право православных македонцев на автокефалию и отмечали упорное нежелание Архиерейского Собора признать союзы священников каноническими и законными⁸⁹.

От Синода тоже стали требовать принятия резолюции в поддержку правительства Тито, однако архиереи отказались. В беседе с Зубовым Святейший Патриарх Гавриил по этому поводу заявил: «...мы знаем., что осудить Информбюро — это значит осудить Россию, Советский Союз, Московскую Патриархию. Мы также знаем, что Сербская православная церковь в течение веков существовала только благодаря помощи Русской Православной Церкви. Все наши церкви были построены при помощи Русской Православной Церкви. На все эти домогательства властей... мы отвечаем, что мы — священнослужители — политикой не занимаемся». Патриарх также категорически

---

⁸⁸ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: В 2 т. Т. 2. 1949–1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 234–235.

⁸⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 734, л. 41.

отказывался дать интервью иностранным журналистам, которые хотели узнать его отношение к мероприятиям югославского правительства, пояснив Зубову: «... если дам... отрицательные ответы, то меня арестуют, а если я дам положительные ответы, то наследующий день в газетах заявят на весь мир, что я поддерживаю режим Тито»⁹⁰.

В начале ноября Святейший Патриарх Алексий написал конфиденциальное письмо Сербскому Патриарху с выражением сочувствия и дружеских чувств, отметив: «В развитие и укрепление принятых всеми нами положений на нашем церковном братском совещании 1948 г. является крайне желательным непосредственное общение между нами, возможно частое братское сотрудничество и живой обмен мнениями по церковным вопросам, в частности, по защите Православия от поползновений иноверного и агрессивного Запада в лице, можно прямо сказать, воинствующего Ватикана... Есть и вопросы, касающиеся непосредственно взаимоотношений между нашими Церквями. Таков, между прочим, давно назревший вопрос о свободных православных приходах, находящихся на территории Венгрии. Мы его решили временно, о чем Вашему Святейшеству сообщаем особо; окончательное же решение последует лишь тогда, когда нам даст Бог возможность встретиться и договориться»⁹¹.

28 декабря А.М. Зубов, посетив Патриарха Гавриила, передал ему письмо святителя Алексия и поздравил с предстоящими праздниками. В состоявшейся беседе Сербский Первоверховный Патриарх сказал: «Наше положение очень плохое. Настолько плохое, что этого даже нельзя выразить словами... Мы не только не можем предпринять какие-либо действия, мы даже не можем вслух говорить. Мы всегда смотрели на Россию, как на свою заступницу, и видели в лице ее официальных представителей в Белграде и в Черногории своих покровителей и защитников. Так же мы смотрим и в настоящее время. Сила славянских народов в России. Но обстоятельства сейчас этому не благоприятствуют». Патриарх рассказал о массовых арестах сербского духовенства и отметил, что если священнослужитель не вступает в Союз православных священников, то он «лишается возможности служить в церкви и иметь связь с народом», поэтому в союз вынужденно входят и «хорошие священники, которые не желают

---

⁹⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 236–237.

⁹¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 454, л. 74–76.

того, чтобы церкви были закрыты и превращены в магазины или конюшни». В заключение святитель Гавриил сообщил, что передаст ответное письмо в Москву через русских эмигрантов — о. И. Сокаля или профессора С.В. Троицкого, так как ни он сам, ни его помощники в советское посольство придти не могут, потому что «на следующий же день будут арестованы»⁹².

Во второй половине декабря в Белграде состоялся пленум Главного комитета Союза православных священников Югославии, выступая на котором, секретарь комитета священник Ратко Елич призвал духовенство включиться в активную борьбу против «великорусского империализма и стран народной демократии». По его заявлению, в союзы вступило уже 70 % всех православных священников страны. Пленум послал приветственную телеграмму И.Б. Тито, который принял его участников. В состоявшейся беседе руководитель Югославии выразил удовлетворение, что «православные священники первыми указали путь, по которому должно идти духовенство страны», и обещал решить вопрос о социальном обеспечении священников⁹³.

К этому времени советско-югославский конфликт достиг своего апогея. 19 ноября 1949 г. на очередном совещании Коминформбюро в Будапеште была принята резолюция «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»⁹⁴. Югославские власти ответили усилением репрессий тех своих граждан, кто, так или иначе, симпатизировал Советскому Союзу и России. Со второй половины декабря началось также принудительное выселение из страны граждан СССР и «стран народной демократии».

Эта ситуация сказалась и на межцерковных отношениях. Так, именно из-за разгоравшегося конфликта Сталин — Тито Святейший Патриарх Гавриил не смог направить в Москву настоятеля для подворья Сербской Церкви в Москве⁹⁵. В конце декабря 1949 г. святитель Гавриил в письме сообщил Московскому Патриарху Алексию, что назначенному Сербским Синодом настоятелем храма-подворья иеромонаху Прохору (Якшичу) было отказано в визе на въезд в СССР, и отметил: «Мы ожидали, что вопрос о подворье будет

---

⁹² Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953. Т. 2. С. 237–238.

⁹³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 734, л. 41–42.

⁹⁴ Совещания Коминформа. 1947. 1948. 1949. Документы и материалы. С. 401–704.

⁹⁵ Владислав Цытин, *прот.* Указ. соч. С. 356.

урегулирован, но эта надежда наша стоит еще неосуществленной! Я сам 1 декабря текущего года призвал здешнего русского протоиерея Сокала, так что мы могли в Св. Синоде с ним констатировать, что при нынешних политических обстоятельствах было бы успешно вопрос о подворье продвинуть теперь»⁹⁶. Однако это обращение не помогло.

В январе 1950 г. о. Иоанн Сокаль, получив советскую визу, навсегда уехал в СССР. Перед отъездом его принял Святейший Патриарх Гавриил, который был любезен и передал наилучшие пожелания Патриарху Алексию. 28 января о. Иоанн посетил Совет по делам Русской Православной Церкви, где подробно рассказал о тяжелой ситуации в Югославии: в стране «существует террор, размеры которого трудно представить, не побывав там. В Белграде 156 подвалов в домах превращены в тюрьмы, переполненные заключенными. Кроме того, строится дополнительно 40 тюрем. Среди арестованных большинство коммунисты, сторонники Информбюро... Патриарх Гавриил в душе с Московской Патриархией, но внешне показывает, что он с Тито, который отпускает средства на Церковь и заинтересован в ее поддержке... Иосифа Скопьянского из Синода вывели. Он поехал на свою епархию в Скопле, но там его не приняли и выгнали. Сейчас Иосиф замещает кафедру бежавшего в США епископа Николая..., Патриарх Гавриил запретил епископу Владимиру служить в русских храмах, находящихся в ведении Московской Патриархии. Патриарх Гавриил недоволен назначением Московской Патриархией священника в Венгрию, считая, что это роняет авторитет Сербской Церкви в Венгрии»⁹⁷. Во время последней встречи святитель Гавриил объяснил о. Иоанну, что он запретил епископу Призренскому Владимиру (Раичу) совершать богослужения в русских храмах, так как тот, якобы, «частым служением хочет показать, что он больший русофил, чем мы»⁹⁸.

2 февраля 1950 г. в газете «Правда» было опубликовано коллективное заявление ряда общественных деятелей СССР об отказе от полученных ими в разное время югославских орденов и возвращении их «по принадлежности». В этих условиях и Патриарху Алексию пришлось 8 февраля обратиться

---

⁹⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 734, л. 9.

⁹⁷ Там же, л. 2–5.

⁹⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 483.

в Совет по делам Русской православной церкви с соответствующим заявлением: «Явно враждебное отношение нынешнего Югославского правительства к нашему Союзу, проявляющееся в том, что оно ведет упорную подрывную работу против Советского Союза, открыто действуя в лагере нынешних поджигателей войны, побуждает меня считать для себя совершенно не приемлемым носить полученный мною в 1945 г. югославский орден “Народного Освобождения”. Отказываясь от него, я возвращаю его вместе с грамотой от 22 апреля 1945 г. и прошу вернуть его по назначению». При этом Патриарх просил опубликовать его заявление в печати, что и было вскоре сделано в газете «Известия» и «Журнале Московской Патриархии»⁹⁹. Подобные же заявления об отказе от югославских орденов 2–23 февраля написали и другие награжденные ими священнослужители Московского Патриархата: епископ Сергей (Ларин), архимандрит Симеон (Никитин), протоиереи Димитрий Цветков, Сергей Савинский и Стефан Марков. 23 февраля югославские ордена этих священнослужителей были переданы в Совет по делам Русской Православной Церкви, который 14 апреля 1950 г. направил ордена в Министерство иностранных дел СССР «для передачи их по принадлежности»¹⁰⁰.

Желая показать Сербской Церкви, что этот жест не имеет к ней никакого отношения, Патриарх Алексей написал святителю Гавриилу послание, в котором сообщал об избрании его почетным членом Московской духовной академии. 23 марта 1950 г. первый секретарь советского посольства в Белграде А.М. Зубов передал письмо Патриарху Гавриилу, который попросил передать благодарность и рассказал о дальнейшем ухудшении положения Церкви: «... в настоящее время нормальная деятельность Сербской Православной Церкви полностью парализована. Почти все священники... “насиленно загнаны” в Союз православных священников, который находится в ведении Ранковича¹⁰¹ и полностью поддерживает политику правительства. Патриархия... никакой связи с Союзом православных священников не имеет, и от этого ее положение во всех отношениях становится невыносимым. Священников, на-

---

⁹⁹ Известия. 1950. 15 марта; ЖМП. 1950. № 4. С. 5.

¹⁰⁰ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 508, 511–515.

¹⁰¹ Александр Ранкович — министр внутренних дел Югославии.

ходящихся в ведении Патриархии, становится все меньше и меньше, и деятельность их как священнослужителей крайне затруднена. Если священник не вступает в Союз православных священников, то он лишается самых элементарных прав, которыми пользуются югославские граждане, а церковь, в которой он служит, закрывается. В настоящее время свыше ста православных священников арестовано, и они содержатся в тюрьмах без суда. Несколько дней тому назад ... из епархии Бая-Лука был изгнан епископ православной церкви только за то, что он оставался верен Патриархии и был против создания Союза православных священников. Патриархия и Патриарх бессильны что-либо сделать для улучшения положения Сербской Православной Церкви, ибо правительство совершенно не считается с Патриархом и игнорирует его власть над церковью. В прошлые годы Патриархия получала от правительства денежные субсидии, сейчас она полностью лишена их. Правительство оказывает материальную помощь Союзу православных священников, который является его орудием. Патриархия полностью лишена возможности издавать постановления Священного Синода, законы и церковную литературу»¹⁰².

Однако даже в этой ситуации Святейший Патриарх Гавриил проявил мужество и твердость и отказался пойти на уступки правительству в целом ряде принципиальных вопросов. Так он, несмотря на сильное давление, не желал признавать неканонической Македонской Православной Церкви, отказывался идти на соглашения с Союзом православных священников и сделать заявление о поддержке Сербской Церковью политики правительства И.Б. Тито и осуждении Советского Союза. В первые месяцы 1950 г., вплоть до своей кончины, он вообще публично не выступал и не написал никакого обращения к верующим или завещания о делах Церкви¹⁰³.

Святейший Патриарх Гавриил скончался 7 мая 1950 г.; он был отпет и погребен в Белградском кафедральном соборе (существовали документально не подтвержденные слухи о насильственной смерти Первосвятителя). После его кончины Священный Архиерейский Синод выбрал Местоблюстителем Патриаршего престола 70-летнего митрополита Черногорско-Приморского Арсения, занимавшего эту кафедру с 1948 г. Намеченные 9 июня сербскими

---

¹⁰² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. С. 292–293.

¹⁰³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 472–473, 495–496.

архиереями кандидаты были неприемлемы для югославских властей, и оно сорвало назначенные на 10 июня выборы, в этот день на них явилось лишь 27 избирателей из 73 необходимых. Большинство архиереев хотели избрать новым Первосвятителем митрополита Иосифа (Цвийовича), и чтобы не допустить этого, органы госбезопасности (УДБ) 22 июня арестовали владыку по обвинению в подготовке «государственного переворота». Правительство Тито гораздо больше устраивал сотрудничавший с ним «мягкотельный» епископ Викентий (в миру Витомир Проданов), который и стал в результате прошедших 1 июля повторных выборов Патриархом¹⁰⁴.

2 июля 1950 г. состоялась интронизация нового Предстоятеля Сербской Православной Церкви Патриарха Викентия, на которой присутствовали югославские министры Л. Джурич, Т. Вуясинович, В. Зечевич, председатель Комиссии по вероисповеданиям Югославии Милое Диаларич и представители дипломатического корпуса, в том числе английский и американский послы. 2 июля в своем интервью югославскому телеграфному агентству ТА-НЮГ Патриарх Викентий заявил, что «Церковь со своей стороны сделает все и будет проявлять самые искренние желания, чтобы ее взаимоотношения с государством строить в соответствии с ее традиционными стремлениями и проводить согласованную работу на благо Церкви и государству». Патриарх также сказал, что Архиерейский Собор считает необходимым достигнуть соглашения с Союзом православных священников и поэтому дал указания Священному Синоду о принятии необходимых в этом направлении мер, македонский же вопрос «приближается к успешному разрешению»¹⁰⁵.

Руководство СССР восприняло эти события негативно. Оценивая выборы нового Сербского Предстоятеля, Совет по делам Русской Православной Церкви, в политическом духе того времени, писал: «Смерть Патриарха Гавриила развязала руки клике Тито — Ранковича для того, чтобы поставить во главе Сербской Церкви послушного им человека»¹⁰⁶. Вскоре в «Литературной газете» была опубликована посвященная Патриаршим выборам в Югославии

---

¹⁰⁴ Мосс В. Указ. соч. С. 243.

¹⁰⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 723, л. 22–23; Борба. Београд. 5.07.1950.

¹⁰⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 604, л. 172–173.

статья с оскорбительным названием «Титослужитель Викентий»¹⁰⁷. Отношения между Русской и Сербской Церквями, которые, безусловно, стали заложниками политической конфронтации между СССР и Югославией, были фактически прерваны на несколько лет.

При этом Патриарху Викентию принадлежат заслуги в восстановлении и оживлении братских связей с Поместными Православными Церквями, ослабнувших за время Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Несмотря на давление со стороны государственных властей, ему удалось избежать признания автокефалии самопровозглашенной Македонской Православной Церкви. Большой заслугой Патриарха Викентия является то, что священнослужители и миряне, работавшие в Сербской Церкви, получили право на социальную защиту и медицинское обслуживание. При нем, в 1957 г., были основаны газета «Православный миссионер» и журнал «Православная мысль». Патриарх Викентий был известным историком, и ему принадлежат многие научные работы, опубликованные в «Вестнике Новосадского исторического общества» и «Вестнике Сербской Православной Церкви»¹⁰⁸.

В тоже время именно при Патриархе Викентии начался период полного подчинения Сербской Церкви коммунистическому государству. Постепенно нарастали ограничения церковной жизни, так, 15 февраля 1952 г. правительство Народной республики Сербия приняло решение об упразднении Белградского богословского факультета в качестве государственного учебного заведения. К этому времени его закончили 589 человек, 22 были удостоены степени доктора богословия, и 7 лицам присвоили почетные степени доктора богословия, в том числе Московскому Патриарху Алексию I. В 1952 г. факультет был отделен от Белградского университета и стал самостоятельным церковным высшим учебным заведением¹⁰⁹. 27 декабря 1954 г. Архиерейскому Синоду пришлось рассматривать вопрос «относительно бесчинств, направленных против Церкви и ее органов в 1953/54 году»¹¹⁰.

---

¹⁰⁷ Известия. 1950. 15 марта.

¹⁰⁸ Пузович П. Указ. соч. С. 131–132.

¹⁰⁹ Православни Богословки факультет Српске Православне Цркве 1920–1980. С. 6.

¹¹⁰ Архив Светог Архијерејског Синода Српске Православне Цркве. Београд, 1955, Журнал 62, № 2985 / прот. 967.

21 октября 1953 г. (уже после смерти И.В. Сталина) Святейший Патриарх Викентий впервые обратился с письмом к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию в связи с решением правительств США и Великобритании от 8 октября о передаче Италии спорного г. Триеста, на который также претендовала Югославия: «... Возвышая свой голос против этой неправды и выражая чувства духовенства и наших верующих, Сербская Православная Церковь апеллирует ко всем христианским Церквам, ко всем государственным деятелям мира и ко всем людям доброй воли всего человечества и просит Вас возбудить от себя вопрос Триеста о решении его в духе предложения маршала Тито, и этим самым оградить мир от новой катастрофы»¹¹¹. Однако по рекомендации советского Министерства иностранных дел письмо осталось без ответа.

Контакты Московского и Сербского Патриархатов возобновились только в середине 1950-х гг. Так, в ноябре 1954 г. храмы, клир и приходы благочиния Московской Патриархии в Югославии были переданы в юрисдикцию Сербской Церкви, а с 5 по 29 октября 1956 г. в СССР (в Москве, Ленинграде и Киеве) побывала представительная сербская церковная делегация во главе с Патриархом Викентием, которого сопровождали десять архиереев и священников. Подготовка этого визита началась сразу же после встречи 26 марта 1956 г. председателя Совета Министров Н.А. Булганина с Московским Патриархом Алексием, где речь шла и о необходимости использования межцерковных связей для урегулирования советско-югославских отношений. Следует отметить, что Булганин 19 октября лично принял Патриарха Викентия. В торжественной обстановке в здании Московской духовной академии Сербскому Первосвятителю было присвоено звание ее почетного члена, а также обещано открыть в 1957 г. в Москве подворье Сербской Церкви¹¹².

После возвращения в Белград Святейший Патриарх Викентий отправил Патриарху Алексию письмо, в котором выразил сердечную благодарность за

---

¹¹¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1145; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 112, л. 4.

¹¹² Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 367; ЖМП. 1956. № 3. С. 3, № 11. С. 4; Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 181.

все, что было сделано для делегации, и отметил: «Наше личное знакомство и контакт... переговоры, которые мы вели, несомненно, послужат не только делу укрепления связей между нашими братскими Церквями, но и делу укрепления церковных и духовных связей всего Православия». Московского Патриарха пригласили посетить Югославию осенью 1957 г.¹¹³

Святейший Патриарх Викентий с сопровождавшими его лицами посетили и Ленинградскую духовную академию. В ноябре Сербская Патриархия прислала в Академию письмо с поздравлением с 39-й годовщиной Октябрьской революции, подписанное митрополитом Нектарием и епископом Хризостомом, а вскоре и Патриарх Викентий отправил письмо с благодарностью за теплый прием, приложив свою фотографию с автографом¹¹⁴.

28 декабря Учебный комитет Московской Патриархии известил Совет Ленинградской академии, что во время пребывания в Москве Патриарх Викентий выразил пожелание получить учебные пособия семинарий и Академий Русской Церкви для сербских богословий (семинарий), и поэтому следует выделить ему из фонда заочного сектора по одному экземпляру учебных пособий каждого предмета семинарского и академического курсов. 24 января 1957 г. Совет Академии принял это письмо к сведению и исполнению¹¹⁵.

На инструктивном совещании уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви 24 мая 1957 г. отмечалось: «Особый прием делегации Сербской Православной Церкви был необходим потому, что длительное время хорошие взаимоотношения между Русской и Сербской Православными Церквями были нарушены. Московская Патриархия длительное время не признавала избрание Викентия Патриархом. Поэтому было важно сгладить существовавшие шероховатости и восстановить дружественные взаимоотношения, что и было с успехом достигнуто во время пребывания Патриарха Викентия в Советском Союзе»¹¹⁶.

В октябре 1957 г. в Белград с ответным визитом приехал Святейший Патриарх Алексей I в сопровождении нескольких архиереев Русской Право-

---

¹¹³ ЦГА СПб, ф. 9342, оп. 3, д. 43, л. 52.

¹¹⁴ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 181, д. 17, л. 38.

¹¹⁵ Там же, д. 17, л. 13–14.

¹¹⁶ ЦГА СПб, ф. 9342, оп. 3, д. 43, л. 51–52.

славной Церкви. Во время пребывания в Югославии Патриарх Алексей I посетил Белградский богословский факультет, на торжественном заседании которого было оглашено постановление Совета этого факультета о присвоении Первосвятителю звания почетного доктора богословия. 30 октября оба Патриарха подписали совместное коммюнике, в котором нашло отражение единство взглядов обеих Церквей по вопросам церковного сотрудничества и борьбы за мир. Находясь в Белграде, Святейший Патриарх Алексей I посетил русскую Иверскую часовню и совершил панихиду на могиле митрополита Антония (Храповицкого)¹¹⁷. В мае 1958 г. в Москве на торжествах по случаю 40-летия восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви присутствовала делегация Сербского Патриархата во главе с епископом Нишским Иоанном и будущим Предстоятелем, епископом Жичским Германом¹¹⁸.

15 июля 1958 г. скончался Святейший Патриарх Викентий, и возведенный 13 сентября того же года на Патриарший престол Сербской Церкви Владыка Герман (Джорич, 1899–1991) много сделал для укрепления братских связей с Русской Православной Церковью. В октябре 1961 г. он, по приглашению Святейшего Патриарха Алексея I, посетил Московскую Патриархию. Во время пребывания святителя Германа в Москве между обоими Патриархами состоялись встречи и беседы, результатом которых явилось принятие коммюнике, в котором было отмечено стремление Русской и Сербской Православных Церквей укреплять братские связи с остальными Поместными Православными и инославными Церквями и объединениями, а также содействовать установлению мира во всем мире. Патриарх Герман был избран почетным членом Московской духовной академии.

В мае 1962 г. Святейший Патриарх Алексей I вторично нанес визит Сербской Православной Церкви. Патриархи снова подписали коммюнике об укреплении союза обеих Церквей-Сестер и о необходимости прилагать все усилия для утверждения на земле прочного и справедливого мира. На юбилейных торжествах в Москве в 1963 г. по случаю 50-летия архиерейского служения Святейшего Патриарха Алексея I делегацию Сербской Православной

---

¹¹⁷ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. С. 376.

¹¹⁸ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 60.

Церкви также возглавлял Патриарх Сербский Герман, ставший в дальнейшем почетным членом Ленинградской и Московской духовных академий¹¹⁹.

С 1965 г. в Духовных школах Русской Православной Церкви снова стали обучаться сербы и черногорцы. В 1970 г. Югославию посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен, а в 1971 г. ответный визит в Москву нанес Сербский Патриарх. Уже после распада Советского Союза и Югославии — в 1994 г. в Белград приезжал Святейший Патриарх Алексий II, а Сербский Патриарх Павел ездил в Россию в 1995 г. Отношения Сербского и Московского Патриархата успешно развиваются и в настоящее время.

2. Болгарская Православная Церковь

Произошедший 9 сентября 1944 г., после вступления советских войск на территорию Болгарии, вооруженный государственный переворот, в результате которого к власти пришло коалиционное правительство Отечественного фронта (во главе с К. Георгиевым), в котором доминирующую роль играли коммунисты, коренным образом изменил не только внутреннюю и внешнюю политику страны, но и положение ее Православной Церкви. Болгарский Священный Синод сразу же приветствовал политические изменения и благословил создание правительства Отечественного фронта. Эта позиция Синода была вызвана тем, что большинство его членов являлись убежденными славянофилами, не одобряли союз с нацистской Германией и приветствовали переход своей страны в антигитлеровскую коалицию в духе высказанной в завещании экзарха Иосифа I идеи единства славянства и Православия. С данной идеей была созвучна декларация нового правительства о дружбе с западными демократиями и СССР, присоединении к антигитлеровской коалиции и организации на широкой основе славянских комитетов. В то же время архиереи опасались установления коммунистического режима в стране и надеялись на политическую победу других партий, входивших в Отечественный фронт. К тому же некоторые члены Синода были скомпрометированы активной поддержкой болгарской гражданской и военной администрации в Македонии и Эгейской Фракии.

---

¹¹⁹ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 63.

В этих условиях на первый план выдвинулся Софийский митрополит Стефан (Шоков), чья фигура первоначально удовлетворяла все политические силы, включая коммунистов. Он был известен открытым сопротивлением нацистской политике и симпатиями к России, имел хорошие связи с рядом политических деятелей в правительстве Отечественного фронта, экуменическим движением и западноевропейскими дипломатами (некоторые считали, что владыка с 1920 г. сотрудничал с английской разведкой). Выразивший ранее антикоммунистические взгляды, митрополит Стефан теперь стал активно сотрудничать с новой властью.

Уже 9 сентября владыка огласил по радио «София» первое официальное заявление Синода, в котором выражалась надежда, что положено начало самостоятельному развитию болгарского государства и Болгарской Православной Церкви, и они будут работать вместе для счастья и будущего своего народа. Митрополит Стефан заявил, что болгары стали сильнее в союзе с «единоверной и единокровной Россией», и подчеркнул роль русского народа в двойном освобождении Болгарии — от векового османского владычества и от «надменного, гордого, жестокого и беспощадного, алчного и мстительного тевтонства»¹²⁰.

Одновременно «Церковный вестник» опубликовал написанное митрополитом Стефаном «Послание к русскому народу», которое было напечатано на русском и болгарском языках. В нем развивалась идея о единстве славянства и Православия. Владыка назвал четыре года, когда Болгария была сателлитом Гитлера, «годами тяжелейшего и разорительнейшего для нашей страны рабства, которое опустошало материально и развращало морально!». Особенный интерес вызывала категоричность суждения, что судьба Болгарии будет решаться именно в Москве. В заключительной части послания было сказано, что гитлеризм — враг всего славянства, и он должен быть сломлен Россией и ее союзниками — США и Великобританией: «Наш народ надеется, что прославленный и великий русский народ будет в семействе славянских народов настоящим старшим братом, под мудрым и мощным воздействием которого малые славянские народы, не вредя своей самобытности и своим

---

¹²⁰ Калканджиева Д. Българската православна църква и «народната демокрация» (1944–1953). Силистра, 2002. С. 37–39, 231.

национальным идеалам, сплотятся на своих врагов в дружную семью, сильную сознанием своего славянского единства и общности»¹²¹.

Председатель Священного Синода митрополит Видинский Неофит не получил такой возможности для своих высказываний, его послание от 20 сентября, в котором он приветствовал правительство Отечественного фронта, и поздравительные письма новым руководителям государства остались в архиве¹²². 3 октября владыка Неофит подал в отставку, 16 октября она была принята, и председателем Синода избран митрополит Стефан. Через день новый министр иностранных и религиозных дел Петко Стайнов (занимавший этот пост с 9 сентября 1944 по 31 марта 1946 гг.) прислал ему поздравительную телеграмму¹²³.

Быстрое возвышение владыки Стефана, несомненно, согласовывалось с Москвой. Следует отметить, что письмо Патриаршего Местоблюстителя Московского Патриархата митрополита Алексия (Симанского) от 5 октября 1944 г. было адресовано именно митрополиту Стефану — в то время лишь обычному члену Синода, который был назван «Первосвятителем Болгарской Церкви». Владыка Алексий поздравил болгарский народ со вступлением в «ряды народных борцов за правду против сатанинских сил германского фашизма», писал о родстве языков и веры двух народов и выражал надежду, что в будущем болгарский народ будет следовать правильной дорогой, «выбранной с помощью Бога». Письмо завершалось выражением готовности Русской Православной Церкви поддержать митрополита Стефана в его начинаниях¹²⁴. Этим посланием, опубликованным в октябрьском номере «Журнала Московской Патриархии», фактически были восстановлены официальные отношения Болгарской и Русской Церквей, прерванные революционными событиями 1917 г.

Получив письмо Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Стефан 24 октября от лица Синода ответил телеграммой, в которой выразил единодушное решение болгарских архиереев засвидетельствовать свою преданность

---

¹²¹ Църковен вестник. 9.09.1945.

¹²² ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 39, л. 1, д. 40, л. 1.

¹²³ Там же, е. х. 47, л. 1.

¹²⁴ ЖМП. 1944. № 10. С. 6-7; Калканджиева Д. Указ. соч. С. 40-41.

и молитву за Русскую Церковь и «за могущественный и великий Советский Союз во главе с мужественным и мудрым вождем, истинным носителем правды и мира, прогресса и благоденствия»¹²⁵.

20 октября владыка Стефан посетил советскую делегацию в Софии, был принят командующим III Украинским фронтом маршалом Ф.И. Толбухиным и передал ему денежный подарок Болгарской Церкви — 1 млн левов для раненых и больных советских воинов, оставленных на лечение в Болгарии, а также благодарственное письмо Синода, в котором отмечалось: «Второй раз в истории великий братский русский народ и могущественная русско-советская Родина приносят освобождение от чужого ига исстрадавшемуся болгарскому народу... Болгарская Православная Церковь сердечно приветствует доблестных и победоносных воинов Советского Союза и желает единодушно и молитвенно, чтобы они как можно скорее принесли полную свободу, правду и крепкий благодатный мир всем славянским народам и исстрадавшемуся славянскому болгарскому народу!»¹²⁶.

28 октября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии, обеспечившее решающую роль представителя СССР в Союзной контрольной комиссии. В дальнейшем болгарские части на стороне антигитлеровской коалиции активно участвовали в военных операциях на территории Югославии, Венгрии и Австрии.

15 ноября митрополит Стефан встретился с сотрудниками Союзной контрольной комиссии в Болгарии А.И. Черепановым и Д.Г. Яковлевым и в ходе состоявшейся беседы назвал себя сторонником влияния СССР на Балканах, противопоставляя его англичанам. Митрополит предложил следующий план действий: «как можно скорее избрать Московского Патриарха с тем, чтобы потом был выбран, в лице Стефана, Болгарский Патриарх, который должен получить Патриарший клобук от Московского Патриарха, а затем Московский Патриарх мог бы прибыть в Болгарию, затем в Югославию, что и было бы началом закрепления влияния Русской Церкви не только в Болгарии, но и на Балканах». Также подчеркивалась необходимость передачи греческого города Салоники Югославии и превращение Афона в самостоятельную

---

¹²⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 11, 125–148.

¹²⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 163, л. 68.

«духовную республику» под протекторатом Болгарии, Югославии и Греции. Митрополит Стефан сообщил, что отдал распоряжение по Софийской епархии о постоянных молитвах в церквях за «освобождение Болгарии и ее вождей и воинов», но провести это решение через Синод пока не получилось, так как не все члены его одобрили. Владыка также заявил, что «составляет для митрополита Алексия меморандум по вопросу о снятии схизмы с Болгарской Церкви с тем, чтобы после этого предпринять дальнейшие шаги в деле сближения Русской и Болгарской Церквей». Кроме того, митрополит выразил желание послать в Московскую духовную академию на учебу болгарских священников¹²⁷.

Позднее митрополит Стефан поддерживал дружеские отношения с пребывавшим больше года в Софии в качестве заместителя председателя, а затем председателя Союзной контрольной комиссии начальником штаба III Украинского фронта генерал-полковником С.С. Бирюзовым: знал его семью, бывал у генерала в гостях и получал подарки. В дальнейшем (26 февраля 1945 г.) при участии Болгарской Церкви был создан Комитет по увековечиванию памяти скончавшихся на болгарской земле бойцов Красной армии (в него вошел секретарь Синода архимандрит Дамаскин), а в 1948 г. Священный Синод выделил 50 тыс. левов на сооружение памятника советским воинам¹²⁸.

При активном участии владыки Стефана болгарские архиереи начали сотрудничать с новым правительством. 14 октября Священный Синод направил письмо премьер-министру Кимону Георгиеву, в котором приветствовалась «мирная революция 9 сентября», говорилось о пагубной роли прошлого «антинародного управления» и выражалась готовность сотрудничать с правительством Отечественного фронта во внутренней и внешней политике. В ответном письме премьер-министр с «искренним удовольствием» приветствовал готовность Церкви к сотрудничеству¹²⁹. 17 октября митрополит Стефан выступил на тему своего «Послания к русскому народу» по радио «София».

---

¹²⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 57–58.

¹²⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 178, оп. 2, е. х. 34, л. 19–20.

¹²⁹ Там же, оп. 1, е. х. 114, л. 7–9.

В конце октября Синод выпустил послание к болгарскому народу, в котором заявил, что Болгарская Православная Церковь поддерживает новую власть. Вскоре был создан Временный комитет Отечественного фронта при Болгарской Церкви. Вероятно, этот шаг являлся компромиссом, связанным с намеченным избранием митрополита Стефана экзархом, так как в принципе Синод выступал против членства священнослужителей в подобных комитетах. В первые месяцы правления новой власти у нее не было особых конфликтов и противоречий с Церковью. Это во многом объясняется полученными из Москвы указаниями. Так, 21 октября 1944 г. Г. Димитров отправил 1-му секретарю БРП Т. Костову следующую радиограмму: «Сейчас не нужно выдвигать вопрос об отделении Церкви от государства. Единственное, что следует сделать посредством комитета священников Отечественного фронта, — это тактично отстранить пронемецки и прогитлеровски ориентированных церковнослужителей»¹³⁰.

Церковная политика в Болгарии внимательно контролировалась в Москве, и при отклонении от указанной линии оказывалось быстрое воздействие. В частности, 18 декабря 1944 г. Г. Димитров вновь писал из Москвы руководству БРП, что, учитывая отношения с партиями-союзниками и международное положение страны, не следует увлекаться и забегать вперед в двух вопросах — Церкви и царской династии: «Нет никакого интереса к форсированию вопроса отделения Церкви от государства. Наше стремление в настоящий момент состоит в том, чтобы поставить Церковь на службу власти Отечественного фронта»¹³¹.

При этом следует подчеркнуть, что, после того как Болгария вошла в зону влияния СССР, многие элементы государственного устройства в ней были скопированы с советских образцов, в том числе и модель религиозной политики. Уже 17 октября 1944 г. сотрудник Народного комиссариата иностранных дел В.А. Зорин попросил у председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова для прибывшей в СССР по поводу заключения перемирия болгарской делегации документы и официальные издания о взаимоотношении государства и Церкви в СССР. Зорин пояснил, что болгарское

---

¹³⁰ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 59

¹³¹ Там же. С. 61.

правительство озбочено этим вопросом в связи с предстоящим отделением Церкви от государства и испытывает интерес к советскому опыту в этой области¹³².

Вскоре после 9 сентября были разорваны непосредственные связи Болгарской Церкви с армией, военных священников заменили помощники командира по политической части, но Церковь все же помогала армии на заключительном этапе Второй мировой войны. 12 октября 1944 г. Синод принял решение оказать сражавшейся с немцами болгарской армии щедрую помощь — выделить 2 млн левов из Синодальной кассы, по 200 тыс. из митрополичьих касс, 1 млн из сумм Рильского монастыря, и кроме того, епархиальные архиереи должны были добавить по одной своей месячной зарплате (15 тыс. левов). Так образом, было собрано 5 365 тыс. левов. Однако Синод не ограничился этим и решил призвать приходских священников принять самое активное участие во всенародной акции помощи войскам и поставить на видное место в храмах по две кружки для сбора пожертвований: сражающимся воинам и бедным и осиротевшим семьям солдат. Вскоре специальная делегация Синода посетила бойцов на фронте и подарила купленные на церковные средства подарки. Кроме того, 14 октября 500 тыс. левов было выделено беженцам и пострадавшим от бомбардировок жителям Софии¹³³.

18 октября Священный Синод пожертвовал 1 млн левов на помощь пострадавшему в годы войны населению Югославии. В сопроводительном письме митрополита Стефана маршалу И.Б. Тито отмечалось, что «проклятые тевтонские насильники» посеяли интриги и коварством вражду между братскими болгарским и югославским народами, но болгары весь период оккупации «с восхищением» следили за героической борьбой руководимой Тито армией «с тевтонским нашествием». Владыка подчеркивал, что болгарские иерархи верят «в вечную братскую дружбу и любовь» родственных народов¹³⁴.

Архиереи также оказывали моральную и материальную помощь беженцам и переселенцам в Болгарию из Югославии и Греции (еще в 1943 г. в страну

---

¹³² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 13, л. 272; Балашов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е гг. М., 2011. С. 92.

¹³³ ЦДА, ф. 791к, оп. 1, е. х. 72, л. 157, 160; Елдьров С. Указ. соч. С. 305.

¹³⁴ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 163, л. 69.

были переселены болгары из Баната) и с февраля 1945 г. активно участвовали в так называемом народном «займе свободы», на который было отпущено 15 тыс. левов из фондов Священного Синода. В первой половине 1945 г. некоторое время обсуждался вопрос о включении в программу радиостанции «София» религиозных передач, и 12 июня Министерство пропаганды согласилось передавать по радио 1 час в неделю церковную службу с проповедью¹³⁵. Установление сравнительно хороших отношений правительства с епископатом дало возможность решить некоторые наболевшие проблемы Болгарской Церкви.

18 декабря 1944 г. Синод на своем заседании постановил просить правительство разрешить выборы Предстоятеля Церкви с титулом экзарх Болгарский. Просьба была удовлетворена, и вскоре в устав экзархата внесли изменения, предполагавшие расширение степени участия клира и мирян в выборах: сначала Синод тайным голосованием избирал трех митрополитов — кандидатов на экзарший престол, их должно было одобрить Министерство иностранных и религиозных дел, затем созывался Церковный Собор, который выбирал экзарха не менее, чем двумя третями голосов, и, наконец, после утверждения министерством экзарх вступал в должность, принеся клятву перед главой государства. Фактически же результаты выборов были predetermined заранее и согласованы Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии с Москвой. В частности, Т. Костов 25 декабря отправил телеграмму Г. Димитрову в Москву: «Принято решение, что владыка Стефан должен стать экзархом и присутствовать на Церковном Соборе в Москве [созываемом в конце января для избрания Патриарха Московского и всея Руси] как глава Болгарской Церкви»¹³⁶.

1 января митрополит Стефан послал Патриаршему Местоблюстителю Владыке Алексию поздравление с Новым годом, в котором писал: «Светло радуемся, что великий русский народ стал спасителем и путеводителем не только славянских народов, но и всей свободолюбивой Европы»¹³⁷.

14 января 1945 г. состоялись епархиальные собрания, избравшие по 7 делегатов (3 клириков и 4 мирян) на Собор, который состоялся 21 января. В этот

---

¹³⁵ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 2–3.

¹³⁶ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 43.

¹³⁷ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 34, л. 7.

день из трех кандидатов — митрополитов Стефана, Неофита и Михаила — больше всех голосов (84 из 90) было отдано за владыку Стефана. Став новым экзархом Болгарской Церкви, после 30-летнего перерыва он несколько лет успешно отстаивал ее внутреннюю независимость и право на самоуправление. Также 21 января Синод принял важное решение о переносе кафедры экзарха из Стамбула в Софию¹³⁸.

Вскоре была успешно решена и еще более важная проблема — отмена схизмы. В конце 1944 — начале 1945 г. в этом оказались заинтересованы не только Болгарская Церковь, но и новые политические власти страны, а также соседние государства: Югославия, Греция и Турция. Был в этом заинтересован и Московский Патриархат (как и стоявшее за ним советское государство), укреплявший таким образом свои позиции на Балканах¹³⁹.

21 января 1945 г. Священный Синод послал письмо митрополиту Алексию с извещением о выборе экзарха и новой просьбой поддержать их ходатайство об отмене схизмы. В этот же день было отправлено письмо и Константинопольскому Патриарху с прошением о признании автокефалии Болгарской Церкви и начале переговоров относительно схизмы. На Всероссийском Поместном Соборе 1945 г. делегация Болгарской Церкви из-за проблемы схизмы не присутствовала. И все же в начале февраля, во время торжеств по случаю интронизации нового Патриарха Московского и всея Руси Алексия, состоялась его беседа с Патриархами Александрийским Христофором, Антиохийским Александром III, представителем Константинопольского Патриарха митрополитом Германом и представителем Иерусалимского Патриарха архиепископом Афинагором, в ходе которой «болгарский церковный вопрос» обсуждался в позитивном ключе и было получено предварительное согласие Константинопольской Патриархии снять схизму¹⁴⁰.

9 февраля 1945 г. состоялись переговоры совместной константинопольско-болгарской комиссии. 22 февраля болгарские представители были

---

¹³⁸ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 44; Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. V. М., 2002. С. 638.

¹³⁹ Бълхова М.И. Правда об экзархе Стефане // Церковь в истории России. Сб. 3. М., 1999. С. 196.

¹⁴⁰ См.: Иоанн Христов, прот. Русско-болгарские церковные отношения в годы болгарской схизмы // ЖМП. 1976. № 8.

приглашены к Патриарху Вениамину, и их известили о принятии Константинопольским Синодом решения, удовлетворяющего все предыдущие пожелания болгар: отмена схизмы 1872 г., восстановление канонического общения между Вселенским Патриархатом и Болгарским экзархатом и предоставление полной автокефалии Болгарской Православной Церкви. В тот же день представители обеих Церквей подписали Томос об отмене схизмы и предоставлении автокефалии¹⁴¹. Согласно дополнительному протоколу, Болгарская Церковь должна была получать Святое Миро из Константинополя (самостоятельно она начала его изготавливать в 1951 г.). Большое значение помощи Святейшего Патриарха Алексия I в отмене схизмы неоднократно отмечалось руководством Болгарской Церкви¹⁴².

В дальнейшем связи Болгарской и Русской Церквей продолжали активно развиваться. В конце февраля 1945 г. Священный Синод пригласил Московского Патриарха приехать в Болгарию, в начале марта Патриарх Алексей известил экзарха о скором прибытии в страну делегации Русской Церкви «во главе с архиепископом Московским» (?). В ответной телеграмме от 6 марта митрополит Стефан писал: «Глубоко обрадован решением Вашего Святейшества прислать представителя, которого ждем с любовью каждый день, когда угодно Вам»¹⁴³.

6 апреля 1945 г. в Софию приехала делегация Московского Патриархата из четырех человек во главе с одним из ближайших помощников Патриарха Алексия — архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым). Приветствуя ее, митрополит Стефан сказал: «Православная Русская Церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов, как старшая и передовая среди Православных Церквей», причем из заявления Софийского митрополита следовало, что «огромная заслуга в этом историческом акте, безусловно, принадлежит великому вождю Советского Союза»¹⁴⁴.

---

¹⁴¹ ЦДА, ф. 246к, оп. 4, е. х. 158, л. 1-2; Скурат К.Е. Указ. соч. С. 268; Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 638; Калканджиева Д. Указ. соч. С. 49.

¹⁴² ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 24.

¹⁴³ Там же, л. 15-16.

¹⁴⁴ Московская церковная делегация в Болгарии // ЖМП. 1945. № 5. С. 19; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 65, л. 280.

Болгарское правительство помогло Синоду необходимыми для достойного приема автомобилями, квартирами и другими материальными средствами. Интересно отметить, что возглавлявший Синод в «фашистский период» митрополит Неофит в эти дни отсутствовал в Софии, якобы по причине болезни. 18 апреля в честь делегации Русской Церкви был устроен торжественный прием, на котором присутствовали члены болгарского правительства во главе с премьер-министром К.С. Георгиевым, представители Болгарского Священного Синода, члены Союзной контрольной комиссии во главе с генерал-полковником С.С. Бирюзовым, члены Национального комитета Отечественного фронта, Славянского комитета, известные деятели науки и культуры. Посетив многие города и монастыри, делегация пробыла в Болгарии до 23 апреля, проведя успешные переговоры об укреплении связей двух Церквей. Входящий в ее состав доцент Московского Богословского института А.И. Георгиевский прочитал на Богословском факультете Софийского университета публичную лекцию «О церковном обряде»¹⁴⁵.

Вскоре после отъезда делегации Московского Патриархата Болгарский Синод на своем заседании подчеркнул, что с этого момента началась реальная связь между двумя Церквями. Также было отмечено, что, благодаря приезду делегации, старое представление о подавлении религиозной свободы в СССР преодолено. В письме Патриарху Алексию от 25 апреля епископ Стефан подчеркнул: «Прежде всего, благодаря Вашей делегации, рассеялись упорно распускавшиеся нашими общими врагами и легковверными людьми и находившие для себя почву слухи, что Русская Православная Церковь расстроена, обессилена, что она потеряла всякое влияние и значение в народе... Косвенно этим, в переживаемое трудное время, была оказана поддержка нашей Церкви, обуреваемой злонамеренными слухами и разными домогательствами врагов и “друзей”. Пребывание делегации в Софии и ее поездка по Болгарии дали повод и возможность нашему православному народу ярко проявить свою любовь к Матушке-России и свою веру в несокрушимую мощь Русской Церкви и русского народа... Существующим в эмиграции русским людям, всегда близким моему сердцу,

---

¹⁴⁵Московская церковная делегация в Болгарии. С. 19; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 56-70.

пребывание делегации принесло великое утешение... Они остаются преданнейшими своей Родине верными сынами своей Церкви»¹⁴⁶.

В отчете владыки Григория о поездке была дана подробная характеристика внутренней ситуации в Болгарской Церкви: «Среди духовенства образовался Союз священников, комитет, который начал проявлять тенденцию, подобную тем, какие проявляли в первые годы наши русские обновленцы (те же вопросы о браке епископов, второбрачии священников и т.п.), дисциплина пошатнулась, священники занялись выработкой (очень) “левого” устава. Разъяснение о положении Церкви Русской и особенно Положение об управлении РПЦ, привезенное делегацией, отрезвило комитет священников, дало опору Синоду в направлении жизни Болгарской Церкви на твердых канонических началах и указало правительству пример установления нормальных отношений между Церковью и государством... Экзарх митрополит Стефан, несомненно, самый умный из архиереев, пользуется большим авторитетом среди болгар, большой дипломат и до мозга костей политик. По-видимому, его отношение к немцам по существу было отрицательным, хотя он принужден был лавировать. Англоманство в нем скрытно, вероятно, еще есть в некоторой степени и теперь. Но сейчас он чрезвычайно ярко проявляет свое русофильство... идею славянства и его объединения под главенством России он громко заявляет в своих речах... О своих митрополитах он отзывался, как о “немцах”, о митрополите Иосифе, как о “ренегате”. Тем не менее эти “немцы”-митрополиты являются его ближайшими помощниками (м. Михаил и м. Паисий), хотя вообще он всех их держит довольно властно... Теперь он приблизил к себе и поставил на ответственные должности наилучших людей русофильского направления — новорукоположенного епископа Парфения, архимандрита Мефодия (протосингела Синода), иеродиаконов — Александра и Григория, иеромонаха Серафима. Эти лица — духовные воспитанники управляющего русскими приходами архиепископа Серафима Соболева»¹⁴⁷.

---

¹⁴⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 24–25.

¹⁴⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 88–89; *Косик В.И.* Русская Церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // *Славяноведение.* 2003. № 6. С. 86–87.

5 мая экзарх отправил теплую телеграмму командующему III Украинским фронтом маршалу Ф.И. Толбухину: «С восхищением слежу за Вашими удивительными победами. От всей души поздравляю Вас с высшими военными наградами, которыми одновременно и Советское, и наше Болгарское правительства оценили Ваши великие заслуги. Отныне Ваше славное имя вписано на страницах нашей истории рядом с вечно памятными именами генералов Гурко, Драгомирова, Скобелева»¹⁴⁸. 10 мая в Софии на площади перед собором св. кн. Александра Невского состоялся многолюдный митинг по случаю капитуляции нацистской Германии, на котором в числе почетных гостей присутствовал митр. Стефан.

Вскоре после этого (28 мая) он был приглашен Патриархом Алексием приехать в СССР. 27 июня 1945 г. в Москву впервые прибыла болгарская церковная делегация из 6 человек, в составе экзарха Стефана, епископа Левкийского Парфения, епископа Стобийского Никодима (ректора Пловдивской Духовной семинарии), протосингела (управляющего) Синода архимандрита Мефодия (Жерева), иеродиакона Григория (Иванова) и председателя Союза священников иерея Георгия Богданова (сына российского эмигранта, считавшего себя коммунистом), который в последний момент по причине болезни заменил протопресвитера Стефана Цанкова. Делегация встречалась с руководством Московского Патриархата, представителями советского государства¹⁴⁹.

В своем приветствии экзарх выразил надежду, что Патриарх Алексей будет назван «вождем Общеславянской Православной Церкви», и подчеркнул: «Верим и ждем, как ждут и многие, многие другие, что ваша святая Церковь, особенно в последнюю четверть века пережившая много испытаний, накопившая много опыта, просветленная и умудренная, скажет новое, вешее слово христианским народам, ожидающим, что с Востока придет свет, который оживит и обновит осуетившийся, погрязший в материализме мир»¹⁵⁰.

В другом обращении к Патриарху и духовенству Русской Церкви митрополит Стефан говорил: «Взявший 9 сентября прошлого года в свои руки

---

¹⁴⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 34, л. 30.

¹⁴⁹ ЦПА, ф. 1, оп. 7, а. е. 807.

¹⁵⁰ ЖМП. 1945. № 9. С. 29–30.

власть Отечественный фронт направил болгарский государственный корабль на единственно верный для него путь, завещанный историей, диктуемый близким родством крови и единством веры, — путь тесной и верной дружбы со своей освободительницей». Экзарх выразил благодарность «Советскому Союзу и его великому Вождю за второе освобождение моей Родины, на этот раз от тевтонского ига» и отметил: «Теперь все мы уповаем, что увенчанный пышными лаврами одержанной победы, Советский Союз покажет свою неистощимую мощь и на мирном поприще благодетельного культурного развития и человеколюбия, что он станет надежным оплотом вожделенного для всех народов долгого и прочного мира, что, как старший брат в великой Славянской семье, он своим мудрым воздействием, братской любовью и помощью положит конец печальным распрям и даже убийственной вражде среди славян, примирит их родственные племена и выведет их на путь истинно демократической свободы и культурного прогресса»¹⁵¹.

В ходе нескольких встреч митрополита Стефана с Г.Г. Карповым обсуждались вопросы о создании болгарского подворья в Москве, принятии на обучение болгарских, сербских и черногорских студентов в духовные семинарии в СССР, участии Русской Православной Церкви в экуменическом движении, усилении русского влияния на Константинопольского Патриарха, издании общецерковного православного журнала, предоставлении или покупке церковных книг, парчи, воска и денежном займе на сумму в 40–50 миллионов левов на нужды Болгарской Церкви. При этом экзарх заверял председателя Совета по делам Русской Православной Церкви: «На меня можете положиться, я ваш первый агитатор на Балканах, а если нужно, и в других странах... Россия — это родина моя, ибо она родина всех славян»¹⁵².

В последующем докладе Г.Г. Карпова в Совет Министров отмечалось: «Обещанный Стефану и его Синоду крупный заем от лица Русской Православной Церкви должен больше связать Стефана с нами... Установлению тесных связей с Болгарской Православной Церковью способствовало также и то, что по инициативе Патриарха Алексия с Болгарской Церкви была снята схизма запрещения общения с другими Церквями, наложенная Константинопольским

---

¹⁵¹ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 40–41.

¹⁵² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 175.

Патриархом в 1872 г. И, беря пример с Русской Православной Церкви в ее взаимоотношениях с государством, митрополит Стефан в Болгарии проводит политику поддержки демократического фронта, что особенно ярко сказалось в недавно прошедших выборах в Великое народное собрание Болгарии»¹⁵³.

В благодарственной телеграмме председателю Совета по делам Русской Православной Церкви от 19 июля экзарх писал: «... в Вашем лице мы чувствуем ангела-хранителя, посланного Господом Православной Церкви по молитвам бесчисленного сонма ее праведников и подвижников»¹⁵⁴. На встречах с Г.Г. Карповым также впервые был поднят вопрос о провозглашении Болгарской Церкви Патриархатом, по предложению Патриарха Алексия этот вопрос рассматривался и на заседании Священного Синода Русской Церкви. Экзарх очень просил устроить ему встречу со Сталиным, о чем Карпов письменно доложил председателю Совнаркома 4 и 10 июля, однако прием не состоялся.

Владыка Стефан неоднократно встречался в Москве с руководителем Болгарской рабочей партии (коммунистов) — Георгием Димитровым (дважды — 3 и 11 июля), Д. Михалчевым и В. Коларовым. Согласно докладу экзарха Синоду по итогам поездки, они якобы уверяли митрополита, что «нет никаких намерений большевизации Болгарии», Церковь должна быть сильной, решение об ее отделении от государства отложено, а реформа по устранению преподавания Закона Божия в учебных заведениях начата необходимо¹⁵⁵. Скорее всего, владыка отразил в этом докладе свои собственные надежды и представления о желательном положении Церкви в стране.

О личных беседах экзарха с Г. Димитровым судить трудно, но из письма последнему митрополита Стефана от 7 августа 1945 г. видно, что владыка очень надеялся на провозглашение Болгарской Церкви Патриархатом, сам предполагал стать Патриархом и ссылался на обещание Димитрова, что правительство утвердит устав Болгарского Патриархата¹⁵⁶. В свою очередь многие руководители Болгарской рабочей партии (коммунистов) недоброжелательно относились к экзарху. Так, член ее Политбюро Т. Костов в радиোগрамме

---

¹⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 13; Русская Православная Церковь. XX век. С. 365.

¹⁵⁴ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 38.

¹⁵⁵ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 62–63.

¹⁵⁶ ЦПА, ф. 1, оп. 7, а. е. 564.

Г. Димитрову от 30 мая 1945 г. писал: «Работники церковного комитета интересуются, какова точка зрения партии на него и его работу по демократизации Церкви и ограничению прав экзарха, который показывает истинное лицо, как политический интриган, ненавистник коммунистов и англофил». Г. Димитров же так выразил свое впечатление о встрече с митрополитом Стефаном в письме Т. Костову от 13 июля 1945 г.: «Он страшно словоохотлив. Заявил категорично, что свой выбор сделал за коммунистов... Хитрая лиса, но в известные моменты и в известных делах еще может быть полезен»¹⁵⁷. Это и другие подобные письма показывают, что хотя руководство БРП и относилось к экзарху с недоверием, но при сохранении взаимного интереса дальнейшее сотрудничество с ним было возможно.

Из письма митрополита Стефана Г. Димитрову от 7 августа 1945 г. следует, что владыка взял на себя в Москве некоторые обязательства — обещал поддержку Болгарской Церкви Отечественному фронту на предстоящих выборах в Народное собрание и укрепление отношений с Русской Церковью в русле принципов славянства и Православия. Вскоре после возвращения из СССР, 28–30 июля экзарх собрал в Черепишском монастыре совещание руководителей всех епархий, на котором был обсужден и положительно решен вопрос о поддержке духовенством на ближайших выборах Отечественного фронта. Кроме того, 3–6 августа в Рильском монастыре под председательством экзарха состоялся 14-й Собор православных братств (объединявших 50 тыс. членов), завершившийся единодушным прославлением великой России и выражением горячей поддержки новой власти в лице Отечественного фронта¹⁵⁸.

Вернувшись из трехнедельной поездки в СССР (в ходе которой он побывал в Москве, Ленинграде и Киеве), митрополит Стефан 19 июля выступил с подробным и почти восторженным рассказом о своем путешествии на радио «София», в котором заявил: «Самым характерным из впечатлений о жизни Советского Союза является глубоко отмеченная терпимость к вере. Свобода совести — самый священный закон в созидательной политике Советского Союза... Патриарх Алексий... с достоинством своей авторитетной кафедры и со своими ценными личными качествами встал во главе

---

¹⁵⁷ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 64.

¹⁵⁸ Там же. С. 65-66; Бълхова М.И. Указ. соч. С. 205.

православного мира»¹⁵⁹. В этом же выступлении экзарх так охарактеризовал деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви и его председателя Г.Г. Карпова: «Этот, без сомнения, большого значения Совет возглавляется высокоинтеллигентным русским общественником Гергием Григорьевичем Карповым, который в ранге министра умело поддерживает гармонию между духовной и гражданской властями, так чтобы Русская Церковь была поднята на завидную высоту... Организатор первой величины господин Карпов вполне достоин своей высокой миссии. Он создает новую эпоху в большом процессе церковного бытия в душах верующего русского народа, вызывая все церковные живительные силы прошлого и настоящего к восстановительной и творческой работе»¹⁶⁰. Следует отметить, что митрополит Стефан впервые посетил Вселенского Патриарха в Стамбуле только 15 сентября 1945 г., уже после поездки в Москву.

25 июля владыка Стефан отправил послание Патриарху Алексию, а также личное письмо Г.Г. Карпову, в котором отмечал: «Русская Церковь необходима всему православному миру для противовеса политиканствующему католицизму и иссушающему человеческие души протестантизму, могущими быть захватчиками, но не друзьями Советского Союза и славянства. Русской Православной Церкви настало время выдвинуть себя — занять первое, руководящее место в ряду всех Православных Церквей... По нашему разумению, настало время исполниться пророчеству инока Филофея о Москве — Третьем Риме... Позволяю себе... напомнить Вам о нашем деле — о необходимости завершения канонического устройства нашей Церкви, возглавления ее Патриархом... желательно, чтобы это дело, не откладываясь в долгий ящик, разрешилось до юбилея Рильского монастыря, имеющего праздноваться в будущем году»¹⁶¹. В ответном письме от 17 августа Патриарх Алексей выразил надежду на скорейшее завершение канонического устройства Болгарской Церкви после снятия с нее схизмы и высказал намерение прибыть в Софию на торжества по случаю интронизации владыки Стефана¹⁶².

---

¹⁵⁹ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 42–43.

¹⁶⁰ *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945). М., 2005. С. 179–180.

¹⁶¹ *Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг.* Т. 1. С. 188–189.

¹⁶² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 199–199об.

Экзарха интересовали и другие формы помощи со стороны Московского Патриархата и советских властей. В письмах Патриарху Алексию от 4 и 6 октября 1945 г. он просил о предоставлении Болгарской Церкви займа в 50 миллионов рублей для восстановления разрушенных англо-американскими бомбардировками в Софии церковных зданий, возможности направлять болгарских студентов в духовные учебные заведения Московского Патриархата, а также спрашивал об отношении Патриарха и Совета по делам Русской Православной Церкви к экуменическому движению, сообщая о получении от архиепископа Кентерберийского и председателя Всемирного межцерковного совета писем «о необходимости согласованного действия всех церквей в деле создания прочного и долгого мира». В новом письме Г.Г. Карпову от 6 октября владыка Стефан опять напоминал о необходимости предоставления беспроцентного долгосрочного (на 10 лет) займа¹⁶³.

В свою очередь, в ноябре 1945 г. Болгарская Православная Церковь активно поддержала Отечественный фронт на выборах в Народное собрание, внося заметный вклад в его победу. В это же время митрополит Стефан пригласил Московского Первосвятителя на торжества по случаю 1000-летия преставления прп. Иоанна Рильского в мае 1946 г. и опубликовал статью «Благословение святого апостола Андрея Первозванного русскому народу» в журнале «Духовна культура», в связи с чем Патриарх Алексей в письме от 12 января 1946 г. выразил экзарху признательность за «прекрасные чувства к русскому народу и нашей Русской Церкви»¹⁶⁴.

23 января Патриарх Алексей написал Г.Г. Карпову о необходимости определить позицию Московской Патриархии к экуменическому движению и, в частности, использовать «посещение Болгарии для выяснения через экзарха Стефана вопроса об установлении единого отношения православных, главным образом славянских Церквей, к принятию того или иного участия в экуменическом движении... Соповещения в Болгарии об экуменическом движении производятся под знаком положительного или отрицательного отношения к участию в экуменическом движении

---

¹⁶³ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 84–85; Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 203–205.

¹⁶⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 223.

в зависимости от результатов переговоров Патриаршей комиссии с Англиканской Церковью»¹⁶⁵.

В письме А.П. Берии (с которым также ознакомился И.В. Сталин) от 29 апреля 1946 г. Г.Г. Карпов писал, что митрополит Стефан пригласил его и Патриарха Алексия на торжества по случаю 1000-летия преставления прп. Иоанна Рильского, надеясь, что Московский Первосвященитель во время этой поездки проведет интронизацию экзарха в Патриархи Болгарской Церкви. Карпов предлагал: разрешить делегации Московского Патриархата выехать 18 мая в Болгарию, «не возражать против интронизации Патриархом Алексием митрополита Стефана в Патриархи Болгарской Церкви, если этот вопрос там будет поднят и решен болгарским правительством», воздержаться от поездки самого Карпова и предоставить заем Болгарской Церкви в сумме не более 30 миллионов левов (около 1,5 миллионов рублей), «якобы от Русской Православной Церкви». Эти предложения были одобрены, причем Сталин пометил на полях: «Наоборот, можно и больше 30 млн лев». (13 мая 1947 г. советское правительство санкционировало выделение через Московскую Патриархию займа в 30 миллионов левов (555 тыс. инвалютных рублей), которые через несколько месяцев передали экзарху через специально командированного в Москву архимандрита Мефодия¹⁶⁶).

Следует отметить, что материальная помощь Болгарской Церкви лишь по форме носила характер займа, фактически же речь шла о прямом финансировании, поскольку вернуть эти деньги у экзархата в то время не было никакой возможности. Служивший тогда в Софии протопресвитер Георгий Шавельский в своих воспоминаниях довольно едко отмечал, что возвращать эти деньги Болгарская Церковь будет «на том свете угольками»¹⁶⁷.

Весной 1946 г. Совет по делам Русской Православной Церкви еще полагал, что Московской Патриархии необходимо включиться в экуменическое движение, однако вскоре его позиция изменилась на прямо противоположную.

---

¹⁶⁵ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 118–119.

¹⁶⁶ Болотов С.В. Указ. соч. С. 165; Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 269–272.

¹⁶⁷ Георгий Шавельский, *протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 39.

В мае 1946 г. Болгарская Церковь сумела организовать грандиозное чествование 1000-летия преставления прп. Иоанна Рильского и основания Рильского монастыря, на котором присутствовала и делегация Московского Патриархата из пяти человек во главе с Патриархом Алексием (в ходе своего визита с 20 мая по 3 июня делегация также посетила Софию и другие города Болгарии). Все члены делегации были награждены орденами святого Александра Невского и «За гражданские заслуги» разных степеней. В это время митрополит Стефан подтвердил, что он «всецело ориентируется на Восток, на великий могучий Советский Союз, на Русскую Церковь и Патриарха Алексия»¹⁶⁸.

Была также достигнута договоренность о том, что Болгарская Церковь не будет одна, без согласования с Московской Патриархией принимать участие в экуменическом движении. Правда, Болгарский Синод, без участия заболелшего экзарха, 27 марта 1947 г., заслушав послание Константинопольского Патриарха Максима, принял решение участвовать в подготовительных конференциях и Всемирном съезде этого движения 1947–1948 гг. В апреле 1947 г. при Синоде был организован экуменический комитет в составе: почетный председатель — экзарх Стефан, председатель — митрополит Паисий, секретарь — протопресвитер Стефан Цанков и два члена — Николай Алексиев (бывший секретарь отделения «ИМКА» в Болгарии) и архимандрит Иосиф. В мае 1947 г. была направлена делегация Болгарской Церкви из 18 человек на конгресс «ИМКА» в Осло. В печатном органе Синода газете «Церковный вестник» неоднократно публиковались статьи настоятеля софийского собора св. кн. Александра Невского протопресвитера Стефана Цанкова об идеях и задачах организации «ИМКА» и т.д.¹⁶⁹

Всенародная демонстрация любви к Церкви в ходе чествования 1000-летия преставления прп. Иоанна Рильского вызвала открытое раздражение властей, и ставший к тому времени премьер-министром Г. Димитров в своей речи в Рильском монастыре 26 мая 1946 г. фактически пригрозил Болгарской Православной Церкви репрессиями, подобными совет-

---

¹⁶⁸ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 160.

¹⁶⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 132, л. 224–226.

ским¹⁷⁰. Призвав к созданию «подлинно народной, республиканской прогрессивной Церкви» и объясняя причины гонений на Русскую Православную Церковь в Советской России «контрреволюционной деятельностью» прежнего церковного руководства, Г. Димитров охарактеризовал некоторых членов Болгарского Синода как «честных людей, но с закорюченными мозгами и крайне консервативными взглядами». Подобные заявления были встречены частью болгарского духовенства с раздражением и испугом¹⁷¹. А 29 мая на обеде у экзарха, в присутствии Патриарха Алексия, Г. Димитров заявил, что постановка вопроса о Патриархии в Болгарии несвоевременна. В этих условиях интронизация владыки Стефана не состоялась, что вызвало у него сильное негодование и обиду.

12 декабря 1946 г. митрополит Стефан встречался с приехавшим в Софию митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем). В ходе этой беседы экзарх говорил: «Моя ориентация на Восток, на великий и могучий Советский Союз, на Русскую Церковь, на Патриарха Алексия — неизменны и непоколебимы. Тут, в Софии, кое-кто меня заподозрил в интимных сношениях с англичанами и в симпатиях к ним. Нет и нет! Моей души там не было и не будет!.. В экуменическом движении нам, православным, нужно быть только наблюдателями, не больше. Это движение — не наше, не православное. Задержалось дело о моем патриаршестве. Конечно, главе древней Болгарской Церкви надо быть Патриархом. Но Димитров посоветовал пока не топиться с этим. Затем он хочет, чтобы я получил интронизацию в Патриархии от руки Московского Патриарха, и говорит, что лучше для этого мне съездить в Москву, там получить Патриаршество и вернуться в Болгарию готовым Патриархом, чтобы сразу потушить все возражения тех церковников наших, которые носят глухую оппозицию ко мне. Так что сейчас дело за Московским Патриархом. Ему принадлежит инициатива в этом деле. Когда он скажет Димитрову, что уже пора возглавить Болгарскую Церковь Патриархом, тогда это и произойдет... Я мечтаю у нас, на Шипке, создать духовную академию для студентов всех Православных Церквей. Это будет исключительным образом

---

¹⁷⁰ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 181.

¹⁷¹ Димитров Г. Съчинения. София, 1954. Т. 12. С. 189; Экзарх Стефан I Български. Документален сборник. София, 2003. С. 197–198.

служить делу тесного контакта всех Православных Церквей. Я ношусь с этой мыслью». Однако в тот же день генерал-полковник С.С. Бирюзов заявил Владыке Николаю: «Мы считаем Стефана хитрым, неискренним, двурушником. Он все время оглядывается на Запад, принимает у себя каких-то оттуда людей, имеет переписку с Западом. У нас о нем плохое мнение»¹⁷².

В 1947 г., заручившись поддержкой начальника отдела внешней политики ЦК ВКП(б) М.А. Сулова, болгарская партийная делегация была принята Г.Г. Карповым, который дал обстоятельные ответы на вопросы: из чего складывается доходность Церкви; получает ли Церковь какие-либо субсидии от государства; каковы структура и функции Совета по делам Русской Православной Церкви; каковы отношения Совета и его уполномоченных на местах с Патриархом и духовенством? Со своей стороны члены болгарской делегации сообщили, что церковными делами в Болгарии занимается департамент по делам культов при Министерстве иностранных дел, и функции этого департамента «очень схожи с функциями Совета», возглавляемого Карповым¹⁷³.

15 июня 1947 г. на приеме у премьер-министра Г.М. Димитрова члены Священного Синода во главе с экзархом одобрили внешнюю политику правительства и выразили пожелание, чтобы все духовенство поддержало его деятельность¹⁷⁴.

В тот период митрополит Стефан пытался активно участвовать в политических событиях, используя связи с крестьянской партией БЗНС и экуменическим движением для осуществления своих взглядов о месте в послевоенном обществе Болгарской Церкви, которую он видел сильной, независимой и равноправной с государством. Однако это очень расходилось с политикой самого государства. Заручившись поддержкой Болгарской Церкви в вопросе объявления Болгарии республикой (на референдуме в сентябре 1946 г. 92,7 % населения проголосовало за ликвидацию монархии и провозглашение республики, а малолетний царь Симеон II и царица Иоанна были высланы из страны) и получив абсолютное большинство на выборах в Народное собрание,

---

¹⁷² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 370–372.

¹⁷³ Болотов С.В. Указ. соч. С. 93.

¹⁷⁴ См.: Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата. Париж. 1947. № 19.

коммунистические власти уже в опубликованном 4 октября 1946 г. проекте новой конституции объявили об отделении Церкви от государства¹⁷⁵.

Вскоре стало ясно, что надежды митрополита Стефана на взаимное проникновение и слияние славянства и Православия с коммунистической властью являются утопией. Тоталитарное государство не могло допустить такой влиятельной соперницы, как Церковь, в своем стремлении идейно подчинить себе всех граждан. К 1947 г. в школах и гимназиях полностью прекратилось преподавание Закона Божия, в печати началась атеистическая пропаганда, Болгарский экзархат был лишен своих земельных наделов и основной части финансовых средств, священнослужители начали подвергаться гонениям со стороны властей. Законом 1947 г. Болгарской Церкви запретили заниматься благотворительной деятельностью, а с принятием в декабре того же года Великим Народным собранием новой конституции Церковь была отделена от государства¹⁷⁶.

При этом, правда, законодательно определялось наказание вплоть до года тюремного заключения для всякого, кто силой или угрозами препятствует гражданам или религиозным объединениям свободно практиковать свою веру, совершать религиозные обряды или отправлять богослужения. Православная Церковь стала считаться носителем «традиционного вероисповедания болгарского народа» и «демократической народной Церковью»¹⁷⁷. Однако вся ее общественная деятельность была резко ограничена. В результате Православная Церковь стала быстро терять свое значительное влияние на широкие слои общества, которое пронесла через века османского владычества.

Впрочем, первые трения и конфликты с новой властью начались еще в конце 1944 — начале 1945 гг. Так, 3 ноября 1944 г. Синод отправил министру пропаганды письмо с протестом по поводу передач на радио «София», порочащих болгарских священнослужителей¹⁷⁸. В это же время здания Софийской и Пловдивской духовных семинарий оказались заняты советскими

---

¹⁷⁵ Бълхова М.И. Указ. соч. С. 203.

¹⁷⁶ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 182.

¹⁷⁷ Сабев Т. Болгарская Православная Церковь в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 108.

¹⁷⁸ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 43, л. 1.

и болгарскими войсками, при этом Софийская семинария св. Иоанна Рильского оставалась в Черепишском монастыре с 1944 по 1991 гг., а Пловдивская семинария свв. Кирилла и Мефодия вообще была закрыта с 1948 по 1990 гг.

1944/1945 учебный год во многом оказался сорван. Этому способствовали и репрессии отдельных преподавателей. Так, например, ректор Софийской семинарии архимандрит Николай был арестован в конце 1944 г. за участие в международной комиссии, расследовавшей убийство польских офицеров органами НКВД в Катыни. Осенью 1945 г. были задержаны по обвинению в фашизме преподаватели Пловдивской семинарии: Д. Поптомов и протоиерей Михаил Шишкин. Тем не менее в 1946 г. в Болгарии еще действовали четыре средних духовных учебных заведения с 620 учащимися: Софийская семинария (270 учащихся), Пловдивская семинария (217), Черепишское священническое училище (84) и Черепишский пастырско-богословский институт (49 студентов). Кроме того, 140 студентов обучалось на богословском факультете Софийского университета, отделение которого от остальных факультетов правительство отложило до «удобного политического момента»¹⁷⁹.

Еще указом министра народного просвещения от 6 октября 1944 г. преподавание Закона Божия было удалено из учебных программ, а также запрещена молитва перед и после уроков. В ответ Синод отправил правительству официальную просьбу о терпимом и уважительном отношении к преподаванию вероучения. Хотя Церковь исключили из состава Высшего учебного совета, в результате переговоров в январе 1945 г. министр издал новый указ, согласно которому было разрешено факультативное преподавание Закона Божия и курса истории Болгарской Православной Церкви. Согласно решению административного совета при Министерстве народного просвещения от 11 мая 1945 г., обучать Закону Божию должны были назначенные духовной властью священники.

Для подготовки факультативных преподавателей на 1945 г. Синод в срочном порядке организовал специальный краткосрочный курс в Черепишском пастырско-богословском институте для 135 священнослужителей. Впрочем, этого было явно недостаточно, так как в 1945 г. Болгарская Церковь имела 3158 приходов и 2400 приходских священников (в 1947 г. в Болгарии

---

¹⁷⁹ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 205–207.

насчитывалось 86 монастырей, лишь около 2500 приходов с 2250 храмами и 2225 священнослужителей). Согласно указу Синода от 27 декабря 1945 г. об организации факультативного преподавания Закона Божия в приходских училищах, в 1945/1946 учебном году была создана целая сеть таких училищ: в Пловдивской епархии — 321, Велико-Тырновской — 205, Старо-Загорской — 153, Варненско-Преславской — 147, Доростоло-Червенской — 139, Врачанской — 121, Виденской — 110, Сливенской — 107 и т.д. Однако уже в январе 1946 г. начался поворот к насаждению антирелигиозной пропаганды и коммунистической идеологии в школах. Указом и.о. министра народного просвещения Р. Ангелова от 15 января 1946 г. в государственных училищах не разрешалось религиозное воспитание в любой форме и фактически приостанавливалось создание приходских училищ, так как Церковь не располагала подходящими помещениями для их устройства¹⁸⁰.

Осенью 1944 г., как уже говорилось, начались репрессии священнослужителей. В этот период так называемыми народными судами по обвинению в сотрудничестве с фашистами (в соответствии с принятым законом о наказании виновных в вовлечении Болгарии во Вторую мировую войну и связанных с ней злодеяниях) было осуждено 90 духовных лиц (многие невинно), и еще несколько арестовали или убили без всякого суда и следствия. В частности, 3 ноября 1944 г. Синод написал в Министерство иностранных и религиозных дел об арестованных без всякого судебного приговора священниках Доростольско-Червенской епархии¹⁸¹. Синод также просил Дирекцию милиции извещать епархиальное начальство о задержанных священниках и позволить им отбывать сроки наказания в монастырях. В декабре, ввиду предстоящего праздника Рождества Христова, часть первых политических заключенных нового режима оказалась помилована (так, например, протосингел Русенской митрополии иеромонах Василий после освобождения из лагеря был принят в состав клира софийского собора св. кн. Александра Невского).

Как раз в это время начальник милиции Главинчев готовил аресты всех членов Синода, кроме митрополита Стефана, за то, что они в одном из своих посланий лета 1944 г. высказались против партизан. Узнав об этом, Г. Димитров

---

¹⁸⁰ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 79-83.

¹⁸¹ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 210, л. 1-2.

в письме Т. Костову от 13 ноября попросил не допустить этого: «Арест членов Синода произведет отрицательное впечатление и, несомненно, будет использован звенаритами, земледельцами и другими нашими союзниками против нашей партии, что вызовет неблагоприятное для нас смущение у сельского населения»¹⁸².

Однако Г. Димитров не заступился за двух арестованных в октябре 1944 г. архиереев: митрополита Паисия — из-за его высказываний в пользу Германии на страницах «Церковного вестника» и выпуска пронемецкого епархиального послания «Духовное возрождение» (при этом владыка был непримиримым защитником болгарских евреев и убежденным противником расовой идеологии) — и митрополита Кирилла как начальника военного духовенства (хотя он лишь формально занимал эту должность) и за указание подведомственному духовенству в начале 1943 г. отслужить панихиду по погибшим под Сталинградом немецким солдатам. Митрополитов продержали в тюрьме до марта 1945 г. и при этом, по некоторым сведениям, подвергали пыткам¹⁸³. Владыку Кирилла освободили по ходатайству члена ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов) Т. Павлова, которого митрополит в годы войны спас из концлагеря.

Первая волна репрессий духовенства (под знаком антифашизма) продолжалась с сентября 1944 по май 1945 гг. Так, например, 9 сентября был арестован и после долгих мучений расстрелян священник с. Тръстеник о. Иоанн Тодоров, 17 сентября в г. Боян убит священник Евстахий Пандурски, 2 октября замучен священник с. Дълбни Дыбник о. Николай Йотов, 5 октября в г. Севлиево арестован и расстрелян протоиерей Стефан Кривошиев, в тот же день в г. Разлоге убит кирками вместе с 39 местными жителями священник Петр Дивизиев и т.д.¹⁸⁴ В этот период, по церковным данным, были подвергнуты суду 158 священно- и церковнослужителей, из них 152 осуждены, в том числе 13 на смерть. Кроме того, 45 духовных лиц были задержаны без судебных санкций, из них 25 бесследно исчезли и 4 оказались убиты¹⁸⁵.

---

¹⁸² Калканджиева Д. Указ. соч. С. 60.

¹⁸³ ЦДА, ф. 791к., оп. 1, е. х. 71, л. 98; Елдъров С. Указ. соч. С. 304.

¹⁸⁴ См.: Църковен вестник. 2003. № 1, 5, 13.

¹⁸⁵ Калканджиева Д. Указ. соч. С. 182-183.

В 1945 г. из ведения Церкви были изъяты дела о разводах, в следующем году гражданский брак был объявлен единственно законным. В своей антицерковной политике болгарские власти подрывали влияние Синода, умело используя действовавший уже несколько десятилетий Союз священников, так как ощутимые противоречия между епископатом и приходским духовенством существовали в Болгарии с начала XX в. В частности, архиереев неоднократно резко критиковал журнал Союза «Православен пастир» («Православный пастырь»), выходивший под руководством иерея Петра Поп Александра. Уже 23 апреля 1945 г. Сливенский митрополит Евлогий писал владыке Стефану о нарушении управлением Союза священников устава экзархата¹⁸⁶.

В ответ Синод пытался добиться соблюдения духовенством церковной дисциплины. 20 апреля 1945 г. он решил контролировать точное исполнение устава Союза священнических братств, в частности, выполнение не соблюдавшегося требования, чтобы архиерейские наместники были председателями епархиальных братств и руководителями окружных и епархиальных собраний. В окружном послании Синода от 21 апреля строго запрещались переходы священников в другие епархии, а также их участие в политической жизни страны и членство в каких-либо политических партиях. Однако эти решения и призывы не оказали должного воздействия, в различных частях страны продолжали возникать «Комитеты по сотрудничеству и единству между Церковью и властью Отечественного фронта» и тому подобные организации. На заседании Синода от 12 сентября 1945 г. отмечалось, что некоторые священнослужители требуют провести «революцию» в Церкви, подобная «революционная» деятельность ряда клириков, в том числе членов управляющих советов священнических братств, строго осуждалась. Синод решил наказывать не подчинявшихся верховной церковной власти клириков¹⁸⁷.

Часть руководства Болгарской Церкви открыто выражала недовольство усиливавшимся ограничением религиозной деятельности в стране. В конце 1946 г. в церковной печати появилась серия статей отца Стефана Цанкова, Л. Казанджиева, Дюлгерова, Пальчовского и др., призывавших к борьбе с безбожием и «марксистской ересью». Такую же позицию занимал и редактор

---

¹⁸⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 238, л. 1.

¹⁸⁷ Там же, е. х. 34, л. 3-6.

газеты «Църковен вестник» профессор богословия Иван Марковский. В апреле 1947 г. один из редакторов церковной газеты Виталий Кочев в присутствии нескольких священнослужителей говорил: «Священники должны понять, что они должны вести борьбу с коммунизмом и не допускать, чтобы массы коммунизировались. Пора запретить коммунистам вмешиваться в дела Церкви и руководить вообще политической жизнью в стране...» и т.д. (в тот период выходили газеты «Църковен вестник», «Народен пастир», «Църковен служител», журнал «Православен пастир» и некоторые другие церковные издания)¹⁸⁸.

11 мая 1948 г. начальник дирекции вероисповеданий Министерства иностранных дел Дмитрий (Димитр) Илиев (родственник члена Политбюро Трайчо Костова, занимавший эту должность с 15 февраля 1947 г.) по настоянию члена Софийского горкома Болгарской рабочей партии священника Климента Димитрова направил Болгарскому Синоду циркулярное письмо, ставшее ярким примером административного давления и грубого вмешательства во внутрицерковные дела. Церковному руководству предписывалось «содействовать усвоению со стороны клира и верующих начал народной демократии», принимать конкретные меры «против зарвавшихся реакционеров и реставраторов», «укреплять престиж Президиума Народного собрания и правительства, разъясняя экономическую, внутреннюю и внешнюю политику его», освободить «церковный аппарат» от всех «реакционных и реставраторских элементов» и т.п. (при этом данный циркуляр был опубликован 1 июня в газете «Народен пастир»)¹⁸⁹.

Подобные требования вызвали возражения даже со стороны Совета по делам Русской Православной Церкви. 30 июня 1948 г. Г.Г. Карпов написал о своем категорическом несогласии заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому: «Из содержания письма можно сделать вывод, что болгарское правительство весьма нуждается в поддержке Церкви, хочет Церковь прямо поставить на службу государству и через нее проводить в жизнь программу Отечественного фронта. Больше того, в одном из пунктов письма записано: "...Программа Отечественного фронта предусматривает

---

¹⁸⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 626–627.

¹⁸⁹ Там же. С. 708–715.

распространение среди населения научных знаний о развитии природы и общества ... Очевидным является то, что нынешний этап развития Народной Республики Болгарии требует изменения в духе Конституции и программы ОФ образовательной системы в учебных заведениях Болгарской Православной Церкви...” Этот пункт может быть истолкован как насилие над Церковью, которой предлагают в богословских школах воспитывать учеников в атеистическом направлении. По мнению Совета, оказывать необходимое влияние в нужном направлении на Болгарскую Православную Церковь можно было бы другими способами, путем личных рекомендаций руководству Церкви со стороны Дирекции вероисповедания, избегая подобных официальных документов, „притом рассылаемый слишком большому кругу лиц ... во всяком случае, выдвигаемые положения о взаимоотношениях между Церковью и государством в такой форме, как они изложены в циркуляре, по мнению Совета, неприемлемы»¹⁹⁰. Об этом мнении советский МИД проинформировал болгарское правительство.

При этом дружеские отношения Болгарской и Русской Церквей продолжали развиваться. 20 марта 1946 г. экзарх поздравил Патриарха Алексия и Г.Г. Карпова с присоединением украинских униатов к Московскому Патриархату. В телеграмме Карпову, в частности, приветствовалось возвращение к Святой Русской Церкви-Матери «отторгнутых когда-то от нее католической агрессией... карпатороссов»¹⁹¹. В письме на имя Г. Димитрова от 7 августа 1946 г. митрополит Стефан отмечал: «Нет такой силы, которая могла бы омрачить всенародное желание неразрывного единства с нашей освободительницей — Россией и Русской Православной Церковью. Это желание мы возведем в культ»¹⁹². А в письме Патриарху Алексию от 10 января 1948 г. экзарх Стефан поддержал право Московского Первосвященителя созывать совещания глав автокефальных Православных Церквей: «Меня начинает раздражать частое греческое напоминание, что Константинопольская церковь — мать наших церквей... Материнство в церковном управлении совсем не обязательно влечет за собой преимущества чести и тем более

---

¹⁹⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 722–723.

¹⁹¹ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 49–50.

¹⁹² РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 946, л. 105–106.

преимущества власти... Расхождение с восточными Патриархами, конечно, неприятный, печальный факт. Но не надо придавать ему значение большее, чем он заслуживает. Наши паствы безмерно превосходят греческие; наше, а в особенности Ваше православие чище, одухотвореннее греческого. Мы достаточно сильны, чтобы без помощи греков исправлять и направлять нашу церковную жизнь»¹⁹³.

В июле 1948 г. болгарская делегация во главе с митрополитом Стефаном приняла участие в проведенном в Москве под благовидным предлогом празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви совещании глав Православных Церквей. Незадолго до этого на встрече 5 марта в Бухаресте с экзархом Московского Патриархата в Чехословакии архиепископом Елевферием (Воронцовым) викарий Софийской епархии епископ Парфений (Стоматов) передал точку зрения митрополита Стефана о желательности предварительно послать в Москву небольшую болгарскую делегацию для выяснения позиции Московской Патриархии. Владыка Парфений полагал, что наиболее спорным будет вопрос об экуменическом движении, так как митрополит Стефан при поддержке отца Стефана Цанкова считал, что Православные Церкви должны влиться в него. Сам епископ Парфений, как и многие другие болгарские архиереи, имел другую точку зрения — экуменическое движение «направлено против Православия и проводит протестантские идеи, помимо политической западнической окраски»¹⁹⁴. В конце концов, предварительная поездка болгарской церковной делегации в Москву не состоялась.

Согласно сообщению служившего тогда в Болгарии русского протоиерея Всеволода Шпилера от 3 марта 1948 г., в Софии, в преддверии Амстердамской экуменической Генеральной ассамблеи, началась деятельность, проходившая «под знаком усиливавшейся активности западников, охватывающей все сферы церковной жизни и внешних отношений Церкви». Патриарху Алексию пришлось в специальном письме от 31 марта напомнить митрополиту Стефану о договоренности решать подобные вопросы на предстоящем Всеправославном совещании в Москве¹⁹⁵.

---

¹⁹³ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 333.

¹⁹⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, л. 42, л. 38–39.

¹⁹⁵ Болотов С.В. Указ. соч. С. 222.

Но на экзарха оказывалось сильное давление и со стороны экуменических кругов. В докладной записке Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 3 июля 1948 г. отмечалось, что «Болгария и Югославия стали местами паломничества видных деятелей Всемирного Совета Церквей, встречавшихся с главой Болгарской Православной Церкви, с Сербским Патриархом, митрополитами и богословами», при этом постоянно звучали обещания щедрой материальной помощи в обмен на участие в экуменическом движении¹⁹⁶.

По предложению поверенного в делах СССР в Болгарии К.Д. Левычкина премьер-министр Г.М. Димитров 22 мая встретился с экзархом Стефаном и дал ему понять, что выступление на Московском совещании в защиту экуменистов будет равносильно «акту враждебного отношения» к Советскому Союзу и болгарскому правительству. В результате беседы была достигнута договоренность, что в состав делегации Болгарской Церкви будут включены только лица, настроенные «благонамеренно к Московской Патриархии» (т.о., исключались убежденные экуменисты протопресвитеры Георгий Шавельский и Стефан Цанков)¹⁹⁷. Экзарх «заявил, что он порывает с экуменическим движением, служащим интересам англо-американских империалистов, что он окончательно связал судьбу Болгарской Церкви с политикой Кремля и т.п.». Была также достигнута договоренность о полном контакте Болгарской Церкви с политикой правительства Отечественного фронта. В свою очередь, Г. Димитров, от лица правительства, обещал восстановить Патриаршество и «сделать Стефана Патриархом»¹⁹⁸.

Целью совещания 1948 г. была попытка объединения Православных Церквей под эгидой Московского Патриархата или, как минимум, окончательное оформление европейского Православного блока. В Москву приехали делегации 11 автокефальных Церквей из 13, правда, две делегации — Константинопольская и Элладская — прибыли только на празднества и в работе совещания непосредственно не участвовали, пытаясь воздействием на некоторых глав Церквей (прежде всего на митрополита Стефана) сорвать

---

¹⁹⁶ Болотов С.В. Указ. соч. С. 256–257; РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 2.

¹⁹⁷ См.: Георгий Шавельский, *протопр.* Указ. соч. С. 39.

¹⁹⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 698–699.

принятие ряда решений¹⁹⁹. В состав болгарской делегации, кроме экзарха, входили митрополиты Кирилл и Никодим, архимандрит Мефодий и священник — коммунист Климент Димитров, активный участник движения Сопротивления и боец партизанского отряда Чочоолу в годы Второй мировой войны.

Празднества и заседания проходили в Москве почти две недели, среди докладчиков были митрополит Пловдивский Кирилл, выступивший с докладом «Ватикан и Православная Церковь в Болгарии», и митрополит Сливенский Никодим (Пиперов), зачитавший доклад «Об англиканской иерархии» (в кулуарах владыка Никодим высказал удивление мирным и бесконфликтным ходом работы совещания, хотя и отметил, что в нем не участвуют делегаты Эладской и Константинопольской Церквей). Все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства. В результате предварительной работы удалось достичь единства позиций участников, хотя без борьбы не обошлось. И наибольшие колебания проявил именно экзарх Стефан. Перед его отъездом в Москву представители советского МИД в Софии организовали встречу экзарха с председателем Совета министров Болгарии Г.М. Димитровым, который намекнул митрополиту Стефану, что вопрос о восстановлении Патриаршества в Болгарии будет решаться в зависимости от его поведения на Московском совещании. Но, несмотря на заверения, данные им перед отъездом Г. Димитрову и В. Коларову, экзарх, приехав в Москву, все же решил сделать заявление о поддержке экуменического движения (с которым сотрудничал более 20 лет) и о целесообразности участия Православных Церквей в созываемой этим движением в августе 1948 г. Амстердамской ассамблее²⁰⁰.

Позицию экзарха изменила, прежде всего, срочная телеграмма министра иностранных дел В. Коларова о принципиальном согласии правительства Болгарии на установление Патриаршества²⁰¹. Следует отметить колебания болгарских властей в этом вопросе. Несмотря на то, что со стороны советского правительства еще в ходе подготовки к совещанию было

---

¹⁹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 100–103.

²⁰⁰ Там же, оп. 132, д. 8, л. 47, 103; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 111, 113.

²⁰¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 102.

высказано мнение о целесообразности преобразования экзархата в Патриархат, накануне открытия совещания Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов) приняло решение: «Вопрос о возведении Экзархии в Патриархию пока отложить. В связи с этим провести консультации с Советским правительством»²⁰².

Кроме указанной телеграммы, на митрополита Стефана повлияли и переговоры с членами Синода Русской Церкви, чешской православной делегацией и Сербским Патриархом Гавриилом. После этого попытки представлявшего Константинопольский Патриархат митрополита Германоса, являвшегося сопредседателем Всемирного Совета Церквей, склонить Болгарского экзарха к защите экуменизма на Московском совещании и голосованию против предлагаемых резолюций успеха не имели. В своем докладе на совещании митрополит Стефан рассказал о многолетней успешной экуменической деятельности Болгарской Церкви, но сообщил, что ввиду внешних политических влияний на экуменическое движение Болгарский Синод решил отказаться от направления своей делегации на Амстердамскую ассамблею. Владыка Стефан стал автором проекта обращения совещания к христианам всего мира «Духа не угашайте». В конце концов, на совещании были единогласно приняты постановления «Ватикан и Православная Церковь», «Экуменическое движение и Православная Церковь», направленные против Римского Папы и «гнезда протестантизма» Америки, а также схожее по характеру «Обращение к христианам всего мира». В резолюции «Об англиканской иерархии» ей, хотя и в мягкой форме, фактически отказывали в признании действительности²⁰³. Конфронтация бывших военных союзников повлияла на межцерковные связи, Англиканская Церковь рассматривалась уже как претендент на европейское лидерство.

В ходе празднества и совещания экзарх Стефан неоднократно говорил об исключительной роли Московской Патриархии в современном Православии: «Для нас Русская Церковь остается очагом Православия. В ней мы видим гарантию того, что все попытки врагов поколебать Православие будут развеяны в прах... Да возвеличится через вашу святую

---

²⁰² ЦПА, ф. 1, оп. 6, а. е. 515; Бълхова М.И. Указ. соч. С. 208.

²⁰³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 104–105, оп. 132, д. 8, л. 103.

Церковь весь православный мир и да умиротворяется и возвышается все человечество»²⁰⁴.

В середине июля болгарская делегация посетила Совет по делам Русской Православной Церкви. В личном разговоре с Г.Г. Карповым владыка Стефан заявил, что «в Болгарии нет правильных взаимоотношений между Церковью и государством. Церковь лишена какой-либо самостоятельности и полностью подчинена департаменту по делам вероисповедания». Митрополит отрицательно отозвался о руководителе дирекции (департамента) Д. Илиеве и попросил «сделать все возможное, пользуясь дружескими отношениями между Советским Союзом и Болгарией, чтобы в Болгарии установить тот же порядок во взаимоотношениях между Церковью и государством, какой существует в Советском Союзе», на что Г.Г. Карпов заявил, что он занимается делами Русской Церкви и не может вмешиваться в дела Церквей других государств. Владыка Стефан также обратился с просьбами о денежной помощи Болгарской Церкви в размере 100 млн левов (около 1 млн рублей), помимо полученных ранее 30 млн левов, и продаже 150 тонн воска, необходимого для производства свечей²⁰⁵.

В июле 1948 г. Болгарская Церковь получила московский храм-подворье Успения Божией Матери в Гончарах (переданный согласно решению Совета Министров СССР от 16 декабря 1947 г.), и был выработан проект положения, в котором предусматривалось полное содержание этого храма и его причта Московской Патриархией. Первоначально это подворье возглавлял архимандрит Мефодий (Жерев)²⁰⁶.

После экскурсионной поездки в Тбилиси экзарх Стефан заявил: «... у меня там, в Грузии, родилась мысль написать книгу о Сталине. Я эти два дня вынашиваю эту мысль и непременно напишу как можно скорее. Тема этой книги такая: Сталин — это действительно гений и светоч для всех народов, которые ищут правды, мира и подлинной братской взаимной любви. О, это великая идея!» Однако на Карпова поведение митрополита произвело далеко не лучшее впечатление. В докладной записке в Совет Министров и ЦК ВКП(б) от

---

²⁰⁴ ЖМП. 1948. № 8. С. 17, 33.

²⁰⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 36, 41.

²⁰⁶ Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 184.

3 августа 1948 г. он писал: «Наблюдение за поведением прибывших на торжества делегаций и высказывания в конфиденциальных беседах отдельных глав и членов делегаций помогли установить, что экзарх Болгарский Стефан, хитрый, прожженный политикан, типичный хамелеон, поддерживал в Москве связи с Константинопольским экзархом Германосом и главой греческой делегации митрополитом Хризостомосом, с которыми вел конспиративные беседы... Известная Совету близость митрополита Стефана к английской миссии в Софии заставляет думать, что прибытие на торжества в Москву этих делегаций организовано англо-американцами не без участия Стефана»²⁰⁷.

Возвратившись в Болгарию, экзарх подробно уведомил руководство страны и членов Синода о результатах Московского совещания, с надеждой говорил о необходимости введения Патриаршества, поддержке этой идеи Русской Церковью и советским руководством. Однако еще во время его пребывания в Москве в Болгарии было проведено тайное заседание малого состава Синода с руководителем дирекции вероисповеданий Д. Илиевым, которое, в негативном свете обсудив проект телеграммы в Москву о предстоящем провозглашении митрополита Стефана Патриархом, приняло решение об ограничении прав экзарха и возможном скором снятии владыки с этого поста²⁰⁸. Коммунистическому руководству Болгарии был нужен полностью подконтрольный глава Церкви, который бы во всем следовал за религиозной политикой государства.

5–13 августа экзарх Стефан провел чрезвычайную сессию полного состава Синода, на которой после острой борьбы было принято решение о восстановлении Патриаршества. Вскоре оказались составлены соответствующие письма в правительство и Константинопольскому Патриарху, причем второе послание с ходатайством об издании Патриархом Томоса, разрешающего задуманную акцию, должна была вручить специальная делегация во главе с митрополитом Паисием.

30 августа 1948 г. митрополит Стефан встретился с заместителем председателя Совета Министров Василием Коларовым, рассчитывая получить

---

²⁰⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 103–105.

²⁰⁸ Устное свидетельство автору болгарской исследовательницы Даниеллы Калканджиевой 15 сентября 2007 г. в Софии.

окончательное согласие правительства на провозглашение его осенью Патриархом, а также разрешение на поездку для лечения в Чехословакию. Однако в ходе беседы экзарху было предъявлено требование о пересмотре письма Синода Национальному комитету Отечественного фронта, в котором говорилось о неприемлемости для Церкви некоторых пунктов декларации комитета, в частности, об отказе Церкви от участия в воспитании детей и молодежи, разрешении священникам участвовать в Отечественном фронте и кооперативном движении и допущении коммунистов к ключевым должностям в церковной администрации. Сдержанно-негативная реакция митрополита сделал его отставку неизбежной (хотя экзарх при этом соглашался выполнить указание о переводе Софийской семинарии в провинцию)²⁰⁹. 2 сентября четыре члена постоянного (малого) Синода посетили В. Коларова, и тот подтвердил требование правительства, на что архиереи заявили о невозможности изменить свое решение без обсуждения ситуации на заседании полного состава Синода из девяти иерархов.

6 сентября 1948 г. в результате провокации Врачанского митрополита Паисия, выступившего с резкой критикой поведения экзарха, якобы отдающего самовольные распоряжения от имени Синода, владыка Стефан был вынужден покинуть заседание полного состава Синода, и вечером того же дня в письме своему заместителю митрополиту Доростоло-Червенскому Михаилу (Чавдарову) экзарх написал, что в «подобной атмосфере» он не «считает возможным» оставаться председателем Синода. Владыка рассчитывал, что его отставка не будет принята, однако уже 8 сентября решением Синода митрополит Стефан был освобожден от должности экзарха «по важным соображениям церковного характера» и лишен управления Софийской кафедрой, 10 сентября это решение утвердило Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов), а 12 сентября в газетах опубликовали коммюнике Синода об отставке владыки Стефана «по болезни», хотя за день до этого бывший экзарх написал членам Синода о неправильности их решения.²¹⁰ Новым председателем Синода, временным главой экзархата и управляющим Софийской епархии на несколько месяцев стал митрополит Михаил (18 сентября

---

²⁰⁹ Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 639.

²¹⁰ ЦПА, ф. 1, оп. 6, а. е. 539; Бълхова М.И. Указ. соч. С. 212.

Константинопольский Патриарх прислал бывшему экзарху телеграмму с выражением недоумения и сочувствия по случаю его неожиданной отставки).

Все усилия владыки Стефана показать незаконность этих решений не помогли, ему также не позволили встретиться с Георгием Димитровым, с которым у экзарха раньше были хорошие личные отношения и которому он 12 сентября написал довольно подобострастное письмо²¹¹. Бывший секретарь Коминтерна уже тяжело болел, и Болгарией фактически руководил Василий Коларов, не допустивший этой встречи. Вся акция по отстранению митрополита от власти заняла лишь несколько дней. 25 сентября 1948 г. информация о ней была отправлена в советское посольство. В этом сообщении говорилось, что митрополит Стефан будет выселен за пределы Софии в с. Баня Карловско-Пловдивской области без права передвижения по стране и с предоставлением персональной пенсии 25 тыс. левов ежемесячно. Подобное решение было принято Синодом и 14 сентября одобрено В. Коларовым, причем бывшему экзарху не разрешалось служить²¹².

В докладной записке Г.Г. Карпова В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову и М.А. Суслову от 28 сентября выражалось некоторое недовольство поспешным устранением экзарха: «Резкость и нетактичность Илиева, имевшего личные столкновения со Стефаном, прямое и грубое вмешательство в дела Синода при существующем отделении Церкви от государства содействовали поспешности постановления Стефаном вопроса об отставке, с которым болгарское правительство, перед его отъездом в Москву, имело договоренность о назначении его Патриархом... После отставки Стефан находится в подавленном состоянии, высказывает мысль пойти на службу к Патриарху Алексию в надежде получить экзаршество, в частности, во Франции». Для исправления ситуации в Болгарской Церкви Г.Г. Карпов предлагал целую программу мероприятий из семи пунктов: «1. Ослабление реакционного большинства Синода... 2. ...изменение линии поведения директора департамента культур Илиева... 3. Радикальным для демократизации Синода, руководства Церковью и успеха в борьбе с англо-американским влиянием является намерение болгарского правительства созвать Народно-церковный собор для

---

²¹¹ Димитров Г. Дневник. София, 1997. С. 627.

²¹² ЦПА, ф. 146, оп. 5, а. е. 607; Бълхова М.И. Указ. соч. С. 212.

устройства Церкви, выборов экзарха и обсуждения вопроса об установлении в будущем Патриаршества... 4. Предложение болгарского правительства пустить Стефана на территорию СССР в целях изоляции пагубно отразится на авторитете и положении Русской Церкви в международных церковных кругах... Совет считает более целесообразным оставить в силе решение Синода о лишении Стефана права передвижения по стране... Осуждение Стефана по церковной линии облегчит предание его суду по светской линии за политические преступления против республики. Это можно сделать позднее при более благоприятной обстановке... » и т.д.²¹³

Через несколько дней по просьбе В. Коларова МИД и МГБ СССР дали согласие на разрешение лечения и постоянного проживания митрополита Стефана на территории Советского Союза. В этой ситуации Г.Г. Карпов 30 сентября в докладной записке заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину написал о возможности принятия бывшего экзарха лишь на покой в один из монастырей, но не на службу в Русскую Церковь²¹⁴.

12 октября Г.Г. Карпов принял настоятеля болгарского храма-подворья в Москве архимандрита Мефодия, который сообщил о содержании писем митрополита Стефана к нему. Владыка писал, что он находится в отставке в связи с «инсценированным конфликтом», что он «тяжело морально и физически переживает это обстоятельство» и «надеется на вмешательство Патриарха Московского Алексия и уверен, что рано или поздно восторжествует истина» по его делу²¹⁵. В личном письме Патриарху Алексию от 16 октября бывший экзарх подробно описал обстоятельства своей «незаконной» отставки: «После возвращения моего из Москвы 3 августа с.г. я нашел в Софии в среде Св. Синода враждебную атмосферу, не имеющую никакого основания, и которую мне не объяснили, но которая скрывалась за явно оппозиционным настроением в форме саботажа. Оно выявилось тем, что 6 сентября Врачанский митрополит Паисий, поддержанный Пловдивским митрополитом Кириллом, нанес мне оскорбление при полном и молчаливом одобрении остальных членов Св. Синода... Я заявил, что при подобной тяжелой обстановке, которая

---

²¹³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 744–750.

²¹⁴ Там же. С. 751–754.

²¹⁵ Там же. С. 758–760.

за последнее время стала постоянно повторяться, мне невозможно далее нести на своих плечах бремя председателя Св. Синода, почему я уведомлю о сем правительство с просьбой, чтобы оно взяло на себя роль арбитра и произвело бы дознание, и предупредил Св. Синод, чтобы он не предавал гласности моего заявления, пока не будет получено мнение и решение правительства. Но это не случилось...». Владыка Стефан также просил Патриарха «вступить в свои священные права расследователя этого дела и верховного арбитра по спору нашему со Св. Синодом Болгарской церкви»²¹⁶.

В середине октября митрополит Стефан встретился с приехавшим в Софию на XXX конгресс Союза священников управляющим делами Московской Патриархии протопресвитером Николаем Колчицким. В беседе с ним владыка признал, что он под влиянием раздражения, необдуманно, не учитывая последствий, подал в Синод заявление о своем оставлении должности экзарха, чем воспользовались его недоброжелатели — члены Синода и постановили уволить его от должности экзарха и одновременно от звания Софийского митрополита. Затем митрополит Стефан жаловался на то, что он страдает из-за Русской Церкви, ибо исполнил ее желание и пошел на Московском совещании против экуменизма; и вот-де Русская Церковь оставила его без защиты». На это отец Николай ответил, что Русская Церковь не может «вторгаться в дела, хотя и братской, но не своей Церкви». Патриарх Алексей, искренне сочувствуя владыке Стефану, послал ему письмо с соболезнованиями и в письме Г.Г Карпову от 20 октября запросил о возможности предложить бывшему экзарху «поселиться у нас в Почаевской лавре, где ему может быть обеспечен покой, удобства и духовное удовлетворение в лаврских службах»²¹⁷.

2 ноября митрополит встретился с В. Коларовым, который заявил, что «если Стефан хочет сохранить свой моральный престиж, завоеванный в прошлом, то он должен безапелляционно подчиниться решениям Синода и болгарского правительства об отставке с поста экзарха и митр. Софийского. При этом Стефану заявлено, что решение правительством принято по государственным соображениям, и он не должен в какой-либо форме сопротивляться этому решению». Однако владыка сказал Коларову о «неправильном решении вопроса

---

²¹⁶ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 411.

²¹⁷ Там же. С. 407–409.

Синодом и правительством об освобождении его от митрополичьей Софийской кафедры», не хотел он и ехать в гости или на службу к Патриарху Алексию ввиду лишения прав экзарха и правящего митрополита. Следует отметить, что 5 ноября Совет по делам Русской Православной Церкви сообщил в МИД СССР мнение Патриарха Алексия, поддержанное Советом, о необходимости оставления за владыкой Стефаном Софийской кафедры²¹⁸.

Но это пожелание учтено не было, болгарские власти разозлила неуступчивость бывшего экзарха, отвергавшего все попытки уговорить его подчиниться. Под давлением Священного Синода, требовавшего ускорить высылку владыки, Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии (коммунистов) 18 ноября приняло решение о принудительной отправке митрополита Стефана к указанному месту жительства. 24 ноября 1948 г. владыка был насильно выдворен в село в с. Баня Карловской околии, лишен права свободного передвижения и возможности совершать богослужения. 25 ноября он сообщил о своем насильственном изгнании в письме Московскому Патриарху Алексию. В с. Баня владыка Стефан жил в ссылке до своей кончины 14 мая 1957 г.²¹⁹

Патриарх Алексей глубоко сострадал митрополиту и оказывал помощь в его лечении, летом 1949 г. спас владыку Стефана от возможного уголовного преследования. В это время Синод потребовал от митрополита отчета в израсходовании потраченных владыкой на личные нужды части средств из 30 миллионов левов, полученных от Московской Патриархии в качестве займа. В начале августа Патриарх, по просьбе митрополита Стефана, через архиепископа Серафима (Соболева) сообщил Болгарскому Синоду: «Акт передачи в 1947 г. б. экзарху 30 миллионов лев был облечен в вид долгосрочного займа лишь формально; по существу это было дарение, т.к. наша Церковь, входя в положение Болгарской Церкви, имела намерение ей существенно помочь. Московская Патриархия считает Болгарскую Церковь свободной от необходимости уплаты этой суммы, предоставленной б. экзарху м. Стефану в его полное распоряжение на расходы по его личному усмотрению»²²⁰. В результате дело было закрыто.

---

²¹⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 419, л. 117–118.

²¹⁹ Калканджиева Д. Българската православна църква и държавата. 1944–1953. София, 1997. С. 235–236; Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 639.

²²⁰ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 475.

Следует отметить, что Д. Илиев в личных беседах неоднократно ставил в себе в заслугу «умелое» проведение операции по устранению экзарха Стефана. В докладной же записке В. Коларову он отмечал: «Избрание и провозглашение Паисия, Кирилла, Иосифа и Филарета членами постоянного присутствия Св. Синода произошло с нашего ведома, выполняя Вашу инструкцию о таких случаях. Сейчас можно ожидать, что Болгарская Православная Церковь окажет еще большее содействие правительству и Отечественному фронту в их усилиях по построению социализма в Болгарии»²²¹.

В самом начале 1949 г. митрополита Михаила в качестве наместника-председателя Священного Синода и управляющего Софийской епархии сменил митрополит Паисий. 6 января он сообщил об этом в письме Патриарху Алексию, выразив глубокую признательность Русской Православной Церкви за «содействие быстрому разрешению... вопроса о схизме», за помощь в восстановлении разрушенных после бомбардировок храмов, визит Московского Патриарха в Болгарию в 1946 г. и т.д. 9 февраля Патриарх отправил Владыке Паисию поздравительное письмо, и в ответ тот 5 июля написал о предложениях Болгарского Синода по укреплению связей между обеими Церквями: устройство концертов русских церковных хоров, выставок русской иконописи в Болгарии, обмен статьями богословов, командировки болгарских клириков, студентов, богословов и церковных регентов в СССР, взаимное осведомление о действии инославной пропаганды и т.д.²²² Следует отметить, что среди духовенства Болгарии в то время существовало небольшое течение во главе с епископом Левкийским Парфением (Стоматовым) и епископом Тихоном, выступавшее за присоединение Болгарской Церкви к Московскому Патриархату.

Сразу же после отстранения экзарха Стефана началась новая кампания давления на Церковь. На чрезвычайном заседании 4 октября 1948 г. Священный Синод отменил запрет совершать отпевание и христианское погребение заключивших только гражданский брак верующих, он отказался от религиозного обучения детей и подростков, признав его исключительным

---

²²¹ Волокитина Т., Мурашко Г., Носкова А. Москва и Восточная Европа. Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в.: Очерки истории. М., 2008. С. 180, 242.

²²² ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 179, л. 1–2.

правом государства, а также отказался от ведения религиозной пропаганды, под предлогом того, что свобода религии гарантирована конституцией. Духовенству было разрешено участвовать в деятельности Отечественного фронта и указано соблюдать исключительное право государства на обучение молодежи²²³.

Выступая 14 октября на открытии XXX конгресса Союза священников, Д. Илиев открыто заявил, что Церковь обязана отдавать все свои силы на службу государству, особенно в народной республике, и указал на противодействие духовенства желанию правительства, которое хочет, чтобы священнослужители оказывали помощь в строительстве социализма в стране. Говоря об оппортунистической позиции некоторых митрополитов, глава дирекции вероисповеданий назвал их «идиотами», но подчеркнул, что Священный Синод всегда найдет выход для того, чтобы соблюдать святыне каноны и одновременно подчиняться законам государства. В последовавшей затем дискуссии по поводу печатного органа Союза священников газеты «Народен пастир» было предложено, чтобы в дальнейшем его главный редактор не выбирался, а назначался. В ответ на возражения секретарь Отечественного фронта объявил дальнейшее обсуждение излишним, так как, будучи избранным или назначенным, главный редактор должен следовать директивам фронта. Только 20 % присутствовавших одобрило это предложение, но председатель объявил его принятым. На этом же конгрессе в присутствии 300 представителей духовенства секретарь Отечественного фронта заявил, что священники должны подчиняться директивам фронта так же, как и любая другая организация. В зале заседания конгресса висел огромный портрет Г. Димитрова, но не было ни распятия, ни икон. В декабре 1948 г. на съезде Болгарской коммунистической партии было принято решение об активизации борьбы против «религиозных предрассудков»²²⁴.

В это же время началась разработка законопроекта о вероисповеданиях в Болгарии, который в конце октября был внесен на рассмотрение очередной сессии Великого Народного собрания. Однако он вызвал негативную реакцию советского руководства. По инициативе Г.Г. Карпова заместитель министра

---

²²³ Църковен вестник. 23.10.1948.

²²⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 990, 995, 1001–1002.

иностранных дел В. Зорин 17 ноября 1948 г. подал в Политбюро ЦК ВКП(б) докладную записку в которой отмечал: «... законопроект о вероисповеданиях, провозглашая отделение Церкви от государства, содержит в себе по существу идею полного подчинения Церкви департаменту вероисповеданий МИД Болгарии. Согласно этому законопроекту, священнослужители могут приступить к исполнению своих обязанностей только после утверждения их приказом Министерства иностранных дел. На священнослужителей возлагается обязанность оказывать МИДу содействие в надзоре и контроле за вероисповеданием... Предусматривается, что бюджеты вероисповеданий утверждаются МИДом, который осуществляет контроль за их исполнением... Стремление департамента вероисповеданий МИД Болгарии подчинить себе Церковь является следствием той линии, которую занимает по отношению к Церкви руководитель этого департамента Дмитрий Илиев... МИД СССР считает целесообразным о вышеизложенном устно информировать тов. Димитрова, сообщив ему при этом, что, по нашему мнению, упомянутый законопроект в своем теперешнем виде неприемлем и его следовало бы переработать с учетом наших замечаний. Одновременно следовало бы сказать тов. Димитрову, что нашим людям, занимающимся церковными делами, поведение Илиева внушает серьезные опасения, как поведение человека, дискредитирующего политику болгарского правительства в отношении Церкви и спекулирующего к тому же именем Москвы»²²⁵. Некоторые из данных пожеланий были учтены, в частности, Д. Илиева вскоре отстранили от руководства дирекции вероисповеданий (отчасти это произошло в связи с арестом его родственника — члена Политбюро Трайчо Костова).

Так начался период полного подчинения Болгарской Церкви коммунистическому государству. Экзархат был непосредственно вовлечен в советскую международную политику, в частности, в начале 1950-х гг. поддерживал мирные инициативы социалистического лагеря: в марте 1950 г. поддержал послание Московского Патриарха Алексия в защиту мира и Стокгольмское воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении ядерного оружия, затем подписал антиамериканское обращение против

---

²²⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 643–645.

войны в Корее и т.д. Несмотря на это, нарастали ограничения церковной жизни, так, в июле 1951 г. богословский факультет был отделен от Софийского университета и преобразован в самостоятельную Духовную академию св. Климента Охридского (120 учащихся), почти закрытую для свободного поступления в нее. Прекратила действовать сеть приходских училищ. К 1953 г. кроме Духовной академии в стране осталось лишь одно церковное учебное заведение — переведенная в г. Черепиш Софийская семинария (около 200 учащихся), а из 21 религиозного периодического издания (на 1946 г.) уцелело только 3²²⁶.

Власти подавляли приходскую жизнь, а в конце 1940-х гг. началась новая, связанная с холодной войной волна репрессий духовенства. Еще в 1946 г. Велико-Тырновского митрополита Софрония обвинили в выступлениях против Отечественного фронта, критике Сталина и советской системы. В подобном обвиняли также Старо-Загорского митрополита Климента и Доростоло-Червенского Михаила. Тяжелую утрату Болгарская Церковь понесла в результате убийства 7 ноября 1947 г. лишенным сана священником Ильей Стаменовым (известным в округе в качестве осведомителя) митрополита Неврокопского Бориса (Разумова). При этом еще в конце 1944 г. Стаменов был приговорен за содействие немцам и выдачу партизан к расстрелу, но каким-то образом избежал казни и находился на свободе. Владыка Борис был известен как русофил, в частности, после войны он выступил с предложением заселить Рильский монастырь русскими насельниками, чтобы поднять монашескую жизнь на высокий уровень. В качестве секретаря Синода митрополит попытался на практике осуществить этот план, но это было враждебно воспринято властью и частью архиереев. В одном из своих писем в Московскую Патриархию протоиерей Всеволод Шпиллер отмечал: «Опыт м. Бориса Неврокопского вызвал в Синоде целую бурю, и “русофильство” м. Бориса стоило ему тогда очень дорого»²²⁷.

За месяц до своей мученической кончины митрополит Борис написал в Священный Синод письмо, в котором жаловался на произвол коммунистов

---

²²⁶ Калканджиева Д. Българската православна църква и «народната демокрация». С. 336; ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 271–272.

²²⁷ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 178.

в его епархии. Владыка был объявлен органами власти врагом, против него развернули клеветническую кампанию в прессе, в частности, в газете «Работническо дело» опубликовали статью под названием «Один недостойный служитель Болгарской Православной Церкви». С апреля 1948 г. по 1 января 1949 г. под предлогом обвинения в финансовых нарушениях содержался под арестом митрополит Ловчанский Филарет. Репрессий не избежал и самый авторитетный болгарский иерарх в межвоенный период — Видинский митрополит Неофит²²⁸.

Массовая волна антицерковных репрессий конца 1940-х гг. началась с ареста 29 июля 1948 г. почитаемого в народе за нищелюбие и прозорливость настоятеля Рильского монастыря архимандрита Калистрата (Накова), приговоренного через год к 10 годам тюремного заключения, и сопровождалась в основном административными мерами. От нее пострадало около 200 священников, обвиненных в деятельности против Отечественного фронта. Их отстраняли от службы, отправляли в трудовые воспитательные учреждения (лагеря) или выселяли в другую местность вместе с семьями²²⁹. Этим преследовалась цель поставить под контроль власти все активные церковные кадры. За весь период коммунистической власти в Болгарии Православная Церковь потеряла 120 убитых и 600 репрессированных священнослужителей, значительная часть духовенства прошла через тюрьмы и лагеря²³⁰.

И в этих тяжелых условиях некоторые священнослужители и миряне боролись как чисто церковными средствами, так и через свою периодическую печать, стараясь и в условиях цензуры не оставлять без ответа нападки на веру и Церковь. Особенную активность и бесстрашие в этом плане проявляли редакторы ежемесячного журнала «Духовна култура» — профессор богословского факультета Софийского университета Борис Маринов и Александр Величков²³¹.

В то же время среди части белого духовенства экзархата появились течения, близкие по своим взглядам с обновленчеством в СССР. Так, протоиерей

---

²²⁸ Калканджиева Д. Българската православна църква и «народната демокрация». С. 193–198.

²²⁹ Там же. С. 184–186.

²³⁰ Бойкичева К.-А. Указ. соч. С. 178.

²³¹ Там же. С. 183.

Всеволод Шпиллер еще в 1946 г. писал в Совет по делам Русской Православной Церкви, что Рильский монастырь превращен в место отдыха туристов. При этом монашество там «просто планомерно и систематически истреблялось», такой вывод отец Всеволод делал в связи с отменой ночных и ранних утренних богослужений, якобы «утомлявших без нужды» братию. Возникали проекты по превращению монастырей в «социально-полезные» учреждения: приюты, больницы, образцовые хозяйства, места отдыха, культурно-просветительные центры и т.п. Монашество «созерцательное» должно было уступить место монашеству «деятельному». Вопрос сближения Церкви с обществом и народом предполагалось решить в смысле приспособления к миру: священство требовало второ- и третьобрачия, в том числе для разводящихся, участия в доходах с монастырей, командировок за границу для специализации, политических прав и организации священнического профсоюза с правом представлять везде, в том числе перед Синодом, профессиональные интересы священства²³².

Одновременно происходило огосударствление церковной жизни, так, например, Союз священников на своем, проходившем 18–20 октября 1949 г. в Софии, XXXI конгрессе принял декларацию об отношении Церкви к правительству Отечественного фронта, в которой говорилось: «Союз будет приобщать свои усилия к силам правительства в деле построения социализма и благоденствия в нашей стране, за построения Царства Божия на земле»²³³. На конгрессе также рассматривались вопросы о второбрачии духовенства, отказе от ношения рясы во внеслужебное время и о новом церковном уставе. В своем письме Патриарху Алексию от 1 ноября того же года отец Всеволод Шпиллер отмечал, что этот конгресс завершил «тянувшееся долгие годы размежевание, с одной стороны, синодальных архиереев (митрополитов) с окружением их во главе с протоиереем Цанковым, с другой — живоцерковнически настроенных священников, группирующихся около руководства

---

²³² Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: Материалы 2004 г. М., 2004. С. 302–303; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 132, л. 29–34.

²³³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 731, л. 18.

священнического профессионального (!) союза»²³⁴. После завершения работы конгресса делегация его членов и руководителей Союза священников, вдохновленных выступлением на одном из заседаний председателя Софийского городского совета Ивана Пашова, посетила Синод с требованием неотложного решения вопросов о второбрачии духовенства, снятии ряс и о совместном пересмотре проекта нового устава экзархата.

В 1949 г. управлявший русскими приходами в Болгарии архиепископ Серафим (Соболев) поместил в журнале «Църковен вестник» статью, в которой «осудил, как неканонические, притязания Союза священников на умаление власти Синода и на внедрение второбрачия, предостерегая от “живоцерковнических” ошибок и сползания в экуменизм». В ответ в журнале «Народен пастир» (№ 40 от 21 декабря 1949 г.) была опубликована статья священника Николая Загарова, который писал: «... мы совершенно не обязаны подражать тем обычаям жизни Русской Церкви, которые для нашего духовенства являются уже анахронизмом, так как объединенное болгарское духовенство, благодаря своему союзу, чего русское духовенство еще не имеет, подняло свое общественно-церковное сознание до такой степени, что может претендовать на свои законные права равноправного члена в управлении и жизни Церкви, а не может быть только раболепно настроенной массой. В этом именно смысле мы безбоязненно заявляем и сейчас, что ничто не препятствует русскому духовенству поучиться у нашего»²³⁵.

Интересная, хотя и очень односторонняя характеристика ситуации в Болгарской Церкви уже после отстранения от управления экзарха Стефана содержится в письме архиепископа Серафима (Соболева) Московскому Патриарху Алексию I от 26 апреля 1949 г.: «Все митрополиты являются решительными последователями экуменизма как до Московского совещания, так и после него... если экуменическое разложение будет идти и впредь такими же шагами, то недалек тот день, когда вожди Болгарской Церкви приведут ее на радость врагов Православия к полному духовному единению с создавшимся на Западе религиозным единством, которое в лице экуменизма ставит своею задачею поглощение всех поместных Православных Церквей и образование единой

---

²³⁴ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 496.

²³⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 731, л. 16–17.

Вселенской, только не православной, а экуменической, т.е. еретической и мasonicкой Церкви, в чем и состоит сущность экуменизма...

В экуменическом направлении болгарских иерархов, в их явном попустительстве экуменической деятельности профессоров богословского факультета и в его отрицательном отношении к Православию надо искать одну из главных причин возникновения здесь великого зла — Священнического союза. Последний стремится уничтожить власть епископата в лице Синода, быть главным распорядителем всего церковного имущества, допустить женатый епископат и двубрачие духовенства, а в конце концов — образовать в Болгарии живую, или обновленческую, Церковь, как это было в России, в целях уничтожения канонов и догматов и всей Православной Церкви. Надо всегда помнить, что болгарские священники сплошь и рядом являются питомцами Софийского — враждебного Православной Церкви — богословского факультета. И вполне естественно, что Священнический союз отражает в себе всю противцерковность и антиканоничность сего факультета».

По мнению владыки Серафима, необходимо было предпринять «какое-то высшее вмешательство для оздоровления Болгарской Церкви... включить в число митрополитов Болгарской Церкви таких иерархов, которые отличались бы преданностью Православной Церкви и могли бы вести борьбу с экуменизмом... Такими стойкими борцами за св. Православие являются епископ Парфений, архимандрит Мефодий и архимандрит Серафим, самый лучший мой ученик. Этим трех лиц и следовало бы теперь же сделать митрополитами. Причем на еп. Парфения надо возложить временное исполнение обязанностей председателя Синода. Он, как непоколебимый в православии, поведет Болгарскую Церковь противоэкуменическим путем... Митрополитов же Паисия, Кирилла, Иосифа и Филарета, совершенно беспринципного, самого худшего из всех болгарских иерархов, удалить на покой... Разумеется, хотя и постепенно, но надо, за исключением проф. Маринова, удалить из богосл. факультета всех его профессоров и заменить их новыми из среды преподавателей болгарских духовных семинарий, преданных православному веру. О. же Цанкова и Дюльгерова надо уволить из профессоров богословского факультета в первую голову»²³⁶.

---

²³⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 576, л. 92–97.

Пересылая 11 июня 1949 г. копию письма архиепископа в МИД СССР, Г.Г. Карпов намечал обширный план действий по «ослаблению рядов экуменистов». В частности, предлагалось организовать кампанию против названных в письме архиепископа Серафима митрополитов (за исключением владыки Кирилла) как «реакционеров, которые своей деятельностью хотят посорить духовенство и верующих болгар с Русской Православной Церковью и русским народом». Ввод в Синод новых митрополитов планировалось проводить «осторожно, постепенно и при посредстве нынешнего главы Церкви митрополита Паисия. Через него же следует удалить из Синода митрополитов Иосифа и Филарета». При этом отмечалось, что «удаление митрополита Паисия вряд ли тактически будет верно, не посорив его предварительно с Цанковым Стефаном, с которым он связан личной дружбой»²³⁷.

2 сентября 1949 г. по запросу МИД в Совете по делам Русской Православной Церкви были подготовлены предложения по «оздоровлению положения» в Болгарской Церкви: «1. Постепенное отстранение и удаление наиболее реакционных митрополитов и епископов из состава Синода и епархий. 2. Подготовка нового епископата из числа монашествующих и белого духовенства (вдовые священники) — сторонников Отечественного Фронта. Замена ими вакантных епископских кафедр или назначение викариями к митрополитам. 3. К опубликованию Синодом официальной декларации об отношении к правительству Отечественного Фронта и его политике. Декларация связала бы церковную верхушку и налагала бы на подписавших ее соответствующие обязательства. Это тем более необходимо, что за декларацию б. экзарха Стефана митрополиты не считают себя ответственными. Возможный отказ отдельных иерархов мог бы явиться поводом для их устранения. 4. Ввести единоначалие в Церкви, решив вопрос о патриаршестве, подобрав соответствующего кандидата на этот пост. Пополняя Синод приемлемыми кандидатами, превратить его в совещательный орган при Патриархе. 5. Деятельность Союза священников требует постоянного наблюдения и направления в сторону укрепления народно-демократического государства и борьбы за мир против поджигателей новой войны»²³⁸.

---

²³⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 576, л. 100–101.

²³⁸ Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.). С. 304; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 731, л. 19.

Однако из этого плана мало что получилось. Организатором и фактическим руководителем деятельности Союза священников были сами болгарские власти. Кроме того, они нередко поддерживали модернистски настроенных архиереев, а не духовных детей архиепископа Серафима (Соболева), в частности, не допустили назначения епископа Парфения (Стоматова) на митрополицию Сливенскую кафедру. Всю свою жизнь этот архиерей оставался викарным епископом.

24 февраля 1949 г. Великое Народное собрание приняло направленный против всех конфессий Болгарии и существенно ущемлявший права верующих закон об исповеданиях. В его 3-й статье Болгарская Православная Церковь признавалась «традиционным вероисповеданием болгарского народа», связанным с его историей, и указывалось, что «по форме, по содержанию и духу она может быть народной демократической Церковью». Несмотря на это, закон фактически запрещал Церкви оказывать влияние на молодежь и заниматься благотворительностью: в 21-й статье говорилось, что обучение детей является исключительной компетенцией государства без всякого вмешательства Церкви, а в 22-й статье запрещалась любая религиозная благотворительная деятельность. При этом, правда, Болгарская Церковь (в отличие от ситуации в СССР) сохранила право собственности на землю, церковные здания и некоторое другое имущество, периодически получала от государства денежные субсидии на содержание духовенства, ей предоставили монополию на изготовление свечей, и священнослужители не привлекались к уплате подоходного налога²³⁹.

Вскоре после принятия закона новый глава дирекции вероисповеданий Павел Вылчев Тагаров (в 1941–1944 гг. бывший узником концлагеря, а в 1945–1948 гг. послом в Польше) встретился с митрополитом Паисием и потребовал от него согласования деятельности Болгарской Церкви с правительственной политикой, в частности с отстранением ряда служителей Церкви, которых власти считали «реакционерами», и разработкой нового устава. Однако владыка Паисий занял жесткую позицию. Летом 1949 г., уже после смерти Г. Димитрова, отношения государственных властей с руководством Болгарской Православной Церкви резко обострились. Министерство внутренних дел (в состав которого входила служба государственной безопасности), считая Церковь «одним из

---

²³⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 995, 1039–1040.

главных гнезд реакции», разработало программу ее «демократизации», предусматривавшую чистки среди духовенства и смену церковного руководства на ключевых постах, архиереев хотели лишить каких-либо иллюзий о возможности независимых от государства действий. В конце июля П. Тагаров потребовал от Синода увольнения его главного секретаря архимандрита Симеона и нескольких других служащих, а также назначения секретарем Синода священника-коммуниста Ивана Караджова. Недовольство властей вызвал и факт поздравления Синодом без ведома правительства «американского ставленника», нового Константинопольского Патриарха Афинагора.

В июле 1949 г. МВД направило секретариату ЦК Болгарской коммунистической партии специальную докладную записку, в которой предлагало: «1. Провести перемены в Синоде... 2. Отстранить от работы Русенского Михаила, Тырновского Софрония и Видинского Неофита, которые преданы представителям реакции... 3. Необходимо начать применять закон о вероисповедании, для чего необходимо уволить 4–5 человек из числа священников за реакционную деятельность от каждой епархии, согласно действующему закону. 4. Добиться такого положения, чтобы основные должности были в руках правительства ОФ, а именно: главный секретарь Синода, начальник культурно-просветного отделения, начальник церковно-хозяйственного отделения, директор книгоиздательства, редактор газеты “Церковен вестник”, ректора в семинарии и в богословском факультете, игумены Рильского, Бачковского и Троянского монастырей. 5. После этой перемены необходимо внушить Синоду, чтобы он выработал демократический устав и приступил к выборам экзарха или Патриарха, если это необходимо... 6. Если Синод противопоставит по вопросу выработки нового демократического устава, то необходимо использовать конгресс священников, который сможет поднять этот вопрос и даже сможет представить проект устава... 10. Провести ревизию учебной программы и в духовных учебниках и особенное внимание сосредоточить на методах воспитания... 12. По линии органов государственной безопасности обратить внимание и усилить разработку основных лиц и лиц, на которые имеются данные, как на агентов иностранных разведок, которые имеют влияние в Церкви и тормозят ее демократизации»²⁴⁰.

---

²⁴⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 228, 240–243.

Проведению этих планов в жизнь помешала международная кампания в защиту религиозной свободы в Болгарии, в частности, вмешательство ООН, поводом для которого послужили аресты и судебные процессы над протестантскими пасторами. В результате Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии 18 августа 1949 г. приняло решение отсрочить «демократизацию» Церкви и ограничить вмешательство силовых структур в церковные дела: «Политбюро считает предложения Министерства внутренних дел по демократизации Болгарской Православной Церкви несвоевременными. В отношениях между государством и Церковью следует руководствоваться решениями Национального совета Отечественного фронта, принятыми по указанию тов. Г. Димитрова. Службы государственной безопасности интересуются вопросами Болгарской Церкви только с согласия Политбюро и под его руководством. Поручить тов. Вал. Поптому отвечать перед Политбюро за вопросы Церкви. Изучить положение в Церкви и внести в Политбюро соответствующие положения»²⁴¹.

В конце сентября 1949 г. малый состав Синода провел заседание в Бачковском монастыре, на котором митрополит Паисий отметил, что за последний год Церковь сумела объединить значительные массы «явных противников безбожья», и в ее руководстве почти исчезли раздоры между митрополитами. Синод решил, чтобы и в дальнейшем митрополиты выступали согласованно с целью лишить правительство возможности «ослабить Церковь». Синод также постановил назначить временным главой Неврокопской митрополии неугодного болгарским властям епископа Пимена и добиваться оставления митрополита Паисия и в дальнейшем исполняющим обязанности экзарха, хотя его мандат члена малого Синода истекает в начале ноября. Было решено установить непосредственный контакт с сотрудниками советского посольства, отмечалось, что Церковь должна проводить работу в народе через братства священников и мирян, имевшиеся при каждом храме. Синод обязал митрополитов лично просматривать инструкции и иные документы митрополии и устранять все, что может раздражать власти, а все иные указания местным церковным органам давать лично и устно²⁴².

---

²⁴¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 243–244; ЦДА, ф. 1-Б, оп. 6, е. х. 653, л. 6.

²⁴² Там же. С. 307–308.

В начале 1950 г. из-за своей личной близости к бывшему экзарху Стефану был отозван в Софию настоятель болгарского храма-подворья в Москве архимандрит Мефодий (Жерев). Его сменил служивший настоятелем до 1955 г. бывший протосингел Русцукской епархии архимандрит Максим (Минков), в дальнейшем генеральный секретарь Болгарского Синода в сане епископа, а затем и Патриарх Болгарской Православной Церкви. В мае 1950—марте 1951 гг. при московском храме-подворье также служил помощником настоятеля присланный из Софии священник-коммунист Иван Караджов, завершавший свое богословское образование в Московской духовной академии (после возвращения в Болгарию он стал секретарем Союза священников).

В 1949 г. правительство еще выделило из государственного бюджета страны для субсидирования Болгарской Православной Церкви 378 миллионов левов: 343 млн на содержание священнослужителей, 17 млн — для двух Духовных семинарий, 10 млн — для Духовного училища и 8 млн на содержание богословского факультета Софийского университета (при этом в качестве налогов от Церкви в государственную казну в этом году поступило 25 миллионов левов). Однако в проекте бюджета на 1950 г. субсидия для Православной Церкви была определена в сумме 75 миллионов, и правительство предложило Священному Синоду перейти на самоокупаемость. В феврале 1950 г. премьер-министр Болгарии Вылко Червенков обратился в МИД СССР за советом о дальнейшем субсидировании Православной Церкви, указав, что считает целесообразным вообще полностью от него отказаться. Однако Совет по делам Русской Православной Церкви и советский министр иностранных дел А.Я. Вышинский посчитали такое мероприятие «несвоевременным», так как Болгарская Церковь не сможет обеспечить себя собственными средствами, «а реакционные элементы в этой Церкви используют подобный шаг болгарского правительства для враждебной ему кампании». Вскоре от имени И. Сталина В. Червенкову была послана телеграмма: «По нашему мнению, прекращение в настоящее время субсидирования Церкви может дать политически отрицательные результаты. В государственном бюджете, очевидно, следует предусмотреть такое финансирование». В результате субсидирование Болгарской Церкви государством было продолжено²⁴³.

---

²⁴³ Там же. С. 386–388; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2. 1949–1953. М., 2002. С. 306.

Действия Совета по делам Русской Православной церкви и МИД СССР помогли священноначалию Болгарской Церкви и в другом вопросе — остром противостоянии с Союзом священников, пытавшемся при поддержке правительства Болгарии провести целый ряд реформ, противоречивших православным канонам. Священный Синод категорически отказывался это сделать, в качестве важного аргумента ссылаясь на то, что такой шаг не встретит понимания в Московской Патриархии, и в результате может произойти разрыв с Русской Церковью²⁴⁴. Это дало основание Г.Г. Карпову в информационных докладах в Совет Министров и ЦК ВКП(б) сообщить, что в Болгарии назревает «раскол на староцерковников и живоцерковников (вроде наших бывших обновленцев) ... Союз священников ведет борьбу с Синодом и епископатом за демократизацию управления Церковью, а фактически за создание новой». Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви предложил ряд мер для стабилизации ситуации: недопущение вмешательства Союза священников в канонические проблемы и ограничение его деятельности проблемами «борьбы за мир»; введение «единоначалия» в Церкви путем установления Патриаршества и избрания на престол достойной кандидатуры; предложение дирекции вероисповеданий срочно заняться вопросами «подготовки новых епископов — сторонников Отечественного Фронта»²⁴⁵. Г.К. Карпов полностью поддержал МИД.

23 февраля 1950 г. А.Я. Вышинский направил И.В. Сталину докладную записку об опасном положении в Болгарской Православной Церкви, в которой назревал раскол между Синодом, стоящим на позициях сохранения церковных канонов, и Союзом священников, выступавшим за реформы: отмена ношения церковной одежды, разрешение второбрачия вдовым священникам, отмена существующей церемонии при венчании, сокращение времени богослужения и т.д. К письму был приложен проект постановления ЦК ВКП(б), в котором говорилось о необходимости обратить «внимание Червенкова на то, что позиция Союза болгарских священников, направленная на ревизию канонических положений Православной Церкви, идет вразрез с линией Московской патриархии в канонических вопросах и тем самым способствует

---

²⁴⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 608, л. 17.

²⁴⁵ Там же, д. 604, л. 21–24.

ухудшению отношений между Болгарской и Русской Православными Церквями, и что этим могут воспользоваться реакционные болгарские и иностранные церковные круги. Следует рекомендовать Червенкову предпринять меры к предотвращению назревающего раскола в Болгарской Церкви, а также меры к постепенной замене нынешнего реакционного руководства Синода и подготовить введение единоначалия в Болгарской Православной Церкви с подбором подходящей кандидатуры на пост патриарха, сделав Синод совещательным органом при патриархе»²⁴⁶.

В результате намеченный на октябрь 1950 г. новый конгресс Союза священников был отложен на неопределенное время, весной 1951 г. председатель союза священник-коммунист Георгий Георгиев Богданов был снят с этого поста и заменен гораздо менее радикальным протоиереем Иваном Юлиевым, а в 1955 г. Союз священников вообще был распущен. Таким образом, в Болгарской Церкви удалось избежать реформ по протестантскому образцу.

Летом 1950 г. отношения болгарского правительства с Синодом вновь обострились. В отношении ряда предложений, которые были сделаны дирекцией вероисповеданий: о принятии нового церковного устава, передаче здания Софийской семинарии организации «Септемврийче», закрытии Черепишского училища, слиянии Пловдивской и Софийской семинарий, очистке Церкви от «реакционных» служителей и священников, возведении в сан епископа члена Отечественного фронта главного секретаря Синода архимандрита Ионы (бывшего настоятеля Бачковского монастыря) и ряда других Священный Синод проявил «редкое упорство», а его заместитель-председатель митрополит Паисий заявил: «Лучше пойдем на эшафот, чем уступим». Кроме того, недовольство властей вызвало решение Синода провести учет верующих в Болгарии, продолжение получения им материальной помощи от Всемирного Совета Церквей (тканей, книг, бумаги, крестов и т.п.), а также вручение владыкой Паисием заместителю председателя Совета Министров В. Поптому перечня притеснений, которые чинит болгарская милиция Церкви²⁴⁷.

В конце концов, несмотря на оказываемое давление, владыка Паисий категорически отказался участвовать в принятии предложенного коммунистами

---

²⁴⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2. С. 275–277.

²⁴⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 518–523.

проекта устава, в котором предусматривалось создание для выборов Патриарха коллегии из представителей правительственных, политических и общественных организаций (одна треть мест), священников (треть мест), епископата и мирян (последняя треть мест), лишение церковного суда права судить работающих в Церкви гражданских лиц, а также сохранение только малого Синода из пяти членов, а при нем Собора архиереев в качестве совещательного органа. С таким вариантом, когда в выборах главы Церкви в рамках «общественно-политической квоты» теоретически могли принять участие как неверующие, так и представители иных конфессий, Синод не только не согласился, но и выразил свое возмущение²⁴⁸. В результате в январе 1951 г. митрополит Паисий был отстранен от управления экзархатом.

Следующим наместником-председателем Священного Синода (а с конца 1951 г. и экзархом) оказался избран митрополит Пловдивский Кирилл, который согласился принять «коммунистический» вариант устава лишь с одним изменением. Владыка Кирилл имел албанское или, по другим сведениям, валашское происхождение и ранее изменил свою первоначальную фамилию на Марков по имени отца (по уставу лишь болгарин мог быть главой Церкви). Однако это обстоятельство не стало препятствием. Владыка Кирилл родился в 1901 г., в 1914–1920 гг. учился в прогимназии и Софийской духовной семинарии, два года слушал лекции по богословию в Белградском университете, затем поступил на богословский факультет Черновицкого университета в Румынии. В 1927 г. он получил ученую степень доктора богословия, но в дальнейшем еще два года обучался в Берлинском, Венском и других университетах. В 1923 г. Константин Марков принял монашеский постриг с именем Кирилл и был возведен в сан иеромонаха. Он занимал должности секретаря Рильского монастыря, преподавателя и воспитателя Софийской духовной семинарии, протосингела Софийской митрополии, начальника культурно-просветительного отдела Священного Синода. В 1935 г. архимандрит Кирилл был хиротонисан во епископа и в 1938 г. возведен в сан митрополита Пловдивского. Он являлся хорошим проповедником и историком Церкви.

---

²⁴⁸ Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР и отношения Московской Патриархии с Православными Церквями Восточной Европы. 1948–1953 гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 6. М.-СПб, 2008. С. 304.

3 января 1951 г. Священный Синод принял утвержденный затем правительством новый устав Болгарской Православной Церкви, который существенно ограничивал ее права. Религиозные организации оказались изолированы от участия в общественной жизни, и в тоже время были созданы условия для прямого вмешательства государственных органов во внутреннюю жизнь и деятельность Православной Церкви, которая, согласно уставу, преобразовывалась в Патриархат. Мирянам была предоставлена возможность участвовать в работе Епархиальных советов и Верховного Церковного Совета, церковные наказания могли налагаться только на духовенство, вводился единый бюджет для всей Церкви, высшие церковные сановники (Патриарх, митрополиты, протосингелы и др.) могли быть избраны на свои посты только при условии «доверия к ним со стороны правительства»²⁴⁹.

В 1951 г. решением болгарского правительства богословский факультет был выведен из состава Софийского университета и преобразован в Духовную академию имени святого Климента Охридского, которая являлась высшим церковным учебным заведением и не имела государственного признания. В социалистический период эта Академия существовала исключительно на церковные средства, и ее выпускники не могли полноценно интегрироваться в общегосударственную систему образования.

23 июля 1951 г. митрополит Кирилл (ставший заместителем председателя Национального комитета защиты мира Болгарии) в числе собравшихся в Троице-Сергиевой лавре предстоятелей пяти автокефальных Православных Церквей (Русской, Грузинской, Румынской, Польской и Болгарской) обратился к христианам всего мира с призывом умножить свои усилия в деле защиты мира и с осуждением агрессивных государств во главе с США в связи с Корейской войной²⁵⁰. В состав находившейся в СССР с 14 по 28 июля делегации Болгарской Церкви входили владыка Кирилл, викарный епископ Пимен и главный секретарь Синода архимандрит Иона. Все они характеризовались дирекцией вероисповеданий очень положительно, в частности, о митрополите Кирилле сообщалось, что он принадлежит к тем архиереям, которые «наиболее правильно ориентированы по отношению к народной власти,

---

²⁴⁹ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 62, л. 1–4, е. х. 65, л. 1–57.

²⁵⁰ ЖМП. 1951. № 8.

к идеям социализма и к Советскому Союзу... поддерживает все мероприятия правительства». При обсуждении текста обращения к христианам всего мира владыка Кирилл активно поддерживал позицию Московской Патриархии, а после возвращения на родину заявил представителям печати и радио: «Впечатление всей нашей делегации от всего, что мы видели в великой и братской нам Советской стране, построившей социализм, самое наилучшее... Мы имели возможность насладиться народным и культурным творчеством наших братьев, ведомых от успеха к успеху их великим вождем и учителем всех свободолюбивых народов Генералиссимусом И.В. Сталиным»²⁵¹.

С 30 мая по 6 июня 1952 г. в Болгарию по приглашению Священного Синода приезжал митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) в связи с присуждением ему ученой степени доктора богословских наук Софийской духовной академии. Во время визита владыка Николай неоднократно выступал с публичными лекциями и докладами в защиту мира, часть из которых транслировалась по радио, и фактически высказал пожелание о проведении в Болгарии миротворческой конференции представителей всех вероисповеданий (подобная конференция была проведена 5 октября 1952 г.). В беседах с членами Синода он старался усилить позиции митрополита Кирилла в качестве кандидата в Патриархи и ослабить оппозицию ему со стороны части архиереев²⁵².

Между тем кризисная ситуация в священноначалии Болгарской Церкви продолжалась, приобретая вялотекущий характер. Политические события, более значимые для руководства Болгарии — внутрипартийная борьба, политические процессы, реорганизация государственного аппарата — отодвинули для него на второй план церковную проблематику²⁵³.

Это стало одной из причин того, что намеченные первоначально на сентябрь, а затем на вторую половину октября 1952 г. выборы Патриарха пришлось отложить, хотя было послано официальное приглашение на эти торжества в Москву, и там уже сформировали церковную делегацию во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым).

---

²⁵¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 792–795.

²⁵² Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 653–654.

²⁵³ Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 304–305.

Против созыва Церковного Народного Собора и выборов Патриарха выступили пять из девяти членов Синода: митрополиты Доростольский и Червенский Михаил, Варненский и Преславский Иосиф, Тырновский Софроний, Старо-Загорский Климент и наиболее активный из этой группы владыка Врачанский Паисий, публично заявивший о несвободе будущих выборов. Они же помешали избранию лояльного владыке Кириллу епископа Пимена Неврокопским митрополитом. Эти настроения объективно подпитывал своими действиями глава дирекции вероисповеданий П. Тагаров, который, по свидетельству Г.Г. Карпова, «не только администрировал, но запугивал и терроризировал угрозами ареста.., прямо говорил, что если они [оппозиционеры] не будут голосовать за митрополита Кирилла, они будут арестованы»²⁵⁴. Фактический срыв выборов Патриарха побудил митрополита Кирилла снять с себя полномочия наместника-председателя Синода. В результате Болгарская Церковь временно осталась без первоиерарха.

Подобный провал привел к замене в конце сентября на посту главы дирекции вероисповеданий Павла Тагарова выпускником Софийской духовной семинарии, бывшим начальником отдела печати МИДа Михаилом Ключуковым (к этому времени дирекция подчинялась уже не Министерству иностранных дел, а напрямую Совету Министров). В письме Г.Г. Карпова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову от 15 ноября 1952 г. отмечалось, что «создавшееся в Болгарской Православной Церкви и, прежде всего, в ее руководстве положение заслуживает внимания по соображениям политического характера». Обращалось внимание на то, что «захват руководства в Синоде группой Паисия может вызвать затруднения в привлечении Болгарской Церкви к общей внешнецерковной деятельности Православных Церквей СССР и стран народной демократии», и предлагалось привлечь внимание Болгарской коммунистической партии к создававшемуся положению «для принятия необходимых мер»²⁵⁵.

В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 23 декабря 1952 г. в Советский Союз на один месяц был приглашен глава дирекции вероисповеданий М. Ключуков, который с 5 по 31 января 1953 г. находился

---

²⁵⁴ Там же. С. 305; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1015, л. 12–13.

²⁵⁵ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 663–664.

в Москве, Сталинграде, Киеве и Ленинграде (в частности, посетил Ленинградскую духовную академию). По поручению В. Червенкова он подробно проинформировал советских чиновников о положении и деятельности Болгарской Церкви и получил консультации по существующему в Болгарии закону об исповеданиях, а также по вопросу предстоящей реорганизации дирекции (учреждение института ее уполномоченных на местах и т.д.). В беседе с Г.Г. Карповым М. Кючуков заявил, что, в отличие от своего предшественника, он будет согласовывать все наиболее важные мероприятия с ЦК Болгарской коммунистической партии, где для руководства его работой выделен секретарь ЦК Тодор Живков²⁵⁶.

Согласно письму архимандрита Мефодия (Жерева) Патриарху Алексию от 16 февраля 1953 г., митрополит Кирилл (видимо, пытаясь таким способом справиться с оппозицией в Синоде) в случае избрания Патриархом хотел оставить за собой Пловдивскую епархию, а на Софийскую кафедру вернуть бывшего экзарха Стефана, но тот, продолжая считать себя Предстоятелем Болгарской Церкви, в состоявшейся 17 января личной беседе отказался²⁵⁷. Следует отметить, что еще 24 июня 1952 г. полный состав Священного Синода на своем заседании отмечал, что владыка Стефан «продолжает незаконно считать себя митрополитом Софийским и экзархом Болгарским»²⁵⁸. Вероятно, в своем противостоянии с властями и большинством членов Синода бывший экзарх решил идти до конца.

Через несколько месяцев сопротивление оппозиции среди членов Синода оказалось в основном сломлено. Владыку Пимена избрали Неврокопским митрополитом, что укрепило позиции владыки Кирилла. По свидетельству родственников митрополит Кирилл сказал им: «Пришел указ из Москвы — через месяц я буду Патриархом». В этой связи якобы имелось личное указание Сталина об избрании его Патриархом в связи со вступлением Турции в НАТО и антикоммунистической политикой Константинопольской Патриархии, чтобы прекратить любую формальную зависимость от нее Болгарской Церкви²⁵⁹.

---

²⁵⁶ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1038–1041.

²⁵⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1101, л. 16–17.

²⁵⁸ Экзарх Стефан I Български. С. 310.

²⁵⁹ Личное заявление автору внучатого племянника Патриарха Кирилла профессора Кирилла Павликианова в Белграде 24 июня 2013 г.

С санкции болгарского правительства 8 мая 1953 г. был созван III Церковный Народный Собор, который принял, с небольшими изменениями, новый устав Православной Церкви и провозгласил восстановление Патриаршества. Священный Синод определил в качестве претендентов на Патриарший престол митрополитов Пловдивского Кирилла, Видинского Неофита и Старо-Загорского Климента, кандидатуры которых были одобрены правительством. 10 мая 104 из 107 участников Собора избрали Болгарским Патриархом митрополита Кирилла (Маркова), который возглавлял Церковь до своей кончины 7 марта 1971 г.²⁶⁰

На торжествах интронизации Патриарха Кирилла присутствовали делегация Московского Патриархата во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым), представитель Грузинской Православной Церкви (епископ Батумский Гавриил), представитель Антиохийского Патриархата, Румынский Патриарх Юстиниан, главы Чехословацкой и Польской Православных Церквей, но не было представителей Константинопольской Церкви. Вселенский Патриарх Афиногор отреагировал резко негативно. Он не только послал протест против установления Патриаршества в Болгарской Церкви, прервав все контакты с ней, но и пытался склонить к этому глав других Церквей. С этой целью были направлены представители Фанара к Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому Патриархам, но эта миссия успеха не имела. Как уже говорилось, Антиохийский Патриарх прислал своего представителя на интронизацию в Софию, а два других Патриарха отправили свои приветствия (формально Александрийская Церковь признала Болгарский Патриархат в конце 1954 г., а Иерусалимская в 1962 г.). Протест Константинопольской Патриархии был получен и в Москве, но Патриарх Алексей отклонил его, как несостоятельный. 10 мая 1953 г. он отправил Патриарху Кириллу приветственное послание, а 6 июня известил, что Русская Православная Церковь признает Болгарскую Православную Церковь в ранге Патриархата²⁶¹.

---

²⁶⁰ ЖМП. 1953. № 7. С. 16–21.

²⁶¹ Русская Православная Церковь. XX век. С. 430–431; Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. С. 183–184; Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Указ. соч. С. 640; ЖМП. 1953. № 5. С. 9.

III Церковный Народный Собор также избрал членов Верховного церковного совета при Священном Синоде: четырех постоянных (председатель Союза священников священноэконом Иван Юлиев, протоиерей Мефодий Милчев, профессор Станчо Чолаков, доктор Тодор Зыбов) и четырех дополнительных, которые в основном должны были заниматься хозяйственной работой. При этом 40-я статья устава была изменена таким образом, что председателем этого органа должен был быть не Патриарх или его заместитель, а один из митрополитов — членов малого состава Синода. В июне 1953 г. Синод избрал председателем Верховного церковного совета митрополита Варненского и Преславского Иосифа²⁶².

30 декабря 1953 г. Священный Синод установил совершать во вторую Неделю по Пятидесятнице празднование Собора Всех святых, в земле болгарской просиявших (Всех святых иже на земли болгарстей просиявших). В Софии первое праздничное богослужение в честь Всех болгарских святых было совершено Патриархом Кириллом 27 июня 1954 г. в храме святых Седмочисленников.

По настоянию владыки Кирилла 14-я статья устава Болгарской Церкви была дополнена предложением: «Если Патриарх по собственному желанию уйдет в отставку с Патриаршего престола, то он займет свою митрополичью кафедру, если она будет свободна». По мнению главы дирекции вероисповеданий М. Кючукова, Патриарх Кирилл хотел «обеспечить себя, в случае отставки, епархией, имея при этом в виду “историю” со Стефаном, который, уйдя в отставку “остался ни с чем”». Посольство СССР в Болгарии полагало вполне возможным, «что Пловдивская епархия некоторое время останется без главы»²⁶³.

По обоснованному мнению болгарской исследовательницы Даниеллы Калканджиевой, содействие болгарских властей избранию Патриархом митрополита Кирилла было в значительной степени обусловлено предсказуемостью его поведения и той степенью лояльности государственной власти, которая делала владыку ее «послушным орудием»²⁶⁴. Так, например, 28 декабря

---

²⁶² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1131–1132.

²⁶³ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 686.

²⁶⁴ Калканджиева Д. Българската православна църква и държавата. 1944–1953. С. 326.

1952 г. глава Болгарской коммунистической партии В. Червенков вместе с членами Политбюро принял владыку Кирилла и сказал, что митрополит пользуется доверием правительства, и оно поддерживает его кандидатуру на пост Патриарха²⁶⁵. В дальнейшем Патриарх Кирилл был избран членом Болгарской Академии Наук и награжден рядом государственных наград.

В июле 1954 г. он посетил Москву, а в октябре 1957 г. и в мае 1962 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий приезжал в Болгарию²⁶⁶. Болгарский Патриархат был восстановлен при неполном соблюдении канонов, в частности, без согласования с Константинопольским Патриархатом, но с согласия и по решению государственных и партийных властей социалистической Болгарии (в августе 1961 г. по настоянию Русской Православной Церкви Константинопольская Патриархия все же признала патриаршее достоинство Болгарской Церкви, и делегация последней смогла участвовать во Всеправославном совещании 1961 г. на греческом острове Родос). Таким образом, послевоенный период истории Болгарской Православной Церкви характеризуется не только снятием схизмы, но и восстановлением Патриархата.

---

²⁶⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1057–1058.

²⁶⁶ Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. С. 183–184.

Глава III **Румынская и Албанская Церкви**

1. Румынский Патриархат

Во второй половине 1944 г. положение Румынской Православной Церкви существенным образом изменилось. Еще 27 марта советские войска вступили на территорию Румынии, которая была союзницей нацистской Германии. Когда немецко-румынский фронт в Молдавии в результате разгрома в ходе Яссо-Кишиневской операции окончательно рухнул, молодой король Михай в союзе с представителями ряда политических партий и частью армейского командования 23 августа 1944 г. сверг главу прогерманского правительства «кондукэторула» (вождя) Иона Антонеску, сам маршал и многие министры оказались арестованы (и позднее, в мае 1946 г. приговорены судом к смертной казни). В тот же день было создано коалиционное правительство национального единства под руководством генерала К. Санатеску, вскоре объявившее войну Германии. 23 августа также объявили амнистию, по которой было освобождено много осужденных верующих различных конфессий (в основном сектантов).

В этой связи Патриарший Местоблюститель Русской Православной Церкви митрополит Алексей (Симанский) 25 августа выпустил обращение «К духовенству и верующим румынского народа»: «С душевным удовлетворением русский народ услышал добрую весть о том, что новое Румынское Правительство, выполняя волю румынского народа, заявило о своем решении выйти из войны и порвать свою преступную связь с фашистской Германией. Православная Русская Церковь горячо приветствует и благословляет это решение единоверного румынского народа и призывает румынское духовенство и верующих всеми силами содействовать его выполнению... Со всею твердостью станьте же вы, пастыри и паства румынские, на страже благих намерений вашего народа; призывайте всех ваших братьев и сынов

повернуть оружие против ваших поработителей — немцев; изгоняйте их из пределов вашей Родины... и помните, что только тогда, когда вы окончательно освободитесь от занимающих ваши города и села немецких войск, этих смертоносных орудий германского фашизма для угнетения и порабощения румынского народа — только тогда вы сможете сказать, что вы исполнили ваш долг перед Церковью и Родиной вашей»¹. Это обращение с санкции заместителя председателя Совнаркома В.М. Молотова было отпечатано в 3 тысячи экземпляров на румынском языке для распространения на территории Румынии.

Бывший глава Румынской Духовной Миссии в Одессе митрополит Виссарион (Пуя) во время немецкого отступления вместе со своей племянницей и секретарем как «гость германского рейха» приехал в г. Китцбюхель, а затем в Вену. После перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции он остался жить в Вене, весной 1945 г. уехал в Западную Германию, а затем в Италию, где несколько лет проживал в лагерях перемещенных лиц. В коммунистической Румынии в 1946 г. митрополит был объявлен коллаборационистом и военным преступником и заочно приговорен к смертной казни. В конце 1946 г. он безрезультатно писал Московскому Патриарху Алексию, прося его о заступничестве².

7 октября 1949 г. владыка Виссарион в Мюнхене написал Первоиерарху Русской Православной Церкви Заграницей митрополиту Анастасию (Грибановскому) о том, что он вступил в управление Румынской Православной Церковью Заграницей. В дальнейшем митрополит Виссарион поселился во Франции и даже совершил там в первой половине 1950-х гг. вместе с двумя русскими зарубежными иерархами — архиепископом Иоанном (Максимовичем) и епископом Нафанаилом (Львовым) в Версале архиерейскую хиротонию архимандрита Феофила (Ионеску) для румынских эмигрантов в Западной Европе (позднее ставшего членом Архиерейского Синода РПЦЗ)³. Во Франции в 1964 г. владыка Виссарион и скончался, в 1990-е гг. его именем была названа улица в молдавском г. Бельцы.

---

¹ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 5, л. 38–38об.

² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 133, л. 14–18.

³ СА, д. 3/50.

30 августа 1944 г. советская армия вступила в освобожденный в ходе восстания 24–29 августа Бухарест, а в октябре немецкие и венгерские войска были полностью изгнаны из страны. 12 сентября в Москве произошло подписание соглашения о перемирии между Румынией и СССР, в результате которого была восстановлена советско-румынская граница по состоянию на 1 января 1941 г. Таким образом, Бессарабия и Северная Буковина вновь вошли в состав СССР, и на их территории была восстановлена юрисдикция Московского Патриархата. Соглашение о перемирии также объявляло недействительным Венский арбитраж от 30 августа 1940 г., по которому Венгрии была передана Северная Трансильвания. Контроль за точным соблюдением условий перемирия осуществляла Союзная контрольная комиссия, преобладающее влияние в которой имели представители СССР.

К этому времени некоторые румынские священники уже установили связи с коммунистами. Так, например, отец Юстиниан (Марина, будущий Патриарх) укрывал их от преследования в последние дни режима Антонеску, в частности, в августе 1944 г. прятал в своем доме генерального секретаря ЦК Г. Георгию-Дежа после побега последнего из концлагеря в г. Тыргу-Жиу⁴.

Вскоре в Румынии развернулась активная политическая борьба, в которой Православная Церковь сыграла определенную роль. Румынская рабочая (коммунистическая) партия с 1924 г. находилась в подполье, и число ее членов было очень невелико, однако при поддержке СССР с осени 1944 г. она начала быстро расти. 12 октября был создан находившийся под коммунистическим контролем коалиционный Национально-демократический фронт. Прямое вмешательство советских представителей в Союзной контрольной комиссии заставило короля Михая 6 марта 1945 г. признать легитимным прокоммунистическое правительство во главе с лидером крестьянской партии «Фронт земледельцев» Петру Грозой (члена Высшего церковного национального конгресса). 19 ноября 1946 г. Блок демократических партий во главе с коммунистами убедительно победил на первых послевоенных выборах в парламент, а после вынужденного отречения 30 декабря 1947 г. короля Михая от престола за себя и своих наследников (его вместе с семьей выслали из страны), провозглашения Румынской народной республики и роспуска оппозиционных

---

⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 667, 670.

национал-царанистской и национал-либеральной партий процесс советизации страны был завершен⁵.

Все эти процессы проходили при непосредственном участии Румынской Православной Церкви, которая под влиянием Московской Патриархии поддерживала прокоммунистические силы. Отношения между Румынским и Московским Патриархатами были восстановлены еще до окончания Второй мировой войны. Нормализация межцерковных отношений началась по инициативе румынской стороны. 25 ноября 1944 г. Патриарх Никодим (Мунтяну) написал письмо с выражением благодарности за внимание, с которым советские войска отнеслись к Румынской Церкви, в котором отмечал: «... Просим Вас, господин министр, соблаговолить передать господам членам Союзной контрольной комиссии по перемирию нашу горячую благодарность и выражение нашего чувства преданности по отношению к командирам и армии СССР. Да поможет Бог, чтобы это проявление культуры и дружбы осватило будущее взаимоотношение между союзным СССР и свободным Румынским Королевством». Правда, советскому военному командованию это письмо было передано только 1 февраля 1945 г.⁶

В том же направлении действовала созданная осенью 1944 г. при антифашистской организации «Союз патриотов» группа священников-демократов под руководством профессора теологического факультета Бухарестского университета Петру Констанеску-Яшь (в 1921–1924 гг. он был членом компартии, с марта 1945 г. занимал пост министра пропаганды, с 1948 г. — вице-президента Академии Наук, а с января 1953 г. — министра культов). В январе 1945 г. эта группа, насчитывавшая тогда около 100 человек по стране, в том числе 40 в Бухаресте, трансформировалась в Союз священников-демократов (антифашистов), основная задача которого заключалась в пропагандистской работе «за Советы и румыно-советское сближение». Председателем организации стал протоиерей Константин Бурдуча, союз создал свое издательство, где уже в январе начал выпускать газету «Крайникул Ностру» (а затем газету «Люмина»), напечатал брошюру «О религии в Советском Союзе», кроме

---

⁵ Поживайлова Т.А. Румынский король Михай I и руководство СССР. 1943–1944 гг. // Славяноведение. 2005. № 3. С. 85.

⁶ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 96.

того он стал направлять лекторов в районные организации «Союза патриотов». В это время несколько православных священников также состояло в социал-демократической и коммунистической (2–3 человека) партиях⁷.

13 января 1945 г. делегация Союза священников-демократов во главе с о. К. Бурдучей посетила в Бухаресте секретаря Союзной контрольной комиссии С.А. Дангулова и попросила организовать поездку в Румынию делегации русского духовенства или поездку делегации румынского духовенства в Москву, приурочив к выборам Московского Патриарха, для установления контакта между Церквями, а также снабжать румынских священников информационными материалами о положении Русской Церкви. Дангулов ответил, что необходимое содействие по установлению контакта между Русской и Румынской Церквями будет оказано. В дальнейшем о. К. Бурдуча неоднократно посещал Дангулова, передавая ему информацию о настроениях духовенства и положении в руководстве Румынской Православной Церкви.

18 января С.А. Дангулова и заместителя начальника политотдела Союзной контрольной комиссии С.П. Кирсанова пригласил на беседу в свою резиденцию Патриарх Никодим. Он похвально отзывался о поведении Красной Армии на территории Румынии, упомянув о бережном отношении ее солдат и офицеров к румынским храмам и монастырям. Откликнувшись на предложение советских дипломатов, Патриарх 26 января обратился в Союзную контрольную комиссию с новым письмом, в котором просил передать благодарность и признательность советскому правительству, командирам и бойцам Красной Армии «за их благородное цивилизованное отношение к миру избранных служителей в области культуры и веры в Господа». В феврале это письмо было опубликовано в одной из советских армейских газет и румынской газете «Грайуль ноу»⁸.

Такие действия Румынского Патриарха нашли отклик в Москве. 26 января владыке Никодиму по дипломатическим каналам было сообщено, что Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей не возражает против приезда в Москву небольшой группы румынских священников и самого Патриарха,

---

⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 92–93; Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991: Собрание документов: В 4 т. / Отв. ред., сост. и авт. предисл. В. Патат. Т. 1. М., 2009. С. 113–114.

⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 96–97.

если последний желает, делегация же русского духовенства может прибыть в Румынию во второй половине февраля⁹.

Сформированная в кратчайшие сроки румынская делегация во главе с епископом Арджешским Иосифом участвовала в заседаниях Всероссийского Поместного Собора 31 января — 2 февраля 1945 г. в Москве¹⁰. Вскоре в газете «Известия» были опубликованы послания Патриарха Никодима¹¹. Протоиерей К. Бурдуча также дал газете «Моментул» хвалебное интервью о своих впечатлениях от поездки на Всероссийский Поместный Собор.

Через несколько недель о. К. Бурдуча был назначен министром культов Румынии, 10 марта он направил Московскому Патриарху Алексию телеграмму, в которой заверил Первосвященителя в самых искренних чувствах братства и дружбы в общей борьбе против фашизма. В посланной тогда же телеграмме председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову министр просил «передать маршалу Сталину, руководителю государства, иерархии Православной Церкви, руководителям остальных культов и всему православному народу СССР выражения нашей решимости приступить к упорной работе с целью пробуждения сознания, отравленного фашизмом, за демократизацию нашей общественной жизни», и готовность продолжать борьбу за братство и полное сближение румынского народа с народами СССР¹².

В марте Патриарх Никодим впервые обратился к румынскому народу с посланием, в котором призывал свою паству верить правительству, вышедшему из среды народа, и приступить к работе «на удовольствие великодушных союзников». В свою очередь правительство П. Грозы заявило, что оно не поднимает вопроса об отделении Церкви от государства и желает, чтобы Румынская Православная Церковь прониклась духом нового времени¹³.

В начале апреля 1945 г. состоялась встреча Патриарха Никодима с епископом Кировоградским Сергием (Лариним), возглавлявшем делегацию Русской

---

⁹ Православие в Молдавии. С. 112–113; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 4–5

¹⁰ Скурат К.Е. Указ. соч. С. 228; *Его же. Румынская Православная Церковь // ЖМП. 1974. № 1. С. 53.*

¹¹ Известия. 1945. 18, 21 февраля.

¹² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 7, 16, 105–115об; *Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 161.*

¹³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 149, л. 150–151.

Православной Церкви в Югославию. Из-за плохой погоды делегация дважды останавливалась в Бухаресте — 6 и 22 апреля 1945 г. В ходе первой остановки, 6 апреля, епископ Сергей нанес визит вежливости Патриарху Никодиму, который выразил пожелание, чтобы румынские студенты могли учиться в СССР, а русские в Румынии. Во время второй остановки в Бухаресте, 22 апреля, владыку Сергия посетил епископ Галацкий Антим (Ника), последний глава Румынской Духовной Миссии в «Заднестровье». «Епископ Антим, — не без иронии отметил в отчете еп. Сергей, — из профашиста превратился в демократа, члена союза демократических священников... Епископ Антим выражал пожелание, чтобы Румынская Православная Церковь перешла на старый календарь, так как реформа нового стиля была проведена покойным Патриархом Мироном (Кристиа), большим западником, не без влияния Ватикана. Таково мнение епископа Антима. Аналогичное мнение высказывал и сам Патриарх Никодим при приеме нашей делегации»¹⁴.

18 апреля 1945 г., в промежутке между двумя указанными неофициальными встречами, Патриарх Алексей официально обратился к Г.Г. Карпову: «Признавая желательным направить к Румынскому Патриарху делегацию с моим посланием, затрагивающим некоторые вопросы, касающиеся взаимоотношений нашей Церкви и Церкви Румынской, и, вместе с тем, чтобы отдать визит, ввиду бывшей на нашем Соборе делегации от Румынской Церкви, я прошу на сие соизволение Правительства. В делегацию я включаю следующих лиц: Иеронима, епископа Кишиневского, протоиерея Александра Смирнова и священника Михаила Зернова». В справке от 25 апреля 1945 г. Карпов сообщал, что «все предложения Совета, в том числе и командировка в Румынию, были одобрены т. Сталиным и т. Молотовым... Руководствуясь вышеуказанными указаниями т. Сталина и т. Молотова, в данное время оформляется командировка в Румынию церковной делегации во главе с епископом Кишиневским Иеронимом. Но состав делегации, по желанию Патриарха Московского и всея Руси Алексия и по согласию со стороны Совета, сокращен с 5 до 3 человек»¹⁵.

---

¹⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 30–35.

¹⁵ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... С. 48; Православие в Молдавии. С. 115–116.

В это время с целью разъяснения советскому руководству характера проблем, существующих между двумя Церквами, в Совете по делам Русской Православной Церкви на основании материалов, предоставленных Московской Патриархией, была написана «Краткая докладная записка о положении Румынской Православной Церкви с 1918 по 1941 гг.». Сформулированные в ней выводы, за исключением пункта о восстановлении в Румынии богослужения по старому стилю, по существу, представляли собой требования о возмещении ущерба, нанесенного румынскими оккупантами церковной жизни Молдавии и юго-западных областей Украины:

«Православная Румынская Церковь за годы разрыва своего общения с Русской Православной Церковью уклонилась от истинных устоев Православия и допустила антиканонические поступки в отношении к Русской Церкви, оказав на русскую православную епархию в Бессарабии (незаконное отторжение от России) давление в целях обновленчества. Однако Русская Православная Церковь выражает свое согласие на восстановление братских отношений и на воссоединение в молитвенном евхаристическом общении с братской Румынской Православной Церковью на следующих условиях, обеспечивающих ее возвращение к строгому православию:

1. Румынская Православная Церковь восстанавливает богослужения по старому стилю и действие старой пасхаали по всем своим епархиам.

2. Румынская Православная Церковь обеспечивает за счет своих средств издание на церковно-славянском языке церковно-богослужебных книг в полном годовом объеме для полного удовлетворения всех православных церквей в так называемой Транснистрии (Заднепровье), в возмещение уничтоженных за упомянутые годы, а также обеспечивает восстановление утвари и церковной одежды (за счет своих же средств) в закрытых полностью или частично ограниченных там церквях.

3. Румынская Православная Церковь возбуждает перед своим правительством ходатайство об освобождении и допущении к священнослужению находящихся в заключении или под другими видами репрессий русских православных священников, лишенных в свое время приходов и свободы религиозной деятельности за верность русской юрисдикции или за отказ подчиниться обновленческим реформам, введшимся румынской Патриархией.

4. Румынская Православная Церковь декларирует отказ (со стороны подведомственного ей епископата и духовенства) от политических (устных и печатных) выступлений против Советского Союза в духе заключенного перемирия между СССР и Румынией»¹⁶.

В день Пасхи 6 мая 1945 г. Патриарх Алексей написал послания главам ряда Поместных Церквей, в том числе Румынскому Патриарху. В этом послании претензии к последнему были изложены более дипломатично: «Неуклонно следуя по заповеданному нам Господом пути мира и любви, наша Православная Русская Церковь хранила братские отношения и молитвенное евхаристическое общение с Румынской Православной Церковью и тогда, когда в годы внешнего разделения Румынская Церковь, уклонившись от истинных устоев Православия, допустила в отношении братской Русской Церкви поступки, не оправдываемые церковными канонами, как то: административное давление со всеми из него вытекающими последствиями на Русскую Православную Епархию в незаконно отторженной от России Бессарабии, а также в Одесской Епархии во время ее оккупации»¹⁷.

Патриарх Алексей предлагал Румынской Церкви восстановить богослужение по старому стилю, «возвратить церковную утварь и облачения, взятые из церквей тех областей, которые были заняты румынами, а также все изъятые церковные средства и другие ценности», отпечатать новые взамен уничтоженных румынскими властями в 1918–1944 гг. богослужебных книг на церковнославянском языке, а также возбудить перед своим правительством ходатайство об освобождении и допущении к священнослужению находящихся в заключении или подвергнутым другим видам репрессий русских священнослужителей, лишенных в свое время приходов и свободы религиозной деятельности за верность юрисдикции Московского Патриархата или за отказ подчиниться реформам, проводившимся Румынской Церковью¹⁸.

Это послание Патриарх Алексей передал с официальной делегацией Русской Церкви, прибывшей в Румынию 12 мая 1945 г. Эта делегация из трех

---

¹⁶ Православие в Молдавии. С. 116–119; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 29–30об.

¹⁷ Православие в Молдавии. С. 122–124.

¹⁸ Там же; Русская Православная Церковь. XX век. С. 366; Иосиф (Павлинчук), иером. Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 гг. Ново-Нямаский монастырь, 2004. С. 285–287.

священнослужителей во главе с епископом Кишиневским и Молдавским Иеронимом (Захаровым) принята Патриархом Никодимом, министром культур протоиереем К. Бурдучей, секретарем Союзной контрольной комиссии С.А. Дангуловым и премьер-министром Петру Грозой. Поездку делегации еще в апреле санкционировал лично И.В. Сталин. 14 мая в ходе переговоров с Патриархом обсуждались вопросы о новом и старом стиле календаря, увезенных из Молдавии церковных ценностях и возвращении ушедшего в Румынию в 1944 г. молдавского и украинского духовенства. На следующий день заупокойной литургией и панихидой в кафедральном соборе Бухареста была отмечена годовщина смерти Московского Патриарха Сергия, а 20 мая члены делегации устроили показательное русское богослужение в приходской Спиридониевской церкви, на котором присутствовало много русских эмигрантов, при этом богослужение транслировалось по радио. 22 мая делегация вернулась в Москву¹⁹.

Хотя в своем отчетном докладе председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову епископ Иероним писал о достижении «обоюдного соглашения по затронутым вопросам», в действительности поездка оказалась не вполне удачной. Недаром в Совете считали, что «сближение во взаимоотношениях между Церквями идет не по линии Румынской Патриархии, а по линии гражданской — министерства культов»²⁰.

Уже в ходе первых встреч священноначалие Румынской Православной Церкви безоговорочно признало факт пребывания Кишиневской епархии в составе Русской Православной Церкви, однако переговоры по другим проблемам оказались нелегкими.

В ответном письме, направленном 20 мая 1945 г. Патриарху Алексию, Румынский Патриарх в основном уклонился от прямых ответов на поставленные вопросы. Он также в мягкой форме отверг обвинения в уклонении от пути Православия и отказался от возврата к богослужению по старому стилю, вероятно, опасаясь нового раскола в Румынской Церкви. Что касается

---

¹⁹ Православие в Молдавии. С. 151; Орзул И. История Кишиневско-Молдавской епархии в период ее нахождения в составе Русской Православной Церкви. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Л., 1958. С. 217; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 55–60.

²⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 113об.

«предметов, взятых из церквей Бессарабии и Транснистрии или же уничтоженных», то Патриарх, признавая, что такие факты имели место, причастность Румынской Церкви к ним отрицал. При этом владыка Никодим обещал, что будут предприняты усилия для возвращения церковной собственности, вывезенной из Бессарабии отступавшими румынскими частями: «Мы слишком поздно узнали о некоторых фактах, явившихся следствием войны, и мы искренне сожалели о них и оплакивали их ... Все, что было взято из церквей Бессарабии и «Транснистрии», должно быть возвращено. Контрольная комиссия по выполнению условий перемирия настаивает на том же, и дело быстро продвигается в этом направлении» (в течение апреля — августа 1945 г. вывезенные церковные ценности и предметы культа частично были возвращены в Молдавию, однако многое так и осталось в Румынии)²¹.

Вопреки фактам о причастности румынских архиереев к полицейским преследованиям старостильников, русских старообрядцев и инаковерующих в Бессарабии и Северной Буковине, Патриарх Никодим утверждал, что «Румынская Церковь никого не преследовала и никого не заключала в тюрьму. В частности, ни одно духовное лицо не пострадало вследствие сопротивления, оказанного введению новых реформ и нововведений, учиненных в Румынской Патриархии ... С другой стороны, у нас не было никакой реформы или нововведения в области религии и, следовательно, не было случаев проявления сопротивления, с которым пришлось бы столкнуться». Репатриация в Молдавию беглых священнослужителей, особенно игуменов монастырей, причастных к «эвакуации» церковных ценностей в Румынию, могла позволить Русской Церкви более предметно требовать от Бухареста их реституции, поэтому на вопрос о священниках Патриарх Никодим дал двусмысленный ответ. Отметив, что они бежали от войны, он признал, что Румынская Церковь «помогает им жить», но от принятия обязательств побудить их к возвращению на родину уклонился. Таким образом, два важных вопроса — о возврате похищенных церковных ценностей и репатриации беглых священников — полностью решены не были. Следует упомянуть красноречивый штрих, свидетельствующий о скрытой напряженности межцерковных отношений: послание Патриарха Никодима в Москву было

---

²¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 45; Православие в Молдавии. С. 126, 152–153.

составлено не на русском, которым он хорошо владел, а на французском языке²².

В тоже время, обмен посланиями означал возобновление отношений между двумя Церквями, и Патриарх Алексий закрепил этот результат. 27 мая он направил Патриарху Никодиму телеграмму: «Счастливы получить приятное известие от Вашего Блаженства. Спешу ответить на Вашу сердечную дружбу искренней благодарностью. Питаю живейшую надежду на полный союз и наилучшее согласие между нашими Церквями»²³.

В начале августа 1945 г. в связи с открытием заседания Синода Патриарх Никодим обратился к православным священнослужителям с воззванием, опубликованным 4 августа во многих газетах. В нем Первосвятитель от имени Синода призвал к послушанию правительству и поддержке деятельности государственных органов по выполнению условий перемирия, отметив, что «Церковь считает должным принять участие в усилиях, прилагаемых нашим правительством для укрепления дружественных отношений между нашей страной и Советским Союзом, установления тесных связей с Православной Русской Церковью и, следовательно, связи между душами обоих народов»²⁴.

Подобные действия Румынской Церкви соответствовали позиции новых органов государственной власти. 16–17 октября 1945 г. с благословения Патриарха Никодима в Бухаресте состоялся организованный Министерством культов при активном содействии советского руководства Конгресс делегатов Союза священников-демократов. Согласно замыслам властей, это собрание должно было «мобилизовать румынское духовенство на решительные задачи по восстановлению страны и на поддержку правительства Грозы», особенно в связи с предстоящими выборами. Духовенству предстояло обсудить на Конгрессе следующие вопросы: «1. Связи Румынской Церкви с Русской Православной Церковью. 2. Роль румынского духовенства в восстановлении страны. 3. Румынская Православная Церковь и ее отношения

---

²² Православие в Молдавии. С. 124–127; *Стратулат Н.* Православная Церковь в Молдавии в контексте истории молдавско-румынских межцерковных отношений в XX веке // Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. СПб., 2010. С. 217.

²³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 43.

²⁴ Там же, л. 70–73; *Власть и Церковь в Восточной Европе*. Т. 1. С. 190–193.

с другими Церквами в стране. 4. Деятельность церковных школ. 5. Организация и задачи священников-демократов». Через МИД Румынии о. К. Бурдуча направил приглашение Русской Православной Церкви, отметив в нем, что «съезд должен явиться мощной и массовой манифестацией крепнущих отношений между Румынской и Русской Православной Церквами»²⁵.

На Конгресс были приглашены и священники Болгарской, Сербской и Эладской Православной Церквей. 6 октября румынский посол в Болгарии получил соответствующую телеграмму от министра о. К. Бурдучи и председателя Союза священников-демократов. Экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан выразил согласие, написав об этом 14 октября Патриарху Никодиму, и при содействии заместителя председателя Союзной контрольной комиссии генерал-полковника С. Бирюзова направил в Бухарест священников Димитрия Петрова и Витана Кечева. В Конгрессе также принял участие священник церкви при болгарском посольстве в Румынии Владимир Михайлов²⁶. Болгарские делегаты активно участвовали в работе Конгресса и даже были приняты председателем Совета Министров Румынии, о чем подробно написали экзарху Стефану в отчетном докладе от 19 ноября 1945 г., а 30 октября Румынский Патриарх прислал экзарху благодарственную телеграмму²⁷.

Официальные представители других Православных Поместных Церквей, в том числе Русской, в Бухарест не приехали, прибывшие югославскую и албанскую делегации возглавляли светские лица. Московская Патриархия планировала направить в Румынию делегацию из трех священников, однако на соответствующей докладной записке Совета по делам Русской Православной Церкви в Совнарком от 12 октября В.М. Молотов поставил негативную резолюцию: «Считаю нужным воздержаться от посылки наших священников». Лишь 27 октября Патриарх Алексей прислал о. К. Бурдуче и членам Конгресса телеграмму: «Благодарю Вас, румынское духовенство и членов Конгресса, за Ваше приветствие и сердечные пожелания, уверен, что труды Конгресса окажутся плодотворными для дела христианства»²⁸.

---

²⁵ Русская Православная Церковь. XX век. С. 367; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 65, л. 382–384.

²⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 172, л. 1–6.

²⁷ Там же, е. х. 34, л. 72, е. х. 173, л. 1–7.

²⁸ Письма Патриарха Алексея I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 79.

Всего на Конгрессе, помимо иностранцев, присутствовали более 2 тысяч православных священнослужителей из всех уездов Румынии, 680 мулл, 17 раввинов и по одному представителю Лютеранской, Реформаторской и Армянской Церквей. Заседания открылись вступительной речью Патриарха, затем большую речь произнес премьер-министр П. Гроза, огласивший декрет правительства о возвращении на свои приходы всех священников, уволенных в результате чистки, кроме тех, кто бежал в Германию и до сих пор не вернулся (еще 19 августа 1945 г. вышел указ об освобождении из лагерей священников, арестованных за антиправительственную деятельность). Кроме того, были заслушаны доклады о связи Румынской Церкви с другими Церквями, прежде всего Русской, о роли Церкви в восстановлении государства, положении других вероисповеданий в стране. В заключение Конгресс принял устав Союза священников-демократов и избрал его ЦК в составе министра культов о. К. Бурдучи и семи священников²⁹.

К концу 1945 г. численность Союза священников-демократов выросла до 880 священников и 1000 диаконов. Союз сумел привлечь значительную часть сельских священников к участию в осуществлении аграрной реформы, они разъясняли прихожанам ее значение и оказывали содействие сельским комитетам. Однако деятельность Союза все же вызывала сопротивление многих священнослужителей.

Так, в донесении политуправления Южной группы советских войск «О положении Румынской Православной Церкви в Олтении» от 19 декабря 1945 г. сообщалось, что в этой области членами компартии являются только пять священников, а «большая часть священнослужителей Олтении реакционна. Даже среди младших священнослужителей в Олтении мало демократических элементов. Старые священники были связаны с «историческими партиями» и не освободились от их влияния... Сам Патриарх Никодим... недоброжелательно относится к демократизации церковного аппарата. Он противился, например, созданию Союза демократических священников. Министерство культов старается на руководящие церковные посты посадить священников — сторонников Национально-демократического фронта. Несмотря на

---

²⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 216–220; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 70, л. 84–85, 89–93.

трудности в смещении священников с должностей, Министерству культов удается постепенно назначать в важнейшие приходы сторонников правительства П. Гроза.

Демократическое влияние почти не проникло в одно из важных звеньев церковной системы — монастыри, которые продолжают быть очагами церковной реакции... В руках реакционного духовенства находится большая часть духовных учебных заведений Олтении, крупнейшие из которых — духовные лицеи при монастырях в Быстрице и Гересе. Только духовная семинария в Рымнику-Вылче находится под контролем священников-коммунистов и является центром подготовки демократических священнослужителей»³⁰.

Правительство П. Грозы, с одной стороны, пыталось поднять свой авторитет среди духовенства, например, в конце 1945 г. существенно повысило его оклады — до 60-120 тыс. лей в месяц, а с другой, стремилось ограничить влияние Церкви. В частности, был принят закон, по которому права преподавателей религии в школах оказались сильно урезаны, а количество учебных часов Закона Божия сведено до минимума (два часа в неделю).

В январе 1946 г. духовенство и миряне Румынской Церкви торжественно отпраздновали тройной юбилей Патриарха Никодима: восьмидесятилетие со дня рождения, пятидесятилетие служения в священном сане и семь лет Патриаршего служения. Его приезд в Москву намечался в мае того же года, но был отложен под предлогом болезни Патриарха, хотя, по мнению Совета по делам Русской Православной Церкви, главную роль здесь сыграло влияние англичан и американцев. Весной 1946 г. в Румынии вновь побывал проездом в Югославию епископ Сергей (Ларин), а в октябре он же сопровождал из Бухареста в Москву Патриарха Никодима³¹.

Визит в СССР Патриарха Никодима в сопровождении наиболее влиятельных румынских иерархов — епископа Орадиевского Николая, епископа Васлуйского Юстиниана (будущего Патриарха) и других членов делегации состоялся 27 октября — 1 ноября 1946 г. В интервью, данном вскоре после прибытия в Москву для Совинформбюро, Патриарх сказал: «Отношения между нашими Церквями начались более 500 лет тому назад, со времени

---

³⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 241–243.

³¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 149, л. 151–152, оп. 7, д. 107, л. 24.

(получения) первых русских рукописей, которые содержали в себе обрядовые указания и литургийные службы на церковнославянском языке... Киев был центром, откуда к нам доставлялись духовно-поучительные книги. Москва стала вторым центром для распространения православной богословской науки»³². Далее Патриарх Никодим говорил об укреплении спасительной для Румынской Церкви дружбы с русским православным народом в последнее время. Выступил и епископ Николай. Описав страдания своей паствы в период венгерской оккупации Северной Трансильвании, он подчеркнул, что «когда натиск врагов был особенно силен, то пастыри наши... обращались к Русской Церкви, и... помощь, быстрая и сильная, всегда была ответом»³³.

В ходе переговоров была достигнута договоренность, что Румынская Церковь не примет участие в экуменическом движении «ввиду его ярко выраженного политического характера», и Московской Патриархии передадут храм в Бухаресте для организации подворья. Согласно докладной записке Г.Г. Карпова в Совнарком от 12 ноября 1946 г., «Патриарх Никодим и участвовавшие в беседе румынские епископы Николай и Юстиниан высказывали также мысль о том, что Москва должна стать центром Православия, а Русская Православная Церковь — возглавить борьбу с католичеством. При этом они дали согласие принять участие в 1947 г. в совещании Православных Церквей славянских государств для обсуждения этой проблемы. В знак согласия с позицией Русской Православной Церкви в отношении Ватикана Патриарх Никодим подписал обращение “К христианам всего мира”, выпущенное в феврале 1945 г. от имени глав и представителей всех автокефальных Церквей, присутствовавших на Поместном Соборе Православной Церкви, и направленное против политики Ватикана. Представители Румынской Православной Церкви и, в частности, генеральный секретарь Министерства культов [протоиерей Иоанн] Васка заявили также, что они будут добиваться от своего правительства разрыва конкордата с Ватиканом, и высказали уверенность, что это им удастся сделать»³⁴.

---

³² Шабатин И. Из истории русско-румынских церковных отношений // ЖМП. 1956. № 2. С. 64–65.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 91–92; Православие в Молдавии. С. 210–214.

Кроме того, участники переговоров обменялись мнениями о целесообразности взаимной посылки 4–5 студентов в духовные учебные заведения Советского Союза и Румынии на 1947–48 учебный год, и Патриарх Никодим пригласил Патриарха Алексия и Г.Г. Карпова нанести ответный визит весной или летом 1947 г. Перед отъездом члены делегации передали для публикации в печати отзыв о своем пребывании в СССР, в котором говорилось: «Наше посещение Москвы дало нам возможность видеть и констатировать великую истину: культура и цивилизация, создаваемые и совершенствуемые в советском государстве при поддержке правительства во главе с гениальным вождем Генералиссимусом Сталиным, находятся на такой высоте, что вызывают восторг и восхищение всего мира»³⁵. По случаю посещения делегацией Румынского Патриархата Советского Союза в Румынии был издан специальный сборник.

При всех достигнутых договоренностях итог визита оказался неоднозначным. Вопрос возвращения церковных ценностей, вывезенных из Бессарабии, Буго-Днестровского междуречья и Северной Буковины и скрываемых в монастырях Румынии, при переговорах затронут не был. Позиция Патриарха Никодима также оставалась двусмысленной. Епископ Орадиевский Николай (Попович) в конфиденциальной беседе с помощником Карпова Блиновым заявил: «а) что Патриарх Никодим является сторонником реакционных кругов Православной Церкви Румынии, и сделанные им официальные заявления не соответствуют его действительным настроениям; б) что Патриарх Никодим длительное время уклонялся от поездки в Советский Союз под предлогом болезни и старости и только под влиянием румынского правительства и настоянию со стороны д-ра Петру Гроза согласился нанести визит Московскому Патриарху Алексию; в) что он запрещал сопровождавшему его духовенству принимать участие в богослужениях и выступать с проповедями в московских церквях, а пребывание в Москве ограничил 5 днями, несмотря на возражение со стороны и членов делегации, и румынского посла Иордана»³⁶.

---

³⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 91–92.

³⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 81, л. 134; Стратулат Н. Указ. соч. С. 219.

Однако после возвращения в Бухарест Патриарх Никодим все же оказал существенную помощь возглавляемому коммунистами Национально-демократическому фронту в подготовке к парламентским выборам, которые состоялись 19 ноября. В докладе в ЦК ВКП(б) об итогах работы за 1946 г. Г.Г. Карпов подчеркнул, что в разгар борьбы в Румынии духовенство активно поддержало сторонников социалистических преобразований: «Это особенно сказалось во время последних выборов в парламент, когда Румынская Православная Церковь, по указанию Никодима, только что вернувшегося из Москвы, во многом способствовала победе демократического фронта»³⁷. Неслучайно Патриарха Алексия и Г.Г. Карпова наградили орденом «Звезда Румынии», причем это награждение было одобрено 23 декабря 1946 г. специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)³⁸.

Ответный визит Патриарха Алексия в Румынию прошел с 29 мая по 11 июня 1947 г. (он был связан, прежде всего, с подготовкой намеченного на осень этого года Всемирного Православного Собора в Москве). Делегация Русской Церкви, в которую кроме Первосвященителя входили митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), архиепископ Дмитровский Виталий (Введенский) и еще пять священнослужителей, помимо Патриарха Никодима, встречалась с румынским королем Михаем, премьер-министром П. Грозой и министром культов Раду Рошкулецем. В состав делегации должен был войти председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов, но из-за болезни он остался в Москве³⁹. При встрече Московского Патриарха в Бухаресте 1 июня Патриарх Никодим заявил: «Мы перенесли жестокую войну, но в тяжелую годину мы встретили дружбу и полное понимание со стороны советской армии и русского народа»⁴⁰.

Теплый прием ожидал Первосвященителя и в других городах Румынии: Клуже, Сибиу, Симмерии, Деву, Тимишоаре, Сучаве, Куртя де Арджеше и Яссах. Так, митрополит Трансильванский Николай (Балан), встречая Патриарха Алексия 5 июня в г. Сибиу, в своей приветственной речи сказал: «Благодарю

---

³⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 31.

³⁸ Там же, д. 506, л. 102.

³⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 133, л. 71.

⁴⁰ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... С. 264–265.

через Ваше Святейшество русский народ и за недавнюю помощь, которую... оказали нам для присоединения Северной Трансильвании, как природной части Румынии, к телу нашей страны. Не забудем никогда этого благородного акта, которым, с большими человеческими жертвами, народ, пасомый Вашим Святейшеством, освободил часть наших духовных чад из горнила тяжелых страданий». Подобную же речь произнес на следующий день при встрече Московского Патриарха в соборе г. Тимишоары епископ Тимишоарский Василий⁴¹. В Клуже Патриарха Алексия встречали представители не только православного духовенства, но и Католической, Кальвинистской Церквей и иудейской общины.

Церковные традиционалисты надеялись на содействие Московского Патриарха в вопросе об отмене заключенного в 1927 г. конкордата с Ватиканом. Правая же оппозиция поддерживала это требование, рассчитывая вовлечь просоветское правительство в очередной конфликт с Западом. Поэтому почти все румынские газеты поместили о визите главы Русской Церкви положительные материалы. Во время пребывания в Бухаресте Патриарх Алексей посетил армянскую и греческую церкви и присутствовал при открытии Института русской культуры⁴².

В ходе визита не без труда удалось добиться согласия Румынской Патриархии на участие во Всеправославном Соборе в Москве (который, впрочем, так и не состоялся). В справке, подготовленной отделом балканских стран МИД СССР по итогам поездки, отмечалось: «Необходимо сказать, что это согласие было прямо-таки вырвано у Никодима. Во время приема у румынского Патриарха Алексей сказал о своем решении собрать съезд всех Православных Церквей в Москве осенью этого года для того, чтобы выработать общий план действий против врагов Православия. После него выступил премьер-министр Петру Гроза, речь которого была направлена против католичества и экуменического движения... Он призвал к организации против католичества общего фронта... После этого Патриарху Никодиму ничего не оставалось, как дать свое согласие на участие Румынской Церкви в Московском совещании.

---

⁴¹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... С. 264–265.

⁴² Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т. 1. С. 228; *Его же*. Румынская Православная Церковь. С. 53; Стратулат Н. Указ. соч. С. 220–221.

Он сказал: “Мы должны считаться со всем сказанным нашим премьером г. Гроза. Будем уверены в успехе этого дела. Бог да будет нам в помощь”. После Гроза выступил министр культов... Раду Рошкулец. Рошкулец заявил о своем намерении незамедлительно созвать Святой Синод, на котором наметить делегацию на указанный съезд»⁴³.

В целом же результатом визита стала дальнейшая нормализация отношений Румынской и Русской Церквей. Летом 1947 г. Московскому Патриархату было возвращено здание русской посольской церкви свт. Николая Чудотворца, освященной после ремонта 21 ноября 1948 г. в присутствии нового Румынского Патриарха Юстиниана и представителей посольства СССР. Настоятелем храма был назначен протоиерей Павел Статов⁴⁴.

Таким образом, Румынская Церковь и после свержения режима И. Антонеску фактически осталась институтом, тесно связанным с государством (теперь уже т.н. народно-демократическим). Несмотря на сопротивление определенных сил в священноначалии Румынского Патриархата, отношения между Русской и Румынской Церквами перешли на рельсы сотрудничества — пусть с румынской стороны во многом и формального. Наряду с румынской общественностью значительную роль в этом сыграло правительство П. Грозы. Однако Румынский Патриархат не признал незаконными аннексию Бессарабской епархии в 1918 г. и исключение церковнославянского и русского языков из богослужения и церковного обихода, свое соучастие в агрессии режима Антонеску против СССР в годы Второй мировой войны, не дал должной оценки переводу богослужения в Румынии и Бессарабии на новый стиль и оставил нерешенным вопрос о возврате части вывезенных в 1944 г. церковных ценностей. Поэтому отношения Московского Патриархата с Румынской Православной Церковью остались гораздо менее искренними и близкими, чем с Болгарской или Сербской Церквами⁴⁵.

Впрочем, связи Русской и Румынской Церквей несколько упрочились после смерти 27 февраля 1948 г. владыки Никодима и избрания 24 мая того же года Патриархом митрополита Юстиниана (в миру Иоанн Марина

---

⁴³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 133, л. 83–86.

⁴⁴ Русские храмы и обители в Европе. С. 197.

⁴⁵ *Стратулат Н. Указ. соч.* С. 221.

Васлуман). Он родился в 1901 г. в семье крестьянина с. Суешты в Олте-нии, в 1923 г. окончил духовную семинарию, после чего работал учителем, в 1924 г. был рукоположен в сан священника. В 1925 г. о. Иоанн поступил на богословский факультет Бухарестского университета, окончив его в 1929 г. со степенью кандидата богословия, в 1945 г. был хиротонисан во епископа Васлуйского — викария митрополита Молдавии и Сучавы и весной 1947 г. назначен митрополитом этой епархии. Патриарх Юстиниан управлял Румынской Православной Церковью почти 30 лет — вплоть до своей кончины 26 марта 1977 г.

На состоявшихся 5 марта 1948 г. похоронах Патриарха Никодима Московскую Патриархию представлял глава Чехословацкого экзархата митрополит Елевферий (Воронцов). В своей докладной записке в Совет по делам Русской Православной Церкви от 9 марта он сообщил, что, несмотря на убеждения Константинопольской Патриархии, Румынский Синод решил послать на Московское совещание глав и представителей Поместных Православных Церквей свою делегацию, которая в принятии всех постановлений будет солидарна с Московской Патриархией. Синод также получил приглашение на экуменический съезд в Амстердаме, но дал уклончивый ответ, что его отношение к экуменическому движению может быть выяснено только после Московского совещания⁴⁶.

Для уточнения совместной позиции 28 марта — 5 апреля 1948 г. в Москву приезжала небольшая румынская делегация в составе епископа Орадиевского Николая (Поповича), декана богословского факультета Бухарестского университета профессора-протоиерея Петра Винтилеску, протоиерея Михаила Мадана и министра культов Станчиу Стояна. Почти все время пребывания в СССР делегация была занята обсуждением в Московской Патриархии докладов и вопросов, связанных с предстоящим совещанием. В Москву она привезла четыре доклада на русском языке: «Православная Церковь и экуменическое движение» (автор профессор-протоиерей Иоанн Коман), «Отношение Ватикана к Православию за последние тридцать лет» (профессор Теодор Попеску), «Возможность признания англиканского рукоположения Православной Церковью» (о. П. Винтилеску), «Армяно-Григорианская,

---

⁴⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 42, л. 38–39.

Сиро-Аконитская, Абиссинская и Сиро-Халдейская Церкви и их отношение к Православной Церкви» (о. П. Винтилеску). Представленные доклады были розданы на рецензию богословам Московской Патриархии и после этого обстоятельно обсуждены. В свою очередь с членами делегации обсудили подготовленные Патриархией тезисы докладов, резолюции и повестку дня предстоящего совещания. По всем вопросам было достигнуто согласие в проведении на совещании общей линии⁴⁷.

Относительно предстоящих выборов Патриарха члены делегации заявили, что если бы выборы были свободны от вмешательства правительства и политических партий, то главой Церкви избрали бы митрополита Трансильванского Николая (Балана), но он скомпрометирован прошлой профашистской деятельностью. О владыке Юстиниане было сказано так: «Если хотят, чтобы Патриарх шел за коммунистами, то надо выбирать Юстиниана, а если хотят, чтобы Церковь шла за коммунистами, то можно выбрать кого угодно, но не Юстиниана». При этом премьер-министр П. Гроза поддерживал кандидатуру епископа Николая (Поповича)⁴⁸.

Среди руководства Румынской рабочей партии (коммунистов) тоже первоначально не было единодушия. Кандидатуру митр. Юстиниана выдвигали члены Политбюро ЦК Анна Паукер и Васил Лука (курировавший религиозные вопросы), а генеральный секретарь ЦК Георге Георгиу-Деж возражал, так как митрополит не пользовался достаточным авторитетом среди духовенства.

Между тем, временно возглавляя Церковь после смерти Патриарха Никодима, митрополит Юстиниан обеспечил ее помощь во время выборов депутатов Великого национального собрания 28 марта 1948 г., за что удостоился благодарности от премьер-министра П. Грозы при принесении последним 31 марта присяги Румынской народной республике. 15 мая митрополит опубликовал послание к пастве в поддержку новой конституции страны, подчеркнув, что Православная Церковь подготовила прогрессивную демократию. К середине мая разногласия среди руководства коммунистов были преодолены, и они негласно поддержали владыку Юстиниана⁴⁹.

---

⁴⁷ Там же, оп. 1, д. 272, л. 39.

⁴⁸ Там же, д. 289, л. 84–85; Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 667–668.

⁴⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 671–672, Т. 2. С. 395.

Выборы Патриарха состоялись 24 мая на заседании Великого избирательного колледжа палаты Великого национального собрания в присутствии членов президиума собрания и членов правительства и имели альтернативный характер. В ходе тайного голосования за кандидатуру митрополита Юстиниана было подано 383 голоса, за митрополита Николая (Балана) — 40 голосов, за владыку Николая (Поповича) — 30, а за епископов Эмилиана и Симеона — по одному голосу. В своей речи на этом заседании владыка Юстиниан заявил, что «мир нуждается в мире, свободе и братстве» и Православная Церковь примет активное участие в борьбе за осуществление этих чаяний». Министр культов, в свою очередь, произнес программную речь, в которой говорил о полном сотрудничестве между государством и Церковью в деле построения нового демократического порядка и в борьбе против реакции⁵⁰.

Делегация Московской Патриархии во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) присутствовала 6 июня 1948 г. в Бухаресте на интронизации нового Румынского Патриарха. Правда, надежды владыки Николая провести в это время переговоры с представителями Восточных Патриархатов (Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского) не осуществились, так как они, несмотря на приглашение, на интронизацию не приехали. В работе Московского совещания глав и представителей Поместных Православных Церквей в июле 1948 г. лично участвовал Патриарх Юстиниан, который по всем основным вопросам поддерживал Московскую Патриархию, в том числе в принятии антиэкуменического постановления⁵¹.

Итоги работы Московского совещания были доложены Румынскому Синоду, который на пленарном заседании 18 октября 1948 г. выразил свое глубокое удовлетворение и всецело присоединился к решениям совещания. Для их пропаганды в стране широко использовалась церковная и светская печать, в том числе все епархиальные периодические издания. Профессора трех богословских институтов читали священникам посвященные совещанию лекции, которые сопровождались демонстрацией специального кинофильма,

---

⁵⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 1. С. 789–790, Т. 2. С. 395; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 733, л. 1–2.

⁵¹ Владислав Цытин, *прот.* Указ. соч. С. 353–354.

снятого на «Мосфильме». Первый номер журнала Румынской Патриархии «Ortodoxia» («Православие») за 1949 г. был целиком посвящен Московскому совещанию, в июле того же года вышла книга об участии румынской делегации в церковных торжествах и совещании в Москве «Бухарест—Москва—Ленинград—Тбилиси»⁵².

В 1948 г. были нормализованы отношения Сербской и Румынской Патриархии, которая извинилась за свое участие в хиротонии епископа неканоничной Хорватской Православной Церкви. В это время, согласно югославской переписи 1948 г., в области Банат проживало 60 тыс. православных румын, объединенных в 40 приходов. В свою очередь, в расположенной на территории Румынии части Банатской епархии Сербской Православной Церкви имелось несколько десятков сербских общин с 50–60 тыс. прихожанами⁵³.

17 июля 1948 г. в Румынии был расторгнут конкордат с Ватиканом, и в октябре того же года решением коммунистического правительства ликвидирована Греко-католическая (униатская) церковь. Она существовала с 1697 г. и имела в Румынском королевстве статус государственной (согласно переписи 1930 г. в стране было 7,9 % униатов; в 1948 г. Греко-католическая церковь насчитывала 1700 храмов, около 700 священников, 6 архиереев и 1250 тыс. верующих, в том числе украинский викариат (в Трансильвании и Южной Буковине)). В «Журнале Московской Патриархии» это событие описывалось следующим образом: «36 священников и 2 протоиерея униатов, являющиеся представителями 423 священников, встретились 1 октября в Клуже и единодушно голосовали за представление прошения о присоединении к Православной Церкви. Кроме того, конференция обратилась с воззванием к униатам, склоняя их к принятию этого решения. Униатская делегация отправилась в Бухарест для изложения решения конференции Православному Патриарху. Делегаты были приняты на сессии Синода и затем приняли участие в специальном (особом) литургическом богослужении, переданном по радио по всей стране»⁵⁴.

---

⁵² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 578, л. 27–34; Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 407.

⁵³ Радич Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002. С. 150, 409.

⁵⁴ См.: ЖМП. 1949. № 1.

На самом деле ситуация оказалась далеко не столь однозначной. В конце сентября 1948 г. всем униатским священникам было предложено от имени Министерства культов подписать обязательство делегировать представителей своих приходов на специальную конференцию, которая должна была выразить свое согласие на возвращение греко-католиков Румынии «в лоно Православной Церкви». Из 430 священников, обещавших прислать своих делегатов, в Клуж прибыли лишь 36, из которых униатами являлись 10 (остальные, вероятно, уже перешли в Православие). Эти лица, доставленные 3 октября под охраной в Бухарест, и поставили свои подписи под актом Синода о переходе румынских греко-католиков в Православие⁵⁵.

21 октября уния была официально упразднена на большом церковном собрании в г. Альба-Юлия в присутствии 20 тыс. верующих, членов Синода, Патриарха Юстиниана и примерно тысячи священников, в том числе делегатов всех греко-католических епархий. Это вызвало протест папского нунция в Румынии, но правительство отвергло все претензии в официальном ответе, опубликованном 24 октября 1948 г., в котором нота протеста расценивалась, как «провокационный акт, направленный против румынского государства и народа»⁵⁶. 1 декабря правительство издало указ о роспуске Греко-католической церкви и передаче большей части ее имущества Румынской Православной Церкви. В ночь с 29 на 30 декабря 1948 г. были арестованы все шесть греко-католических епископов, пять из которых впоследствии скончались в тюрьме, шестого — епископа Клуж-Герлы Юлиу Хоссу — в 1964 г. выпустили из тюрьмы, заключив под домашний арест в монастырь, где он в 1971 г. умер. Их заменили несколько рукоположенных во епископов воссоединенных униатских священников, первый из которых, о. Теофил Хериняну, был хиротонисан летом 1949 г.

Впрочем, репрессии также не помогли полностью добиться желаемых результатов. Так, в сообщении настоятеля русского храма в Бухаресте о. П. Статова в мае 1949 г. отмечалось: «Румынская Церковь повела борьбу с униатами, но не достигла положительных результатов. Все униатские церкви превращены в православные, на униатские приходы назначено православное

---

⁵⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 142.

⁵⁶ Там же. С. 400.

духовенство — румыны. Третья часть униатского духовенства перешла в православие. Остальные разбежались или отказались служить, но продолжают вести антидемократическую пропаганду, находя материальную и моральную поддержку у части униатского населения»⁵⁷.

Между тем в письме Московскому Патриарху Алексию от 22 июня 1949 г. владыка Юстиниан писал только об успехах проведенной акции воссоединения, отмечая: «Мы надеемся, что с Божией помощью наша Церковь добьется возвращения к ней ее сынов, ранее обманутых иноверцами и сектантами, — этих верных слуг англо-американского империализма в нашей стране». Румынский Патриарх сообщил, что с этой целью к 1 июля около 1400 православных священников закончат специальные миссионерские курсы при трех богословских институтах Румынского Патриархата. Некоторые из лекций, прочитанных на этих курсах, уже были напечатаны в журнале «Богословские труды»⁵⁸.

Следует отметить, что инициированное государственной властью воссоединение униатов оказалось непрочным, после падения в декабре 1989 г. режима Чаушеску значительная часть населения Трансильвании вернулась в унию, и 14 марта 1990 г. Папа Иоанн Павел II восстановил иерархию Церкви, назначив епископов всех пяти греко-католических епархий.

В отличие от униатов, румынские православные старостильники первоначально не подвергались гонениям со стороны новой власти. После окончания войны в Румынии даже возобновилось строительство старостильных храмов. В период относительной церковной свободы 1945–1952 гг. почти все взорванные ранее церкви, как и развалины монастыря Добру, были восстановлены. В 1947–1948 гг. иеромонаху Гликерию (Тэнасе) удалось основать большой мужской монастырь Слэтиора, ставший духовным центром Румынской Старостильной Церкви, и два женских монастыря: Брататель Нямец и Брататель Сочава. Стремясь несколько ослабить Румынский Патриархат, коммунистические власти заставили его вернуть старостильникам отнятые у них ранее иконы, колокола и другие церковные принадлежности. Правда, в 1952 г. вновь начались гонения, в частности, 2 февраля этого года были арестованы

---

⁵⁷ Там же. С. 141; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 578, л. 14–15.

⁵⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 578, л. 27–34.

и приговорены к заключению большинство насельников монастыря Слэтиора, в том числе о. Гликерий. Иноки были отправлены на строительство так называемого «канала смерти» Дунай — Черное море и в другие лагеря, где четверо из них погибли⁵⁹.

Но это уже не смогло уничтожить Румынскую Старостильную Церковь, более того, у нее вскоре появилась своя иерархия. 21 мая 1955 г. к старостильникам вернулся владыка Галактион (Кордун), ставший к тому времени митрополитом. О своем решении владыка сообщил Румынской Патриархии, а также Московскому Патриарху Алексию и Болгарскому Патриарху Кириллу. Хотя митрополит Галактион был запрещен в служении Патриархом Никодимом (а в ноябре 1955 г. арестован), однако не подчинился этому указу и положил начало старостильной иерархии. 16 ноября 1956 г. он вместе с двумя другими архиереями — епископами Евлогием и Мефодием (рукоположенными владыкой ранее) — тайно рукоположил во епископа архимандрита Гликерия, а через некоторое время возвел его в сан митрополита⁶⁰. К 1990 гг. Румынская Старостильная Церковь имела более 100 приходов с таким же количеством священников, более 10 монашеских общин с 500 насельниками и около 500 тыс. мирян⁶¹.

Особые отношения, отличавшиеся от других стран социалистического лагеря, сложились у Румынской Православной Церкви с государственными органами власти. Конечно, коммунистическое правительство Румынии стремилось жестко контролировать всю церковную жизнь, приведя к власти готовый сотрудничать с ним епископат. Кроме того, с середины 1940-х гг. Церковь постепенно отстранялась от участия в жизни государства, было прекращено преподавание Закона Божия в школах, свернуто церковное служение в больницах, домах престарелых и армии. Архиереи перестали быть сенаторами и лишились права непосредственного политического влияния на жизнь страны. Многие епархиальные издания оказались закрыты, некоторые духовные

---

⁵⁹ Мосс В. Указ. соч. С. 244–245; Православная Русь. 1993. № 2. С. 8–9.

⁶⁰ Буликану Ф.С. Румынский исповедник // Старый стиль лучше новых двух. Что такое календарная реформа. М., 2004. С. 254–255.

⁶¹ Глазков К.В. Исторические причины некоторых событий в истории Румынской Православной Церкви до II Мировой войны // Церковная жизнь. 1996. С. 59.

учебные заведения, монастыри и скиты ликвидированы, прекратилась катехизация молодежи.

Начиная с 1945 г., ряд православных священников был арестован и брошен в тюрьмы, сослан на строительство Дунайско-Черноморского канала или на уборку камыша в устье Дуная, депортирован в Бараган или даже расстрелян. Всего из примерно 10 тысяч священников и монахов около 1800 были подвергнуты аресту и заключению. Среди арестованных были известные профессора-богословы: Димитру Станилое, Никифор Крайник, Иоанн Савин, Ливиу Мунтяну, Теодор Попеску, Константин Томеску, Иларион Фелеа, Ион Георгеску. Следует отметить также архимандритов Бенедикта (Гиуша), Василе (Василаче), Софиана (Богиу), священников Георге Калчу Думитрясу, Василе Тепордиу и других. Около 200 осужденных священнослужителей умерли в тюрьме или в лагерях принудительного труда, уцелевших освободили только в 1964 г. Было разрушено определенное количество церквей и монастырей, только в Бухаресте уничтожили более 20 церковных зданий (монастыри Цитросени, Вакарести, Спиреа Нова Извор, Еней и др.)⁶².

И все-таки Православная Церковь не подвергалась таким жестоким массовым гонениям, как религиозные организации в других социалистических странах, а румынская модель церковно-государственных отношений имела свои специфические особенности и заметно отличалась от советской. Поэтому нельзя согласиться с утверждением французской исследовательницы О. Жийе, что после Второй мировой войны замысел официального Бухареста сводился к созданию «румынского сергианства»⁶³, или мнением некоторых российских историков о том, что после избрания Патриархом Юстиниана произошло «окончательное внедрение» советской модели церковно-государственных отношений⁶⁴.

---

⁶² Пэурариу М. Румынская Православная Церковь в XX столетии // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век / Ред. К. Шайо. Киев, 2010. С. 171–172, 174.

⁶³ Gillet O. Religion et nationalisme. L'ideologie de l'Eglise orthodoxe roumaine sous le regime communiste. Bruxelles, 1997. P. 63.

⁶⁴ Волокитина Т.В. Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е гг. XX в.) // Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 121.

Румынская Православная Церковь в определенном смысле стала составной частью коммунистического государства, вписалась в национальную модель социализма, а не выпала из нее как «пережиток» прошлого. Юридически Церковь даже не была отделена от государства. Институциональная зависимость Румынской Церкви от государства была больше, чем в СССР (даже часть зарплаты священнослужителям платили государственные органы), но ее положение в обществе — более стабильным и устойчивым. Румынские коммунисты действовали в отношении Церкви гораздо прагматичнее, чем в СССР. В обмен на политическое сотрудничество и лояльность они очень быстро отказались от попыток вести антирелигиозную пропаганду, а масштабным антирелигиозным гонениям как способу ограничения деятельности «церковников» предпочли включение Церкви в систему государственных институтов в сочетании с единичными репрессиями и активным использованием спецслужб для контроля за поведением духовенства и мирян⁶⁵.

Юридические преобразования государственно-церковных отношений в Румынии начались весной 1948 г. 13 апреля Великое национальное собрание приняло конституцию Румынской народной республики, в которой провозглашались принципы свободы совести и вероисповедания. Однако уже ст. 27 этой конституции накладывала некоторые ограничения: «Никакая религиозная община, исповедание или конгрегация не имеют права открывать или содержать общеобразовательные учреждения; они имеют право открывать только специальные школы для подготовки своего духовенства под контролем государства. Румынская Православная Церковь автокефальна и является единой в своей организации. Порядок организации и деятельности религиозных культов устанавливается законом»⁶⁶.

Вскоре президиум Великого национального собрания принял ряд соответствующих законодательных актов. 2 августа 1948 г. вышел декрет о переходе в собственность государства имущества Церквей, конгрегаций (духовных братств) или физических лиц, служащего для функционирования общеобразовательных учебных заведений. 3 августа был принят основной законодательный акт, определявший принципы легального существования

---

⁶⁵ Православие в Молдавии. С. 30-31.

⁶⁶ Конституция Румынской Народной Республики (13 апреля 1948 г.). М., 1952. С. 10.

религиозных организаций, — декрет «Об общем устройстве религиозных исповеданий», согласно которому в стране официально признавались 14 религиозных вероисповеданий. Декрет запрещал организацию политических партий на религиозной основе и предусматривал утверждение президиумом Великого национального собрания церковных руководителей, религиозные союзы были обязаны представлять на рассмотрение и утверждение свои бюджеты, декрет предоставлял Министерству культов право не только аннулировать любое решение церковных властей, но даже утверждать тексты молитв. Предусматривалась выплата государством религиозным союзам дотаций, а духовенству пособий, исключалось подчинение религиозных организаций церковным властям, находившимся за пределами Румынии (здесь имелся ввиду Ватикан). Вводилась и норма богословских учебных заведений: Православной Церкви — два, а остальным — по одному, остальные заведения подлежали ликвидации (правда, эта норма не всегда соблюдалась), ликвидировался и институт военного духовенства. Таким образом, священнослужителей убрали из образовательных учреждений и армии. 3 августа вышел еще один декрет — об организации Министерства культов, а 17 сентября 1948 г. — декрет об установлении количества епархий для различных Церквей. При этом число православных епархий сокращалось с 19 до 17, римско-католических — с 5 до 2, греко-католических тоже с 5 до 2 (в следующем месяце их вообще ликвидировали), а прочие конфессии должны были иметь по одной епархии или центральной организации⁶⁷.

Министерство культов было напрямую подчинено Центральному комитету Румынской коммунистической рабочей партии, и его инспектора (из расчета по одному на каждый отдел министерства) осуществляли постоянный контроль за священнослужителями. Требовалось, чтобы каждое церковное мероприятие проводилось в присутствии инспектора по культам. Кроме того, большинство церковных учреждений находились под негласным надзором секуритате (службы безопасности). Особенно жесткому контролю подвергалось общение с приезжавшими в страну иностранными богословами, а участие румынских богословов в зарубежных конгрессах и конференциях допускалось только по согласованию с министерством. С 1944 г.

---

⁶⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 396–398.

на два десятилетия фактически были приостановлены связи с румынской православной диаспорой за границей. Все назначения архиереев, настоятелей монастырей и преподавателей богословия должны были иметь санкцию Министерства культов. Выборами Патриарха, митрополитов и епископов занималась Избирательная коллегия, избранные иерархи утверждались главой государства⁶⁸.

В 1948 г. была ликвидирована «епископия армии» и запрещено религиозное окормление не только в военных подразделениях, но и в тюрьмах, больницах, домах престарелых. Также были распущены светские объединения религиозной ориентации («Воинство Господне», «Румынское православное братство» и др.) и объединения священнослужителей, запрещены все приходские журналы и газеты, а для продолжавших выходить богослужебных и богословских книг установлена жесткая цензура с помощью Министерства культов⁶⁹.

В соответствии с законом «Об общем устройстве религиозных исповеданий» Румынская Церковь формально имела право создавать благотворительные организации, религиозные общества, вести издательскую деятельность (с начала 1949 г., помимо сохранившегося журнала Патриархии «*Biserica Ortodoxa Romana*» («Румынская Православная Церковь») стали выходить два новых: «*Ortodoxia*» («Православие») и «*Studii Teologice*» («Богословские исследования»), кроме того, 5 журналов выпускали митрополии), владеть движимым и недвижимым имуществом, пользоваться государственными субсидиями и дотациями для священнослужителей и преподавателей богословия. Значительное сокращение коснулось духовных учебных заведений, было закрыты все пять духовных академий и семь семинарий. Существовавшие ранее православные богословские факультеты Бухарестского, Сучавского и Ясского университетов выделили в самостоятельные богословские институты, которые разместились в Бухаресте, Сибиу и Клуже. Таким образом, у Румынского Патриархата остались три богословских института, три семинарии и 12 певческих школ⁷⁰.

---

⁶⁸ Пэурациу М. Указ. соч. С. 169–170.

⁶⁹ Там же. С. 170–171.

⁷⁰ Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т. 1. С. 228–229.

Под влиянием правительства Священный Синод в октябре 1948 г. принял новое Положение об устройстве Румынского Патриархата, согласно которому, центральными органами управления являлись Национальное Церковное Собрание (Церковный Собор), Священный Синод (из всех правящих архиереев и двух Патриарших викариев) и Постоянный Синод, к центральным исполнительным органам относилось и Патриаршее Управление⁷¹. Согласно новому положению (уставу), число правящих архиереев заметно сокращалось, осталось только 12 епископов и 5 митрополитов (Венгро-Валашский, Молдавский, Трансильванский, Олтенский и Банатский). Это положение (устав) вступило в силу в феврале 1949 г. после утверждения Министерством культов и президиумом Национального собрания⁷².

27 февраля 1949 г. Патриарх Юстиниан выпустил послание к духовенству и мирянам, в котором одобрял новые законы о церковной деятельности: «Следует напомнить, прежде всего, что новый государственный строй в нашей стране обеспечивает Церкви полную свободу в выполнении ее апостольской миссии. Конституция Румынской Народной Республики гарантирует эту свободу 27 статьёй». По инициативе Патриарха 23 июня 1949 г. в Бухаресте состоялась конференция глав всех признанных в Румынии конфессий, за исключением Католической Церкви. В коммюнике (декларации) конференции выражалась готовность служить делу прогресса и мира и осуждались попытки некоторых проповедников подорвать демократию в стране и посеять раздор среди верующих по вопросу о светском характере обучения. В результате объединения конфессий на почве указанной декларации был образован Совет из их представителей под председательством владыки Юстиниана, и межконфессиональные конференции стали проходить ежегодно. Румынский Патриарх также осудил энциклику Пия об отлучении коммунистов от Церкви, заявив, что этот Римский Папа во время войны был союзником Гитлера и «торговал святынями»⁷³.

Кроме того, Патриарх Юстиниан в различных посланиях и обращениях к верующим неоднократно выражал свою поддержку просоветского движения борьбы за мир и осуждал империалистов — «поджигателей войны».

---

⁷¹ Там же.

⁷² Пэкуруару М. Указ. соч. С. 170.

⁷³ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 398–401.

В 1950 г. он предоставил автономию епархии Румынской Православной Церкви в Америке, а в феврале того же года Священный Синод принял составленный при непосредственном участии Патриарха Устав монашеского жития⁷⁴.

Вскоре был проведен ряд реформ в монастырях. Десятки обителей и две монашеские семинарии (в монастырях Агапия и Хурези) закрыли. Монастырское имущество передали государству, оставив за обителями то количество земли, которое они могли обрабатывать без наемной силы. Большинство монастырей организовали кооперативные артели для производства ковров, национальных костюмов, вышивок и других изделий национальных промыслов. Работники и работницы этих артелей получали государственную зарплату, на которую и существовали. Часть заработанных сумм шла на содержание обителей (всего осталось 140 монастырей и скитов). Впоследствии монашеские постриги совершались лишь в редких случаях по согласованию с государственными органами⁷⁵.

25 мая — 1 июня 1950 г. Патриарх Юстиниан второй раз посетил СССР, приняв участие в день Святой Троицы в церковных торжествах, происходивших в Троице-Сергиевой лавре. В ходе этой поездки состоялось несколько совещаний в Московской Патриархии, на которых были обсуждены вопросы о возможности созыва в Румынии конференции Православных Церквей Балкан, посвященной защите мира, о борьбе с Ватиканом, о взаимоотношениях румынских приходов с создаваемым благочинием Московского Патриархата в Венгрии, о преследовании православного духовенства правительством Тито в Югославии и др. Во время беседы Патриарх Алексей предложил: совместно выступать против притязаний на первенство власти со стороны Константинопольского Патриарха Афинагора и против агрессии Ватикана, обмениваться изданиями и статьями, предварительно согласовывать все выступления в защиту мира на международной арене, информировать друг друга о подобных внутренних мероприятиях и наделить митрополита Николая (Ярушевича) полномочиями от Румынской Церкви для выступления в комитете Всемирного конгресса сторонников мира. В результате переговоров

---

⁷⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 398–401.; Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т. 1. С. 228–229.

⁷⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 1104; Пэкуруриу М. Указ. соч. С. 171, 174.

было достигнуто полное единодушие по всем обсуждавшимся вопросам и 30 мая подписан акт о совместных выступлениях и действиях по защите мира⁷⁶.

В первый день осенней сессии Священного Синода Румынской Церкви 3–5 октября 1950 г. состоялось празднование двухлетия возвращения греко-католиков в лоно Православия, на котором присутствовал министр культов Станчиу Стояна. Синод также выслушал сообщение о поездке Патриарха Юстиниана в Москву и единогласно утвердил подписанный там акт, затем принял к сведению информацию о принятом 5 августа 1950 г. в Тбилиси обращении Русской, Грузинской и Армянской Церквей к христианам всего мира⁷⁷ и выразил свою полную солидарность с деяниями этих Церквей.

Рассмотрев новое административное деление Румынской народной республики, Синод решил, что епархии с 1 января 1951 г. будут распределены по новым территориальным областям, за исключением Бухарестской архиепископии, которая включит четыре области, и архиепископий Ясс и Сибиу, которые охватят по три области. Таким образом, вскоре было образовано 10 епархий (четырьмя управляли митрополиты, а остальными епископы): Бухарестская, Ясская, Галацкая, Крайовская, Бузэуская, Романская, Тимишоарская, Сибиуская, Клужская и Орадя-Мареская. Кроме того, Синод разрешил священникам вступать в коллективные сельские хозяйства, одобрил предложение Патриарха о пополнении из собственного фонда зарплаты священников и предложение о создании общин во всех монастырях страны. Наконец, был единогласно отправлен на покой «по болезни и по высшим церковным соображениям» недавний конкурент владыки Юстиниана в борьбе за пост Патриарха епископ Николай (Попович) и приняты к сведению решения Духовной консистории Бухарестской архиепископии о лишении сана «за тяжелые провинности» трех священников, в том числе бывшего министра культов о. Константина Бурдучу⁷⁸.

---

⁷⁶ Русская Православная Церковь. XX век. С. 423; Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 534–535; Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 451–453, 467–471; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 719, л. 127–128, д. 733, д. 120–121.

⁷⁷ ЖМП. 1950. № 8. С. 5–7.

⁷⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 544–548; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 723, л. 136–138.

Следует отметить, что епископ Николай (Попович) в действительности отправлен на покой в возрасте 45 лет за требования возобновить преподавание религии в школах и протесты против арестов священнослужителей. Такова же была судьба митрополита Банатского Василия (Лазареску), помогавшего женам некоторых арестованных священников⁷⁹.

В 1950 г. два представителя Румынской Церкви приезжали в Москву за благовонными веществами для изготовления святого мира (о чем Патриарх Юстиниан просил в письмах к Патриарху Алексию от 23 марта и 22 декабря 1949 г.), а митрополит Молдавский и Сучавский Себастиан (Севастьян) в ноябре был членом президиума II Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве.

Весной 1951 г. Патриарх Юстиниан получил приглашения приехать в июне в Афины на торжества по поводу 1900-летия прибытия апостола Павла в Грецию, в октябре — в Иерусалим на празднование 1500-летия созыва IV Вселенского Собора, а также в Константинополь (Стамбул), но под воздействием Московской Патриархии ответил отказом. Вместо этого он во главе делегации Румынской Церкви 15 июля на две недели приехал в СССР (в Москву, Загорск и Киев), где передал Патриарху Алексию документ, подводивший годичный итог деятельности по осуществлению соглашения между Русской и Румынской Церквями о совместной борьбе за мир. В ходе переговоров Патриархи пришли к согласованному мнению о невозможности участвовать в созываемом Константинопольским Патриархом Афинагором Предсоборном совещании, причем Румынский Первосвященитель отметил, что право созыва Вселенского Собора должно принадлежать не отдельным Церквям, а лишь Синоду (Совету) глав Православных Церквей, который надо учредить в переданном арабам Иерусалиме⁸⁰.

23 июля 1951 г. Патриарх Юстиниан в числе собравшихся в Троице-Сергиевой лавре предстоятелей пяти автокефальных Православных Церквей (Русской, Грузинской, Антиохийской, Румынской и Болгарской) принял

---

⁷⁹ Пэкуруриу М. Указ. соч. С. 172.

⁸⁰ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 571–572; Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. С. 704–706, 752–754, 758–763, 770–773, 796–798; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 748, л. 82, 131–132, 145–147, 150–154, д. 749, л. 21–23.

«Обращение к христианам всего мира» с призывом умножить свои усилия в деле защиты мира и осуждением агрессивных государств во главе с США в связи с Корейской войной⁸¹.

В 1949 г. Патриарх Юстиниан был избран почетным членом Московской духовной академии, а в 1966 г. — Ленинградской духовной академии. В свою очередь, в сентябре 1954 г. богословские институты в Бухаресте и Сибиу вручили митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) ученую степень доктора богословия. Уже в 1953 г. все три тома проповедей митрополита Николая были переведены на румынский язык и разосланы по приходским храмам для использования духовенством в своих проповедях. На румынский язык переводились и публиковались и все другие издания Московской Патриархии.

5/18 июля 1955 г. в день памяти основателя Троице-Сергиевой лавры прп. Сергия Радонежского Патриарх Юстиниан в сопровождении епископов и пресвитеров Румынской Церкви участвовал в церковных торжествах в Лавре. А в октябре 1955 г. делегация Московского Патриархата во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) принимала участие в торжествах по поводу 70-летия автокефалии, 30-летия Патриаршества Румынской Церкви и прославления новоканонизированных румынских святых. В декабре 1955 г. посетивший Румынию по приглашению Клужского протестантского богословского института митрополит Николай (Ярушевич) вновь встречался с Патриархом Юстинианом⁸².

Активные контакты Румынской и Русской Церквей продолжались и в дальнейшем. Так, в докладе члена Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Т. Уткина на совещании уполномоченных Совета 24 мая 1957 г. отмечалось: Румынский Патриарх Юстиниан является сторонником укрепления дружеских связей между Румынской и Русской Православными Церквями. А это значительно способствует благоприятному развитию дружбы, которая существует между РПЦ и Румынской Православной Церковью»⁸³.

---

⁸¹ См.: ЖМП. 1951. № 8.

⁸² Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 182–183.

⁸³ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 3, д. 43, л. 50.

В 1950-е гг. Румынский Патриархат продолжал получать значительные дотации от государства, которые шли на зарплату священнослужителей (часть ее выплачивалась из церковных сумм), а также на содержание и ремонт более бедных церквей. При этом все денежные средства приходов контролировались не только церковными органами, но и Министерством культов. Патриархия имела издательский (Библейский) отдел и свою типографию, издававшую не только три журнала, но и большое количество богослужебной литературы. Помимо трех богословских институтов, трех семинарий и певческих школ, шесть раз в год устраивались двухмесячные пастырские курсы для повышения уровня образования священнослужителей, кроме того, были организованы четырехгодичные монастырские женские семинарии (в 1953 г. первый выпуск монахинь-семинаристок из 20 человек поступил в богословский институт) и т.д.⁸⁴

Специфику румынской модели государственно-церковных отношений, ее более последовательный «византийский» характер ощущали и советские чиновники. В частности, вывод о том, что румынское правительство фактически не ведет борьбы с «тлетворным влиянием церковников» был сформулирован в справке второго секретаря советского посольства в Румынии В. Агапова в 1960 г.⁸⁵, то есть в период, когда в СССР проводилась очередная ожесточенная антирелигиозная кампания. Таким образом, прежние традиции тесных церковно-государственных отношений в Румынии отчасти сохранились и помогли Румынскому Патриархату без особенно серьезных потерь пережить социалистический период.

2. Албанская Православная Церковь

Окончание Второй мировой войны застало Албанскую Православную Церковь в сложной политической ситуации. 17 ноября 1944 г. прокоммунистическая армия освобождения Албании освободила Тирану, а к 29 ноября полностью изгнала немецких оккупантов с территории страны. По указу Архиепископа Тираны и всей Албании Христофора (Киси) православные храмы

---

⁸⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. Т. 2. 1103–1104.

⁸⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 218, л. 42–106; Православие в Молдавии. С. 31.

встретили колокольным звоном вступление 28 ноября 1944 г. Временного народного правительства Албании в Тирану. Новое правительство республики наградило активного участника партизанского движения архимандрита Пасисия (Водицу) орденом «Национального Знамени» и медалью «Память». В сентябре 1945 г. в Албании была проведена перепись населения, согласно материалам которой в стране проживало 816,6 тыс. мусульман (72,5 %), 192,23 тыс. православных (17,2 %) и 112,8 тыс. католиков (10 %) ⁸⁶.

В январе 1946 г. была провозглашена Народная республика Албания во главе с председателем Совета Министров, генеральным секретарем Албанской коммунистической партии (с 1948 г. Албанской партии труда) генерал-полковником Энвером Ходжей, Церковь оказалась отделена от государства. В соответствии с 18-й статьей новой Конституции страны всем гражданам гарантировалась свобода совести и свобода вероисповедания, но запрещалось использование Церкви и религии в политических целях, а также деятельность политических организаций на религиозных основах. Вскоре начались репрессии и преследования верующих, в результате которых были осуждены три из четырех оставшихся в стране архиереев Албанской Православной Церкви (еще два епископа — Пантелеимон (Котоко) и Эвлоди (Курилла) — бежали в Грецию) ⁸⁷.

Один из них — епископ Корчинский — вскоре умер в тюрьме, другой — епископ Гирокастринский Ириней (Бануши), был осужден на пять лет заключения за коллаборационизм. Под арестом оказались и некоторые члены Синода — Коль Кутяли и Константин Бошняку. Значительным репрессиям подверглось также католическое духовенство, в частности, были закрыты все католические монастыри и учебные заведения, а все священники-итальянцы высланы из страны ⁸⁸.

Несколько лет провел в тюрьме и митрополит Бератский и Валлонский Виссарион (Джувани), хотя он, единственный из албанских архиереев, пытался в 1945–1946 гг. установить связи с Московской Патриархией. 7 ноября

⁸⁶ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1127.

⁸⁷ Рокуччи А. Преследование христиан в коммунистической Албании // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. Материалы 2001 г. М., 2001. С. 157–158.

⁸⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 141, л. 64, 66.

1945 г. митрополит послал Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому) поздравительную телеграмму по случаю годовщины Великой Октябрьской революции. Патриарх подготовил ответную телеграмму, но, по рекомендации председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова, она не была отправлена. В конце декабря 1946 г. митрополит Виссарион послал Патриарху Алексию еще одну телеграмму, но ответа опять не получил⁸⁹.

После прихода к власти прокоммунистического правительства архиепископ Христофор занял осторожную, выжидательную позицию, показывая, что Православная Церковь «не занимается политикой». Однако во второй половине 1945 г., убедившись в прочности нового режима, он выступил с осуждением деятельности уехавшего в Грецию епископа Пантелеимона (Котоко). Несколько большую проправительственную активность Православная Церковь стала проявлять в 1946 г.: ее духовенство впервые после освобождения страны начало участвовать в демонстрациях и митингах протеста против несправедливости к Албании на международной арене, публично заявлять о верности новому правительству и т.д. Некоторые реформы 1946 г., например, аграрная, затрагивали интересы духовенства, однако архиепископ Христофор нигде не говорил об этом открыто. Его критика этих реформ ограничивалась узким кругом ближайшего окружения, прежде всего, членов Священного Синода. В справке посланника СССР в Албании Д.С. Чувахина об архиепископе от 2 июня 1947 г. говорилось: «Христофор Киси против всех ограничений, которые чинит Церкви нынешнее правительство. Однако он “мирно” соглашается с этим. Он ненавидит нынешний режим, однако он не отказывается от правительственных субсидий, ежегодно отпускаемых на содержание Православной Церкви. Он сторонник западноевропейского типа демократии, однако, открыто не говорит об этом. В своих проповедях он не ругает нынешнее правительство, однако он говорит об опасности, которая угрожает Церкви...»⁹⁰.

Политика холодной войны изолировала Албанскую Православную Церковь от общения с Константинопольским Патриархатом. «Руку помощи»

---

⁸⁹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 96, 97, 99, 218.

⁹⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 68, л. 52–53.

в проведении новых архиерейских хиротоний и укреплении церковных структур ей протянул Московский Патриархат. В докладе председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) об итогах работы Совета за 1946 г. от 14 февраля 1947 г. говорилось: «В последнее время у Московской Патриархии установились связи с Православной Церковью в Албании, что выражается пока в обмене приветствиями между Патриархом Алексием и главой этой Церкви архиепископом Христофором, приглашении последнего направить делегацию Русской Православной Церкви в Албанию и в ответном послании Патриарха Алексия, выразившего желание сперва видеть (летом 1947 г.) в Москве делегацию Албанской церкви во главе с архиепископом Христофором»⁹¹.

Следует отметить, что инициатива установления связей принадлежала Патриарху Алексию, который в середине января 1947 г. в связи с первой годовщиной провозглашения Народной республики Албании направил архиепископу Христофору приветственную телеграмму. В ответной телеграмме от 19 января владыка Христофор и пригласил в Тирану делегацию Русской Православной Церкви для установления непосредственного общения, однако Патриарх счел целесообразным, чтобы первой нанесла визит албанская делегация, о чем 23 января известил Г.Г. Карпова. 7 апреля Совет Министров СССР дал согласие на приглашение в Москву делегации Албанской Церкви во главе с архиепископом Христофором в составе 3–5 человек. Первоначально ее приезд намечался на начало июня, но по ряду причин он был отложен⁹².

В это время владыка Христофор одобрительно отзывался о положении Церкви в СССР и о религиозной политике советского правительства в последние годы. Согласно справке посланника СССР в Албании Д.С. Чувахина, архиепископ «с большим удовлетворением встретил сообщение о приглашении посетить Советский Союз»⁹³. В дальнейшем предполагалось, что делегация в составе архиепископа Христофора, двух священников и одного диакона

---

⁹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 946, л. 113.

⁹² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 449–450, 470–471, 498; Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 230–231.

⁹³ ГАРФ, оп. 1, д. 68, л. 53.

приедет на планируемое в Москве осенью 1947 г. Всеправославное совещание, однако оно не состоялось.

Между тем 9 сентября МИД СССР известил Г.Г. Карпова, что следствием по делу арестованной в Албании «группы государственных преступников» была установлена связь с ней представителей Албанской Православной Церкви, включенных в состав делегации для поездки в Москву, поэтому албанское правительство не находит возможным посылать данных лиц в СССР (имелся в виду, прежде всего, архиепископ Христофор) и не имеет других подходящих кандидатур среди православного духовенства. Однако Г.Г. Карпов, согласовав вопрос с Московской Патриархией, 26 ноября 1947 г. написал в МИД: «В связи с подготовкой к совещанию глав автокефальных Православных Церквей в Москве в 1948 году, было бы желательно, чтобы делегация Албанской Православной Церкви побывала у Патриарха Алексия в возможно непродолжительное время, так как это единственная Церковь из Балканских стран, еще не установившая связей с Московской Патриархией»⁹⁴.

В результате делегация Албанской Церкви во главе с заместителем ее Предстоятеля архимандритом Паисием (Водицей), замещавшем умершего епископа Корчинского, посетила Москву по приглашению Патриарха Алексия только 10–28 января 1948 г. Владыке Христофору, который хотел лично возглавить делегацию, отказали в выдаче заграничного паспорта. В письме Совета по делам Русской Православной Церкви К.Е. Ворошилову от 11 февраля 1948 г. отмечалось: «Глава Албанской Православной Церкви архиепископ Христофор Киси не мог возглавить делегацию как причастный к процессу лиц, привлекаемых за активное сотрудничество с итало-немецкими оккупантами, за которое два епископа уже арестованы. Пребывание Христофора Киси на свободе, как объясняют делегаты, связано с тем, что он остался единственным епископом и его арест приведет к расстройству церковной жизни, что может быть использовано реакционным духовенством в антиправительственных целях. Созданный кризис руководства Албанской Церкви и желание получить моральную и материальную помощь от Московской Патриархии явились главными причинами прибытия делегации в СССР»⁹⁵.

---

⁹⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 620–621.

⁹⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 289, л. 20–21.

13 января делегация в составе отца Паисия и активных участников партизанской борьбы с фашистами протоиерея Димитрия Коконеша и священника Лазаря Поповича была принята в Московской Патриархии. Об обстоятельствах приезда делегации в СССР архимандрит Паисий говорил так: «Все другие инославные христианские Церкви и, в первую очередь, Ватикан, хотели поглотить Албанскую церковь, уничтожить ее. Русская Церковь, являющаяся самой сильной из всех Православных Церквей, является в этом отношении великой защитницей. Русская Православная Церковь является народной и патриотической. Освобожденный албанский народ, двигаясь быстро по пути прогресса, хочет, чтобы и его Православная Церковь была народной и патриотической. Албанский народ в общей борьбе с фашизмом сблизился с русским народом. Он хочет, чтобы и их Церкви были в самом близком общении»⁹⁶.

В беседе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) и другими представителями Патриархии члены делегации подробно охарактеризовали состояние Албанской Церкви. В это время в стране проживало 600 тыс. мусульман, 400 тыс. православных (что, вероятно, было преувеличением) и 100 тыс. католиков. Православная Церковь имела четыре епархии и 473 храма, 50 из которых не действовали из-за отсутствия священников, которых не могло содержать крайне бедное население. Единственная духовная семинария не действовала, главным образом из-за отсутствия средств. Государство лишь иногда материально помогало Церкви, в частности, давало часть средств на содержание архиепископа Христофора. Российских эмигрантов в Албании к 1948 г. осталось лишь пять–шесть семей, и русских священников уже не было.⁹⁷

Архимандрит Паисий объяснил, что первоочередная проблема состоит в хиротонии новых архиереев. Согласно уставу Албанской Православной Церкви, высшее духовенство избиралось следующим образом: сначала верующие каждого из 10 округов выбирали двух делегатов (священника и мирянина) для участия в заседании Синода, где эти делегаты избирали епископов; глава Церкви выбирался уже на епископском совещании, и его утверждение

---

⁹⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 289, л. 20–21.

⁹⁷ Там же, оп. 7, д. 141, л. 64, 66.

правительством не требовалось. Проблема состояла в том, что единственный архиерей — владыка Христофор — не мог совершить новые епископские хиротонии, и к тому же не было средств созвать Синод. В связи с этим настоятельно требовалась помощь Московского Патриархата. Отец Паисий отметил: «Верующий народ с нетерпением и духовной надеждой ожидает результатов поездки делегации. Они видят в Русской Православной Церкви старшую и сильную сестру, которая может помочь им в восстановлении жизнеспособности своей национальной Церкви»⁹⁸.

Помимо проведения епископской хиротонии члены делегации просили помочь церковными облачениями, ладаном (в Албании не было своего производства) и выражали надежду, что с помощью Русской Церкви смогут возобновить работу духовной семинарии (она открылась только в 1992 г.), а для получения высшего образования посылать своих лучших теологов в Россию. Особенно настойчиво высказывалась просьба, чтобы Московский Патриарх в ближайшее время направил в Албанию своих представителей⁹⁹. Это обещание было получено, и один из членов делегации — протоиерей Димитрий Коконешти (будущий глава Албанской Церкви) — в конце визита заявил: «Наша поездка убедила нас в том, что Русская Православная Церковь есть и будет, как и была, источником православной веры во всем мире»¹⁰⁰.

По итогам визита Совет по делам Русской православной церкви в упомянутом письме К.Е. Ворошилову указывал: «Создавшаяся в Албанской Православной Церкви обстановка диктует необходимость посылки в Албанию делегации Московской Патриархии с ответным визитом. Поездка делегации в составе двух епископов и одного протоиерея позволит не только закрепить узы дружбы, укрепить положение Албанской Церкви, но и поможет отвоеванию ее из-под влияния Константинопольской и особенно Греческой Церквей. Помимо этого, Московская Патриархия приобретет в Албании аванпост для борьбы с католицизмом... наличие в составе делегации епископов поможет произвести посвящение в епископский сан достаточного для сохранения автокефалии количества духовенства и будет содействовать подготовке замены

---

⁹⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 289, л. 65.

⁹⁹ Там же, л. 64, 67.

¹⁰⁰ ЖМП. 1948. № 2. С. 7.

архиепископу Христофору... Попутно делегация изучит вопрос о возможном направлении студентов для получения образования в духовных академиях СССР»¹⁰¹.

После возвращения делегации в Тирану архимандрит Паисий сделал 2 февраля заявление корреспонденту газеты «Башкими»: «Делегация Албанской Православной Церкви, посетившая СССР, весьма удовлетворена братским и сердечным приемом, оказанным ей в Советском Союзе, а также всем тем, что она там увидела. Патриарх Московский Алексей и все лица, с которыми нам приходилось встречаться, выражали симпатии к албанскому народу. Фашизм и все реакционеры распространяют клевету про Советский Союз, утверждая, что религия и Церковь там преследуются и что в Советском Союзе не существует семьи. Это вовсе не так. Духовенство выполняет свои непосредственные функции, а также принимает участие в политической и общественной жизни Советского Союза, укрепляя, как и другие граждане СССР, советский строй»¹⁰².

Архиепископ Христофор 15 марта 1948 г. в свою очередь отправил Патриарху Алексию письмо с благодарностью за его радушный прием и приглашением в апреле-мае в Албанию делегации Московского Патриархата во главе с двумя-тремя епископами. В письме отмечалось, что отчет о приеме в Москве, подготовленный архимандритом Паисием, был торжественно оглашен в кафедральном соборе Тираны, разослан во все епархии для прочтения в церквах, «чтобы весь наш народ узнал о горячем интересе великой Русской Православной Церкви к нашей Церкви»¹⁰³. Сразу же после возвращения из Москвы протоиерей Димитрий Коконешни принял монашеский постриг, был возведен в сан архимандрита и назначен генеральным викарием Бератской епархии.

15–23 апреля того же года в Албании с ответным визитом находилась делегация Московского Патриархата в составе епископа Ужгородского и Мукачевского Нестора (Сидорука), священников Михаила Зернова и Петра Филонова. Во время пребывания в Тиране владыка Нестор 18 апреля 1948 г. вместе

---

¹⁰¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 289, л. 22–23.

¹⁰² Там же, л. 21.

¹⁰³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 655.

с архиепископом Христофором совершил хиротонию архимандрита Паисия во епископа Корчинского¹⁰⁴.

В докладной записке Совета по делам Русской Православной Церкви К.Е. Ворошилову от 20 мая 1948 г. отмечалось: «Благодаря этому акту, глава Церкви архиепископ Христофор имеет возможность возобновить работу Синода Албанской Православной Церкви, который прекратил свою деятельность из-за отсутствия епископов. Поездка с новопоставленным епископом Паисием... в г. Корчу показала, что в церковных советах до сих пор состоят лица, симпатизирующие грекам и Греческой Церкви, чувствуется влияние и некоторое преклонение перед Америкой... Общее впечатление от албанской церковной жизни благоприятное для Московской Патриархии, хотя, конечно, имеются оппозиционные элементы, но они не очень влиятельны... Посвящение в епископы Пашко Водица открывает возможности дальнейшему укреплению связей и влияния Русской Православной Церкви для вытеснения греков — агентуры Америки и Англии — из Албанской Православной Церкви»¹⁰⁵.

В целом прием делегации со стороны верующих был очень радушный. 19 апреля ее членов принял премьер-министр Энвер Ходжа, который «выразил полное удовлетворение дружбой Русской и Албанской Православных Церквей, что должно способствовать укреплению дружбы с великим другом Албании — Советским Союзом». Архиепископ Христофор в ходе неоднократных бесед просил принять албанских студентов в духовные учебные заведения Московского Патриархата и говорил о своем желании поехать на Всеправославное совещание в Москву, «но выразил опасение, что правительство не пустит его»¹⁰⁶.

Так и произошло. В июле 1948 г. в работе Московского совещания глав и представителей Православных Церквей участвовал епископ Паисий. В состав албанской делегации, приехавшей на это совещание, также входили два священника и два мирянина¹⁰⁷. После ее возвращения в Тирану решения

---

¹⁰⁴ См.: Буевский А.С. Албанская Православная Церковь // ЖМП. 1950. № 2.

¹⁰⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 289, л. 187–188.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, оп. 7, д. 141, л. 61.

совещания о борьбе с Ватиканом и негативном отношении к экуменическому движению обсуждались на встрече руководства Церкви с духовенством и были доведены до сведения верующих.

10 марта 1949 г. Г.Г. Карпов написал заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину о необходимости «укрепления» епископата Албанской Церкви «демократическим духовенством» и желательности большей связи руководства этой Церкви с Московской Патриархией: «Независимо от решения албанским правительством дальнейшей судьбы архиепископа Христофора Киси, а тем более в случае оставления его во главе Церкви, следует решить вопрос дальнейшего укрепления епископата Албанской Православной Церкви из числа духовенства – сторонников нынешнего правительства». Карпова также беспокоила деятельность бежавших в Грецию православных албанских епископов Пантелеимона (Котоко) и Эвлоди (Курила), которые возглавили там Комитет освобождения Северного Эпира, выступавший за отторжение от Албании частично населенных греками провинций Корча и Дирокастра (так называемого Северного Эпира)¹⁰⁸.

В ответном письме В.А. Зорина от 21 апреля говорилось, что архиепископ Христофор лишь номинально числится главой Церкви, фактически же он еще осенью 1948 г. был отстранен от своих обязанностей (по некоторым сведениям, 25 декабря того же года временно заключен в тюрьму)¹⁰⁹, и его место занял епископ Паисий, который «пользуется полной поддержкой со стороны албанского правительства». В частности, в 1948 г. оно выделило Албанской Православной Церкви дотацию в размере 1300 тыс. лек¹¹⁰. Следует упомянуть, что во время визита в Москву, 23 марта 1949 г., в разговоре с И. Сталиным Э. Ходжа утверждал, что православные составляют 30–35 % населения его страны¹¹¹.

---

¹⁰⁸ Там же, оп. 1, д. 575, л. 2–3; Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 76–77.

¹⁰⁹ Анастасий (Яннулос), архиеп. Некоторые замечания по истории Албанской Православной Церкви в XX столетии и ее воскресение в 1991 году // Православная Церковь в Восточной Европе. XX век. Киев, 2010. С. 144.

¹¹⁰ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 104–105.

¹¹¹ Анастасий (Яннулос), архиеп. Указ. соч. С. 144.

20 мая 1949 г. посланник СССР в Албании Д.С. Чувахин встретился с Э. Ходжей, который рассказал ему о своей недавней беседе с епископом Паисием: «Водица сам заговорил о необходимости укрепления отношений с Москвой, однако он тут же заявил, что при нынешнем руководстве Православной Церкви он не представляет себе, как это укрепление можно осуществить. Киси, нынешний руководитель Православной Церкви, по его мнению, враг, и должен быть отстранен от руководящей роли в Православной Церкви. Водица предложил поставить его во главе Бератской епархии... Водица предлагает одновременно укрепить прогрессивными элементами Синод и Собрание представителей верующих. Он с большим удовлетворением принял замечание Энвер Ходжа о том, что после обновления руководящей головки Православной Церкви правительство может оказать необходимую помощь Церкви... По данным Водица, всего в Албании имеется не более 40 священников и около трех–четырёх сот священнослужителей более низкого звания... В заключение Водица пообещал Энверу Ходжа обстоятельнее продумать вопрос об отстранении Киси от руководства Православной Церкви и другие вопросы, связанные с мероприятиями по укреплению связей Албанской Православной Церкви с Московской Патриархией». Э. Ходжа также сообщил, что архиепископ Христофор — «открытый враг народной власти», в 1948 г. полицией в его доме после долгих поисков был найден бывший министр юстиции королевского правительства «военный преступник» Орولوгу, однако «конкретных мер» против архиепископа правительство пока не принимало¹¹².

25 августа 1949 г. Священный Синод Албанской Церкви отправил на покой архиепископа Христофора. В тот же день Синод избрал Архиепископом всея Албании владыку Паисия (его сын Иосиф к тому времени стал одним из секретарей ЦК Албанской партии труда)¹¹³. В соответствующей справке Совета по делам Русской Православной Церкви от 29 августа 1949 г. говорилось: «Не исключено, что Киси как враг народа будет со временем привлечен к судебной ответственности. Сейчас же имеется предложение поставить

---

¹¹² Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 146–147, 210.

¹¹³ См.: Ведерников А. Албанская Православная Церковь в борьбе за мир // ЖМП. 1951. № 8; Шабатин И.Н. Албанская Православная Церковь (краткие исторические заметки) // ЖМП. 1954. № 3.

его (по тактическим соображениям) во главе епархии в г. Берат. Киси всячески затягивал созыв Синода и пытался привлечь на свою сторону некоторых членов Синода (представителя от Аргирокастро). Эти попытки были вовремя парализованы»¹¹⁴.

Позднее, 26 августа 1950 г., архиепископ Христофор в письме Патриарху Алексию так описал свое отправление на покой: «Ваше Святейшее Блаженство, прошел уже год, как я был отставлен от должности Архиепископа Албании. Не имея возможности переписываться по почте, я воспользовался в последнее время присутствием в нашей стране нескольких русских священников, бежавших сюда из Югославии, чтобы попросить одного из них передать Вашему Святейшему Блаженству при посредстве советского посольства в Албании данное письмо... В августе 1949 г. власти предложили мне созвать наш Синод. Поскольку нормально это происходило 1 октября, то я понял, что дело шло об экстренном созыве. Я запросил о причинах этого преждевременного созыва, мне ответили, что имеется необходимость внесения некоторых изменений в церковный Устав нашей Церкви. Я согласился с этим...

И вот, 24 августа, имело место первое заседание под председательством нижеподписавшегося и при членах: архиепископе Корчинском Паисии, генеральном викарии Бератской епархии архимандрите Димитрии Коконеша и генеральном викарии епархии Гжипокастры экономе Аристотеле Страти в присутствии секретаря г-на Нико Чани... как только заседание было объявлено открытым, архиепископ Корчинский Паисий начал формулировать против меня различные обвинения. Когда он кончил, то их продолжил архимандрит Димитрий Коконеша. Главные обвинения. [Архи]епископ Паисий: «Во время итальянской оккупации вы имели намерение подчинить нашу Церковь Ватикану». Архимандрит Димитрий Коконеша: «Вы всегда были против автокефалии нашей Церкви. Вы всегда хотели, чтобы наша Церковь была под властью Вселенской Константинопольской Патриархии». Все эти обвинения, которые были сформулированы во время заседания, были совершенно ложными, и без всяких оснований... среди изложенных обвинений фигурировало следующее, сформулированное на заседании архимандритом Коконеша, который сказал мне: «Вы не приняли должным образом посетившую нас

---

¹¹⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, л. 575, л. 8.

русскую церковную делегацию”. Это обвинение сильно задело меня, так как оно было лицемерным и ложным...

Первое заседание окончилось безрезультатно... На другой день, соответственно решению, принятому на первом заседании, я снова пригласил членов [Синода], но никто не явился. Наоборот, они собрались отдельно и составили резолюцию, которую сообщили мне. Согласно этой резолюции, я был отстранен от должности главы Церкви... Верно то, что все составленные обвинения являлись лишь предлогом для оправдания произвольного акта. Истинные причины были совсем иные. В действительности, несмотря на все мои усилия быть приятным властям и признавать за ними все то уважение, которое им надлежит, мои отношения с ними в течение последних лет не были очень нормальными... Я должен добавить, что резолюция этого так называемого Синода, противоречащая всем церковным правилам, также находилась в явном противоречии с указаниями нашего прежнего церковного Устава... Согласно категорическим указаниям этого Устава, Архиепископ Албании может быть отстранен от должности только Синодом, состоящим из двенадцати следующих членов: действительных епископов епархий и восьми других архимандритов или священников, избранных от четырех епархий... Резолюция, касавшаяся отстранения от должности главы автокефальной Церкви, должна быть принята при соотношении голосов в две трети»¹¹⁵.

Письмо было передано Патриарху Алексию, но с рекомендацией Совета по делам Русской Православной Церкви оставить его без ответа. Позднее архиепископ Христофор (Киси) был арестован коммунистическими властями и заключен в тюрьму за «враждебную деятельность по отношению к албанскому народу». Умер он вследствие преследований со стороны властей страны 19 июня 1958 г. (по официальной версии от сердечного приступа, но по слухам был отравлен)¹¹⁶.

Вскоре после своего избрания, 28 августа 1949 г. архиепископ Паисий обратился с очень политизированным посланием к верующим, в котором, среди прочего, говорил о необходимости укрепления связей с Русской Православной Церковью: «Дорогие братья и сестры! История

---

¹¹⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 563–568.

¹¹⁶ Анастасий (Яннулатос), архиеп. Указ. соч. С. 144.

руководства нашей Православной Церкви полна неприятными событиями, которые в значительной степени повредили благополучию всех православных в Албании. Издавна работа и действия руководителей нашей Церкви были настолько антинациональны, насколько и антицерковны. Их работа противоречила требованиям и чаяниям нашего народа. Наш народ был и есть очень патриотичен. У него целая история сражений за землю и свободу. Но руководство нашей Церкви было против устремлений нашего народа. Почти все наши попы были люди, присланные королем Греции или Сербии. Они были поставлены во главе Церкви с определенными целями: используя авторитет религии и чувство доверия народа, снизить патриотические чувства и таким образом облегчить господство иностранцев на нашей родной земле. Они служили только людям, которые их прислали. Такими были Эвлоди и Котоко, которые работали и работают, чтобы поработить наш народ. Другие, как Виссарион и Христофор Киси, благословили кровавое оружие фашизма, которым убивались наши люди и опустошалась наша страна ...

Империализм и в религии накидывает свои цепи, чтобы употребить религию с сатаническими целями. Он создал свою агентуру как в Стамбуле, так и в Риме. Патриарх Стамбула — не кто иной, как агент империализма, который наряжен в церковное облачение для того, чтобы обманывать народ и подчинять его. Он работает для раскола народов и поддерживает врагов нашей страны. Его работа не имеет ничего общего с настоящим Православием и с заветами наших святых. Папа Римский, который благословил оружие фашизма и нацизма, сегодня молится во имя империализма. Он руками и ногами на стороне поджигателей войны. Он всегда поддерживал врагов человечества и врагов нашего народа. Он открыто проповедует бойню. Ссора между народами, братоубийство сделали ему карьеру. “Разделяй и властвуй” — вот его лозунг.

Наш народ с его борьбой против невежества и рабства создал новый режим. Новая жизнь создана в нашей стране. Никогда в жизни Христова Церковь не имела более благоприятного случая, чтобы проповедовать уроки Евангелия. Сегодня Церковь призвана очиститься и возродиться. Она должна проповедовать справедливость и человеколюбие, проповедовать работу в мире, честно и в порядке для всех. Церковь призвана поднимать дух православного народа. Она должна согласовывать действия народа с его любовью

к народной власти. Человечество взывает и требует мира, любви и братства. Церковь должна отвечать на этот призыв...

Мои обязанности, Синод[а] и всего православного духовенства можно сформулировать в нескольких главных пунктах. Первое — наше духовенство, как то: попы, экононы, дьяки находятся на низком культурном уровне, а также в тяжелых материальных условиях. В прошлом о них никто не заботился. Благодаря материальной поддержке народной власти, в будущем им будет помогать и духовенство. С другой стороны, у них должны исчезнуть [неправильные] взгляды. Мы, по возможности и благодаря помощи и опыту Русской Церкви, будем помогать духовенству литературой. Но от духовенства требуется, чтобы оно было во главе верующих и проповедовало мир и любовь к народу и Родине. Мы будем изгонять из нашей Церкви всех духовных лиц, которые используют религию во вред интересам народа. Второе — Албанская Автокефальная Православная Церковь для того, чтобы отвечать идеалам и целям народа, должна перестроиться. С этой целью Священный Синод принял решение созвать как можно скорее церковный съезд. Церковный съезд примет новый устав Православной Автокефальной Церкви Албании, изберет высший постоянный орган и определит остальные церковные органы в соответствии с новым уставом. Затем необходимо перестроить новые церковные советы, необходимо также перестроить администрации, управляющие церковным и монастырским имуществом для того, чтобы использовать его не в личных интересах попов, а в интересах Церкви. Третье — мы будем укреплять связи с Православными Церквями братских демократических стран и, в особенности, с великой Русской Церковью. Албанский народ связан на всю жизнь с братским советским народом»¹¹⁷.

1 сентября архиепископ Паисий отправил известительную телеграмму Патриарху Алексию I: «Сообщая Вам о нашем избрании главой Православной Автокефальной Церкви и Архиепископом всей Албании, передаем Вам от имени Синода и от моего имени братский привет и глубокое уважение, обещая и заверяя Вас при этом, что наша Церковь с помощью Бога и народной власти, с нашей Волей и с личной помощью Вашего Святейшества и большой Православной Русской Церкви, которую достойно возглавляете Вы, будет

---

¹¹⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 256–258.

применять мирные принципы Евангелия, стоя в рядах несокрушимого демократического и антиимпериалистического лагеря, борясь за справедливый и прочный мир для всего человечества». На следующий день Патриарх в ответной телеграмме поздравил архиепископа¹¹⁸.

6 сентября владыка Паисий встретился с Э. Ходжей, заверив его, «что православное духовенство и Церковь Албании усилят свою патриотическую деятельность с целью объединить всех верующих для выполнения государственного плана, укрепления растущей Народной Республики Албании, защиты независимости и всех завоеваний албанского народа». Архиепископ также вручил премьер-министру доклад о тяжелом экономическом положении низшего православного духовенства и попросил помощи, на что получил согласие¹¹⁹.

Исходя из желательности дальнейшего сближения Русской и Албанской Церквей, Г.Г. Карпов в письме в МИД СССР от 4 ноября 1949 г. согласился с предложением советского посланника в Албании Д.С. Чувахина пригласить архиепископа Паисия в Москву, предоставить албанцам несколько мест в духовных учебных заведениях Московской Патриархии и оказать Албанской Церкви материальную помощь. В свою очередь владыка Паисий 5 января 1950 г. пригласил делегацию Московской Патриархии на открывавшийся через месяц Всеалбанский Поместный Собор. Правда, в ответной телеграмме Патриарх Алексей ответил, что прислать делегацию, «за краткостью времени», не может, и выслал архиепископу 50 своих больших портретов¹²⁰.

Еще 27 ноября 1949 г. Президиум Народного Собрания Албании принял состоявшийся из 37 статей закон № 743 «О религиозных общинах», который ставил всю их деятельность под жесткий контроль государства. Согласно этому закону, все религиозные общины должны быть признаны государством; они имеют право в соответствии со своими уставами отправлять службу и различные церемонии, если последние не противоречат по своему содержанию и форме законам государства. Признание религиозной общины может быть отменено, если ее деятельность направлена против законов государства; общины имеют право

---

¹¹⁸ Там же. С. 255.

¹¹⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 575, л. 19.

¹²⁰ Там же, л. 20–23, д. 730, л. 2, 13.

строить и открывать церкви и монастыри, созывать свои съезды, конференции, собрания для обсуждения вопросов, относящихся к религии; вся деятельность общин должна быть направлена на воспитание у верующих патриотизма и преданности по отношению к народной власти; все лица, занимающиеся религиозной деятельностью в Албании, должны являться гражданами страны; руководители общин, а также их заместители, после их назначения или избрания, должны быть утверждены Советом Министров. Религиозные общины не могут содержать и открывать школы общеобразовательного характера; с разрешения Совета Министров эти общины могут открывать церковные школы, программы и учебные планы которых составляются на основе утвержденного правительством положения; никто из граждан не может быть ограничен в гражданских правах или отстранен от государственной службы по религиозным причинам; все общины обязаны представлять Комитету по делам религиозных культов при Совете Министров свои директивы общего характера, послания, подготовленные к печати издания, имеющие общественный характер. Директивы, послания и издания могут быть запрещены, если их содержание противоречит законам государства; общины не могут заниматься воспитанием детей и молодежи, открывать различные приюты, больницы и другие аналогичные учреждения, как и не имеют права содержать миссии, ордена и прочее за границей или получать оттуда материальную помощь; виновные в организации провокаций, вызванных на почве религиозной ненависти, караются тюремным заключением сроком не менее одного года; также караются заключением до одного года лица, которые путем насилия или угрозы препятствуют гражданам исповедовать ту или иную религию и принимать участие в религиозных церемониях; все духовные лица, в том числе руководители общин, осуществляющие религиозную деятельность не в соответствии с утвержденным уставом, караются тюремным заключением до трех лет. Религиозные общины представляют Совету Министров свои бюджеты на утверждение, вся их финансовая деятельность проверяется органами власти¹²¹.

В соответствии с этим законом все религиозные общины должны были в трехмесячный срок представить на утверждение правительства свои новые уставы. В отличие от католиков Албанская Православная Церковь признала

---

¹²¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1123–1124.

новый закон о религиозных общинах без каких-либо оговорок, быстро выработала и представила на утверждение правительства новый устав.

Этот устав был принят на состоявшемся в Тиране 5–10 февраля 1950 г. III Поместном Соборе Албанской Церкви. Содержание устава было составлено в патриотичных тонах: «Наравне с развитием религиозного чувства Православная Автокефальная Албанская Церковь должна прививать верующим чувства преданности власти народа Народной Республики Албании, а также чувства патриотизма и стремления к укреплению национального единства. Поэтому все священники и сотрудники Церкви должны быть албанскими гражданами, честными, преданными народу и Родине, пользующимися всеми гражданскими правами». Согласно новому уставу, выборы духовенства должны проходить с участием мирян. Архиереям предписывалось произносить следующую присягу: «Клянусь своей совестью перед Богом, что буду хранить веру и догматы, каноны и предание Православной Церкви, верность народу Албанской Народной Республики и ее демократическим принципам, предписанным Уставом»¹²².

Поместный Собор осудил враждебную деятельность, развернутую бывшими руководителями Церкви в ущерб ей, народу и родине. В своей резолюции Собор обязал Синод работать таким образом, «чтобы Церковь направляла всю свою деятельность к лагерю мира, любви и братства между народами, лагерю, частью которого являются все прогрессивные Церкви во главе с великой Русской Православной Церковью». Поместный Собор также принял специальную резолюцию, в которой заявил о единодушном желании всех делегатов, чтобы дочерняя Албанская Православная Церковь в США присоединилась бы к своей Матери — Автокефальной Албанской Православной Церкви. Руководству этой Церкви было поручено завершить проведение необходимых мероприятий в этом направлении¹²³.

10 февраля участники Собора послали приветственную телеграмму служившему в США «основателю первой Албанской Национальной Церкви» епископу Фану (Ноли), в которой писали о своем горячем желании, чтобы албанские православные общины, объединенные под руководством епископа,

---

¹²² Схурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Ч. 1. С. 135–136.

¹²³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 376–377.

«вошли бы в круг Албанской Церкви-Матери, как об этом многие из них уже выразили свою волю, тем более что прежнее руководство нашей Церкви, являвшееся врагом нашего церковного и национального объединения, относилось отрицательно к этому вопросу». В ответной телеграмме епископа Фана (Ноли) от 18 февраля говорилось: «Очень рад благоприятному решению, принятому III Конгрессом Албании по вопросу представления нашей епархии о включении ее в юрисдикцию Церкви-Матери. Ожидаем и просим о ратификации Святейшим Синодом принятого решения»¹²⁴.

В телеграмме от 3 июля архиепископ Паисий известил епископа Фана, что «ратификация» состоится на ближайшей сессии Синода в сентябре-октябре. Этот вопрос приобрел значительную остроту и актуальность в связи с тем, что его положительное решение открывало для властей Албании возможность контролировать ситуацию в православной албанской диаспоре на территории США, а также имело определенное экономическое значение.

5 марта 1950 г. архиепископ Паисий выступил перед Всеалбанской конференцией защиты мира в поддержку решения I Всемирного конгресса сторонников мира. В этом же месяце правительство, видимо, учитывая предстоящие 28 мая выборы в Народное Собрание, решило не препятствовать открытию в Тиране небольшой православной духовной семинарии.

30 января 1950 г. Совет Министров СССР разрешил приезд в Москву делегации Албанской Православной Церкви. Согласно письму Г.Г. Карпова в МИД СССР от 28 апреля 1950 г., «главным вопросом предстоящих бесед Патриарха с архиепископом Паисием должно явиться обсуждение мероприятий и роли Албанской Православной Церкви в борьбе за мир, присоединении к обращению Патриарха Алексия по поводу решений Стокгольмской конференции в защиту мира, о блокировании в борьбе за мир с демократическими элементами духовенства и верующими других вероисповеданий (выпуск совместных деклараций, организация общих конференций, съездов и пр.). Помимо этого должны будут найти отражение в переговорах и другие вопросы, как, например: а) о борьбе с Ватиканом и его агентурой в Албании, о позиции и линии поведения Албанской Православной Церкви в отношении Константинопольской (Вселенской), Греческой, Александрийской

---

¹²⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. СС. 378–379.

Православных Церквей, а также выяснить заинтересованность Албанской Церкви в Афоне; б) о возможностях связи и оказания поддержки Сербской Православной Церкви, об отношении к намерению правительства Тито создать Автокефальную Православную Церковь в Македонии; в) о положении и деятельности епархии Албанской Православной Церкви в США, возглавляемой епископом Фан Ноли, и возможности использования ее в борьбе за мир и блокирование в этом с экзархом Московской Патриархии в США; г) об отношении к эмигрантскому Заграничному архиерейскому синоду, митр. Феофилу в США и пр., запрещение общения с ними как с раскольниками, необходимость борьбы против них, возможности включения в эту борьбу епископа Фан Ноли в США; е) о положении высланных югославским правительством в Албанию советских граждан..., необходимой помощи Албанской Православной Церкви на их содержание; д) о выделении нескольких мест в Московских семинарии и академии для Албанской Церкви»¹²⁵.

Делегация во главе с архиепископом Паисием только летом 1950 г. приехала в СССР, где находилась с 29 июля по 25 августа, в том числе с 8 по 18 августа в Москве¹²⁶. 14 августа владыка Паисий вместе с Патриархом Алексием подписал Акт о сотрудничестве Русской и Албанской Церквей в деле защиты мира. Согласно этому документу, было решено согласованно выступать по вопросам защиты мира во всех международных акциях, взаимно осведомлять друг друга обо всех внутренних мероприятиях по борьбе за мир и в еще больших масштабах проводить соответствующую работу среди верующего населения своих стран. Кроме того, Албанская Православная Церковь выразила полное единomyслие с принятым 5 августа 1950 г. в Тбилиси «Обращением к христианам всего мира» от лица Патриархов Русской, Грузинской и Армянской Церквей, а также уполномочила представлять ее в Постоянном комитете Всемирного конгресса сторонников мира митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича)¹²⁷.

---

¹²⁵ Там же. С. 424–425.

¹²⁶ Русская Православная Церковь. XX век. С. 425; Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 545.

¹²⁷ Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. М., 1958. С. 185, 230–231; ЖМП. 1950. № 9. С. 5.

Однако попытка использовать в международных акциях Албанскую православную епархию в США фактически не удалась. Эта епархия неожиданно оказалась в центре острой борьбы. 31 августа 1950 г. Константинопольский Патриарх Афинагор, с ведома американских властей, рукоположил в Стамбуле во епископа Албанской епархии в США священника Марко Липа. При этом Патриарх использовал создание в 1947 г. частью американских албанцев грекофильского общества св. апостола Павла, которое обвиняло епископа Фана (Ноли) в «коммунистическом настроении» (в ответ епископ отлучил трех его священников: Ставро Шкемби, Михаила Теровы и Павла Радо от Церкви). Данная группа раньше хотела иметь своим епископом бежавшего из Албании в Грецию владыку Пантелеимона (Котоко), однако подавляющая часть духовенства относилась к нему негативно. Видимо, учитывая популярность епископа Фана, Патриарх Афинагор не рискнул сместить его с поста архиерея, и в результате в 1950 г. Албанская епархия временно получила двух архиереев. Епископ Фан, со своей стороны, 8 октября выступил с резким заявлением против подобных действий Константинопольского Патриарха и заклеймил их как резко враждебный Албании акт.

В свою очередь, архиепископ Паисий 9 октября отправил епископу Фану телеграмму о том, что по имевшейся информации, «Константинопольский Патриарх с согласия правительства Соединенных Штатов Америки нелегальным и несправедливым путем стремится поставить на Ваше место Марко Липа». Архиепископ просил сообщить в Тирану «все подробности этого вопроса». В ответной телеграмме от 18 октября епископ заявил, что он до сих пор не имеет постановления Священного Синода Албанской Церкви об утверждении Американской епархии и его лично в юрисдикции Матери-Церкви. Но даже если это решение имеется, то теперь с ним несвоевременно выступать, так как это может быть на руку Патриарху Афинагору и его покровителям; принятие и оглашение такого решения было бы очень важно и полезно, но лишь несколько месяцев тому назад. Владыка Фан отметил, что Марко Липа пока еще не прибыл к месту служения, и посоветовал подождать «улучшения положения», не поднимая вопроса о юрисдикции Албанской епископии, поскольку в сложившихся условиях это будет на руку Марко Липе и «разрушит» епископию¹²⁸.

---

¹²⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 588.

Между тем, на заседании смешанного Церковного Совета и Священного Синода Албанской Церкви от 16 и 17 октября 1950 г. был рассмотрен вопрос «о признании руководителя Албанского православного епископства с центром в Бостоне Масс» и единогласно решено: «Признать епископа Фан Ноли руководителем епархии в Бостон Масс с территорией, включающей все религиозные общества православных албанцев, находящихся в Соединенных Штатах Америки». Еще одним постановлением было оформлено включение этой епархии в Албанскую Православную Церковь¹²⁹.

19 октября 1950 г. сотрудник МИД СССР П.В. Федотов сообщил Г.Г. Карпову о том, что Энвер Ходжа и министр внутренних дел Албании Мехмед Шеху (будущий премьер-министр) в беседе с советским посланником высказали мысль о необходимости поддержки епископа Фана, так как Православная Церковь в США не находится под юрисдикцией Константинопольского Патриарха, и назначение последним Марко Липа главой Албанской Православной Церкви в США «является чистой авантюрой правящих кругов США, ничего общего не имеющей с религией, а сам Марко Липа — ставленником американской разведки». В целях противодействия руководители Албании полагали возможным сделать следующее: «Через архиепископа Албании Паисия запросить епископа Фан Ноли, что именно предпринимается американцами против него и албанской колонии в США. На основании материалов, полученных от Фан Ноли, от имени архиепископа Паисия направить в адреса всех православных Патриархов протест, в котором изложить суть незаконных действий Константинопольского Патриарха Афинагораса. Полученную в результате этой переписки информацию использовать для выступления в демократической печати против США»¹³⁰.

М. Шеху обратился к советским властям с просьбой дать совет по этому вопросу, и 20 октября 1950 г. Г.Г. Карпов в ответном письме П.В. Федотову сообщил, что «Совет считает вполне целесообразными мероприятия, направленные в защиту главы Албанской Церкви в США епископа Фан Ноли, которые изложены в Вашем письме»¹³¹.

---

¹²⁹ Там же. С. 644.

¹³⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 725, л. 72–73.

¹³¹ Там же, л. 74.

13 ноября 1950 г. в беседе с временным поверенным в делах СССР в Албании В.А. Кареткиным М. Шеху вновь сказал, что для них сейчас одним из важных вопросов является положение Албанской Православной Церкви в США, отметив, что власти Албании поддерживают епископа Фана и постараются сделать все от них зависящее. Министр спросил совета: нужно ли настаивать перед епископом на том, чтобы он огласил решение Синода, или согласиться с его мнением о необходимости пока воздержаться делать это. Одновременно Шеху заявил, что они намерены сообщить епископу Фану, что-де решение Синода принято за несколько дней до прибытия его телеграммы, Э. Ходжа же предлагает сообщить, что это решение принято за несколько месяцев до телеграммы, но, мол, по вине американцев не дошло до адресата, так как было ими задержано. Наконец, Шеху просил, чтобы руководство Русской и дружественных ей Православных Церквей выступило с протестом против произвольного назначения Марко Липа. Большое внимание, уделяемое руководителями Албании поддержке епископа Фана, объяснялось тем, что «этим путем они держат под своим влиянием албанскую колонию в США»¹³².

Не сообщая пока епископу Фану (Ноли) постановления Синода, архиепископ Паисий в письме от 18 ноября попросил у Патриарха Алексия совета по вопросу о своевременности протестных действий: «...мы предполагаем направить всем святейшим Патриархам братских Православных Церквей протест против интриг и дьявольских маневров, которые Константинопольская Патриархия, прислужница ненавистного греческого шовинизма и американского империализма, готовит в ущерб церковным и национальным интересам нашей Родины своим нелегальным назначением своего агента Марко Липа в качестве епископа православных албанцев Америки, таким образом, вмешиваясь во внутренние дела нашей Церкви, не имея на то никаких канонических компетенций и в полном и открытом противоречии с положениями и традициями Восточной Православной Церкви, как и в противоречии с Актом признания автокефалии Православной Церкви Албании этой же Патриархии. Но прежде чем предпринять какие-либо шаги в этом направлении, мы также горячо просим: будьте так добры, сообщить Ваше мнение в этих вопросах»¹³³.

---

¹³² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 723, л. 118–119.

¹³³ Там же, л. 150–152.

25 декабря советский посланник Д.С. Чувахин в соответствии с указанием заместителя министра иностранных дел В.А. Зорина от 2 декабря посетил М. Шеху и сообщил ему, что, по мнению Москвы, было бы необходимым ознакомить духовенство и верующих Америки с решением Синода о ратификации постановления Поместного Собора о принятии епархии в США в юрисдикцию Албанской Православной Церкви. Кроме того, было выражено согласие на обращение архиепископа Паисия с письменным протестом к главам автокефальных Православных Церквей относительно вмешательства Патриарха Афинагора во внутренние дела Албанской Церкви¹³⁴.

28 декабря 1950 г. обращение архиепископа Паисия было рассмотрено на заседании Священного Синода Московского Патриархата, который постановил известить владыку о том, что «Священный Синод Русской Православной Церкви считает заботы архиепископа Паисия о сохранении единства по духовному руководству всеми албанскими приходами в США вполне законными, согласными со святыми канонами и основанными на них. Где бы и в каком бы количестве ни находились на территории земного шара православные албанцы, везде право и обязанность по их духовному окормлению принадлежит их Матери-Церкви и должны осуществляться клиром, входящим в состав иерархии Матери-Церкви. Никакой другой из Православных автокефальных Церквей (в том числе и Константинопольской) святыми канонами не дано права на организацию отдельных национальных общин, руководимых епископом (в данном случае хотя бы и албанцем по национальности), поставляемым и назначаемым не Матерью-Церковью... Синод... разделяет протест Албанской Православной Церкви против незаконного дезорганизующего вмешательства в ее внутренние дела со стороны другой братской Православной Церкви. Священный Синод... считает необходимым препроводить главе Албанской Церкви статью проф. С. Троицкого «О границах распространения права власти Константинопольской Патриархии на диаспору»¹³⁵, где подробно и беспристрастно обсуждается с канонической точки зрения вопрос, волнующий в настоящее время Албанскую Православную Церковь»¹³⁶.

---

¹³⁴ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 634–635.

¹³⁵ Статья Троицкого была опубликована в «Журнале Московской Патриархии» № 11 за 1947 г.

¹³⁶ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 643–646.

В январе 1951 г. обращение архиепископа было разослано главам Православных Поместных Церквей. В нем владыка Паисий подчеркивал: «Я прошу, чтобы Вселенский Патриарх пересмотрел и отменил свое самоуправное решение, касающееся назначения и посылки Марка Липы епископом Албанской Православной Церкви в Соединенных Штатах Америки, в то же время я призываю всех Святых Патриархов и все Православные автокефальные Церкви и настоятельно прошу их соблаговолить принять участие в этом деле и дать Вселенскому Патриарху необходимые советы так, чтобы он не помышлял больше о своих гнусных действиях, а вернулся бы на истинно православный путь». В сентябре того же года Патриарх Алексий написал ответ на данное обращение, в котором указал, что Русская Православная Церковь присоединяет свой голос к протесту против посягательства Константинопольского Патриаршего престола на канонические права автокефальной Албанской Церкви¹³⁷.

Острая борьба по этому вопросу продолжалась еще некоторое время, и в начале 1950-х гг. небольшая часть паствы в США все-таки отделилась от Албанской Православной Церкви и перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, со временем составив Албанскую епархию Константинопольской архиепископии Северной и Южной Америки.

В этот период руководство Албанской Православной Церкви продолжало участвовать в международных акциях стран советского блока.

В 1951 г. архиепископ Паисий обратился к православному духовенству страны с воззванием, в котором заявил:

«В согласии с великими идеалами любви, братства и мира во всем мире, на которых основана Церковь, мы будем бороться за святое дело освобождения всего человечества от враждебных посягательств на его мирную жизнь. Эта задача должна единодушно осуществляться всеми нашими священнослужителями как проповедниками мира, обязанными направлять волю паствы к борьбе за мир... Мы проповедуем мир, но мы знаем, что мир не дается даром, поэтому мы благословляем борьбу за окончательную победу над поджигателями войны»¹³⁸.

---

¹³⁷ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 573.

¹³⁸ См.: ЖМП. 1951. № 8.

В июле 1952 г. в Тиране состоялась первая конференция в защиту мира представителей всех конфессий Албании, которая приняла воззвание ко всем верующим страны с призывом выступить против войны и бороться за мир. Руководство Албанской Православной Церкви также призывало свою паству подписываться под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия и обращением Всемирного совета мира о заключении Пакта мира между пятью великими державами, а также активно выступать против «поджигателей новой мировой войны»¹³⁹.

На 1 января 1953 г. в Албании насчитывалось 900 представителей мусульманского духовенства, 290 православных священнослужителей и 90 католических. В этом году из государственного бюджета основным конфессиям была выделена следующая материальная помощь: мусульманам — 7,5 млн лек, православным — 7 млн (в том числе на реставрацию старинных храмов и содержание группы русских монахинь) и католикам — 4,5 млн. Доходы конфессий от пожертвований верующих были значительно меньше: в 1953 г. у мусульман — 3 млн, у православных — 2 млн, у католиков — 1,5 млн¹⁴⁰. В 1958 г. владыка Паисий вновь посетил Москву. В сане Архиепископа Тиранского и Дурреского и всея Албании он возглавлял Церковь вплоть до своей кончины 4 марта 1966 г.

Следует упомянуть, что весной 1950 г., после резкого ухудшения отношений Сталина с Тито, из Югославии в Албанию было выслана целая группа принявших советское гражданство русских священнослужителей, в том числе архимандрит Игнатий (Озеров), иеромонах Иракий, священники Димитрий Северьянович Томачинский и Григорий Александрович Крыжановский. Отец Григорий в марте 1950 г. был арестован за отказ «от пропаганды против СССР» и в мае выслан вместе с женой. До разрыва албанско-советских отношений в 1962 г. он служил на приходе в Тиране, а затем уехал в СССР, где 26 июня того же года был назначен настоятелем храма в Московской епархии¹⁴¹.

В Албанию в феврале 1950 г. была изгнана «в полчаса без церковных книг и церковного имущества» и целая русская женская Благовещенская монашеская

---

¹³⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1128.

¹⁴⁰ Там же. С. 1126–1127.

¹⁴¹ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008. С. 217, 351; Его же. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М., 2000. С. 162, 242, 257.

община, состоявшая из 16 сестер, духовника обители иеромонаха Иракия (Кулака) и игумении Диодоры (Дохторовой, в схиме Марии). Югославские власти предлагали монахиням отказаться от принадлежности к Московскому Патриархату и советского гражданства в качестве условия оставления в стране, однако сестры предпочли изгнание. Сербские монахини Благовещенской общины были насильно отделены от русских и оставлены в Югославии, только одна сербка смогла тайно уехать вместе с русскими сестрами, которых вывезли в Албанию в товарном вагоне¹⁴².

Изгнанные сестры разместились в мужском монастыре св. Власия в 5 км от г. Дурреса, откуда весной 1950 г. написали обращение секретарю Московской Патриархии Л.Н. Парийскому: «Нас изгнали из Югославии, потому что мы подданные СССР и потому, что мы не скрывали, что любим свою родину. Мы в Албании. Здесь нас очень хорошо приняли и гражданские и церковные власти, но Вы можете понять, как прискорбно не понимать языка, на котором совершается богослужение». Завершила письмо горячая просьба о разрешении вернуться на Родину, «где бы мы могли служить Богу, Православной Церкви и народу под окрылаией родной, любимой церковной иерархии»¹⁴³.

Подобное письмо схиигумения Мария (Дохторова) 5 мая 1950 г. написала и Патриарху Алексию I: «Ваше Святейшество! К Вам, сердцу Православия, обращаемся, поймите нашу скорбь и желание вернуться на родину, примите нас под свой милостивый покров и помогите нам вернуться на родину...»¹⁴⁴

Святейший Патриарх Алексей пытался помочь общине: ей была отправлена денежная помощь в размере 10 тыс. рублей, в октябре 1950 г. возбуждено ходатайство перед советскими властями о разрешении въезда монахинь в СССР и размещении в Рижском женском монастыре, на что было получено согласие митрополита Рижского Вениамина (Федченкова). Однако министр иностранных дел А.Я. Вышинский и председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов посчитали нецелесообразным

---

¹⁴² Гавриил (Динев), архим. Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 324; Некролог схиигумении Марии (Дохторовой) // ЖМП. 1978. № 12. С. 51.

¹⁴³ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 160–162; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 723, т. 5, л. 12–15, д. 719, т. 1, л. 82;

¹⁴⁴ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 549–552.

въезд монахинь на территорию СССР «по причине общественной бесполезности их»¹⁴⁵.

В апреле 1951 г. делегация Московской Патриархии посетила монастырь св. Власия и встретила с монахинями, которые настойчиво просили «о разрешении им вернуться в СССР, соглашаясь заранее с любыми условиями». Осенью того же года схиигуменья Мария по указанию церковных властей попыталась ввести в общине принятый в Албанской Церкви новый стиль, что вызвало несогласие большинства сестер. Рассмотрев ее письмо от 31 октября, Священный Синод Московского Патриархата 25 декабря 1951 г. постановил: «Благословить схиигуменью Марию с сестрами, проживающих в Албании, ради мира церковного среди Братства, держаться старого стиля и просить Блаженнейшего Паисия, архиепископа всея Албании, оказать им в этом снисхождение и не чинить к тому препятствий»¹⁴⁶.

В июне 1952 г. монахини вновь обратились в Московскую Патриархию с просьбой разрешить им выехать из Албании в СССР или временно в Болгарию или Польшу. В письме Г.Г. Карпова А.Я. Вышинскому от 28 июля 1952 г. отмечалось: «Дальнейшее оставление указанной группы монахинь в Албании чревато углублением начавшегося “раскола” между монахинями, связи схиигуменья Марии Дохторовой с находящимся “на покое” епископом Албанской церкви Иеринеем, арестовывавшимся за выступления против народно-демократического режима, и потому просьба монахинь о вывозе их из Албании заслуживает внимания»¹⁴⁷.

В 1953–1954 гг. схиигуменья Мария и большинство сестер переехали в Болгарию, часть монахинь отправили в Палестину и Мукачево (Закарпатская область Украины). Некоторые русские священнослужители все же остались в Албании и, вероятно, стали жертвой развернутой Э. Ходжей в 1967 г. ожесточенной кампании гонений на любые формы религиозной деятельности.

К этому времени Албанская Православная Церковь состояла из архиепископии и трех епархий, а также 12 округов, около 350 тыс. верующих (20,7 % населения страны), 330 приходов, 365 храмов, 206 священнослужителей

---

¹⁴⁵ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 162.

¹⁴⁶ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... С. 613.

¹⁴⁷ Там же.

и 12 (по другим сведениям 25) монастырей: святого Космы, святого Власия, Арденицкий, Бератский, Каравастайский, Либофшский, Ванайский, Гирокастринский, Леклийский, Леусский и Преметский¹⁴⁸.

Кампания по уничтожению религиозных организаций в стране началась 6 февраля 1967 г. с призыва Э. Ходжи к упразднению «всех религиозных обычаев и учреждений». 4 апреля 1967 г. было запрещено любое отправление культа, а 22 октября 1969 г. Албанию официально провозгласили «первым и единственным в мире атеистическим государством». В результате этого разгрома на несколько десятилетий легально перестала существовать и Албанская Православная Церковь. Сотни храмов были разграблены, разрушены или превращены в склады, кинотеатры, рестораны, стойла для скота и т.п. Всего в стране за время так называемых «великих гонений» разрушили около 1600 христианских церквей, часовен и монастырей. Все имущество Церкви, включая святыни, утварь и архивы, было конфисковано. Всякое проявление религиозности каралось изгнанием, заключением или смертью. Священника, застигнутого во время богослужения, убивали или сажали на длительный срок в тюрьму. В Конституции 1976 г. была запрещена любая религиозная организация, религиозная деятельность и пропаганда. В конце 1970-х гг. в Албании было объявлено об окончательном искоренении всех религиозных предрассудков. Возрождение Албанской Православной Церкви началось только в декабре 1990 г.¹⁴⁹

---

¹⁴⁸ Анастасий (Яннулос), архиеп. Указ. соч. С. 144.

¹⁴⁹ Там же. С. 141, 144, 149, 153; Скурат К.Е. Албанская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 648–649.

Глава IV

Русская церковная эмиграция в Юго-Восточной Европе

1. Российская церковная эмиграция в Турции

В последние годы Второй мировой войны и вскоре после ее окончания до Турции докатилась вторая волна русских беженцев. Это были как белые эмигранты, жившие до прихода советских войск на Балканах, так и советские граждане с бывших оккупированных территорий СССР. Однако большинство их задержалось в Турции недолго, опасаясь дальнейшего продвижения советских войск или победы коммунистов в гражданской войне в соседней Греции, они старались уехать подальше — в Палестину, Северную Африку или США. Оставшиеся становились прихожанами трех храмов при подворьях русских афонских обитателей: Свято-Пантелеимоновского монастыря, Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов в Константинополе (Стамбуле). В этот период, в 1945–1946 гг., русская стамбульская община во главе с настоятелем Ильинской церкви архимандритом Серафимом (Палайдой) выдержала трудную борьбу за свою юрисдикционную принадлежность, но все-таки фактически осталась в составе Русской Православной Церкви Заграницей¹.

В Андреевской церкви после войны настоятелем был сербский протоиерей Петр Хайдуков, при этом русская приходская община сохранялась. В 1950 г., когда стало уходить из жизни первое поколение эмигрантов и остро встал вопрос взаимной поддержке, было создано «Русское благотворительное общество помощи бедным прихожанам святого Пантелеимона, святого Андрея, святого Ильи православных церквей», сокращенно РАЕ — по первым буквам турецких названий трех приходов (то есть Panteleimon, Andreas, Elias), бюро которого разместилось в здании Андреевского подворья.

---

¹ The Archives of the Orthodox Church in America, Syosset (OCA Archives). Box 1. P. 27.

К этому времени большинство русских эмигрантов приняли турецкое гражданство, нередко меняя имена и переходя в ислам. Однако многие так и не смогли найти своего места в огромном городе — пережитые потрясения, чуждое культурное и социальное окружение сделали невозможной адаптацию к новым условиям. Поэтому создание Русского благотворительного общества стало для таких людей подлинным спасением. Его организаторами были землевладелец Александр Насонов, владелец строительной компании Прокопий Слита (Нури Сирита) и коммерсант Матвей Бирюков. Общество при содействии иностранных культурных центров и Константинопольской Патриархии проводило различные благотворительные мероприятия, доходы от которых помогали материально выживать многим эмигрантам из России. Помимо благотворительности РАЕ занималось организацией эмигрантской жизни, защитой русских перед турецкими властями и сохранением подворий. Эта задача была очень важной, так как официально находившимся в юрисдикции Константинопольского Патриархата подворьям во время нередких обострений греко-турецких отношений угрожали различные опасности².

Посетившая в августе 1961 г. Стамбул группа русских паломников Западно-Европейского экзархата во главе с епископом Мефодием (Кульманом) еще застала уходящий мир «русского Константинополя». Одна из участниц поездки Е.И. Слезкина так описала свои впечатления: «Около 10 часов утра мы прибыли в Фанар, где расположена Патриархия, и сразу вошли в храм св. Георгия, где в это время кончалась утренняя... Вся служба была исполнена русскими певчими, принадлежавшими хору церкви Андреевского подворья, усиленному по этому случаю из двух других русских церквей Истамбула. Служил по-славянски о. архимандрит Николай Кутрумбис, никогда в России не бывавший, но произносивший славянские слова очень хорошо, с едва заметным акцентом. Впоследствии оказалось, что он хорошо говорит по-русски. Греческие ектеньи и возгласы чередовались со славянскими, но последние преобладали... Вне храма паломники познакомились с певчими русского хора и прихожанами русских церквей, пришедшими в Патриарший храм. Было установлено, что хором управляла Евгения Владимировна Бадер, урожденная Холодная. Познакомились мы также с молодым священником о. Феофаном

---

² Русские храмы и обители в Европе. С. 209.

Третьим, из “некрасовцев”, недавно рукоположенным Патриархом для окормления одной из русских церквей Истамбула»³.

Церковь св. вмч. Пантелеимона весь послевоенный период оставалась подворским храмом русского Свято-Пантелеимоновского монастыря в юрисдикции Константинопольского Патриарха, в 1949 г. в честь десятилетия создания общины в ней был сооружен и установлен слева от иконостаса киот с большим образом свт. Николая Чудотворца⁴. Весной 1953 г. настоятелем Пантелеимоновского подворья был назначен будущий игумен (с 1958 г.) Свято-Пантелеимоновского монастыря схииеромонах Илиан (в миру Иван Михайлович Сорокин, 1885–1971). Он приехал в Стамбул, однако турецкие власти не согласились с его кандидатурой и не дали разрешение на занятие этого поста, и отцу Илиану пришлось 1 июля 1953 г. вернуться на Афон⁵. В 1960-х гг. из-за отсутствия монахов Пантелеимоновская церковь была фактически закрыта, службы совершались лишь изредка.

В 1960-е гг. управление зданиями всех трех стамбульских подворий афонских обителей было передано «Русскому благотворительному обществу помощи бедным прихожанам святого Пантелеимона, святого Андрея, святого Ильи православных церквей». Таким образом, судьба Пантелеимоновского, Андреевского и Ильинского подворий оказалась связанной и юридически. Чтобы собрать средства для помощи нуждающимся, общество организовывало концерты, устраивало чаепития, благотворительные праздники для детей и балы для молодежи, ставило спектакли, а также сдавало в аренду туркам квартиры на нижних этажах подворских зданий. На собранные средства оказывалась помощь в организации лечения, обучения, похорон и т.п. В 1957–1963 гг. РАЕ возглавлял художник-иконописец и сценограф Николай Перов, затем в 1963–1990 гг. — выпускник Санкт-Петербургского училища правоведения, корнет царской и Белой Добровольческой армий Николай Георгиевич Тимченко, ставший в эмиграции известным инженером-электриком. Он скончался

---

³ Александр Занемонец, диак. К истории паломничеств в Святую Землю из Русского зарубежья в 50–70-х гг. XX века. М., 2009. С. 31–32.

⁴ Ђурић В. Усташе и Православље. Хрватска православна Црква. Београд, 1989. С. 209–210, 356; Тимошенко А., Тимошенко-Оздемир Е. Тепло домового храма. Прошлое и настоящее русского прихода в Стамбуле // Вода живая. 2009. № 5. С. 40.

⁵ Русский афонский отечник XIX–XX вв. С. 495.

в 1999 г., в возрасте 102 лет, до конца жизни сохраняя звание почетного председателя РАЕ. В качестве председателя Н.Г. Тимченко в 1990 г. сменил Александр Степанович Симухин, родившийся в Константинополе в 1916 г. в семье российского дипломата. Он возглавлял общество до конца 2000-х гг.⁶

Настоятелем Ильинской церкви после архимандрита Серафима (Палайды), со второй половины 1940-х гг. служил иеромонах Иессей (старостой был П. Дьяконов), также считавший себя клириком Русской Православной Церкви Заграницей, но состарившиеся прихожане умирали, и храм постепенно приходил в упадок. В 1970-е гг. из-за смерти большинства прихожан и отсутствия священника община Ильинской церкви прекратила свое существование. Последнее богослужение в этом храме состоялось в 1972 г. В дальнейшем иконостас был демонтирован и убран, росписи в основном погибли, однако здание сохранялось. В 1992 г. последние русские насельники были насильно изгнаны из Свято-Ильинского скита (за непоминание Константинопольского Патриарха), который был заселен греческими монахами, однако на судьбе подворья это не отразилось. Более 40 лет Ильинская церковь была закрыта на замок, ключ от которого хранился у живших неподалеку потомков русских эмигрантов. Все это время верующие безрезультатно добивались от Константинопольской Патриархии возобновления служб в храме.

Единственным постоянно действующим русским храмом в Стамбуле осталась Андреевская церковь (современный адрес: Mumhane Cad. № 39 Karaköy, Beyoğlu, İstanbul). В конце 1960-х гг. по просьбе прихожан ее настоятелем стал священник Симеон Папазоглу. Хотя он был болгарин по национальности, и община подчинялась юрисдикции Вселенского Патриарха, о. Симеон более сорока лет совершал богослужения на церковнославянском языке и по юлианскому календарю. В 1992 г. Свято-Андреевский скит, пустовавший с 1971 г., заняли греческие насельники, но Андреевское подворье по-прежнему осталось русским.

В 1990-е гг. в здании этого подворья по-прежнему размещалась штаб-квартира (бюро) «Русского благотворительного общества помощи бедным прихожанам святого Пантелеимона, святого Андрея, святого Ильи православных церквей», существовавшего за счет пожертвований с Афона и членских

---

⁶Русские храмы и обители в Европе. С. 209.

взносов, общая сумма которых была невелика. К этому времени первый этаж здания заняли офисы турецких фирм, выше жили неимущие члены русской общины (в устроенной для них богадельне) и несколько монахинь. В Андреевской церкви сохранились первоначальный иконостас русской работы и настенные росписи в «нестеровском стиле», выполненные в 1928–1929 гг. художником Н.К. Перовым. В большом киоте находятся иконы свт. Николая Чудотворца и вмч. Пантелеимона Целителя.

Середина 1990-х гг. стала переломной для русской церковной жизни в Турции — нараставший упадок сменился постепенным развитием. В первой половине десятилетия братии Свято-Пантелеимоновского монастыря в результате многих усилий удалось выселить из части помещений своего подворья проживавших там турок и сделать там ремонт. Появилась возможность принимать первых паломников из России. В это время подворьем заведовал отец Кукуша (позднее он трудился над восстановлением афонского скита Новая Фиваида). В 1995 г. настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря схиархимандрит Иеремия благословил на несение послушания в Стамбуле иеродиакона Корнилия (Гремякина), который стал заведовать подворьем.

До конца 1990-х гг. богослужения проводились дважды в год — на Пасху и 9 августа — в день св. великомученика Пантелеимона, однако подворье стало быстро восстанавливаться. «При нас, а я жила тут несколько лет, до 2006 г., церковь и обустроивалась. Все это стоило больших усилий. Тогда здесь служил отец Корнилий, и нам он рассказывал, что начинал с полной разрухи. Все помещения были ободраны, разрушены, от храма мало что сохранилось», — рассказывала Нина Щетинина, ранее снимавшая комнату в здании подворья. Служивший в храме св. вмч. Пантелеимона в 1997–2000 гг. иеромонах Виталий возобновил общину, куда вошли представители последней волны эмиграции из республик бывшего СССР (в отличие от Андреевского прихода, состоявшего в основном из старых русских эмигрантов и их потомков)⁷. В 1999 г. богослужения начали совершаться регулярно — по воскресеньям и праздничным дням⁸.

---

⁷ Талалай М. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 122–123, 131.

⁸ Русская мысль. Париж. 1999. № 4257. С. 14.

Посетивший Пантелеимоновское подворье в то время игумен Алипий (Светличный) так описывал свои впечатления: «Под вечер отец Корнилий и Елена принимали паломников у себя на шестом этаже в Свято-Пантелеимоновом храме. Церковь маленькая, но со своим куполом, который несколько странно смотрелся с улицы над обычным старым домом. Надо сказать, что по соседству на зданиях той же высоты были еще два купола с крестами. Поверхность куполов византийского типа выкрашена одинаковой ярко-зеленой краской. Это почти впритык расположились еще два Афонских подворья: Ильинское и Андреевское... В храме святого великомученика Пантелеимона чисто, все на своих местах. Впечатление такое, будто ничего не изменилось с момента, когда в 50-х годах прошлого столетия подворье было оставлено монахами на произвол судьбы из-за недостатка братии на самом Афоне»⁹.

В 2000 г. на постоянную службу в храм Пантелеимоновского подворья прибыл иеромонах Тимофей (Мишин). Постепенно число прихожан выросло до 100 человек. 9 августа 2001 г. на престольном празднике церкви Божественную литургию в ней отслужил Константинопольский Патриарх Варфоломей. В 2000–2008 гг. в Пантелеимоновском храме было совершено 17 венчаний и 149 крещений, постепенно возрождалось паломничество из России. В середине 2000-х гг. в церкви провели реставрацию, и все фрески на стенах и потолке были написаны заново на пожертвование одного из прихожан¹⁰.

В 2010-х гг. на подворье служила братия из Свято-Пантелеимоновского монастыря: настоятель иеромонах Тимофей (Мишин), которого знала и любила почти вся русская община Стамбула, и иеродиакон Евлогий (Иванов). Регентом хора работала Елена Тарасова. На службу приходило 150–200 человек, а в праздники собирались многие сотни, не помещаясь в небольшом церковном зале.

Русская община города не раз обращалась в Московский Патриархат и в российское генеральное консульство с просьбой прислать одного или нескольких священников в Стамбул. Однако, поскольку Пантелеимоновская, Ильинская и Андреевская церкви находятся в юрисдикции Константинопольского Патриархата, эти ходатайства не были удовлетворены по каноническим соображениям.

---

⁹ Алипий (Светличный), игумен. Русские в Царьграде // Православный паломник. 2004. № 3 (16).

¹⁰ Тимошенко А., Тимошенко-Оздемир Е. Указ. соч. С. 41.

Многие из приезжающих в Стамбул российских паломников и туристов приходят приложиться к святыням Пантелеимоновского храма — чудотворному образу святого великомученика Пантелеимона, написанному в 1898 г. в Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне, и чудотворной Владимирской иконе Божией Матери, подаренной в конце XIX в. насельницей московского Вознесенского женского монастыря монахиней Митрофанией. Храм окружен террасой-галереей, где находятся книжный магазин и трапезная. Здесь после службы прихожане проводят чаепития. Так как Пантелеимоновская церковь находится на самом верху многоэтажного дома, турки называют ее храмом на крыше (современный адрес храма: Носа Tansin Sok. № 19. Karaköy, Beyoğlu, İstanbul).

Началось возрождение и других русских памятных мест и святынь на территории Турции. До конца 1930-х гг. за памятником воинам Белой армии в Галлиполи ухаживал один из местных жителей, но в 1949 г. «русский курган» был разрушен землетрясением, и к 1990-м гг. от него остался лишь мраморный блок цоколя. В 2004 г. Центру национальной славы фонда Всехвального апостола Андрея Первозванного при поддержке российского посла в Турции удалось получить разрешение турецких властей на восстановление памятника. Был выделен участок земли под строительство мемориального центра, состоящего из самого памятника и небольшого музейного павильона. Также планируется создание «Музея российской воинской славы» в сохранившемся здании штаба 1-го армейского корпуса.

10 января 2008 г. в Галлиполи состоялась закладка восстанавливаемого памятника чинам Русской армии и всем русским людям, скончавшимся в галлиполийском лагере в 1920–1921 гг. В основание будущего монумента была помещена капсула с обращением к потомкам. Памятник воссоздавался в первоначальном виде, точно таким, каким был раньше, недалеко от места бывшего русского военного кладбища. В проекте приняла активное участие Западно-Европейская епархия Русской Православной Церкви Заграницей — епископ Женевский и Западно-Европейский Михаил стал членом Попечительского совета программы Центра национальной славы России по восстановлению памятника в Галлиполи¹¹.

---

¹¹ Черкашин. Н., Лобыцын В. Русский курган в Дарданеллах // Родина. 2008. № 3. С. 112.

С 16 по 18 мая 2008 г. в Галлиполи находилась еще одна российская делегация, прибывшая для открытия и освящения памятника. К этим дням по инициативе А.П. Григорьева была написана икона свт. Николая Чудотворца (покровителя Белого движения) с надписью: «Доблестным Галлиполийцам, героям Белого Движения и всем воинам, на поле брани за Родину живот свой положившим, в смуте умученным и убиенным и в мире скончавшимся Вечная Память! Слава и честь Рыцарям Галлиполийцам! Навсегда Вы наша гордость! Дети. Внуки. Правнуки. Потомки Галлиполийцев».

В послании епископа Женевского и Западно-Европейского Михаила, зачитанном в день открытия памятника, говорилось: «Это событие исключительной важности совершилось в самых благоприятных условиях и стало великим торжеством. Важность и исключительность восстановления совершенно исчезнувшего с лица земли Галлиполийского кладбища состоит в том, что в самое нужное для России и для Зарубежья время вновь заключается акт полного примирения — уже в плане историческом: современная Россия признает как свою Россию Зарубежную, принимая в свое сердце подвиг тех, кто, с достоинством выехав на чужбину, обеспечил существование Русского предания для будущих поколений, для своих потомков, а сегодня — и для самой России. Их духовно-нравственный подвиг принес свои плоды, и Россия сегодня его также принимает.

Я хочу поблагодарить всех вас за ваше участие в торжествах. Это был особо радостный для всех нас момент первой встречи и совместного участия в действии, связанном с памятью самого тяжелого события русской истории. Для приехавших из России представителей общественности ваше присутствие олицетворяло то живое наследие, которое 90 лет хранилось как целый пласт истории самой России.

Мы никогда не забудем, как накануне мы все вместе находились на корабле, который шел по Босфору именно по тем местам, где лежал путь наших родителей. Было особенно трепетно испытать чувство того, что мы идем по их стопам. На следующий день мы прибыли на место расположения военного Галлиполийского лагеря, где стояли в полном составе части Русской армии под главным командованием генерала Врангеля и под непосредственным ведением генерала Кутепова. В этом месте появились, кроме чисто военных учреждений, церкви, лазареты, училища, школы, детские сады, и проводились

всевозможные воспитательные мероприятия, прежде всего с детьми и молодежью. Все это заложило основы структуры, которой стала «Эмиграция» как институт. Из этого места зародилось три четверти всей Зарубежной России, распространившейся по всем континентам земного шара, и мы все с вами их потомки.

Мы прибыли в Галлиполи (по-турецки Гелиболу), к участку земли, выделенному Турецким государством. На нем попечением российского Фонда Андрея Первозванного выросло точно такое же шатровое каменное сооружение, какое оставили при своем отъезде в 1921 году Галлиполийцы. Это была Шапка Мономаха, увенчанная крестом, обозначающая незыблемое присутствие на чужой земле духа России. Этот символ Державы передавал симфоническое назначение всякого русского присутствия, где бы то ни было, ставя перед каждым русским человеком выполнение его задачи как верноподданного России. Пока в самой России Державная Божия Матерь покрывала весь страдающий русский народ, за границей, на чужой земле, русские люди сохраняли свою верность в службе своей Родине — Православной России»¹².

Торжественное открытие памятника состоялось 17 мая: сопредседатели попечительского совета Владимир Якунин и Александр Соколов вместе с губернатором турецкой провинции Чанаккале Орханом Кырлы разрезали алую ленту, стягивавшую покрывало на восстановленном монументе. В рамках проекта в Гелиболу был создан целый мемориальный комплекс, включающий здание музея истории «галлиполийского сидения» с постоянно действующей экспозицией.

14–25 июля 2010 г. Центром национальной славы и Фондом Андрея Первозванного в рамках программы «Русский мир» был устроен морской поход, посвященный 90-летию исхода в 1920 г. частей Белой армии и беженцев из Крыма в результате гражданской войны. Участники похода прошли по маршруту этого исхода, но в обратном порядке: Бизерта — Лемнос — Галлиполи — Стамбул — Севастополь. Венки к памятнику русским воинам возложили председатель попечительского совета Центра национальной славы и Фонда Андрея Первозванного В.И. Якунин, епископ Женевский и Западно-Европейский Михаил, председатель Союза потомков галлиполийцев

---

¹² Послание епископа Женевского и Западно-Европейского Михаила от 16 мая 2008 г.

А.П. Григорьев, представители генерального консульства России в Турции и турецких властей. Затем состоялась панихида по умершим в Галлиполи россиянам. С 1 апреля 2011 г. памятник в Галлиполи был взят на попечение правительства Российской Федерации в лице Россотрудничества.

С 1990-х гг. в Турции стало быстро расти число постоянно проживающих в этой стране православных россиян, достигнув к началу 2010-х гг. нескольких десятков тысяч человек. На территории летней резиденции генерального консульства Российской Федерации в пригородном стамбульском районе Бююк-Дере (Бююк-Дере, на берегу Босфора) сохранился храм святых равноапостольных Константина и Елены.

До лета 2006 г. здание храма использовалось под хозяйственные нужды, в частности, в церковном зале располагалась котельная. Однако затем за три года на территории резиденции были проведены большие ремонтно-восстановительные работы, в том числе отреставрировали и восстановили в первоначальном виде церковь (правда, так называемый архимандритский домик поблизости, в котором жил о. Антонин (Капустин), оказался практически разрушен, и от него остались одни развалины).

6 июля 2009 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл вместе с Вселенским Патриархом Варфоломеем освятил Константино-Еленинский храм и совершил первую Божественную литургию в нем, сказав после нее: «Это историческое событие. И Богу было угодно, чтобы сам факт открытия этого храма совпал с нашей братской встречей — так, что два Патриарха могли сослужить, освящая эти стены». Патриарх Кирилл выразил благодарность Предстоятелю Константинопольской Церкви «за благословение возобновить церковную жизнь в этом храме», а правительство Российской Федерации, особенно генерального консула в Стамбуле Александра Кривенко и посла в Турции Владимира Ивановского, поблагодарил за восстановление и возобновление деятельности церкви на территории консульской дачи, а также за содействие укреплению братских связей между Константинопольским и Московским Патриархатами. Предстоятель Русской Церкви подарил храму свв. Константина и Елены большую икону Спасителя, отметив: «В знак того, что мы придаем очень большое значение братским отношениям с Константинопольским Патриархатом, я хотел бы вручить этому маленькому храму сию большую прекрасную икону... И дай Бог, чтобы этот храм всегда был

местом наших совместных молитв и братских встреч». Патриарх Кирилл напомнил, что некогда славная православная Российская империя, которая и на берегу Босфора имела величественное посольство, оказалась разрушена, как и церковь; надежд на восстановление было мало, но они сбылись. Поэтому в Константино-Еленинском храме, «как в капле воды, отразилась вся история нашей страны... Трагический пример русского Православия имеет большое значение для всего Православия, потому что показывает силу Божию», — убежденно подчеркнул Первосвятытель¹³.

Патриарх Варфоломей, в свою очередь, выразил радость в связи с восстановлением храма в консульской резиденции и совместной литургией «в этом обновленном жертвеннике» и поблагодарил за труды по реставрации храма правительство России. Предстоятель Константинопольской Церкви также выразил благодарность Патриарху Кириллу за его первый визит в этом сане в пределы Константинопольского Патриархата: «Во время этого визита мы обновили наши отношения, приветствовали его в новом качестве, обсудили вопросы, представляющие общий интерес, и дали друг другу обещания, что наши Церкви внесут вклад в дальнейшее развитие межправославных отношений, как того желает Сам Бог». После службы Патриархи Кирилл и Варфоломей в сопровождении делегаций Русской Церкви и духовенства Константинопольского Патриархата почтили память российских подводников, погибших по время Первой мировой войны, — у памятника морякам подлодки «Морж» на территории консульской дачи они пропели «Вечную память»¹⁴.

Следует упомянуть, что этот памятник был возведен и торжественно открыт 28 июня 1996 г. на символической могиле моряков, в которой похоронены останки пятерых членов экипажа (остальных найти не удалось). 26 августа 2000 г. у входа в пролив Босфор в Черном море на глубине 90 метров международная подводная экспедиция обнаружила неопознанную затонувшую подводную лодку, которую по характерным признакам можно считать подлодкой «Морж». Возрожденная церковь свв. Константина и Елены стала первым действующим храмом Московского Патриархата в Турции. Как уже говорилось, другая церковь — свт. Николая Чудотворца — действовала

---

¹³ Сообщение Российского информационного агентства «Новости».

¹⁴ Там же.

в здании посольства России в Стамбуле (ныне генерального консульства) на пешеходной улице Истикляль, но в советское время она была уничтожена.

В 2010 г. в России начались сбор архивного материала и первые шаги по подготовке проекта воссоздания взорванного 14 ноября 1914 г. мемориального Георгиевского храма-памятника русским воинам (павшим в войне 1877–1878 гг.) в местечке Сан-Стефано (Йешилкой), в настоящее время находящемся недалеко от стамбульского аэропорта имени Ататюрка. В советский период турецкая сторона неоднократно предпринимала попытки исправить ситуацию и предлагала обсудить вопрос о мемориале с советским руководством СССР, но ответа не последовало. Сейчас местные старожилы называют это место «Горой, где стоял русский памятник». В декабре 2012 г. во время стамбульской встречи премьер-министра Турции Эрдогана и президента Российской Федерации В.В. Путина было подписано соглашение, согласно которому турецкая сторона соглашалась на воссоздание храма-памятника. При этом в России на основе принципа взаимности планировалось отреставрировать могилу турецких солдат. 5 февраля 2013 г. на заседании Московского областного отделения Российского Императорского православного палестинского общества была создана рабочая группа, которая занялась изучением проблемы, подготовкой концепции и оформлением необходимой документации. В марте 2013 г. турецкие власти официально дали разрешение Императорскому православному палестинскому обществу восстановить мемориальный храм св. вмч. Георгия Победоносца. Однако из-за последующего временного осложнения отношений Российской Федерации с Турцией (в связи со сбитым в 2015 г. истребителем) этого не произошло.

В настоящее время регулярные богослужения на церковнославянском языке совершаются по воскресеньям и праздничным дням только в храме бывшего подворья Андреевского скита и церкви подворья Свято-Пантелеимоновского монастыря. Основными прихожанами этих общин являются проживающие в Стамбуле и приехавшие на берега Босфора на работу православные из бывших республик СССР, а также паломники со всех уголков мира. При этом все больше укрепляются и расширяются связи с Россией. Таким образом, русская церковная жизнь в Константинополе постепенно возрождается.

2. Общины Московского Патриархата в Югославии

В Югославии, после отъезда Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей из Белграда, далеко не все представители российской церковной эмиграции покинули страну. В конце 1944 — начале 1945 гг. в период освобождения страны от немецкой оккупации в ней имелось 11 русских общин, две монашеские обители (мужская и женская), епископ Митрофан (Абрамов, скончавшийся 13 января 1945 г.), 15 монахов, 32 монахини и около 20 священников; число прихожан превышало 8 тысяч человек. К этому времени значительная часть русских эмигрантов, спасаясь от коммунистов, уже выехала в Западную Европу (не менее трети, по сведениям В.А. Маевского, 3,5 тысячи только из Белграда)¹⁵.

Значительная часть русских священнослужителей осталась, не желая покидать свою паству. Так, протоиерей Владимир Родзянко в 1979 г. в одном из писем вспоминал: «При наступлении Красной Армии мой владыка, епископ Ириней, напомнив мне житие св. Поликарпа Смирнского, сказал, что он лично от своей паствы никуда не уйдет (даже если это ему будет стоить жизни, что фактически и случилось!) и то же советовал сделать и мне. Я остался с паствой... Фактически это означало осуществление на деле, а не только в теории, полного евхаристического общения с Русской Церковью в России и ее епископами»¹⁶. В своих не так давно опубликованных воспоминаниях о Владимире привел другие интересные подробности: «Осенью 1944 г. я получил письмо от матери. Она сообщила, что они собираются уезжать. Просят принять решение. За мной приехал один русский эмигрант. Десять дней ждали все прихожане: уеду или нет. Но я не наемник, а пастырь. Остался со своей паствой». Во время священник служил в церкви с. Станишиче и своими решительными действиями фактически обеспечил сдачу немцами села без боя¹⁷.

В целом же события войны и их последствия крайне негативно сказались на судьбе русской диаспоры в Югославии. Почти все эмигрантские учреждения и общества были уничтожены, мужчины в возрасте от 18 до 60 лет

---

¹⁵ Архив Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ, ф. В.А. Маевского, кор. Афон; *Маевский В.А. Трагедия русских в Югославии // Русская жизнь. 1946. 16 апреля.*

¹⁶ Stanford University, Special collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 1, Foleler 1.

¹⁷ *Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 217–218.*

большей частью погибли и т.п. Позднее, во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. (до и во время советско-югославского конфликта), страну покинули четыре пятых еще оставшихся в Югославии русских эмигрантов, при этом первоначально почти все уезжали в Советский Союз. Так, в 1944–1952 гг. из Югославии было репатрировано 26 268 советских граждан, в том числе до 1947 г. — 26 023¹⁸. С 1948 г. лишь 10 % покидавших страну русских эмигрантов уезжали в СССР, а 90 % — в другие, главным образом, западные страны¹⁹.

Накануне своего отъезда из Югославии 7 сентября 1944 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей издал указ о возложении на настоятеля Свято-Троицкой церкви протоиерея Иоанна Сокала, как на старшего из оставшихся в Белграде священнослужителей, возглавления Епископского Совета и управления русскими церковными общинами в Югославии на правах благочинного. Через несколько дней, 12 сентября Сербский Синод письменно запросил о. Иоанна, на каких канонических основаниях и в каких условиях предполагается дальнейшее существование Русской Церкви на территории Югославии. Получив этот запрос, протоиерей И. Сокаль 18 сентября созвал общее собрание Епископского Совета и приходского совета Троицкой церкви Белграда, на котором единогласно была принята резолюция: «Обратиться с просьбой к Св. Архиерейскому Синоду Сербской Православной Церкви, чтобы он принял Русскую Церковь в Югославии под свое покровительство и чтобы назначил одного из архиереев для дел, требующих епископской санкции»²⁰.

На основании этого постановления о. Иоанн обратился с соответствующей просьбой к Сербскому Синоду. Обсудив каноническое положение Русской Церкви на территории Югославии, Синод принял временное распоряжение, посчитав, что окончательным разрешением этого вопроса займется в дальнейшем Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви. Оставшиеся без своей иерархии Епископский Совет и благочинный Русской Церкви в Югославии были временно взяты под покровительство Сербского

---

¹⁸ ГАРФ, ф. 5446, оп. 86а, д. 12345, л. 81–82, ф. 9526, оп. 4, д. 33, л. 120.

¹⁹ Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 182; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 165.

²⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 23–23об.

Архиерейского Собора. Для дел, требующих архиерейской санкции, был назначен епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (в миру Любомир Раич, окончивший в 1907 г. Московскую духовную академию). 23 сентября Сербский Синод известил о. Иоанна о своем решении²¹.

Получив письменное извещение от о. И. Сокала, находившийся в то время в Вене Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей на своем заседании от 30 сентября принял это решение к сведению²². 2 октября Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) написал Заместителю Сербского Патриарха Гавриила митрополиту Иосифу, что принятое Сербским Синодом распоряжение отвечает тем указаниям, которые он оставил Епископскому Совету на случай перерыва нормальных сношений между ним и русскими общинами в Сербии. Первоиерарх РПЦЗ выразил владыке Иосифу глубокую признательность за заботу о русских приходах, проявившуюся в поручении временного управления ими епископу Владимиру, и отметил: «Неожиданно для нас быстрый отъезд из Белграда и невыясненность в тот момент общей обстановки не дали мне возможности письменно известить Вас об отбытии Синода. Я должен был ограничиться тем, что заехал к Вам проститься, и рад, что имею теперь случай письменно выслать в Вашем лице глубокую благодарность от лица всей нашей Церкви братской Сербской Церкви за то гостеприимство, какое оказывалось нам с 1920 г.»²³.

В состав возглавленного епископом Владимиром Епископского Совета входили протоиерей Иоанн Сокаль (заместитель председателя), протоиерей Виталий Тарасьев, священник Владимир Мошин и профессор В.Ф. Фрадинский (секретарь)²⁴. 27 октября 1944 г. Сербский Синод принял постановление о том, что «исключительное положение русского прихода и церковной общины имеет лишь временное значение, пока этот вопрос не регулируется взаимным соглашением между Сербской и Русской Патриархией»²⁵. Другим своим постановлением от 14 ноября 1944 г. Сербский Синод отменил действие определения Архиерейского Собора Сербской Церкви от 31 августа

---

²¹ Там же.

²² СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 — 18.09.1946.

²³ Там же, д. 3/50.

²⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 30.

²⁵ Там же, л. 37.

1921 г. о принятии под защиту Зарубежной Русской Церкви с сохранением ее самостоятельной юрисдикции на территории страны²⁶. При этом в условиях прихода к власти в Югославии коммунистов Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей вскоре потерял возможность оказывать реальное влияние на церковную ситуацию в стране.

Приход советских войск в восточную часть Югославии многие русские эмигранты встретили с радостью. По свидетельству краеведа Б.Л. Павлова, сразу после освобождения г. Великого Бечкерека (Петровграда) осенью 1944 г. местный русский храм св. Архангела Михаила активно посещали советские солдаты, шедшие через город на фронт: церковь часто была полна до отказа. У многих на шее были ладанки, иконки, кресты; некоторые знали службу и помогали священнику Александру Мирошниченко, находились среди них и певчие. Но после ухода советских частей в храме уже не было такого количества верующих²⁷.

14 октября 1944 г. советские войска вместе с Народно-освободительной армией Югославии изгнали немецкую армию из Белграда. Академик, протоиерей Владимир Мошин позднее так вспоминал об этих событиях: «... в день Покрова Пресвятой Богородицы и в день второй годовщины моего рукоположения я поехал утром служить литургию в кладбищенской Иверской церкви и уже по пути увидел в городе волнение. На одном переходе стоял грузовик, нагруженный винтовками, которые разбирались группой собравшихся прохожих. Служил я литургию один с псаломщиком и церковным стражем Анисием. По возвращении на Битольской улице среди столпившейся на тротуаре публики встретил проходившую колонну советских танков, которую восторженно приветствовало население... Советские воины — и встречные одиночки, и размещенные по разным центрам города отряды — не проявляли никакого недружелюбия к моей священнической рясе. В первый вечер после освобождения нашего района по нашей улице проводился обход новоустановившимися сербскими властями, которые арестовывали

---

²⁶ Пузович В. Отношение Сербской Православной Церкви каноническому и юридическому положению Русской Православной Церкви Заграницей (1920–1930) // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 161.

²⁷ Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). Зренянин, 1994. С. 10.

всех подозреваемых в сотрудничестве с немцами, к числу которых относили и русских эмигрантов...»²⁸.

В числе арестованных оказался и о. Владимир, но на следующее утро, после беседы с «очень симпатичным боевым» советским офицером, он был освобожден, вернулся к церковному служению, и больше семью Мошиных «никто не беспокоил». В своих воспоминаниях отец Владимир отмечал, что «советские власти проявили большую благожелательность в отношении к остаткам русской эмиграции», хотя «немалое число... известных по своей антисоветской общественной деятельности было арестовано и отправлено в Россию»²⁹.

Действительно, некоторые арестованные русские эмигранты были вывезены из Югославии в СССР, где получили различные сроки заключения. В их число входили бывший профессор богословского факультета Белградского университета, руководитель и идеолог молодежной организации Национально-трудового союза нового поколения Михаил Александрович Георгиевский (он был расстрелян в Москве 25 июля 1950 г.), создатель храма Пресв. Троицы и Иверской часовни в Белграде военный инженер Валерий Владимирович Шашевский и известный политический деятель дореволюционной России и Белого движения монархист Василий Витальевич Шульгин (арестованный 24 декабря 1944 г. в Сремских Карловцах). Настоятель русского храма в г. Великом Бечкереке священник Александр Терентьевич Мирошниченко был в конце 1944 г. арестован органами НКВД, провел несколько месяцев в лагере, но затем вышел на свободу и вернулся к служению в своем приходе³⁰. Один из русских эмигрантов 27 октября 1950 г. писал митрополиту Анастасию (Грибановскому), что его вместе с женой арестовали 26 октября 1944 г. и после почти пятимесячного заключения в лагере Баница освободили в числе других 63 русских, при этом некоторых эмигрантов в этом лагере расстреляли³¹.

Многие из освобождавших Белград советских солдат и офицеров в 1944–1945 гг. посетили усыпальницу русских воинов на Новом кладбище и оста-

---

²⁸ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 200–201.

²⁹ Владимир Мошин, прот. Воспоминания. М., 2014. С. 107.

³⁰ Павлов Б.А. Указ. соч. С. 19–20.

³¹ СА, д. 36/43.

вили записи в памятной книге гостей. Так, например, капитан Павел Вий 14 февраля 1945 г. написал: «В первый раз увидел памятник русской славы, усыпальницу погибших за веру, царя и отечество. Я — офицер Красной армии, но духом воспитанный в православии и любви к русскому человеку». Капитан Г. Розанов 8 июля 1945 г. записал: «Слава русским воинам, погибшим за освобождение славянских народов». В другом месте книги можно было увидеть подписи 30 советских солдат, а под ними запись: «И я — Танечка Чупкова, санитар»³².

Некоторые из русских эмигрантов вступили в ряды советской армии и в дальнейшем погибли, сражаясь с нацистами, например, проживавшие в Суботице Юрий Федорович Высево (бывший югославский партизан) и Федор Архипович Высево — духовные дети священника Владимира Родзянко. Сын настоятеля Свято-Троицкой церкви Белграда протоиерея Иоанна Сокала — Анатолий, окончивший в 1943 г. медицинский факультет Белградского университета, вступил в ряды Народно-освободительной армии Югославии на должность бригадного врача и воевал в ее рядах до мая 1945 г.³³

Уже в конце ноября 1944 г. протоиерей Иоанн Сокаль отправил на имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) письмо с ходатайством о возвращении на Родину и вхождении в состав Московского Патриархата: «От имени всех духовных лиц, оставшихся и ныне пребывающих в Белграде, и от лица всех русских церковных людей, поддерживающих тесную и постоянную связь с Русской Церковью, — выражаю искреннюю радость по случаю славных побед русского оружия, освободивших славянские земли от наших старых поработителей-врагов и давших нам, русским людям, в рассеянии сущим, возможность обратиться непосредственно к Вам, Ваше Высокопреосвященство, с покорнейшей просьбой, ходатайствовать нам право возвращения на Родину с тем, чтобы мы вошли в состав Русской Церкви, под непосредственным управлением Вашего Высокопреосвященства и, честно работая на ниве Христовой, могли бы принести посильную пользу, как Церкви, так и своей Родине»³⁴.

---

³² Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 25.

³³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 149, л. 15.

³⁴ Там же, оп. 1, д. 18, л. 23–23об.

В конце января — начале февраля 1945 г. протоиерей Иоанн Сокаль в составе делегации Сербской Церкви приезжал в Москву для участия во Всероссийском Поместном Соборе, выбравшем Святейшим Патриархом Московским и всея Руси митрополита Алексия (Симанского). При этом он привез для передачи в фонд помощи детям фронтовиков золотой венец с бриллиантами с иконы Божией Матери Знамения (весом около двух с половиной килограммов), а также золотые и серебряные предметы в подарок Патриарху³⁵.

С приходом советских войск области, отторгнутые Венгрией от Югославии, вновь вернулись в состав последней, и вместе с ними — состоявшее из шести общин особое русское благочиние, входившее в 1941–1944 гг. в состав Средне-Европейского митрополичьего округа Русской Православной Церкви Заграницей. Уже 31 января 1945 г. на Всероссийском Поместном Соборе в Москве была принята «Инструкция по управлению русскими приходами в Банате», освобожденном тогда советской армией. Эти приходы первоначально вошли в состав Московского Патриархата. В апреле, вскоре после подписания советско-югославского договора о дружбе и взаимопомощи, было образовано «Общество по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР», в котором должность библиотекаря занял руководитель церковно-культурной организации «Русская Матица» г. Нови Сада Д.В. Скрынченко, передавший обществу ее библиотеку (он скончался в 1947 г. и был похоронен на русском отделении Успенского кладбища Нови Сада).

Служивший настоятелем одного из приходов русского благочиния Воеводины священник Владимир Михайлович Родзянко (1915–1999), внук председателя Российской Государственной Думы В.В. Родзянко, 3 апреля 1945 г. писал Московскому Патриарху Алексию I: «Выражая Вашему Святейшеству желание послужить Св. Церкви Русской, духовным чадом которой (наравне с Сербской Церковью) я себя считаю, я всецело предоставляю себя в распоряжение Вашего Святейшества, в надежде, что моя работа, как научного церковного работника, будет полезна Матери-Церкви и Родине»³⁶.

Еще в середине января 1945 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий известил председателя Сербского Синода митрополита Иосифа

---

³⁵ Там же, л. 12, оп. 2, д. 33, л. 6.

³⁶ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 151.

(Цвийовича) о предстоящей посылке в Югославию делегации Русской Православной Церкви во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) по «деловым вопросам, касающимся наших церковных взаимоотношений, и, в частности, по вопросу о переходе в наше ведение Мукачевско-Пряшевской епархии, а также тех русских приходов, которые находятся в ведении протоиерея Сокала»³⁷.

8 апреля эта делегация прибыла в Белград, и 10 апреля о. И. Сокаль написал Патриарху Алексию: «Ваше Святейшество! Русская белградская церковная община с радостью узнала, что в Белграде предполагается открытие церковного подворья Московской Патриархии. Искренне желая скорейшего осуществления этого решения, сыновне просим Ваше Святейшество использовать для этой цели уже существующий в Белграде наш русский городской храм и кладбищенскую часовню со всем их церковным имуществом и ризницей. Вместе с тем мы ходатайствуем принять весь русский приход белградской церковной общины в юрисдикцию Русской Церкви, чтобы наша церковная жизнь в дальнейшем могла протекать под непосредственным архипастырским руководством Вашего Святейшества. Моральным основанием для нашего ходатайства служит то обстоятельство, что мы не принимали участия в общем направлении Карловацкого Синода и в его деятельности, направленной к обособлению от Московской Патриархии. И как только представилась возможность, мы и проявили свое настроение в том, что решили остаться на месте, дожидаться прихода Красной Армии и ходатайствовать о воссоединении нас с Русской Церковью»³⁸.

Это прошение было удовлетворено. 13 апреля Сербский Священный Архиерейский Синод дал разрешение на канонический отпуск всем священникам Русской Православной Церкви Заграницей на территории Югославии, находившимся под покровительством Сербской Церкви, и, в соответствии с данными епископу Сергию полномочиями, причты и общины двух русских храмов Белграда (Свято-Троицкого и Иверского) приняли в каноническое и евхаристическое общение с Московской Патриархией. Чиноприем духовенства (протоиереев Иоанна Сокала, Владислава Неклюдова, Виталия Тарасьева,

---

³⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 35.

³⁸ Там же, л. 37.

священника Владимира Мошина, иеромонаха Антония (Бартошевича) и протодиакона Александра Качинского), после принесения ими покаяния, епископ Сергей совершил лично 13 апреля в малой часовне Сербской Патриархии. На следующий день он торжественно совершил литургию в переполненной прихожанами Свято-Троицкой церкви, которую предварительно освятил, что о Владимир Родзянко расценил как кощунство³⁹. Отслуженная позднее владыкой Сергием панихида по скончавшемуся президенту США Франклину Рузвельту также вызвала удивление и даже возмущение у части прихожан.

Членам делегации подарили часть архива Свято-Троицкого храма, а на обеде, устроенном в их честь русской церковной общиной, протоиерей Иоанн Сокаль произнес тост, в котором, сильно идеализируя советскую действительность, заявил: «На Родине нашей практически осуществляется христианство... Советский Союз и есть Святая Русь, осуществляющая Евангелие в жизни. Кому же мы обязаны созданием Советского Союза — Святой Руси? Кто осуществляет эту дивную гармонию жизни Государства и Церкви? Это сделал великий, гениальный Сталин. За его здоровье и благоденствие я поднимаю свою чашу»⁴⁰.

Указом от 19 апреля владыка Сергей утвердил о. И. Сокаля настоятелем Свято-Троицкой церкви и временно исполняющим обязанности благочинного русских приходов в Югославии, а также поручил «принимать в общение с Московской Патриархией клириков и монашествующих так называемой “Карловацкой группировки” через принесение покаяния», о чем составлять акты и пересылать их в Управление делами Московской Патриархии. Сербские архиереи были возмущены этим требованием, так как не сомневались в каноничности Русской Православной Церкви Заграницей, кроме того, они считали русских клириков временно принадлежавшими к своей юрисдикции и готовы были и дальше оказывать им покровительство, однако владыка Сергей заявил им: «...у меня такие полномочия, и я так должен поступить»⁴¹.

---

³⁹ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 152; Савинский С. Пятнадцать дней в Югославии // ЖМП. 1945. № 6. С. 23.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 53об.

⁴¹ Кострюков А.А. Принятие в юрисдикцию Московского Патриархата священнослужителей Русской Зарубежной Церкви в Югославии в 1945 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 2 (27). С. 78.

В виде исключения, по личному указанию епископа Сергия, без покаяния были приняты только священники Владимир Родзянко и Василий Колюбаев.

Позднее, в письме протоиерею Георгию Граббе от 3 февраля 1979 г. о. Владимир Родзянко описал эту историю так: «... в Белград приехал... Епископ Сергий (Ларин), заданием которого было «принять в Церковь через покаяние всех раскольников», т.е. всех русских священнослужителей, а храм св. Троицы в Белграде «освятить». Для меня лично это было также неприемлемо, как и противоположный взгляд с Зарубежной стороны: евхаристическое общение существовало и не было нарушено через Сербскую Церковь, и никаких оснований у Московской Патриархии не было так поступать, поскольку Митрополит Анастасий, уезжая, дал канонический отпуск всем оставшимся священнослужителям Русской Зарубежной Церкви в Сербскую Церковь, которая всех их приняла в свою юрисдикцию. Московская Патриархия могла спорить с Сербской, но канонически не имела никакого права так поступать с клириками уже Сербской Церкви. Это было явным насилием. Тем не менее всех русских священников вызвали в Белград. Мой тесть, о. Василий Колюбаев, и я наотрез отказались от такого кощунства. “Ты с ума сошел, — сказал мне отец Иоанн Сокаль, — у меня вчера дьякона расстреляли!”. “Пусть и меня расстреляют”, — с юношеской запальчивостью ответил я. К чести о. Иоанна, он после долгой беседы с епископом Сергием наедине, вышел и сказал: “Отцу Василию и отцу Владимиру не надо, т.к. они в сербской юрисдикции”. Это была натяжка, т.к. меня рукополагал Митрополит Анастасий (“запрещенный”), и оба мы с о. Василием обслуживали русские приходы, входившие в Русскую Зарубежную Церковь, хотя и жили на сербских приходах. Канонической разницы между нами и всеми остальными не было никакой. Просто была жалость епископа Сергия к нам»⁴².

По вопросам о святом мире, антиминых, утверждению постановлений по бракоразводным процессам, а также по делам, требующим архиерейской канонической санкции, епископ Сергий указал обращаться в Сербский Синод. 27 апреля владыка подписал список русских священнослужителей, принятых в общение с Московской Патриархией. Помимо шести членов причта Свято-Троицкой церкви в него вошли: настоятель церкви в Земуне протоиерей

---

⁴² Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 6, Folder 2.

Виталий Лепоринский, настоятель церкви св. царя Лазаря протоиерей Иоанн Гандурин, протоиереи Сергей Ноаров, Алексей Ефремов, иеромонах Иларион (Скляр) и настоятель русского иноческого братства Животворящего Святого Креста в Земуне игумен Лука (Родионов)⁴³.

Кроме того, в юрисдикцию Московского Патриархата перешли насельницы Хоповского (бывшего Леснинского) монастыря, а также все 30 членов братства Святого Креста: иеромонахи Феофан (Шишманов), Димитрий (Бодров), Роман (Ивич), иеродиакон Зосима (Иванович), Савва (Ранисавлевич), монахи Карион (Иванович), Акакий (Маринкович), Макарий (Иванович), послушники Слава Новакович, Любомир Новакович, игуменья Параскева (Иванович), монахини Фекла (Новикова), Василиса (Буторкичева), Нина (Буторкичева), Дария (Раниславлевич), Любовь (Мартынович), Вера (Ивич), Надежда (Младенович), Анисия (Дотич), Евгения (Станоевич), Ксения (Милорадович), Олимпия (Маркович), Феврония (Новакович), Рипсимия (Стоимирович), Гаиания (Боснокович), Амвросия (Георгиевич), послушницы Елена Антонова, Валентина Орлова, Зоя Орлова и Любина Миладинова⁴⁴.

Одной из целей поездки делегации Московской Патриархии было решение вопроса о прекращении общения Сербской Церкви с Русской Православной Церковью Заграницей, однако добиться этого не удалось. На заседании Сербского Синода 11 апреля епископ Сергей просил прекратить каноническое и евхаристическое общение с «нашими эмигрантами как раскольниковыми», широко оповестить об этом в Югославии и уведомить предстоятелей автокефальных Православных Церквей. В ответ митрополит Скопленский Иосиф сказал, что Синод не компетентен решать такие вопросы без Патриарха и Собора епископов, а епископ Тимочский Емилиан открыто заявил, «что разрыв с эмигрантами для них тяжел, так как они в течение 26 лет помогали эмигрантскому Синоду, тем самым желая помочь всей Русской Церкви, что уведомление от Московской патриархии о запрещении эмигрантов в священнослужении они не получали, что как профашистов Сербский Синод судить

---

⁴³ ЖМП. 1946. № 5. С. 43.

⁴⁴ Кострюков А.А. Принятие в юрисдикцию Московского Патриархата священнослужителей Русской Зарубежной Церкви в Югославии в 1945 г. С. 79–80.

карловчан не будет, ибо это — политика, а они ведут Церковь Сербскую вне политики»⁴⁵. Сербский Синод лишь согласился временно прекратить общение с РПЦЗ, а окончательное решение вынести после возвращения в страну Патриарха Гавриила на Архиерейском Соборе, что так и не произошло. Вплоть до 1950 г. Русская Православная Церковь Заграницей получала святое миро от Сербского Патриархата, который и впоследствии допускал сослужение с ее духовенством.

30 октября 1945 г. Святейший Патриарх Алексий I ввел пост благочинного русских православных приходов в Югославии (им был назначен о. И. Сокаль) и с согласия Сербской Церкви учредил подворье Московского Патриархата в Белграде. Вернувшийся вскоре из поездки в Москву епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир (Раич) 25 ноября возложил на о. Иоанна митру, которой его наградил Патриарх Алексий⁴⁶. С 20 апреля 1945 г. секретарем Свято-Троицкого прихода, а с 30 октября — подворья Московского Патриархата в Белграде был Викентий Флорианович Фрадинский, избранный 6 сентября 1945 г. профессором восстановленного богословского факультета Белградского университета.

С 30 декабря 1945 г. протоиерею Иоанну Сокалю также подчинялся русский приход в Нови Саде. Однако другие приходы существовавшего в Воеводине особого русского благочиния, по соглашению Московского и Сербского Патриархатов, с этого времени были включены в состав Бачской епархии и перешли под управление епископа Бачского Иринаея (Чирича). В 1946 г. довольно часто выходил «Бюллетень благочиния русских православных церквей православной епархии Бачской», сохранившиеся номера которого дают определенное представление о русской церковной жизни края⁴⁷.

В благочиние входили шесть приходов: при русской церкви на кладбище в г. Сомборе (настоятель — благочинный священник Василий Колюбаев), при домовом храме свт. Николая Чудотворца в русском селе Плавна (настоятель — священник Михаил Толмачев), в г. Тителе (настоятель — священник Михаил Виноградов), при временно закрытой «в виду военных событий»

---

⁴⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 18, л. 95–104.

⁴⁶ СА, д. 47/44.

⁴⁷ Там же.

церкви прп. Сергия Радонежского в г. Врбасе, в Суботице и Нови Саде. При этом русская церковь свт. Николая Чудотворца в Суботице, настоятелем которой ранее служил о. Владимир Родзянко, была разрушена бомбой, богослужения для русских прихожан стал совершать в местной сербской церкви священник Драгутин Симич⁴⁸.

В связи с отъездом прежнего настоятеля о. Николая Чистякова в Австрию свободного русского священника в Нови Саде не оказалось, и епископ Мукачевско-Пряшевский Владимир с согласия епископа Бачского Иринея в марте 1945 г. назначил настоятелем русского прихода при церкви свт. Василия Великого хорошо знавшего русский язык сербского иеромонаха Иоанна (Стойковича), принявшего перед этим монашеский постриг в русской церкви Пресв. Троицы в Белграде. Отец Иоанн служил настоятелем храма до апреля 1953 г. Уехавшего в Германию регента хора Васильевской церкви Василия Федоровича Григорьева сменила Екатерина Федоровна Мазараки⁴⁹.

Владыка Ириней еще в конце 1944 г. был лишен новыми югославскими властями возможности управлять епархией, он был на полтора года подвергнут домашнему аресту, якобы за «бездействие» в защите сербов от венгерских оккупантов. Однако 15 марта 1946 г. владыка вновь вернулся к своему служению и 15 апреля того же года возвел благочинного священника Василия Колюбаева в сан протоиерея. Епископ Ириней также остался председателем Православного русского миссионерского совета, который еще несколько лет продолжал свою церковно-просветительскую деятельность в Воеводине. После возвращения епископа Иринея к служению снова была открыта опечатанная на несколько месяцев русская церковь свт. Василия Великого в его Архиерейском доме, при этом богослужения продолжали совершаться и в используемой русскими новосадской церкви свт. Николая Чудотворца, где их окомрял сербский священник Савва Стефанович⁵⁰.

---

⁴⁸ Там же, д. 18/41, л. 28; Арсеньев А. Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 гг. // Православная Русь. 1998. № 17. С. 7–8.

⁴⁹ Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 187.

⁵⁰ Арсеньев А. Русский православный приход в Новом Саду 1922–1955 гг. С. 7–8; Колмаков В. Верный сын православного Отечества // Воронежский епархиальный вестник. 2003. № 3. С. 97; СА, д. 47/44.

Секретарем Православного русского миссионерского совета был священник Владимир Родзянко, который, хотя и был принят в юрисдикцию Московского Патриархата, в первые послевоенные годы служил настоятелем сербского прихода в с. Станишиче Бачской епархии. Личность о. В. Родзянко вызывала интерес в Совете по делам Русской Православной Церкви, и в документах этого ведомства сохранилась следующая характеристика священника: «Человек он способный, даровитый и идейный священник... Думаю, что его не следует выпускать из рук, а наоборот держать в одном из демократических государств для службы среди русских, но не держать вблизи американской и английской зоны, т. к. его родители постараются облегчить ему переезд на запад в Лондон, и тогда враги могут использовать его в своих целях»⁵¹.

С момента назначения благочинным о. Иоанн Сокаль регулярно посылал Святейшему Патриарху Алексию доклады о положении Сербской Церкви и русских общин в Югославии. В частности, в одном из них, от 8 февраля 1947 г., он писал: «Что же касается нашей русской жизни, то она по-прежнему течет мирно и спокойно. Почти все стали советскими гражданами и постепенно приобщаются к жизни своей Родины через литературу, лекции и кинематограф. Церковная жизнь оживляется пока сведениями из журналов Московской Патриархии, которые с января поступают на мое имя и рассылаются во все концы». Протоиерей И. Сокаль также писал о том, что необходимо окончательно решить вопрос о подворье в Белграде и русских приходах⁵².

К 1947 г. многие русские священнослужители в Югославии действительно приняли советское гражданство. Так, например, настоятель русского прихода в Сараево протоиерей Алексей Федорович Крыжко в 1958 г. вспоминал: «Проживая в Югославии, хотя и долгое время, я своего русского первородства на чечевичную похлебку не менял, т.е. югославского подданства, при всех его материальных и правовых привилегиях, не принимал. Поэтому, когда в 1946 г. по указу Президиума Верховного Совета СССР Советское посольство в Югославии предложило русским людям восстановить подданство СССР, то я с радостью воспользовался этим предложением и вел пропаганду между русскими людьми, дабы они отозвались на этот призыв. Передав в июле

---

⁵¹ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 158.

⁵² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 134, л. 76–77.

1946 г. все документы для оформления гражданства СССР, я с большим нетерпением ждал получения паспорта, но таковой не приходил. Тогда я обратился к священнику русской церкви в Белграде протоиерею Владиславу Неключодову с просьбой зайти в Консульский отдел нашего Посольства и по моей доверенности получить для меня мой паспорт, что он и исполнил. Паспорт я получил от него 5 декабря 1946, чему был весьма рад...»⁵³.

Отец Алексей отправил о. В. Неключодову письмо с благодарностью, выразив свою радость. Это письмо было использовано о. Владиславом в полемике со сторонниками Русской Православной Церкви Заграницей, которые присылали из американской зоны Германии антисоветские листовки своим знакомым в Белград. Протоиерей размножил письмо о. Алексея и аналогичное благодарственное письмо архимандрита Феодосия и разослал их на Запад своим противникам по полемике, самым активным из которых был епископ Серафим (Иванов)⁵⁴.

Протоиерей Владислав Неключодов (1889–1949) был потомственным священником из г. Белый Смоленской губернии. Поселившись в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, он закончил в 1926 г. богословский факультет Белградского университета, с 1923 г. служил приходским священником в Белграде, был законоучителем русской начальной школы и гимназии, духовником Первоиерарха РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого). По воспоминаниям иподиакона Андрея Тарасьева, «отец Владислав был поистине истовым молитвенником. Кто хоть раз присутствовал в алтаре при его служении Божественной литургии, запоминал это на всю жизнь. Незабываемы и его Пасхальные заутрени, на помосте, сколоченном на этот случай, возле храма Святой Троицы, при пятитысячной толпе, его глаза и голос, когда он бросал в эту массу молящихся свое “Христос Воскресе!”»⁵⁵.

Так как перед приходом советской армии регент Евгений Прохорович Маслов, как и большая часть хора Свято-Троицкой церкви, уехал на Запад, переселившись впоследствии в Америку, в 1945–1949 гг. регентом

---

⁵³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 4, д. 16, л. 141–141 об.

⁵⁴ Там же, л. 141об-142.

⁵⁵ Андрей Тарасьев, иподиак. Русские церковные хоры и регенты в Белграде. 1920–1970 // Новый журнал. 2010. № 259. С. 472.

церковного хора был отец Владислав. По воспоминаниям, он был исключительно музыкален, хотя не обладал ни сильным, ни особо красивым голосом (второй тенор), и прекрасно вторил во всех трио протоиерею Иоанну Сокалю (первый тенор) с басами — протодиаконами Иоанном Байздренко или Александром Каминским. В первые послевоенные годы в хор Свято-Троицкой церкви входили Сусанна Ершевская, Аня Дическул, Наталия Быкова, Ольга Жигина, Полина Бурза, Павел Шевелев, Алексей Дмитриевич Охотин, Николай Семененко, Иван и Яков Бартоши, Иван Иванович Горенко, Павел Холодков⁵⁶.

Не все из прихожан Свято-Троицкой церкви положительно оценивали позицию ее священнослужителей. Так, один из российских эмигрантов 27 октября 1950 г. с возмущением писал Первоиерарху Русской Православной Церкви Заграницей митрополиту Анастасию, что о. Иоанн Сокаль, призывая принять советское гражданство, с церковного амвона «повествовал о милости отца народов», по оценке автора письма, «кавказского ишака». Также утверждалось, что протоиерей В. Неклюдов переоценил Советский Союз, «его затуманила поездка в СССР», и о. Владислав стал активно выступать с проповедями, лекциями и докладами о необходимости вернуться туда⁵⁷.

Эта реакция «скептиков» нашла некоторое отражение в письме о. Иоанна Сокаля Святейшему Патриарху Алексию от 11 августа 1947 г., в котором говорилось: «В нашей церковной жизни пока все благополучно. Прихожан не особенно много, но службы ведем ежедневно и согласно Уставу. Вероятно, уйдет от нас свящ. В. Мошин на должность управляющего архивом в Загребе 1 сентября. Он не был в штате, а лишь приписным. Останется настоятель, два священника, диакон и два псаломщика. О. архимандрит Антоний тоже приписной, все надеется на Вашу милость. Приезд Троицкого и его удовлетворение всем, что он видел на родине, очень благоприятно повлияло на настроение неисправимых скептиков»⁵⁸.

Упомянувшийся в письме профессор церковного права Белградского университета Сергей Викторович Троицкий (1878–1972) во второй половине

---

⁵⁶ Андрей Тарасев, *иподиак*. Русские церковные хоры и регенты в Белграде. С. 472–473.

⁵⁷ СА, д. 36/43.

⁵⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 134, л. 157.

1940-х гг. регулярно приезжал в СССР для чтения лекций в Московской духовной академии (с 1947 г. был ее профессором) и работы в Московской Патриархии (в 1949 г. эти поездки прекратились из-за отказа в выездной визе правительством Югославии). В 1947–1948 гг. он также преподавал каноническое право в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. В июле 1948 г. профессор С.В. Троицкий, наряду с протоиереями Иоанном Сокалем и Владиславом Неклюдовым, был почетным гостем на праздновании 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой лавре. 29 марта 1956 г. Совет Ленинградской духовной академии избрал Сергея Викторовича Троицкого (выпускника Санкт-Петербургской духовной академии 1901 г.) ее почетным членом. В 1955–1956 гг. он подарил академической библиотеке несколько богословских книг на сербском языке⁵⁹.

Во второй половине 1950-х гг. С.В. Троицкий по поручению Московской Патриархии написал свою известную и довольно тенденциозную книгу «О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и за границей». Париж, 1960». Скончался профессор в 1972 г. и был похоронен на русском участке Нового кладбища Белграда, у Иверской часовни⁶⁰.

Еще одним русским профессором богословского факультета Белградского университета после Второй мировой войны являлся Викентий Флорианович Фрадинский. В критический момент для возобновления работы факультета в 1945 г. в коммунистической Югославии В.Ф. Фрадинский был одним из девяти преподавателей, стараниями которых факультет восстановил свою деятельность, в дальнейшем он до своей кончины в 1961 г. возглавлял кафедру общей истории Церкви. Профессор своими работами, посвященными в основном вопросам древнехристианской харизматической и иерархической структуры Церкви, во многом способствовал развитию сербской церковной исторической науки. В.Ф. Фрадинский опубликовал также несколько интересных статей на тему дохалкидонских Церквей (первые четыре статьи

---

⁵⁹ Архив Санкт-Петербургской духовной академии, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 131, 244.

⁶⁰ Православни Богословки факултет Српске Православне Цркве 1920–1980. Београд, 1980. С. 176–177.

вышли в 1952–1954 гг. в «Сборнике Православного богословского факультета», а последняя — в журнале «Богословие» в 1959 г.)⁶¹.

Упомянувшийся в письме о. Иоанна священник Владимир Алексеевич Мошин, крупный ученый в области палеографии и славистики, служил в Свято-Троицкой церкви до сентября 1947 г. В своих воспоминаниях он так писал о послевоенной ситуации в ней: «Внутренняя жизнь церкви не претерпела изменений: осталась под управлением о. Иоанна Сокала с прежними его тремя священниками, среди которых я был младшим. Тогда же все мы стали ходатайствовать о возвращении в советское гражданство, что и было утверждено в 1947 г. В материальном отношении церковь жила по-прежнему на доходы от церковных служб, продажи свечей и т.д., не получая содержание от Москвы. Но Патриархия стала регулярно присылать церкви свои печатные издания — журнал Московской Патриархии и календари, предоставив церкви доход от продажи этих книг...»⁶²

В конце августа 1947 г. В.А. Мошин принял приглашение занять место директора архива Хорватской Академии наук и вскоре переехал в Загреб. При этом он получил канонический отпуск от Святейшего Патриарха Алексия и был причислен к загребской сербской церкви св. Преображения, где продолжил церковное служение. Позднее В.А. Мошин работал в научных учреждениях Белграда и Скопле, считался основателем югославской палеографической науки и был избран членом Македонской Академии наук и искусств.

Согласно результатам переписи 1948 г., в Югославии в это время насчитывалось 13 тысяч прихожан Русской Православной Церкви, в том числе 3 тысячи в Сербии⁶³. Они были объединены в 11 общин, которые окормляли 20 священнослужителей, имелись также два русских монастыря⁶⁴. В Московской Патриархии рассчитывали, что благочинный — протоиерей Иоанн Сокаль будет не только информировать, но и содействовать укреплению связей с Сербской Церковью, однако эти ожидания не слишком оправдались. Когда в апреле 1948 г. о. Иоанн, встретившись с посетившим Белград епископом

---

⁶¹ Драшкович Ч. Четрдесет година Богословског факултета у Београду // Богословье, Београд, 1961. № 1–2. С. 11.

⁶² Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 202.

⁶³ Радић Р. Држава и верске заједнице 1945–1970. Део 1, 1945–1953. Београд, 2002. С. 150.

⁶⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 149, л. 148–149.

Мукачевским и Ужгородским Нестором, заявил ему, что митрополит Скопленский Иосиф — великосербский шовинист, владыка Несктор констатировал: «Между Сокалем и Русской Церковью с одной стороны и Сербским Синодом с другой отношения довольно прохладные, хотя Сокаль и митрополит Иосиф были соучениками в Академии»⁶⁵.

В июле 1948 г. о. Иоанн Сокаль, сопровождая Сербского Патриарха Гавриила, приехал в Москву на совещание глав и представителей Православных Церквей. В это время на встрече Святейших Патриархов Алексия и Гавриила обсуждался вопрос о возможном переходе русских приходов в Югославии в управление сербских епархиальных архиереев, и было решено, что они останутся в юрисдикции Московского Патриархата⁶⁶. В юбилейных торжествах по поводу 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви в Свято-Троицкой-Сергиевой лавре летом 1948 г. также участвовал протоиерей Владислав Неклюдов. После возвращения в Белград отец Владислав в Русском Доме выступил с докладом о Московском Патриархате, который ему впоследствии припомнили югославские власти⁶⁷.

В 1949 г. клир благочиния Московского Патриархата в Югославии состоял из 17 человек: протоиереи Иоанн Сокаль, Владислав Неклюдов, Виталий Тарасьев, Виталий Лепоринский, Алексей Крыжко, священники Сергей Ноаров, Александр Мирошниченко, Никон Веселовский, протодиакон Александр Качинский, архимандриты Макарий (Матвиенко), Антоний (Бартошевич), игумен Лука (Родионов), иеромонахи Тимолай (Пастухов), Никандр (Беляков), Феофан (Шишманов), иеродиаконы Зосима (Йованович) и Савва (Ранисавлевич)⁶⁸.

В условиях послевоенного патриотического подъема многие священнослужители и прихожане хотели вернуться на Родину, но даже после предоставления советского гражданства им, как правило, отказывали во въезде в СССР. При этом всего в 1944–1952 гг. из Югославии было репатриировано 26 268 советских граждан, в том числе до 1947 г. 26 023, из Болгарии —

---

⁶⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 422, л. 45.

⁶⁶ Там же, оп. 7, д. 149, л. 12.

⁶⁷ Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 473.

⁶⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 580, л. 40–41.

3 806 (до 1947 г. — 3 714), из Греции 1 404 (1 402) и из Албании — 824 (824)⁶⁹.

К 1949 г. часть русских эмигрантов уже выехала в СССР, однако желавшим вернуться на Родину священнослужителям советские власти (не желая усиливать Московский Патриархат) визы давали редко и с большим трудом. Так, например, протоиерей Иоанн Сокаль безрезультатно взывал о помощи в письме Патриарху Алексию от 14 июля 1948 г.: «В Белграде все знают, что я несколько лет прошу перевода... Если я не еду, то это объясняют тем, что я сам не хочу, так как нахожу, что на Родине живет плохо, хотя я другим советую, или вообще тут священники не нужны, или меня считают недостойным, что унижает меня с моральной стороны. Дети мои — советские граждане и, при изменившихся политических условиях, как иностранцы, должны будут уйти со службы. Все это расстраивает нашу семейную жизнь и приводит к отчаянию... Еще раз умоляю Ваше Святейшество принять меня на любую должность и в какое угодно место, главное — лишь бы в этом году»⁷⁰. К сожалению, Патриарх был бессилён оказать помощь в данном вопросе из-за противодействия советских властей.

Так и не уехал в СССР, несмотря на первоначальное желание, талантливый иконописец, ученик Пимена Софронова, архимандрит Антоний (в миру Андрей Георгиевич Бартошевич, 1910–1993). Он написал несколько икон для белградского храма Пресв. Троицы и Иверской часовни, в 1939 г. окончил богословский факультет Белградского университета, в 1941 г., после принятия монашеского пострига, был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. С февраля 1942 г. о. Антоний служил законоучителем в Русском кадетском корпусе в Белой Церкви, с июля 1943 г. работал руководителем двухмесячных курсов иконописи в Белграде. С сентября 1944 г. он служил сверх штата в Свято-Троицкой церкви Белграда, 19 апреля 1945 г. был принят в общение с Московским Патриархатом, в октябре 1945 г. возведен в сан игумена⁷¹ и в феврале 1946 г. — в сан архимандрита. В первые послевоенные годы о. Антоний

---

⁶⁹ Там же, ф. 5446, оп. 86а, д. 12345, л. 81–82, ф. 9526, оп. 4, д. 33, л. 120.

⁷⁰ Там же, ф. 6991, оп. 1, д. 422, л. 89; Косик В.И. Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии) // Славяноведение. 1999. № 5. С. 104.

⁷¹ СА, д. 47/44.

надеялся вернуться на Родину, в 1948 г. принял советское гражданство, однако разрешение на въезд в СССР все не приходило.

17 июля 1948 г. о. Иоанн Сокаль писал в рапорте Патриарху Алексию, что архимандрит Антоний, «будучи одиноким, без всяких средств к существованию... терпеливо ждет уже 4-й год какого-либо назначения. Не получая ответа на поданные два прошения, он приходит в отчаяние и думает, что его надежда возвратиться на Родину никогда не осуществится. В борьбе за существование он может уйти от нас и озлобиться, и мы лишимся хорошего инока и даровитого человека. Молодого монаха очень не хотелось бы подвергать искушению приходской жизнью. Оставить его у нас тоже не следовало бы, так как реакция сочтет его отвергнутым со стороны Москвы и сразу же будет группироваться возле него, как недовольного и обиженного. Это внесло бы расстройство в нашу приходскую жизнь. Самое подходящее для него место — это монастырь, где он мог бы организовать живописную школу, быть полезным и духовно сохраниться».⁷²

Через четыре месяца — в ноябре 1948 г. о. Иоанн сообщил митрополиту Николаю (Ярушевичу), что Сербский Синод убеждает архимандрита Антония занять должность преподавателя в семинарии и дает ему две недели на раздумье. Благочинный отмечал, что «если от Вас не последует никакого ответа, то он физически принужден будет согласиться на это предложение. Сербь и сейчас иронизируют над его терпением в течение стольких лет».⁷³

Так и не получив ответа Московской Патриархии, о. Антоний в сентябре 1949 г. уехал в Швейцарию (где настоятелем русского храма в Женеве служил его брат архимандрит Леонтий), а затем во Францию. К этому времени он уже критически относился к коммунистическим режимам и не хотел возвращения в СССР. В письме о. Георгию Граббе от 19 октября 1949 г. архимандрит Антоний подробно описал жизнь русской церковной эмиграции в Белграде: «По воле Божией прибыл я, наконец, в Женеву. Должен сказать, что с грустью покинул я нашу церковную семью в Белграде, да и не сразу на это решился. Если бы отец Иоанн не хотел во что бы то ни стало выпроводить меня в Москву, то я, может быть, еще до сих пор сидел в Белграде. Общие

---

⁷² ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 149, л. 13–14.

⁷³ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 164–165.

несчастья и трудности жизни сблизили там многих русских церковных людей в одну тесную и дружную семью. Мы общими усилиями старались, по мере сил наших, разума и возможностей, не уклониться от церковной правды и от заветов нашего великого аввы — владыки Антония. Сколько раз мы утешали друг друга в тяжелые моменты сомнений и недоумений, сколько раз собирались мы на молитву в крипту владыки Антония и припадали к гробнице столпа церковной истины, чтобы он своими молитвами укрепил бы и поставил нас на путь правый... До сих пор никому из нас, если сами этого не желали, не приходилось кривить совестью. Отцы наши Иоанн и Владислав добровольно расписывались и старались за всех, а мы жили в стороне от церковно-политической жизни: молились, трудились и старались быть верными сынами и Церкви Русской, и России. Так, например, о. Никандр до сих пор служит панихиды по государю, поминая его полным титулом пред всеми молящимися. Тоже делали и мы с о. Виталием в Иверской церкви. В Троицкой, к сожалению, в присутствии о. Иоанна этого не сделаешь. Кроме этого, допекал он нас тем, что заставлял помянуть власти на эктениях. Но и этого можно было не делать...

Я имел четыре группы молодежи разного возраста, с которыми занимался в течение недели. Эти группы можно было сделать весьма многочисленными, если бы я не боялся, что слишком большие собрания могут привлечь внимание местных властей, тем более что мы на уроках Закона Божия касались, естественно, вопросов и политических. Ни разу не скривил я совестью перед юными друзьями моими, ни разу не сказал им того, во что сам не верю. Знаю, что многим из них помог разобраться в философских и политических вопросах. Мысль о том, что юные души останутся без меня, как овцы, не имеющие пастыря, долго не давала мне решимости на отъезд. Это не потому, что я высоко думаю о своих пастырских способностях, а просто потому, что так сложилась наша церковная жизнь в Белграде: к отцам Иоанну и Владиславу молодежь не идет, т.к. боится им открывать свои души. Отец Виталий целыми днями занят требами, т.к. прихожане главным образом обращаются к нему, я же был без определенных занятий, имел больше всех времени, которое и мог уделять молодежи. Знаю, что без меня многим из них некуда будет пойти, чтобы поделиться своими впечатлениями. Хорошо ли я сделал, бросив их? Это я до сих пор еще не решил. Будучи там и занимаясь с молодежью, я, в конце

концов, боролся и с коммунизмом и материализмом, и в этом находил смысл своего тамошнего существования... А разве одна молодежь ищет там утешения и смысла жизни в церкви? Сколько там измученных, исстрадавшихся людей, ожидающих ареста, переживающих арест своих близких, лишенных пенсий, подданства, просто уставших от жизни и лжи, их окружающей, все они ждут слова утешения, прежде всего от пастыря Церкви...»⁷⁴

В Швейцарии архимандрит Антоний 12 октября, по решению Архиерейского Синода, он был принят в сущем сане в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, и лишь 17 декабря 1949 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР о разрешении его въезда в Советский Союз. Однако было уже поздно, о. Антоний так и остался в юрисдикции РПЦЗ, в 1957 г. он был хиротонисан во епископа, а в 1965 г. возведен в сан архиепископа Женевского и Западно-Европейского⁷⁵.

Ситуация с затягиванием разрешения на въезд в СССР отразилась и на судьбе двух русских монашеских общин, также желавших переехать из Югославии в Советский Союз. Сестры Хоповской (бывшей Леснинской) общины в конце 1944 г. переехали из общежития престарелых на белградской окраине Сеньяк в покинутое русскими учащимися студенческое общежитие, где разместились в двух больших комнатах. В это время в обитель пришли: сестра управляющего делами Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Г.П. Граббе монахиня Магдалина (графиня Нина Павловна Граббе) и одна из первых русских эмигрантских иконописцев, писавших в древнерусском стиле, монахиня Флавиана (Елена Воробьева). Чтобы добыть пропитание, насельницы давали уроки иностранных языков и Закона Божия, работали сестрами милосердия и прислужгой, пряли шерсть и вязали, выпекали просфоры для всех русских церквей Белграда. Весь заработок отдавался игуменье Нине (в миру Наталье Григорьевне Косаковской) на содержание обители⁷⁶.

В конце апреля 1945 г. хоповские сестры перешли в юрисдикцию Московского Патриархата, были причислены к его белградскому подворью,

---

⁷⁴ Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 2, Folder 15.

⁷⁵ См.: Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009.

⁷⁶ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. М., 2005. С. 43–45.

получили советское гражданство и с этого времени ждали получения визы на въезд в СССР. Святейший Патриарх Алексий предполагал поселить их в пустовавшем здании Московского Ново-Девичьего монастыря, о чем 5 и 6 мая 1946 г. написал председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову. В письме от 5 мая Первосвященитель так описал существование обители: «Жизнь сестер протекает в трудных условиях. Монастырь живет исключительно на заработки сестер, которые занимаются разными видами физического и интеллектуального труда, например: работают на огородах, помогают домохозяйкам, присматривают за детьми, ухаживают за больными, прядут, вяжут, вышивают шелками и золотом, пекут просфоры для церквей Белграда, пишут иконы, дают уроки русского, английского и французского языков и т.д. Местное население очень ценит труд сестер как в области педагогической, так и в области рукоделий и хозяйства, признавая их личные качества и благотворное влияние на окружающую среду... Святые, уставное богослужение и монастырское пение привлекают богомольцев, которых особенно много в праздники, как русских, так и сербов»⁷⁷. В монастырской домово́й церкви находились вывезенные из России и тщательно сберегаемые святыни: чудотворная Леснинская икона Божией Матери и частицы мощей св. Афанасия, игумена Брестского, св. Петра, митрополита Московского, преп. Параскевы и св. Стефана Савваита. В состав общины в это время входили 42 сестры: игуменья, 29 мантийных монахинь, семь рясофорных монахинь и пять послушниц.

Однако Совет по делам Русской Православной Церкви отложил решение вопроса. 31 мая Г.Г. Карпов поставил резолюцию на письме Патриарха: «Пока решать этот вопрос и ставить в Совете министров не будем. Нужно тщательно вопрос изучить, запросить МИД и просить их выяснить у посольства необходимые данные об этом монастыре, вернее, о монашествовавших, и мнение посольства»⁷⁸. В результате дело затянулось на несколько лет.

Во второй половине 1940-х гг. обитель превратилась в прибежище для всех гонимых югославскими властями, как русских, так и сербов. По просьбе

---

⁷⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 129, л. 264–265.

⁷⁸ Там же, л. 267.

игумении Нины монахиня Магдалина (Граббе), дававшая уроки сыну французского консула, обращалась к консулу за помощью, когда нужно было срочно спасти кого-то от ареста или насильственной репатриации, предоставив ему визу для въезда во Францию. В связи с этим обитель находилась под надзором властей, угрожавших сестрам репрессиями⁷⁹.

7 мая 1949 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов в письме в Совет Министров СССР уже сам предлагал в ближайшее время осуществить переезд монахинь в Советский Союз: «... игуменья б. Леснинского монастыря Нина (Косаковская) и еще 32 монахини, проживающие в г. Белграде по улице воеводы Миленко № 39, принявшие советское гражданство, подвергающиеся периодическим притеснениям со стороны югославских властей, получают настойчивые предложения от эмигрантского русского духовенства из США о переезде туда на постоянное жительство. Им обещают беспрепятственное получение виз, оплату проезда, содержание и прочие льготы. На все эти предложения игуменья ответила решительным отказом, заявляя о своем твердом намерении вернуться со своими монахинями в Советский Союз. В свое время этим монахиням Московской Патриархией было обещано всестороннее содействие, и в настоящее время наступило время реализации обещаний. Этот вопрос Совет проверяет через МИД»⁸⁰. Однако решение вопроса опять затянулось.

В ноябре 1949 г. о. Иоанн Сокаль с горечью писал владыке Сергию (Ларину): «Хоповско-Леснинский монастырь каждый месяц хотят выслать из Белграда, но посольство, слава Богу, отстаивает, ссылаясь на то, что они ждут переезда на Родину. Американцы, узнавши об их тяжелом положении, уже дважды предлагали перевезти их на казенный счет в Америку, обещая им все выгоды и удобства. Об этом пишут им епископы Никон и Серафим, но матушка-игуменья Нина ответила, что она принадлежит Московской юрисдикции, и поэтому не может быть никакого разговора о переезде к отколовшимся от Матери-Церкви... В случае ее смерти сестры вряд ли выдержат долго такую тяжесть жизни. Уже 7 лет они живут как бы на вокзале, не уверенные, что

---

⁷⁹ Евфросиния (Молчанова), мон., Татиана (Спектор), мон. Леснинский монастырь // Новый журнал. Нью-Йорк. 2008. Кн. 253. С. 389.

⁸⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 452, л. 133–134.

с ними будет завтра... Думаю, что больше года они такого испытания больше не выдержат»⁸¹.

Отец Иоанн оказался прав. Положение монахинь было чрезвычайно тяжелым, и долго выдержать подобную жизнь оказалось невозможно. Протоиерей Виктор Потапов так описывал ее по воспоминаниям сестер: «Материальное положение монастыря было в это время очень трудное. Но гораздо тяжелее была моральная сторона жизни — постоянно чувствовалась слезка. Полиция вызывала сестер на допросы, желая узнать, что они делают и чем монастырь живет, так как право на работу имели только члены коммунистических профсоюзов, а таковыми монахини не были и быть не могли. В это тяжелое время сестрам было оказано много внимания и милосердия со стороны верующих. Служащие правительственных учреждений, сами не коммунисты по своим убеждениям, тайно помогали монастырю в снабжении необходимыми продуктами, углем и дровами»⁸².

В сентябре 1949 г. вместо умершей игумении Нины сестер возглавила монахиня Феодора (в миру княгиня Нина Николаевна Львова), и настроения в общине изменились. В упоминавшемся письме о. Георгию Граббе архимандрита Антония (Бартошевича) от 19 октября 1949 г., в частности, говорилось: «... матушка Магдалина [сестра Г. Граббе]... просила написать Вам, что не решается, прежде всего, оставить монастырь, в который привел ее Господь. Пока была жива игумения Нина, м. Магдалина соблазнялась мыслью уехать к Вам, т.к. не была уверена в том, что м. Нина найдет правый путь. Покойница была приятельницей отца Иоанна Соколя и часто увлекалась, паче меры, так же, как и он. К матери Феодоре м. Магдалина питает больше доверия и думает, что под ее руководством ей не придется идти на компромиссы с совестью и своими убеждениями. Пока им не предъявляли никаких требований в смысле политическом... Это тоже просит передать Вам м. Магдалина, чтобы Вы не волновались за нее в этом отношении. До сих пор, милостью Божией, они в монастыре не чувствовали никаких притеснений на свою совесть... сколько

---

⁸¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 580, л. 7; *Косик В.И.* Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 102.

⁸² *Виктор Потапов, прот.* 100-летие Леснинской женской обители Пресвятыя Богородицы // Русское Возрождение. 1985. № 32. С. 169–170.

наболевших душою приходят в небольшую и скромную церковку, устроенную в комнате, где тихо служит отец Никандр и тихо и бесстрастно поют бывшие хоповские монахини. Чудотворный Леснинский образ Богоматери привлекает туда много скорбящих и обремененных. В этой атмосфере веры и надежды на Заступницу рода христианского находит утешение и м. Магдалина... жизнь м. Магдалины осмыслена личным монашеским подвигом и послушанием. Она, конечно, глубоко верит, что Матерь Божия Своей чудотворной иконой сохранит их монастырь от всякого зла. Дай Бог только, чтоб их не повезли в Россию, где, может, быть потребуют от них компромиссов с совестью, чего боится, конечно, и м. Магдалина...»⁸³.

31 июля 1950 г. в условиях открытых гонений со стороны югославских властей, не дождавшись получения советских виз, 32 монахини вместе с двумя своими духовниками (игуменом Тимолаем и иеромонахом Никандром) и чудотворной Леснинской иконой Божией Матери уехали во Францию, где перешли в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей. С декабря 1950 г. они проживали в доме, арендованном в местечке Фуркё под Парижем, а с октября 1967 г. — в поместье Провемон в Нормандии⁸⁴.

Гораздо хуже сложилась судьба сестер возглавляемой игуменьей Диодорой (в миру Лидией Николаевной Дохторовой) Благовещенской монашеской общины, с 1945 г. находившейся в монастыре Благовещения Пресвятой Богородицы Белградской митрополии. Почти все они также (в 1946 г.) приняли советское гражданство и несколько лет ждали возвращения на Родину. Определенную надежду монахиням внушали слова секретаря Московской Патриархии Л.Н. Парийского в ответ на обращение 1946 г. с просьбой о ходатайстве перед Святейшим Патриархом Алексием об их приеме и покровительстве: «Будьте спокойны, вас, безусловно, примут, считайте, что вы уже имеете монастырь, но когда это будет, сказать сейчас не могу»⁸⁵.

Однако в феврале 1950 г. Благовещенская община в составе игуменьи Диодоры, духовника, 80-летнего иеромонаха Ираклия (в миру Василия Августиновича Кулака), и 16 русских сестер была насильно и фактически без всяких

---

⁸³ Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 2, Folder 15.

⁸⁴ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. С. 46–47.

⁸⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 719, т. 1, л. 82.

вещей изгнана в Албанию. Югославские власти предлагали монахиням отказаться от принадлежности к Московскому Патриархату и советского гражданства в качестве условия оставления в стране, но сестры предпочли изгнание. Сербские монахини Благовещенской общины были насильно отделены от русских и оставлены в Югославии⁸⁶.

В своем письме Святейшему Патриарху Алексию игуменья Диодора так описала это выселение: «Неожиданно для нас в феврале 1950 г. получили от гражданских властей требование в течение пяти дней выехать из Югославии. Я обратилась в Патриархию с просьбой помочь нам. Святейший Патриарх, Синод и наш епархиальный епископ употребили все старания, чтобы нас оставили в Югославии или дали отсрочку, чтобы мы могли бы собраться к отъезду, но из Министерства внутренних дел ответили, что уже поздно: надо было год тому назад согласиться принять подданство. Пока я в Белграде хлопотала об отсрочке, милиция выгнала сестер из монастыря, и, когда я вернулась из Белграда, я встретила половину сестер на ближайшей к монастырю станции; их буквально в полчаса без вещей, не давши даже взять хлеба на дорогу, выгнали... Все ценное: вся библиотека святоотеческая, иконы, церковное облачение, различные инструменты, машины, принадлежащие нашему братству, которые были привезены из Бессарабии, а также и сестерские одежды — все осталось в Югославии. Мы были переброшены этапным порядком в Албанию»⁸⁷.

В 1949 г. после фактического разрыва советско-югославских отношений (так называемого конфликта Сталин — Тито) в стране начались ожесточенные гонения на всех русских, особенно принявших советское гражданство, которых считали «Троянским конем» СССР. Посетивший 29 апреля первого секретаря советского посольства в Югославии В.С. Семенова профессор богословского факультета Белградского университета Алексеев «указал, что в настоящее время органы УДБ [Управления государственной безопасности] повсеместно вызывают к себе советских граждан на допросы и предлагают

---

⁸⁶ Гаврил (Динев), архим. Животопис на схиигуменья Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 324; Некролог схиигумении Марии (Дохторовой) // ЖМП. 1978. № 12. С. 51.

⁸⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 730, л. 113.

перейти в югославское гражданство. Менее устойчивые лица соглашались с предложением о принятии югославского гражданства, но большинство советских граждан еще держится, несмотря на принятие к ним со стороны югославских органов репрессивных мер в виде увольнения с работы, ареста и предписаний о выезде за пределы Югославии». Алексеев просил оказать со стороны посольства содействие в его выезде вместе с семьей «в какую-либо из стран народной демократии»⁸⁸.

К середине 1949 г., по сведениям югославского Министерства внутренних дел, из 13 057 проживавших к тому времени в стране русских эмигрантов 5 874 имели советское гражданство, 6 887 — югославское, и 296 были без подданства⁸⁹. Одних русских стали считать «белогвардейцами», других — «сталинистами». Со второй половины декабря 1949 г. югославские власти перешли к массовому принудительному выселению советских граждан из страны⁹⁰. Ходили слухи, что правительство Тито готовит специальные концлагеря для русских или планирует всех их выслать в Восточную Пруссию⁹¹.

Репрессии русских эмигрантов в значительной степени коснулись и духовенства. Так, например, настоятель храма Пресв. Троицы в Белграде протоиерей Владислав Неклюдов в июне 1949 г. писал Л.Н. Парийскому: «Вообще же здесь для русских вообще, а для сов. граждан в особенности становится все тяжелее... В связи с резолюцией Коминформбюро местные власти стали подозрительно смотреть на всех сов. граждан, подозревая их в неблагонадежности и даже в шпионстве. Многих лишили службы, многих — пенсии, и очень много арестованных совершенно невинных людей... 11 мая в Сараеве арестован русский протоиерей, настоятель находящейся в ведении о. Иоанна Сокала, как благочинного, русской церкви. Ему, кажется, пришла виза на въезд в СССР, и он, получив из посольства в Белграде вызов, пошел доставать разрешение. Теперь мы, как “иностранцы”, не можем передвигаться без специальных в каждом случае разрешений. Когда он, заполняя бланк, написал, что едет по вызову посольства СССР, это вызвало неудовольствие. Вечером к нему

---

⁸⁸ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. Документы. М., 2002. С. 118–120.

⁸⁹ Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 182.

⁹⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 285–286.

⁹¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 580, л. 49.

пришли, произвели тщательный обыск, взяли пишущую машинку, радиоприемник, фотоаппарат и... всю наличность церковной кассы, а также, конечно, и его самого и посадили в узилище, где он безвестно пребывает и по сей день. Имя его — о. Алексей Крыжко... Он писал мне, что больше всего боится, что в последнюю минуту, когда придет так жадно ожидаемая им виза, его засадят, и поездка сорвется. По-видимому, так и случилось»⁹².

Вместе с о. Алексием Федоровичем Крыжко были арестованы девять его прихожан: регент церковного хора К.П. Комад, прислужник в храме П. Соколов, председатель русской колонии Сараево в годы войны и отец свечницы В. Огнев, инженер А. Поляков, врач В. Кострюков, служащий Советского информационного бюро И. Жеребков, студенты-юристы В. Геслер и Г. Ольшевский, а также серб А. Боремович⁹³.

В августе 1949 г. по обвинению в намерении просить посольство СССР ходатайствовать перед югославскими властями за невинно арестованных в Сараево (о. А. Крыжко и его прихожан) был схвачен протоиерей Владислав Григорьевич Неклюдов. По свидетельству о. Иоанна Сокала, высказанному в письме митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу), «эта просьба квалифицируется как шпионаж, и за это подвергаются оба большой опасности»⁹⁴.

В начале декабря 1949 г. в Сараево состоялся громкий показательный судебный процесс над «бывшими белогвардейцами — советскими гражданами, завербованными советской разведкой». На нем 11 человек, в том числе два священника, без всяких оснований обвинялись как агенты немецкого гестапо, контрреволюционеры, враги социализма и в то же время члены советской «шпионско-диверсионной группы». В югославских газетах не было сказано, что о. Владислав является священнослужителем, а о. Алексия назвали «бывшим священником в штабе царской и Деникинской Белой армии»⁹⁵.

---

⁹² Танин С.Ю. Указ. соч. С. 190; Косик В.И. Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 103–104.

⁹³ Полчанинов Р. Русский православный приход в Сараево // Православная Русь. 2002. № 20. С. 8.

⁹⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 991, л. 4; Косик В.И. Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 104.

⁹⁵ Политика. Београд. № 2–5, 10.12.1949.

В результате югославский народный суд приговорил о. Алексия по обвинению в шпионской деятельности к 11,5 годам заключения, а его прихожан — к срокам от 3 до 20 лет. Сидевший вместе с пастырем в тюрьме священник Владимир Родзянко 1 января 1952 г. написал Святейшему Патриарху Алексию, что о. А. Крыжко просил передать Первосвятителю и в его лице всей Русской Церкви: «Скажите там, что все клевета, и никогда я никаким шпионом не был, а только лишь хотел быть верным своей Церкви, пастве и Родине»⁹⁶. Русская церковь в Сараево была закрыта вскоре после судебного процесса, а ее имущество передано сербским церковным властям, оказался уничтожен и русский участок на военном кладбище города⁹⁷.

Только после восстановления дипломатических отношений СССР и Югославии в январе 1956 г. прошедший через пять тюрем и два лагеря, в том числе каторжные работы в каменоломнях на Голом острове в Адриатическом море, протоиерей А. Крыжко, после официального запроса советского посольства, инициированного его сыном, был освобожден. 12 января он вместе с группой других бывших заключенных выехал через Венгрию в Советский Союз. Отец Алексей поселился в Ленинграде, с 9 июля 1956 г. он служил приписным священником в кладбищенской Серафимовской церкви, с 3 октября 1958 г. — в Князь-Владимирском соборе, в 1962 г. был награжден Патриаршей грамотой, 1 января 1964 г. ушел на покой и скончался в северной столице 26 июля 1974 г.⁹⁸

Протоиерей В. Неклюдов не дождался обвинительного приговора и, по утверждению югославских властей, в одиночной тюремной камере «лишил себя жизни»⁹⁹. Об этой смерти о. Иоанн Сокаль так сообщил 9 декабря 1949 г. в письме митрополиту Николаю (Ярушевичу): «В ночь с 29 на 30 ноября погиб о. Владислав. Это случилось накануне суда над ним в Сараево, куда его и переслали из белградской тюрьмы... погиб исключительно благодаря своей честности и доверчивости. Понятно, что такого человека они и не допустили

---

⁹⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 991, л. 4; *Косик В.И.* Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 104.

⁹⁷ *Полчанинов Р.* Указ. соч. С. 7–8.

⁹⁸ Архив Санкт-Петербургской епархии, ф. 1, оп. 3 (2), д. 144, л. 2–3; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 4, д. 16, л. 143.

⁹⁹ *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 181–182.

до суда. Он был храбрый, мужественный и бесстрашный; беззаветно любил Родину и преданным ей остался до конца. Его совесть была чиста, и потому он не боялся смерти»¹⁰⁰.

Немного позднее, 28 января 1950 г. о. Иоанн в беседе с работниками Совета по делам Русской Православной Церкви сообщил новые подробности этой трагической истории: «Протоиерея Владислава Неклюдова повесили в тюрьме. Перед смертью его спровоцировали. По словам адвоката, выезжавшего на место казни Владислава Неклюдова, его накануне суда привезли в Белградскую тюрьму, поместили в отдельную, хорошо оборудованную камеру и заявили, что он будет освобожден. Под этим предлогом у него взяли заявление, что он ничего не имеет против органов УДБ, предложили написать письмо жене до выполнения формальностей с освобождением, а потом взяли и повесили»¹⁰¹.

Высокого мнения об о. Владиславе был и священник Владимир Родзянко, сам приговоренный в 1949 г. к 8 годам исправительных работ за «превышение дозволенной религиозной пропаганды» (ему также «припомнили» и отказ вступать в прокоммунистический сербский Союз священников, против которого о. Владимир повел борьбу)¹⁰². После двух лет заключения в тюрьме и лагере, где он попадал в ледяной карцер, о. Владимир в 1951 г., благодаря вмешательству Архиепископа Кентерберийского, был освобожден и вместе с семьей выехал из Югославии во Францию, а затем — Великобританию (позднее после принятия монашеского пострига с именем Василий он служил епископом в Американской Православной Церкви)¹⁰³.

1 января 1952 г. о. Владимир Родзянко так писал о гибели о. В. Неклюдова Святейшему Патриарху Алексию: «Известны мне обстоятельства последних минут протоиерея о. Владислава Неклюдова. Он был поставлен в такое положение, что самое его появление на суде должно было бросить тень на Мать-Церковь Русскую и дать повод для вражды к ней Церкви Сербской. Он предпочел “положить жизнь за други своя” и без колебаний это сделал. “Самоубийством”

---

¹⁰⁰ Косик В.И. Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 104; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 580, л. 75.

¹⁰¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 734, л. 4–5.

¹⁰² Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers, Box 6, Folder 2.

¹⁰³ «Жизнь во Христе» // Русский Дом. 2009. № 9. С. 34–36.

было названо то, что Церковь венчает венцом мученическим, потому что это не был акт отчаяния или безверия, но наоборот — сознательная жертва за Церковь, веру и истину. Самых последних минут о. Владислава никто из его тюремных товарищей лично вообще не видел»¹⁰⁴.

Эти преступления югославских властей возмутили Сербского Патриарха Гавриила. В состоявшейся 28 декабря 1949 г. беседе с первым секретарем советского посольства в Югославии А.М. Зубовым Первосвященитель «по своей инициативе коснулся сараевского антисоветского процесса, назвав его “кошунством над Православной Церковью”. В газетах писали, сказал он, что священник Неклюдов повесился. Этого не только нельзя допустить, но даже об этом грешно подумать. Неклюдов был очень стойкий и честный человек. Крыжко тоже хороший человек. Он любил народ, и народ его тоже любил. Поэтому его и осудили на долгие годы»¹⁰⁵.

Следует упомянуть также, что в 1949 г. был арестован по обвинению в так называемом «недоносительстве» и приговорен к тюремному заключению еще один прихожанин о. Алексия Крыжко, ректор юридического факультета (Белградского университета) в Сараево, известный историк славянского и византийского права, археолог, знаток богомилства Александр Васильевич Соловьев. Ученый с мировым именем оказался посажен в белградскую тюрьму и после двухлетнего заключения в 1951 г., на седьмом десятке лет, вынужден отправиться в новую эмиграцию — в Швейцарию, где с 1952 по 1961 гг. был профессором славистики Женевского университета¹⁰⁶.

В условиях жестоких репрессий русские священнослужители продолжали покидать страну. Вместе со многими другими эмигрантами в 1949 г. был изгнан из Югославии и настоятель русского храма св. Архангела Михаила в г. Великом Бечкереке священник Александр Терентьевич Мирошниченко. В дальнейшем службы для русской общины здесь до начала 1970-х гг. совершали сербские священники Милош Попович и Нинчич¹⁰⁷.

---

¹⁰⁴ Косик В.И. Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 104; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 991, л. 4.

¹⁰⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. С. 237–238.

¹⁰⁶ Танин С.Ю. Указ. соч. С. 190.

¹⁰⁷ Павлов Б.А. Указ. соч. С. 10.

В этом же году уехали в США игумен Лука (Родионов) и бывший наместник мужского иноческого братства Святого Креста в Земуне игумен Феофан (Шишманов). На свободную территорию г. Триеста (вскоре отшедшего к Италии) в конце 1949 — начале 1950 гг. выехали протоиерей Василий Колубаев, бывший преподаватель духовной семинарии о. Пантелеимон Капланов и священник Алексей Шевченко¹⁰⁸. К этому времени оказалось фактически разгромлено и прекратило свое существование русское благочиние в Бачской епархии.

В марте 1950 г. был арестован за отказ от «пропаганды против СССР» и в мае того же года выслан в Албанию священник Григорий Александрович Крыжановский, в марте 1950 г. был выслан в Албанию и принявший советское гражданство в 1946 г. священник Димитрий Северьянович Томачинский. 19 марта 1950 г. югославские власти выслали в Венгрию священника Михаила Дмитриевича Толмачева. В начале 1950-х гг. уехал из Югославии служивший в белградской Свято-Троицкой церкви протодиакон Александр Федорович Качинский, в марте 1950 г. был выслан в Болгарию принявший в 1946 г. гражданство СССР преподаватель Призренской духовной семинарии игумен Иоанн (Кухтин), будущий Предстоятель Чехословацкой Православной Церкви в сане митрополита, в том же году уехал в Венесуэлу протоиерей Флор Жолткевич и т.д.

В конце концов, после долгих мучений смог выехать в Советский Союз протоиерей Иоанн Сокаль. В упоминавшемся письме митрополиту Николаю (Ярушевичу) от 9 декабря 1949 г. он в отчаянии взывал к владыке о помощи: «После Владислава хотят погубить и меня; на днях вызывали дочь и сообщили, что нашу семью считают врагами югославского народа; это за все то доброе, которое мы оказали им, посвятивши лучшие годы нашей жизни, причем еще добавили, что нам здесь места нет. А когда мы сказали, что ждем визы, то на это представитель Мин. внутр. дел — подполковник — заявил: “ее вы подождете в другом месте”. Положение очень тревожное, и посему сердечно прошу принять все возможные меры к ускорению визы»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁸ СА, д. 36/43.

¹⁰⁹ Косик В.И. Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии). С. 104–105; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 580, л. 76.

В результате виза все же была получена, и 25 января 1950 г. о. Иоанн вместе с семьей (женой Марией Софроновной и двумя детьми — дочерью Ниной и сыном Анатолием) приехал в СССР. Уже в феврале 1950 г. его назначили ректором Саратовской духовной семинарии, 9 февраля 1951 г. удостоили степени магистра богословия. В 1953–1956 о. Иоанн служил ректором Минской духовной семинарии, в 1956–1957 гг. — ректором Одесской духовной семинарии, а 10 мая 1959 г., после принятия монашеского пострига с именем Иннокений был хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского¹¹⁰.

В состоявшейся вскоре после возвращения 28 января 1950 г. беседе о. Иоанна Сокаля в Совете по делам Русской Православной Церкви протоиерей так описал трагическое положение русских общин в Югославии (в изложении работника Совета В.С. Карповича): «В отношении Русской Церкви титовцы добиваются ликвидации Патриарших приходов в Югославии, как очагов русского влияния... Духовенство Московской Патриархии арестовывается и уничтожается. Осужден на 11 лет священник Алексей Крыжко, на 8 лет заключения священник Родзянко Владимир. Протоиерея Владислава Неклюдова повесили в тюрьме... После смерти Владислава осталась жена с ребенком, которым Сокаль помог материально... один пьяница и бродяга из числа русских попов был вынужден явившимися к нему агентами Тито к подаче заявления на Сокаля. Об этом пьяница-поп, раскаиваясь в своем поступке, сам рассказал протоиерею Сокалю. Дочь Сокаля вызывал представитель УДБ и заявил прямо, что “ваша семья является неприятелями нашего посольства”... Ей грозили, что скоро их семья очутится в тюрьме... В Югославии имеется 6000 советских граждан. Каждый из них ожидает ежеминутно высылки за границу, как бы давно он ни жил в Югославии. Людей хватают и везут к границе, не давая взять с собой необходимые вещи. Титовцы к весне собираются совсем разделаться с советскими гражданами... Протоиерей Сокаль говорит, что он оставил [вместо себя] о. Виталия — советского гражданина... в помощь ему был вызван Александр Тугаринов, которого Сокаль характеризует как умного, высоко богословски образованного человека. Однако на пути в Белград Тугаринов был арестован»¹¹¹.

---

¹¹⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 149, л. 1–10.

¹¹¹ Там же, оп. 1, д. 734, л. 4–7.

После гибели о. Владислава Неклюдова и отъезда о. Иоанна Сокаля настоятелем Свято-Троицкой церкви, на основании телеграммы Московской Патриархии от 22 января 1950 г., длительное время служил протоиерей Виталий Васильевич Тарасьев (1901–1974). Он был потомственным священником, участником Белого движения (служил в Конной гвардии и имел четыре ранения), закончил духовную семинарию в г. Призрене (1926) и богословский факультет Белградского университета, с 1926 г. служил псаломщиком Свято-Троицкого храма в Белграде, 7 июня 1931 г. был рукоположен во иерея к этой церкви и 3 апреля 1940 г. возведен в сан протоиерея. Отец Виталий также работал законоучителем русских школ в Белграде. Следует упомянуть, что он был и духовником преподобного архимандрита Иустина (Поповича), который проводил в Свято-Троицком храме много времени и совершал свой монашеский подвиг.

Отец Виталий фактически стал и благочинным русских православных приходов в Югославии. Ему, одному из немногих оставшихся в стране священнослужителей Московского Патриархата, удалось избежать ареста. В декабре 1955 г. сотрудник УДБ, в ответ на упрек освобождаемого о. А. Крыжко о несправедливо жестоком наказании, ответил, «как бы в оправдание своего варварства»: «А вот, Виталий Тарасьев! Он ведет переписку со всем земным шаром, и мы его не трогаем, потому что мы ему верим, он лояльно относится к нам, он — наш человек»¹¹².

В помощь о. Виталию, еще по ходатайству протоиерея Иоанна Сокаля, был назначен о. Александр из г. Ниша, но как только он приехал в Белград, югославские власти выслали его в Болгарию. К осени 1950 г. вместе с о. В. Тарасьевым в Свято-Троицкой церкви еще служили иеромонах Владимир и о. Алексей Погодин, но затем и им пришлось покинуть приход¹¹³.

В 1949 г., после ареста протоиерея Владислава Неклюдова, регентом хора Свято-Троицкой церкви стал протодиакон Александр Качинский, а когда он уехал в августе 1950 г. в Триест, на это место был переведен регент хора Иверской часовни Григорий Иванович Кривоуццкий. Но через год и он уехал к сыну в Берлин, и пришлось подыскивать нового регента, в результате

---

¹¹² ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 4, д. 16, л. 144.

¹¹³ СА, д. 36/43.

чего был приглашен Павел Иванович Бабаев, до войны бывший регентом хора 2-й Кубанской казачьей станицы. Хор же Иверской часовни, который ранее возглавлял Г.И. Кривоуцкий, после окончания Второй мировой войны постепенно распался: Екатерина и Виктор Алексеевы, Марина Круг покинули Югославию в 1950 г., Григорий Баранников скончался и т.д.¹¹⁴

К 1950 г. в русском благочинии осталось восемь общин, при этом четыре имели свои церкви: в Белграде, Белой Церкви, Земуне и Цриквенице, а еще четыре использовали помещения сербских храмов: в Панчево, Зреняине, Нови Саде и Сараево. Число прихожан сократилось до шести тысяч¹¹⁵.

Следует также упомянуть, что после окончания Второй мировой войны в село Качарево (в 20 километрах севернее г. Панчево) из Белграда переехал русский дом для престарелых. В доме была устроена часовня, в которой служили местные сербские священники, а также изредка приезжавший из Земуна русский священник Михаил Котляревский (скончавшийся в 1972 г.). О духовных нуждах обитателей дома заботился и протоиерей Виталий Тарасьев¹¹⁶.

Более трех лет отец Виталий не имел связей с Московской Патриархией и только после начала нормализации отношений между Югославией и СССР, 8 августа 1953 г., обратился с письмом к Святейшему Патриарху Алексию, в котором охарактеризовал положение русских общин за последние годы: «... все русские церкви в Югославии в материальном отношении вполне самостоятельны. Они ни от кого не получают никаких субсидий или помощи и существуют исключительно на приходы от продажи свечей, тарелочных сборов, пожертвований и треб. Конечно, положение их довольно тяжелое, особенно в связи со значительным уменьшением числа русских в Югославии. Сербская Православная Церковь в лице своего епископата и священства в общем продолжает относиться довольно благожелательно к Русской Церкви в Югославии»¹¹⁷.

В этом письме о. Виталий, «для сношений с местными гражданскими и духовными властями и для защиты прав и имущества» русских общин, попросил

---

¹¹⁴ Андрей Тарасьев, *иподиак*. Указ. соч. С. 475–476.

¹¹⁵ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 734, л. 7, д. 1426, л. 55.

¹¹⁶ Арсеньев А. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е гг.). С. 395.

¹¹⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 112, л. 6–7.

выслать ему и руководству Сербской Церкви указ Московской Патриархии, подтверждающий: «1. что Русская Православная Церковь в Белграде, а равно и другие оставшиеся русские церкви в Югославии находятся в юрисдикции Московской Патриархии и под ее защитой; 2. что я являюсь настоятелем Русской Православной Церкви в Белграде с января 1950 г.; 3. что я являюсь благочинным русских церквей в Югославии». К середине сентября 1953 г. посольство СССР в Югославии, которое ранее рекомендовало воздержаться от связи с протоиереем Виталием Тарасьевым и от «оформления его благочинным», сняло свои возражения¹¹⁸, и Московская Патриархия издала соответствующий указ.

К 1955 г. в Югославии осталось менее 10 тысяч русских эмигрантов. Изменилась и международная ситуация, после смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. советско-югославские отношения постепенно нормализовались. В этих условиях была решена судьба русских приходов в стране. 1 декабря 1954 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) отправил Сербскому Патриарху Викентию письмо, в котором сообщалось: «На ноябрьском заседании нашего Священного Синода было принято решение поставить Благочиния русских православных храмов в Югославии вместе со священнослужителями под юрисдикцию Сербской Православной Церкви, за исключением храма Святой Троицы в Белграде. Мы надеемся, что сие решение вопроса Благочиний соответствует Вашим пожеланиям, а также пожеланиям Архиепископского Священного Синода Сербской Церкви». 18 мая 1955 г. Сербский Синод, заслушав доклад по этому вопросу епископа Браничевского Хризостома, с удовлетворением принял к сведению решение Синода Московского Патриархата¹¹⁹.

Протоиерею Виталию Тарасьеву было поручено осуществить передачу русских храмов и приходов, и в 1955–1957 гг. почти все они вошли в состав Сербской Православной Церкви¹²⁰. Русский приход при церкви свт. Василия Великого в Нови Саде в 1955 г. вообще оказался упразднен, как и русский храм в Сараево. Несколько икон из сараевской церкви, в том числе малый

---

¹¹⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 112, л. 5–8.

¹¹⁹ Архив Светог Архиепископског Синода Српске Православне Цркве, 1955, Журнал 63, АСБр. 15.

¹²⁰ Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 188.

киот с иконой Воскресения Христова и сень с иконами свт. Николая Чудотворца и св. кн. Александра Невского, сделанная в память убиенных Государей — российского Императора Николая II и югославского короля Александра I Карагеоргиевича, были переданы в белградский Свято-Троицкий храм¹²¹. Приход этого храма, который остается подворьем Московского Патриархата до настоящего времени, оказался единственным исключением.

В 1955 г. о. Виталий был награжден митрой. Его сын — иподиакон Андрей — позднее так вспоминал об этом событии: «... когда в 1955 г. мой отец, протоиерей Виталий Тарасьев, был награжден правом носить митру, Божественную литургию совершал в нашем храме Святейший Патриарх Сербский Викентий. Будучи молодым архимандритом в городке Сремски-Карловцы, где тогда проживал митрополит Антоний (Храповицкий), он был частым участником русских богослужений и любил их. Поэтому он распорядился, чтобы вся литургия шла “по-русски”. На малом входе духовенство и мы, прислужники, запели наше “Приидите поклонимся”. Святейшему оно настолько понравилось, что он попросил нас с братом Василием (тогда иподиаконов) написать ему ноты, прийти к нему в Патриархию и разучить с ним этот напев. С тех пор он всюду, где бы ни служил, сам начинал и исполнял это песнопение русским напевом, заставил своих диаконов и прислужников тоже его разучить. Этот обычай сохранился и при последующем Патриархе Германе, и это песнопение перестало быть “чужим”, а стало своим, привычным»¹²².

В дальнейшем протоиерей Виталий Тарасьев неоднократно приезжал в СССР, в частности, в мае 1958 г. в Ленинград. Он также активно переписывался с покинувшими Югославию русскими эмигрантами, сообщая им о состоянии могил их родных на Новом кладбище Белграда. В 1950–1960-е гг. постоянным участником всех торжественных всенощных в Свято-Троицком храме был протоиерей Виктор Царевский, с большим успехом руководивший хором в сербской церкви Рождества Пресвятой Богородицы в крепости Калемегдан, являвшейся раньше гарнизонным храмом Белграда. Старшей сестрой церковного сестричества при Свято-Троицком храме в это время была

---

¹²¹ Свято-Троицкий храм подворья Русской Православной Церкви в Белграде. Белград, 2007. С. 15.

¹²² Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 484.

графиня Нина Ивановна Снесарева, дочь губернатора г. Житомира, близко знавшая тогда архиепископа Волинского Антония (Храповицкого).

В 1955 г. с должности регента Свято-Троицкого храма ушел Павел Иванович Бабаев, который увел с собой почти весь хор (осталась лишь меццо-сопрано Полина Бурза). В церковь Пресв. Троицы был переведен хор Иверской часовни. В начале 1950-х гг. в этой часовне пели псаломщики Алексей Дмитриевич Охотин, Феодор Никифорович Синельщиков, которым помогали Петр Александрович Поздняковский и Андрей Степанович Доич, а в 1953 г. по указанию протоиерея Виталия Тарасьева небольшой хор там основал его сын — иподиакон Андрей Тарасьев.

Он родился в 1933 г. в Белграде, окончил русскую начальную школу и 2 класса русской гимназии, затем продолжил учебу в сербских учебных заведениях — второй мужской гимназии, десятилетнем музыкальном училище, и в 1960 г. окончил славянское отделение философского факультета Белградского университета. С 1939 г. Андрей Тарасьев был членом школьного церковного хора, с 1941 г. — прислужником, а с 1949 г. — иподиаконом при Свято-Троицком храме и Иверской часовне.

Во второй половине 1953 г. А.В. Тарасьев передал регентство хора в часовне опытному певцу А.С. Доичу, который смог исполнять эту обязанность меньше двух лет, а затем, из-за болезни, опять передал управление хором Андрею Витальевичу. В состав Иверского хора входили: Валентина Леонидовна Трегубова (сопрано), монахиня Амвросия (сопрано), матушка Людмила (альт), Владимир Васильевич Гумилевский (бас), А.Д. Охотин и др. В 1955 г. этот хор в полном составе перешел в Свято-Троицкую церковь. С этого времени в Иверской часовне не было своего хора, а на богослужениях пели псаломщики и опытная уставщица Мария Михайловна Чернянская¹²³.

Во второй половине 1950-х гг. в Свято-Троицкую церковь также постепенно вернулись все певчие прежнего хора П.И. Бабаева, и семь лет, до января 1962 г., выросшим хором (15–20 человек, в том числе солистка Сусанна Николаевна Ершевская) руководил иподиакон Андрей Тарасьев. С 1961 г. он работал преподавателем русского языка и литературы на философском и филологическом факультетах Белградского университета, но в январе

---

¹²³ Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 474.

1962 г. был уволен за участие в богослужениях в качестве прислужника и регента хора. После этого по указанию настоятеля Андрей Витальевич передал хор брату — выпускнику богословского факультета Белградского университета протоиерею Василию Тарасьеву (1932–1996). Отец Василий был музыкально исключительно одаренным человеком, обладавшим высоким тенором красивого тембра. Помимо своей пастырской работы и богослужений, он с большим энтузиазмом собирал певчих (в том числе сербов), увеличив число хористов. После кончины в 1974 г. о. Виталия, протоиерей Василий Тарасьев с апреля 1974 г. до 1996 г. служил настоятелем Свято-Троицкого храма¹²⁴. Позднее он говорил: «Я стал не только миссионером Веры Христовой и охранителем русского духа в Сербии, но и свидетелем балканских событий»¹²⁵.

Андрей Тарасьев лишь в 1965 г. был принят на светскую научную работу — в Институт иностранных языков, а в 1970 г. — на кафедру русского языка отделения славистики филологического факультета Белградского университета, где и проработал до выхода на пенсию в 1998 г. Последние 20 лет он читал лекции по истории русской культуры, был автором более 15 учебников русского языка и многочисленных научных статей, опубликованных в России, Югославии и Сербии. Андрей Витальевич также являлся основателем (в 1971 г.) и регентом хора «Лучинушка», основателем и председателем Общества сохранения памяти о русских в Сербии¹²⁶.

В октябре 1957 г. в Белград впервые приехал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I в сопровождении нескольких архиереев Русской Православной Церкви. Он совершил богослужения в Свято-Троицкой церкви и посетил Иверскую часовню на русском участке Нового кладбища, где совершил панихиду на могиле когда-то запрещенного владыкой Сергием (Страгородским) в священнослужении митрополита Антония (Храповицкого)¹²⁷. Этим фактически был совершен символический акт

---

¹²⁴ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 4, д. 16, л. 144–144об; Русские храмы и обители в Европе. С. 201.

¹²⁵ Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007. С. 20.

¹²⁶ Андрей Тарасьев, иподиак. Указ. соч. С. 466.

¹²⁷ Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 376.

примирения с послереволюционной русской церковной эмиграцией в Югославии, которой к этому времени уже почти не осталось в стране.

Один из самых значительных иерархов Русской Православной Церкви XX в. — председатель отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) — проявлял внимание и теплое отношение к Свято-Троицкому храму. Так, благодаря его личному взносу и благословию в 1973 г. в церкви была проведена первая Рождественская детская елка, что в дальнейшем стало традицией.

Как уже говорилось, в середине 1950-х гг. оказался упразднен русский приход свт. Василия Великого в г. Нови Сад, его последним старостой до 1955 г. был адвокат С.П. Метельский. В апреле 1953 г. приход покинул исполнявший обязанности настоятеля иеромонах Иоанн (Стойкович). К этому времени С.П. Метельский и член приходского совета Г.Б. Броневский подняли вопрос о переходе общины из юрисдикции Московского Патриархата в Сербскую Православную Церковь. Завязалась длительная переписка между новым настоятелем — сербским священником Стефаном Поповичем (одновременно служившим настоятелем храма свт. Николая Чудотворца в Нови Саде), старостой и сербскими архиереями. В конечном итоге приход сменил юрисдикцию, тем более что его храмом по-прежнему оставалась часовня при сербском Архиерейском доме. Помимо о. Стефана Поповича в русский храм в 1953–1955 гг. периодически приезжал служить из Сремских Карловац протоиерей Борис Селивановский (1894–1966). В июне 1955 г. при новом сербском епископе Бачском Никаноре (Иличиче) двери часовни свт. Василия Великого для русской общины были закрыты, и она прекратила существование. Большинство русских жителей Нови Сада стали посещать храм свт. Николая Чудотворца, где почти все хористы, включая регента Б.П. Арсеньева, были русскими¹²⁸.

В Панчево русский домовый храм свт. Николая Чудотворца, существовавший с февраля 1945 г. в помещении школьного здания при сербской Успенской церкви, в конце 1949 г. был выселен городскими властями в связи

---

¹²⁸ Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии // Новый журнал. Нью-Йорк. 2010. Кн. 259. С. 135–139; Его же. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е гг.) // Антоний (Храповицкий), митр. Архипастырь русского рассеяния. Материалы конференции. М., 2014. С. 385.

с конфискацией здания. Храм перенесли в дом № 53 по улице Братьев Йованович, откуда в начале 1956 г. его снова выселили по решению городского народного комитета. Временное попечительство над русским православным церковным приходом (председатель — Владимир Флегинский, секретарь — Григорий Бондаренко) обратилось в местное сербское церковное управление, после чего русской церкви было предоставлено помещение во флигеле церковного двора сербского Спасо-Преображенского храма, где она просуществовала до 1967 г.

Вскоре после решения Священного Синода Московского Патриархата о ликвидации своего благочиния в Югославии, 9 сентября 1955 г., при Банатском епископе было создано Временное попечительство бывшего Панчевского русского церковного прихода из четырех человек: председатель — Владимир Флегинский, заместитель председателя — Иван Лягин, секретарь-казначей — Григорий Бондаренко, староста — Прокофий Самокин. С этого времени местная церковная канцелярия назначала сербских священников для служения в русской церкви¹²⁹.

Последним документом, утвержденным Временным попечительством русского церковного прихода, оказался решением о прекращении существования общины и закрытии церкви. На заседании, состоявшемся 22 июня 1967 г., председатель Борис Балашов, в присутствии членов Акима Критского, Марии Беловицкой, Зинаиды Поменко и старосты, серба доктора Уроша Паулева, объявил, «что он созвал сегодняшнее заседание, на котором для русских эмигрантов в Панчево необходимо принять историческое решение. Необходимо принять решение о дальнейшем существовании Церковной русской общины или о прекращении ее деятельности в качестве религиозной организации. Причины для этого следующие: 1. Число членов Церковной русской общины в Панчево за последние годы резко сократилось. 2. В связи с кончиной в течение последних двух-трех лет председателя, певчего, пономаря и опекуна, намного сложнее, даже невозможно, проводить богослужение. Причиной поставить на повестку дня вопрос о дальнейшем существовании Церковной русской общины в Панчево было обращение Сербской православной общины в Борче [пригород Панчево] с просьбой подарить иконостас и всю утварь,

---

¹²⁹ Арсеньев А. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е гг.). С. 394–395.

иконы и одеяния, поскольку их церковь сгорела в 1966 г. Такой подарок для Сербской православной общины в Борче будет огромной помощью, а таким поступком оставшиеся члены Церковной русской общины в Панчево совершают благотворительное дело и заодно полностью сохраняют церковные предметы»¹³⁰.

С другой стороны, отмечал Б. Балашов, в Борче, «на удобном месте» будет установлена мемориальная доска «как ясное обозначение о существовании русской церкви в Панчево». Этот протокол был подписан и настоятелем борчанской церкви священником Борисом Яковлевским (русским эмигрантом). В дальнейшем решение собрания от 22 июня 1967 г. выполнили. В том же году русская община была ликвидирована, а иконостас ее храма установили в церкви свт. Николая Чудотворца в Борче¹³¹.

Церковь свв. Архангелов Гавриила и Михаила в Земуне (ставшем районом Белграда) просуществовала в качестве русской до 1972 г. Ее настоятелем до кончины в 1959 г. служил протоиерей Виталий Лепоринский, а своды некоторое время потрясал своим на всю Россию известным басом протоиерей Василий Вербицкий. На отпевание о. Виталия Лепоринского в Земун приезжал мужской октет из русской Свято-Троицкой церкви с настоятелем протоиереем Виталием Тарасьевым.

Последними настоятелями церкви свв. Архангелов Гавриила и Михаила были иеромонах Иларион (Скляр), автор нескольких довоенных брошюр на тему разногласий иерархов Зарубежной Русской Церкви, и протоиерей Михаил Котляревский. Смешанным русско-сербским хором при храме до своей кончины в 1966 г. управлял известный хормейстер Алексей Васильевич Гриньков. Последним регентом русского прихода в Земуне была его вдова Ольга Гринькова¹³². С кончиной в 1972 г. протоиерея Михаила Котляревского этот приход формально перестал существовать, и церковь свв. Архангелов Гавриила и Михаила ввиду резкого сокращения количества прихожан,

---

¹³⁰ Палибрк-Сукич Н. Русские памятники в Панчево // Новый журнал. 2010. № 259. С. 223–224.

¹³¹ Там же. С. 224.

¹³² Марковић В. Православна црква Св. Арх. Гаврила, Земун 1786–1986. Земун, 1986; Гриньков А.В. // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 120.

перешла от русской к сербской общине. Метрические книги русского прихода в Земуне сохранились до нынешнего времени¹³³.

В 1973 г. храм св. Архангела Михаила в Великом Бечкереке («русская богомольня») распоряжением Сербской Патриархии был передан городскому женскому монастырю св. Мелании под предлогом, что русских прихожан здесь почти не осталось. Последний русский церковный совет в Великом Бечкереке в 1970-е гг. составляли Василий Чупурковский, Валентина Павловна Алексеева и Борис Леонидович Павлов, регентом хора была Лидия Николаевна Мирандова. В 1990-е гг. Михайловский храм полностью отреставрировали, его настоятелем служил сербский священник Анджелко Стоянов, а затем священник Бранко Попов¹³⁴.

Дольше других в качестве русского просуществовал построенный эмигрантами из России храм св. ап. Иоанна Богослова в г. Белая Церковь (Бела Црква). После кончины в мае 1949 г. его настоятеля протоиерея Никона Веселовского новым настоятелем был назначен протоиерей Лев Шепель, прослуживший в Белой Церкви до 1957 г. Его помощником являлся священник Феофан Повольный, в разное время в храме также служили протоиереи Иоанн Федоров, Владимир Корецкий и Виталий Тарасьев. Регентами церковного хора в послевоенное время были Павел Михайлович Поршнев (в 1948–1955 гг.) и Дмитрий Владимирович Болдырев — член «Временного управления Русского храма в Белой Церкви» до середины 1960-х гг. Последним русским старостой храма св. ап. Иоанна Богослова был Георгий Константинович Лукинский (1910–1994). К середине 1990-х гг. умерли почти все русские прихожане, и община церкви стала чисто сербской¹³⁵.

Необходимо отметить, что русские регенты сербско-русских церковных хоров в 1940–1970-е гг. сыграли важную роль в поддержании веры среди сербского населения. Не получая денег от обедневшей Православной Церкви, они нередко рисковали лишиться занимаемого поста на государственной службе. Со смертью русского регента в сербском храме, как правило,

---

¹³³ Арсеньев А. Русское духовенство и русские церковные приходы в Воеводине (1920–1950-е гг.). С. 395–396.

¹³⁴ Там же. С. 388.

¹³⁵ Там же. С. 389–390; Русские храмы и обители в Европе. С. 201, 207.

угасал и хор, состоящий из горсточки пожилых певчих. Церковные регенты в провинции часто являлись и регентами местных любительских светских хоров, созданных ранее или сформировавшихся после Второй мировой войны¹³⁶.

Некоторые русские регенты оставили особенно яркий след в послевоенный период. Среди них был Яков Иванович Шпилевой (1890–1978). Первоначально он преподавал пение и являлся регентом в Донском кадетском корпусе в Боснии, а позднее — в нескольких югославских гимназиях. Его ученики Живко Попов и Петр Живкович из Сремской Митровицы вспоминали: «Он преподавал музыку и был регентом в Митровицкой гимназии. До 1941 г. жил в местечке Глина, в Хорватии. Когда хорватские “ушати” стали чинить погромы над православными сербами и когда ими была проведена ужасающая резня сербов, Шпилевому едва удалось избежать неминуемого. Стечением обстоятельств он спасся и нашел приют в Сремски Митровице. По профессии был геодезистом, но вместе с супругой Марией Рудольфовной обожал музыку. Жена давала уроки игры на рояле и балета, а Яков Иванович получил место преподавателя пения в гимназии. В очень короткий срок из митровицких гимназистов им был создан лучший смешанный хор в Воеводине. Одновременно, в первые послевоенные годы он с супругой давал много концертов с участием его гимназистов. Эти концерты были едва ли не единственными музыкальными событиями в городе... Уже в летах, всегда держался прямо, жил для песни и музыки, годами управляя хором учеников, составляя репертуар по сентиментальным воспоминаниям о блестящих прежних русских хорах и на широко разливающиеся мелодии с Волги и Дона. Уделял внимание и сербским сочинениям для хора, превращая каждый концерт в подлинный эстетический праздник. После него такого энтузиаста у гимназии не было... Жил он нашим хором...

Спевки регулярно совершались после обеда, на которых регент проходил все стадии блаженства и мучений. Под его энергичной рукой песня превращалась в волшебство, и если при открытых окнах классной оказывались прохожие, они останавливались, как околдованные. Профессор Шпилевой

---

¹³⁶ Арсеньев А. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии // Новый журнал. 2010. № 259. С. 448.

говорил с сильным русским акцентом, его язык напоминал “славяносербский”. Мы, ученики, любили слушать его речь, когда он был возбужденным и сердитым. На его уроках всегда что-то происходило. Был он великолепным педагогом, с железными нервами»¹³⁷. Скончался Я.И. Шпилевой в Сремской Митровице в 1978 г.

Один из самых известных в Югославии русских хормейстеров и духовных композиторов Алексей Васильевич Гриньков после начала Второй мировой войны и захвата Земуна прогерманским Независимым государством Хорватия продолжил жить в этом городе. Его спасло то, что Гриньков до и во время войны руководил хорватским певческим обществом «Томислав». На протяжении всех лет оккупации и в первые годы после освобождения Земуна Гриньков был директором городского музыкального училища. В этом училище Алексей Васильевич преподавал теорию музыки, сольфеджио и управлял хором учеников, наряду с другими русскими преподавателями: Георгием Юрениным, Елизаветой Родзянко-Ветер (дочь последнего председателя Государственной думы), Антониной Хростицкой, Иваном Кукуенко и Александром Слатиным.

В 1941 г. из русского монастыря Туман на Дунае в Земун бежали от постоянных нападений игумен Лука (Родионов) и около 10 монахов. Вместе с ними бежали из монастыря Нимник около 40 монахинь, во главе с игуменией Параскевой. После окончания войны игумен Лука объединил оба монастыря под общим названием «Братство Честного Креста» и попросил А.В. Гринькова создать хор монахинь. Алексей Васильевич в короткий срок создал замечательный женский хор, исполнявший самые сложные русские церковные песнопения в его аранжировке. Благодаря высоким сопрано монахинь Амвросии, Февронии и Анисии и великолепным контральто монахинь Домнины и Евгении А.В. Гринькову удавалось получать звучание весьма широкого диапазона. Хор просуществовал до 1950 г., когда игумена Луку выслали из страны, а монахини переехали в старинную обитель Манасия.

Ухудшение отношений между СССР и Югославией в 1948 г., как и руководство Гриньковым музыкальным училищем во время оккупации, привели

---

¹³⁷ Попов Ж. Долазак Руса у Митровицу // Сунчани сат. Сремска-Митровица. 2006. № 14. С. 52–53.

к тому, что в ноябре 1948 г. он был уволен с поста директора и лишен места преподавателя училища. Однако музыкальная деятельность Алексея Васильевича продолжилась и в социалистической Югославии. С осени 1948 г. он состоял регентом любительских хоров ряда культурно-художественных обществ в Земуне. Преданный делу Церкви, Алексей Васильевич Гриньков до своей кончины в 1966 г. управлял и смешанным русско-сербским хором при храме св. Архангела Гавриила. Последним регентом русского церковного прихода в Земуне (до 1972 г.) была вдова Гринькова Ольга Гринькова¹³⁸.

Известный регент и церковный педагог Степан Георгиевич Гушин, преподававший в военные годы пение в Белградской Духовной семинарии св. Саввы, осенью 1944 г. был арестован новыми югославскими органами власти, отправлен в лагерь в Вршац, где передан советской армии. Его супруга художница Вера Пузанова пыталась передать ему еду через окно камеры, но была схвачена и расстреляна. После допроса, проведенного прибывшими в лагерь органами НКВД, С.Г. Гушин был освобожден. Он возвратился в Белград и продолжил свое служение, в частности, в 1945–1947 гг. состоял регентом нескольких хоров культурно-артистических обществ — «Рабочий», «Доктор Сима Милошевич», медицинского факультета, «Водопровод», «Пролетарий». Декретом Министерства просвещения в октябре 1947 г. С.Г. Гушин был направлен в Ниш преподавателем пения в низшее музыкальное училище, а в 1949 г. назначен преподавателем и директором средней музыкальной школы. Помимо работы в школе он руководил хоровыми коллективами «Абрашевич», «Станко Паунович», «Светозар Маркович», хором Радио и хором при Национальном оперном театре. Степан Георгиевич избирался председателем Нишских филиалов Союза музыкальных педагогов Сербии и Союза музыкальных деятелей Сербии. Особенно много сил он прилагал при проведении ежегодного фестиваля Югославские певческие празднества в Нише. После выхода на пенсию, в 1959 г., С.Г. Гушин был приглашен в Лесковац для устройства музыкальной жизни этого города, а в 1961 г. Степан Георгиевич стал преподавателем русского языка и литературы в пединститутах Ниша и Вранье. В 1968 г. С.Г. Гушину было присвоено звание почетного члена Союза

---

¹³⁸ Марковић В. Указ. соч.; Гриньков А.В. С. 120.

музыкальных деятелей Сербии. До последних дней своей жизни он был регентом хора соборного православного храма в Нише¹³⁹.

Особенно много русских регентов в послевоенный период трудилось в храмах Нови Сада. В частности, церковным хором русского прихода свт. Василия Великого управляли Екатерина Федоровна Мазараки (1888–1965) и Григорий Моисеевич Пальчик (1899–1979). Регентами же в сербских храмах состояли: Петр Моисеевич Таран (1892–?) — в хоре при храме Успения Пресвятой Богородицы, Б.П. Арсеньев, Б.М. Моисеев и Н.Ф. Букин, о которых следует сказать особо.

Борис Петрович Арсеньев (1908–1972) в 1920 г. вместе с Донским кадетским корпусом был эвакуирован на греческий остров Лемнос, затем в Египет, а летом 1922 г. переправлен в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Он окончил учебу в корпусе в 1930 г. и осенью записался на агрономический факультет Белградского университета. Во время учебы Б.П. Арсеньев подрабатывал игрой в русских эстрадных оркестрах, одновременно изучал композицию и хоровое дирижирование при музыкальном училище, состоял певчим и регентом церковных хоров в Земуне и Белграде, занимался сочинением и аранжировками духовных песнопений.

Война застала его в г. Великая Кикинда служащим на конопляном заводе, в 1949 г. Б.П. Арсеньев с семьей переехал в Нови Сад, где продолжил служение Церкви. Рискуюя потерять место государственного служащего, он пел и управлял хорами поочередно в трех православных сербских храмах, а в последние годы жизни регулярно ездил из Нового Сада в Белград петь в единственный в стране действующий русский храм — церковь Пресв. Троицы. Ноты его музыкальных сочинений были переданы в Институт музыкознания при Сербской Академии наук и искусств в Белграде, а также отправлены в Великобританию; в 1970-е гг. некоторые песнопения исполнялись в одном из русских храмов Лондона. Скончался Б.П. Арсеньев в 1972 г. в Нови Саде¹⁴⁰.

Борис Михайлович Моисеев (1896–1974) в Югославии работал железнодорожным чиновником в г. Суботице, а после Второй мировой войны —

---

¹³⁹ Арсеньев А.Б. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 444–445.

¹⁴⁰ Там же. С. 457–458.

в Новом Саде. Помимо увлечения живописью и игрой на балалайке, в 1950-е — 1960-е гг. он был регентом русско-сербского смешанного хора при Успенском храме в Нови Саде. В конце войны Борис Михайлович с супругой Антониной Феликсовной пережил тяжелый удар судьбы: их единственный сын Юрий, юноша, увлекавшийся скаутизмом, был арестован органами НКВД и пропал без вести. Б.М. Моисеев сочинял духовные песнопения, которые исполнялись возглавляемым им церковным хором. Скончался он в 1974 г. в Нови Саде.

Николай Федорович Букин (1903–1994) еще несовершеннолетним юношей в составе Белой армии принимал участие в боях в Северной Таврии. Осенью 1920 г. он поступил в Донской кадетский корпус и навсегда покинул родину. В студенческие годы в Белграде Николай Федорович подрабатывал чернорабочим; участвовал в общественной жизни казачьего зарубежья, избирался атаманом Общеказачьей студенческой станицы. Оценив его незаурядные певческие данные, бесплатные уроки вокала ему давала чета Бельских — Агриппина Константиновна и Владимир Иванович, председатель Русского музыкального общества в Белграде. Н.Ф. Букин был солистом русского хора Вознесенского храма в Белграде при регенте А.В. Гринькове.

Окончив Белградский университет с дипломом лесного инженера, Николай Федорович состоял на государственной службе и работал во многих районах страны, преимущественно в Боснии. Военные годы он с супругой прожил в банатской деревне Кларии (вблизи границы с Румынией). Как специалиста-лесоведа после войны его направили в Нови Сад. Будучи глубоко верующим человеком, Н.Ф. Букин до выхода на пенсию в 1973 г. все же занимал ответственные посты в управлении хозяйством автономного края Воеводина. Обладая прекрасным голосом и хорошо зная церковное пение, Николай Федорович оказался последним русским регентом хора Успенского храма в Нови Саде (до 1982 г.), а в последние годы жизни был консультантом двух молодых сербских хоровых коллективов, в середине 1980-х гг. возродивших в городе традицию хорового пения в православных храмах. Скончался Н.Ф. Букин в 1994 г. в Нови Саде¹⁴¹. На нем завершилась целая плеяда замечательных русских регентов в этом городе.

---

¹⁴¹ Арсеньев А.Б. Вклад беженцев в хоровое искусство и церковное пение в Сербии. С. 458–459.

Особой была ситуация в Республике Македония, где часть проживавших там русских священников и монахов осталась служить после окончания Второй мировой войны и фактически вошла в состав неканоничным образом провозгласившей свою самостоятельность Македонской Православной Церкви. Среди них можно назвать несколько бывших насельников русских обителей Афона. Так, например, игумен Ананий (Герасимов) приехал со Святой Горы в Македонию в 1921 г. Здесь отец Ананий был насельником, а затем и духовником нескольких монастырей в Скопленской епархии, и всюду он оставил глубокий след в душе братии и посещавших монастырь паломников. Игумен подвизался в монастыре св. Георгия в с. Делядровци, в монастыре Пресвятой Богородицы вблизи с. Побожье, в монастыре св. Георгия в с. Беляковци, а с 1936 г. в одном из самых больших женских общежительных монастырей Македонии — обители св. Иоакима Осоговского. Отец Ананий был духовником этого монастыря, заботился о молитвенной и духовной жизни инокинь вплоть до своей кончины 1 января 1963 г.

Другой святогорец — игумен Варсонофий (Колыванов) — с 1930-х гг. служил духовником монастыря Пресвятой Богородицы в с. Побожье, где скончался и был похоронен 16 февраля 1955 г. Еще один русский святогорец — монах Серафим — скончался и был погребен в 1960 г. в монастыре свт. Николая Чудотворца в с. Любанци, где провел около 20 лет. Местом погребения его мощей служит колокольня, которую он сам и построил. При этом отцы Варсонофий и Серафим после войны часто подвергались притеснениям со стороны коммунистических властей¹⁴². Бывший насельник русского Спасо-Преображенского Валаамского монастыря иеромонах Исидор и после войны подвизался в монастыре св. Афанасия в с. Лешок, где скончался 20 апреля 1952 г.¹⁴³

До 1945 г. в Кичевском монастыре пребывала русская община сестер, после чего она во главе с игуменьей Диодорой (Дохторовой) перешла в Благовещенский монастырь Белградской митрополии, но при этом семь русских монахинь и послушниц остались в Кичевской обители Благовещения Пресвятой

---

¹⁴² Николай (Трайковский), игум. Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 71–78.

¹⁴³ Всеволод (Филиппев), инок. Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилл-М., 2005. С. 234.

Богородицы. Из них наиболее известной была схиигуменья Салафаила (в миру Нина Линдебанова, 1890–1988). Она родилась в г. Холме Российской империи в богатой еврейской семье и после видения ей в 14 лет Божией Матери убежала из родительского дома в Леснинский женский монастырь, где была крещена и позднее приняла монашеский постриг с именем Агриппина. В 1920-е гг. она проживала в русском Хоповском монастыре в Сербии, а с 1936 г. — в Кичевском монастыре. Во время войны инокиня заболела раком, и когда надежды на спасение не было, обратилась к Богородице перед ее чудотворной иконой со словами: «Пречистая Дево, если оставишь меня жить, я никогда не покину Тебя!» Поэтому в 1945 г. мать Салафаила с шестью другими русскими инокинями осталась в Кичевской обители (где пребывала до 1988 г.). Все они позднее были погребены вместе с ней на монастырском кладбище: схимонахиня Варвара, монахини Рафаила, Таисия, Олимпиада, Варвара и послушница Елена¹⁴⁴.

Русское сестричество в монастыре Пресвятой Богородицы у с. Побожье также перестало существовать в 1945 г., когда большинство сестер расселилось по разным монастырям Македонии и Сербии. Однако несколько русских монахинь все-таки остались в прежней обители. В важном духовном центре Македонии — Спасо-Преображенском монастыре в с. Зрзе (вблизи г. Прилепа) с 1948 г. пребывали схиигуменья Ирина (в миру Зоя Косицкая, 1891–1962) и послушница Анна (впоследствии схиигуменья Параскева). В тот период, когда мать Ирина была настоятельницей Спасо-Преображенской обители (до 1962 г.), духовниками в ней служили русские эмигранты — архимандрит Григорий и иеромонах Савватий. Духовное чадо схиигуменьи Ирины — сестра Анна 16 апреля 1967 г. была пострижена епископом Преспанско-Пелагонийским Климентом в малую схиму с именем Параскева и назначена настоятельницей монастыря. Скончалась она через несколько недель после поездки в СССР в 1975 г. На постаменте ее надгробия в виде русских восьмиконечных крестов вырезаны слова: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил». Кроме того, русская монахиня Екатерина до середины 1950-х гг. пребывала в Михаило-Архангельском монастыре в Вароше (г. Прилеп), монахиня Марина — в монастыре св. Илии Пророка

---

¹⁴⁴ Николай (Трайковский), изум. Указ. соч. С. 53–58

в с. Мирковицы и т.д. Следует упомянуть также, что в 1950-х — 1960-х гг. в Битоле еще действовала русская церковь Пресвятой Троицы¹⁴⁵.

Служащий ныне в составе клира Македонской Православной Церкви игумен Никон (Трайковский) в своей монографии отмечал: «После Второй мировой войны, а в особенности после “эры Информбюро”, приходские священники — выходцы из России — чаще всего продолжали служение в тихих сельских храмах, не привлекая внимания новых властей. Незначительная их часть переселилась в другие страны, в которых Русская Заграничная Церковь имела потребность в организации церковной жизни, и лишь единицы решили уехать в Советскую Россию... русские клирики, даже несмотря на кризисные годы Информбюро, оставшиеся в Македонии, служили под омофором только что возобновленной Охридской Архиепископии Македонской Православной Церкви. Многие русские священнослужители опосредованно содействовали открытию двух духовных учебных заведений — Среднего богословского училища и Богословского факультета в Скопье»¹⁴⁶.

Между тем число русских жителей в Югославии в целом неуклонно сокращалось. Так, согласно официальной переписи населения, в республике Сербия их проживало: в 1948 г. — 13 691, в 1953 г. — 8 102, в 1961 г. — 7 223, в 1971 г. — 4 920, а в 1981 г. — только 2 873¹⁴⁷. В Словении в 1948 г. проживал 561 русский, в 1955 г. — 489 и т.д. При этом подворье Московского Патриархата сохранилось и успешно продолжает свою деятельность до настоящего времени.

3. Русское благочиние в Болгарии

В начале сентября 1944 г. в Болгарию вступили советские части III Украинского фронта, а 9 сентября в стране произошел переворот, в результате которого к власти пришло прокоммунистическое правительство Отечественного фронта. Возглавлявший благочиние Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Серафим (Соболев) не пожелал оставить свою паству

---

¹⁴⁵ Николай (Трайковский), игум. Указ. соч. С. 59–70.

¹⁴⁶ Там же. С. 75, 78.

¹⁴⁷ Арсеньев А. Жизнь русских эмигрантов в Сербии. С. 148.

и уехать из Болгарии на Запад и уже через несколько месяцев выразил желание перейти в юрисдикцию Московского Патриархата. Это лишь частично объясняется желанием спасти оставшихся в Болгарии русских эмигрантов от репрессий, указанный шаг отвечал и внутренним убеждениям архиепископа.

В феврале 1945 г. владыка Серафим через Болгарского экзарха Стефана направил приветствие Всероссийскому Поместному Собору в Москве, а Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Алексию (Симанскому) передал свои книги: «Новое учение о Софии Премудрости Божией» и «Протоиерей Сергей Булгаков как толкователь Священного Писания». По свидетельству болгарских историков, архиепископ также способствовал в это время снятию с помощью Московского Патриархата схизмы с Болгарской Православной Церкви¹⁴⁸.

2 марта владыка Серафим отправил Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I поздравление с его избранием, а 15 апреля 1945 г. еще одно письмо с просьбой принять его в юрисдикцию Московского Патриархата, оставив Патриаршим представителем в Болгарии, где он «сроднился со своею паствою, со своими духовными детьми, не только русскими, но и болгарскими», указывая, что к советской власти будет относиться лояльно. При этом архиепископ выразил желание включить в юрисдикцию Московского Патриархата все русское духовенство в Болгарии, которое находилось в его ведении, подчеркнув: «Должен присовокупить, что в 1937 году [правильно — в 1934 г.] покойным Патриархом, тогда Митрополитом Сергием, я не был запрещен в священнослужении, когда им были запрещены почти все заграничные русские архиереи»¹⁴⁹.

С 6 по 23 апреля 1945 г. в Болгарии побывала делегация Московского Патриархата во главе с архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым), составившим по итогам поездки в целом благоприятный отзыв о владыке Серафиме, охарактеризовав его как «человека аполитичного, безусловно, духовного, но очень “узкого” и политически довольно тупого, пользующегося, однако, большим уважением прихода». Советское посольство также

---

¹⁴⁸ Бойкичева К.-А. Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк. София, 2005. С. 168.

¹⁴⁹ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. С. 109; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 72.

отмечало, что архиепископ Серафим не скомпрометирован своей прошлой и настоящей деятельностью и имеет авторитет среди болгарского духовенства. В докладе владыки Григория в Совет по делам Русской Православной Церкви о пребывании в Болгарии отмечалось: «Русские приходы и их управляющий архиепископ Серафим сейчас находятся в довольно скудном материальном положении и боятся, что та небольшая субсидия, которая выдавалась правительством, может отпасть с отделением Церкви от государства. Сейчас, когда церковь св. Николая, в которой молились русские эмигранты, сгорела во время обстрела, им предоставлена очень маленькая (катакомбная) церковь св. Параскевы, они ждут передачи б. Посольской церкви. Но эта последняя должна быть сначала отремонтирована от разрушений, полученных при бомбежке города англичанами; а этот ремонт, по заявлению художника, едва ли закончится (и то лишь передней к алтарю части) только к сентябрю»¹⁵⁰.

На основании доклада архиепископа Григория владыка Серафим был оставлен в Болгарии и постановлением Священного Синода от 29 октября 1945 г. вместе с семью управляемыми им русскими общинами (в Софии, Пловдиве, Варне, Русе, Шумене, Пернике и при возвращенном храме-памятнике на Шипке) принят в юрисдикцию Московского Патриархата с непосредственным подчинением Святейшему Патриарху Алексию I. 30 октября последовал соответствующий указ Патриарха, подтвердивший полномочия владыки Серафима по управлению русскими приходами в Болгарии как представителя Московского Патриархата¹⁵¹.

При этом русский храм-памятник на Шипке (настоятель — протоиерей Даниил Закаблук) и церковь св. Димитрия Солунского в Пловдиве (настоятель архимандрит Сергей (Чернов)) были только фактически переданы Болгарской Церковью в ведение архиепископа Серафима, церковно-каноническая передача этих храмов Болгарским Синодом Московскому Патриархату произошла летом 1946 г.¹⁵²

---

¹⁵⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 16, л. 89–90.

¹⁵¹ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. К жизнеописанию архиепископа Серафима (Соболева) // Церковь и время. 2006. № 3 (36). С. 110–111; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 132, л. 54.

¹⁵² Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... Т. 1. С. 160–161.

В мае 1946 г. при посещении Болгарии церковной делегацией во главе со Святейшим Патриархом Алексием I архиепископ Серафим от лица русских верующих приветствовал Предстоятеля Московского Патриархата¹⁵³. Однако, уйдя из РПЦЗ, владыка Серафим не стал «бросать в нее камни», как некоторые другие перешедшие в Московский Патриархат архиереи. Кроме того, и после 1945 г. архиепископ иногда произносил резкие антикоммунистические высказывания, даже, по некоторым сведениям, называл советскую власть «сатанинской»¹⁵⁴.

В 1946 г. кафедральным храмом архиепископа Серафима (Соболева) вновь стала русская посольская церковь свт. Николая Чудотворца. Сразу же после ее частичного разрушения в 1944 г. Министерство благоустройства начало восстановительные и реставрационные работы, однако они заняли несколько лет. В конце 1944 г. заместитель председателя Контрольной комиссии союзников по антигитлеровской коалиции генерал-полковник Сергей Бирюзов потребовал от болгарских властей ускорения реставрации и восстановления росписей. Поскольку, согласно советско-болгарскому протоколу от 6 июля 1940 г., СССР передал Никольский храм в безвозмездное пользование сроком на 15 лет Болгарии, расходы на восстановление церкви полностью взяло на себя болгарское правительство. На возрождение церкви из бюджета страны было выделено 8 миллионов левов, а всего в процессе ее реставрации было затрачено 12 197 189 левов. Поврежденная живопись южного нефа была восстановлена русским художником-эмигрантом Михаилом Малецким, который впервые почистил и укрепил росписи, а также отреставрировал некоторые иконы. В реставрации принимал участие и болгарский художник Н. Костов, который 30 лет назад, будучи студентом, расписывал храм под руководством профессора М.Т. Перминова¹⁵⁵.

Реставрацию Никольской церкви, в основном, закончили специально к визиту в Болгарию Святейшего Патриарха Алексия I. 4 декабря 1945 г. Болгарский экзарх Стефан писал министру иностранных дел и исповеданий, что восстановление русской церкви свт. Николая Чудотворца еще не завершено,

---

¹⁵³ Григорий (Чуков), митр. Поездка Патриарха Алексия в Болгарию // ЖМП. 1946. № 6. С. 10.

¹⁵⁴ Кострюков А.А. Преодолевший разделение. С. 107, 112; Мосс В. Указ. соч. С. 222.

¹⁵⁵ Киосева Ц. Русская посольская церковь // Новый журнал. Нью-Йорк. 2006. Кн. 243. С. 306.

и просил помочь в этом деле, так как храм должен освятить Патриарх Московский и всея Руси¹⁵⁶. Весной 1946 г. советское правительство остановило действие протокола о временном пользовании русской посольской церковью болгарской стороной и передало храм в пользование архиепископа Серафима.

После окончания основных ремонтно-восстановительных работ, накануне Вербного воскресенья Никольская церковь была освящена, и на само Вербное воскресенье 1946 г. владыка Серафим отслужил в ней праздничную службу. Таким образом, после долгого перерыва русская община вернулась в свой родной храм. По воспоминаниям современников, неизбежным было и празднование Пасхи в 1946 г. Храм был еще в лесах, однако множество народа. Вместе с церковным хором Н.И. Капустина пел хор военнослужащих, находившихся в тот период в составе советских войск в Болгарии. «Пела и славила Воскресшего Христа вся Святая Русь — русское зарубежье с Русью воинской славы», — вспоминал один из участников празднования¹⁵⁷.

Святейший Патриарх Алексей I во время своего первого приезда в Софию 22 мая, в день престольного праздника, когда отмечается перенесение мощей свт. Николая Чудотворца, посетил Никольскую церковь. В этот день впервые в истории Болгарии Божественную литургию совершил Предстоятель Русской Церкви патриаршим чином. Ему сослужили митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) и архиепископ Серафим (Соборлев). На литургии присутствовали многие архиереи — члены Болгарского Священного Синода и регент Царства Болгарии профессор Венелин Ганев. Патриарха с хлебом и солью встречали члены приходского совета и руководство сестричества, многочисленные прихожане.

В приветственном слове архиепископ Серафим выразил радость русских верующих в связи с тем, что они снова находятся в общении с Матерью-Церковью: «Двадцать пять лет мы были разобщены с Матерью нашей — Церковью Российской. Но это разобщение было чисто внешним явлением, ибо в сердцах наших было полное единение с вами, со всеми братьями нашей

---

¹⁵⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 170, л. 47.

¹⁵⁷ Решетникова О.Н. Русский храм в Софии. М., 2012. С. 86.

Родины. С нами было то, что наблюдается на поверхности и в глубине океана. На поверхности его от внешних и случайных причин бывают различные течения, а в глубине океана идет всегда и неизменно одно течение. Так и в глубине нашего существа, в глубине наших сердец было и есть одно неизменное стремление к Матери нашей Церкви»¹⁵⁸. Патриарх в ответном слове поблагодарил за приветствие и подарил храму старинную русскую икону свт. Николая Чудотворца (к прискорбию, украденную весной 1991 г.).

2 июня 1946 г. владыка Серафим написал два рапорта Святейшему Патриарху Алексию I: о необходимости выделить 600 тыс. левов на постройку одноэтажного дома для сторожа и канцелярии при церкви свт. Николая Чудотворца, а также о ежемесячном финансировании русского духовенства в Болгарии из сумм Московской Патриархии в размере 168 тыс. левов (ранее средства выделяли болгарские митрополии и частично Министерство иностранных дел). 18 июня Священный Синод решил удовлетворить эти ходатайства, и в августе Совет Министров СССР выделил необходимую валюту¹⁵⁹.

22 декабря 1946 г., после окончательного завершения реставрации Никольской церкви, ее официально передали в ведение архиепископа Серафима. Первоначально настоятелем храма был протоиерей Георгий Голобцов, однако он скончался в октябре 1947 г. и был похоронен на русском участке Центрального кладбища Софии. После него настоятелем Никольского храма с декабря 1947 г. до кончины 19 июня 1949 г. служил князь, протоиерей Андрей Александрович Ливен, самая видная фигура российского дворянства в Болгарии. Он родился 16/29 октября 1884 г. в имении Змеево близ г. Харькова в аристократической семье, учился в Пажеском корпусе, также окончил Демидовский лицей в Ярославле со званием кандидата юридических наук, с 1914 г. был предводителем дворянства Коломенского уезда Московской губернии (1914). После революции А.А. Ливен воевал в Белой армии, в 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем через Галлиполи в 1912 г. приехал в Болгарию. Он был инициатором издания первого евразийского сборника «Исход к Востоку» в Софии (1921). 22 февраля 1924 г. А.А. Ливен принял

---

¹⁵⁸ Решетникова О.Н. Русский храм в Софии. С. 87.

¹⁵⁹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам русской православной церкви... Т. 1. С. 161–164.

сан священника по обету от владыки Серафима (Соболева) и с 1926 г. был секретарем Епархиального совета при Управлении русскими православными общинами в Болгарии. В 1938 г. протоиерей Андрей Ливен сопровождал архиепископа Серафима на Второй Всезарубежный Русский Церковный Собор в Сремских Карловцах. До марта 1944 г. он служил в русской церкви свт. Николая Чудотворца на ул. Калоян в Софии, а с 1946 г. — настоятелем церкви преподобномученицы Параскевы на бульваре Княгини Марии-Луизы. Отец Андрей также был поэтом, музыкантом и художником-карикатуристом. В последнее время было издано несколько его книг: «Лирика» (М.: Радикс, 1997), «Жития святых. Три шага: [Поэмы]» (М.: Наследие, 2001) и др.

Так как правительство Отечественного фронта запретило церковную благотворительную деятельность, братство при русской общине в Софии в 1945 г. прекратило свое существование, но вместо него было создано сестричество, которое возглавляли духовные дети владыки Серафима: княгиня Ольга Андреевна Ливен (дочь протоиерея Андрея Ливена, позднее игуменья Серафима) и выпускница богословского факультета Софийского университета Надежда Ивановна Ястребова (в дальнейшем монахиня Серафима). Весной 1948 г. на основе сестричества архиепископ Серафим, с разрешения Московской Патриархии создал женский монастырь Покрова Пресвятой Богородицы. Эта новая русская обитель из 10 сестер была устроена в пригороде Софии — селе Княжево. Ее настоятельницей стала принявшая 6 марта 1948 г. монашеский постриг игуменья Серафима (Ливен), казначеей — постриженная в мантию в тот же день монахиня Серафима (Ястребова), а духовником — многолетний секретарь владыки Серафима архимандрит Пантелеимон (Старицкий). Однако официально монастырь не был зарегистрирован¹⁶⁰.

Летом 1949 г. болгары Стоян и Величко Величков «в знак любви к русскому народу» выразили желание подарить архиепископу Серафиму для церковных нужд три апартамента в их доме в Софии и виллу из четырех комнат в селе Банки. В связи с этим владыка обратился в департамент вероисповеданий с просьбой о передаче ему вместо апартаментов Величковых помещения вблизи русского храма свт. Николая Чудотворца для организации женского

---

¹⁶⁰ Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). Фессалоники, 1991. С. 26; Русские храмы и обители в Европе. С. 32.

монастыря, к чему «проявляет большой интерес Московский Патриарх», отмечая, «что монастырь должен будет сыграть роль в борьбе с католиками и протестантами»¹⁶¹.

9 октября 1949 г. Святейший Патриарх Алексей получил письмо архиепископа, в котором он просил помочь в открытии в Софии русской женской обители и ускорении дела о приеме в советское гражданство монахини Серафимы. Уже 11 октября Первосвятитель в письме председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову подчеркнул: «... действительно было бы полезно устройство женского монастыря в Софии в противовес католическим влияниям»¹⁶². Однако у Карпова было другое мнение, в беседе с болгарским послом в СССР С.Д. Благоевой 23 ноября 1949 г. он заявил, «что организация женского монастыря — инициатива архиепископа Серафима, который писал, видимо, об этом Патриарху. Он считает принципиально ненужным организацию подобного монастыря»¹⁶³. В результате устроить русский монастырь в Софии не удалось, но женская монашеская Покровская община в Княжево продолжила свое существование в арендуемом у болгарина частном доме и, в конце концов, была зарегистрирована болгарскими властями. Ее официальное открытие состоялось 16 мая 1950 г.

Следует отметить, что приход к власти правительства Отечественного фронта существенно изменил положение русской эмиграции. 8 сентября 1944 г. был создан Русский комитет при Отечественном фронте, который обратился с воззванием ко всем эмигрантам, призывая достойно встретить советские войска и оказать содействие новому комитету. Уже в сентябре 1944 г. новые власти наложили запрет на эмигрантские организации, якобы пронизанные «фашистской и националистической идеологией». Среди них были Русский академический союз, Объединение русских художников, Объединение русских педагогов, Союз русских инвалидов и др. Прямого отношения к фашизму все эти общества, по свидетельству болгарской исследовательницы Ц. Киосевой, не имели, за исключением Союза галлиполийцев и Союза

---

¹⁶¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 282–283, 318.

¹⁶² Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... Т. 1. С. 486–487.

¹⁶³ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 318–319.

русской национальной молодежи¹⁶⁴. Но и в данном случае следует быть очень осторожным, члены двух последних организаций являлись националистами, но отнюдь не фашистами.

В феврале 1945 г. был упразднен правительственный Комитет по делам русских беженцев и вместо него создана Комиссия по ликвидации русской акции в Болгарии, действовавшая до начала 1950-х гг. 14 июля 1946 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что бывшие подданные Российской империи могут принять советское гражданство и вид на жительство в стране пребывания. Вскоре паспорт № 1 советского гражданина в Болгарии получил архиепископ Серафим (Соболев). Как истинный пастырь, он руководствовался, прежде всего, заботой о судьбе своей паствы, ее физическом выживании и спасении от репрессий. По благословению владыки гражданство СССР приняли многие другие русские священнослужители.

В 1946 г. был создан клуб советских граждан в Народной республике Болгарии, разместившийся в здании бывшего немецкого училища. Кроме этого дома клуб получил от советского посольства в собственность два бывших немецких предприятия¹⁶⁵. В 1949 г. возник Союз советских граждан, которому передали имущество закрытых русских эмигрантских организаций (в 1944 г. их насчитывалось около 100). В 1950 г. оказались закрыты и все прежние русские учебные заведения. Вместо них в том же году в Софии стала действовать смешанная русская средняя школа. Под давлением властей многие эмигранты возвратились в СССР или уехали из Болгарии в страны Западной Европы и США.

Правительство принуждало и Болгарский экзархат увольнять служивших в его юрисдикции русских священников, не принявших болгарское гражданство. Еще 16 апреля 1942 г. был принят указ о разрешении службы в Болгарской Церкви подданных других государств лишь в течение трех лет, считая с 1 августа 1941 г. Однако в августе 1944 г. выяснилось, что в экзархате служат еще как минимум 10 русских священнослужителей, не принявших

---

¹⁶⁴ Кьосева Ц. Документы о жизни русских эмигрантов в Болгарии 1945–1958 гг. // Русская газета. 2004. № 52

¹⁶⁵ Тинин И. Бытие. Исход. Второзаконие: (История глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними: Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 181.

болгарского гражданства. 5 сентября Синод обратился в Министерство иностранных дел и исповеданий с ходатайством о продлении срока службы в Болгарской Церкви «всем русским священникам без подданства» еще на три года, но 1 декабря 1944 г. министерство ответило отказом, «так как они пропустили все сроки получения болгарского гражданства». Правда, Синод не смирился с отказом и еще некоторое время продолжал борьбу по этому вопросу¹⁶⁶.

Во второй половине 1940-х гг. был исключен из Союза художников Болгарии крупнейший русский изограф страны Н.Е. Ростовцев как «не имеющий особых заслуг» в болгарском искусстве. Несмотря на отсутствие официального признания в социалистической Болгарии, Н.Е. Ростовцев продолжал активно работать. В послевоенные годы он помимо фресок и двух икон в русской софийской церкви свт. Николая написал фрески в кафедральном соборе Успения Богородицы в Варне (1950), роспись русского храма-памятника Рождества Христова на Шипке (1959–1961), фрески в церкви Успения Богородицы на центральном софийском кладбище (1969), в кафедральном софийском храме Святой Недели (1973), роспись алтаря в софийской церкви свв. Седмочисленцев (1975), фрески в часовне св. Климента Охридского в Софийской духовной академии (1978) и т.д.¹⁶⁷

Часть русских эмигрантов подверглась репрессиям, пик которых пришелся на июнь 1946 г., в это время были интернированы в так называемые трудовые воспитательные общезития (ТВО — фактически лагеря) с конфискацией имущества 424 эмигранта, обвиненных в сотрудничестве с немцами. К началу 1947 г. в ТВО находился 401 русский эмигрант, а к 1949 г. — 45. В дальнейшем все не принявшие советское гражданство находились в поле зрения органов безопасности. Для наблюдения за высланными из Югославии в 1949–1952 гг. 777 русскими в болгарском МВД была создана специальная секция «белогвардейцы»¹⁶⁸. Последний всплеск репрессий произошел в 1952 — в этом году были арестованы 96 белоэмигрантов.

---

¹⁶⁶ ЦДА, ф. 791к, оп. 2, е. х. 11, л. 93–102, е. х. 106, л. 20–21.

¹⁶⁷ Кьюсева Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. София, 2009. С. 93–95.

¹⁶⁸ *Ее же*. Документы о жизни русских эмигрантов в Болгарии 1945–1958 гг.

Русские священнослужители, как правило, репрессиям не подвергались. Однако в 1946 г. оказался арестован священник Василий Минович, служивший в годы войны в Русском корпусе в Югославии. Он отбывал наказание в ТВО, после освобождения перешел в юрисдикцию Московского Патриархата и был назначен священником русской общины при инвалидном доме в г. Шумене (с 1960 г. и до кончины в 1971 г. отец Василий служил в храме св. вмч. Пантелеимона при русском доме инвалидов в с. Княжево)¹⁶⁹. Кроме того, в конце 1940-х гг. на некоторое время подвергался аресту протоиерей Андрей Ливен, до своей кончины 19 июня 1949 г. служивший в русской Никольской церкви Софии¹⁷⁰.

Более серьезных репрессий позволила избежать деятельность архиепископа Серафима. Он занимал выгодную в то время советскому руководству ярко выраженную антиэкуменическую позицию и в этом качестве неоднократно выступал на международной арене как представитель Московского Патриархата. В частности, в июле 1948 г., на Всеправославном совещании в Москве владыка произнес три доклада, в одном из которых говорил: «Памятуя сущность и цели экуменизма, всецело отвергнем экуменическое движение, ибо здесь отступление от православной веры, предательство и измена Христу. Экуменизм еще не будет торжествовать своей победы, пока он не заключит все Православные Церкви в свое экуменическое вселенское кольцо. Не дадим ему этой победы!»¹⁷¹ В результате участники Московского совещания категорически отвергли саму возможность участия Православных Церквей в экуменическом движении и единогласно приняли резолюцию «Экуменическое движение и Православная Церковь», направленную против «гнезда протестантизма» Америки и Англиканской Церкви.

Владыка Серафим активно боролся и против экуменических и либеральных течений в Болгарской Православной Церкви. В 1949 г. он поместил в болгарском журнале «Църковен вестник» статью, в которой «осудил, как

---

¹⁶⁹ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 245–246.

¹⁷⁰ Квасева Ц. Российская эмиграция в Болгарии. XX век // Новый журнал. 2007. № 247. С. 219–224.

¹⁷¹ Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.А., Васильева О.Ю., Журавский А.А. и др. М., 2008. С. 406.

неканонические, притязания Союза священников на умаление власти Синода и на введение второбрачия, предостерегая от «живоцерковных» ошибок и сползания в экуменизм». А 26 апреля того же года архиепископ писал Патриарху Алексию I обширное послание о необходимости борьбы с экуменическими тенденциями внутри Болгарской Церкви¹⁷².

Одно время в Московской Патриархии и Совете по делам Русской Православной Церкви владыку Серафима (Соболева) рассматривали в качестве кандидата на пост главы Западно-Европейского экзархата вместо митрополита Серафима (Лукьянова). Предварительные переговоры об этом велись с архиепископом Серафимом во время его пребывания на Всеправославном совещании в Москве в июле 1948 г. Владыка не возражал против такого назначения, но поставил условие — взять с собой в Париж несколько священников из Болгарии. 4 августа Святейший Патриарх Алексий написал Г.Г. Карпову о необходимости «исходатайствовать» для архиепископа право въезда во Францию. 16 августа Совет по делам Русской Православной Церкви направил в МИД СССР письмо с просьбой выяснить вопросы: как отразится переход архиепископа Серафима из Болгарии на имеющихся там русских православных приходах, кем он может быть заменен и кого из священников намерен взять с собой в Париж? Московская Патриархия предполагала в качестве преемника Богучарского архиепископа назначить духовного сына владыки Серафима протоиерея Всеволода Шпиллера, который тоже участвовал в работе Московского совещания 1948 г. Эта кандидатура не вызвала особых возражений у Совета по делам Русской Православной Церкви, однако намеченные архиепископом для переезда в Париж священники одобрены не были. В сентябре 1948 г. Г.Г. Карпов информировал отдел Балканских стран МИД СССР: «Совет считает, что в ходатайстве архиепископа Серафима о разрешении взять с собой в Париж из Болгарии перечисленных в его письме к Патриарху Алексию священнослужителей — Андрея Ливена, Ухтомского, Старицкого и Шелехова — должно быть отказано, так как тут

---

¹⁷² Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 2004 г. М., 2004. С. 303, 304–305; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 576, л. 92–97.

явное стремление перебраться из страны народной демократии в более безопасное место»¹⁷³.

1 ноября 1948 г. советское посольство в Болгарии в ответ на запрос Министерства иностранных дел сообщило, что архиепископ Серафим и архимандрит Пантелеимон (Старицкий) «не скомпрометированы своей прошлой и настоящей деятельностью. Пользуются авторитетом среди прогрессивных деятелей Болгарской Церкви. Установили нормальные отношения с Комитетом советских граждан в Болгарии и поддерживают начинания Комитета в области культурной просветительной работы среди новых советских граждан... Посольство не возражает против выезда на работу в Экзархат Старицкого, Никандровой и Шелехова»¹⁷⁴.

Посольство также отмечало, что оно не возражает против назначения протоиерея Всеволода Шпиллера «руководителем Русской Церкви в Болгарии, в связи с выездом архиепископа Серафима», но рекомендовало первоначально назначить протоиерея заместителем архиепископа, что дало бы «возможность Московской Патриархии присмотреться к работе Шпиллера, прежде чем решить вопрос о назначении его главой Церкви». Однако переезд владыки Серафима в Париж не состоялся, в том числе по причине его монархизма. Так, в отзыве советского посольства во Франции в ноябре 1948 г. подчеркивалась связь архиепископа с монархистами вплоть до разгрома фашистской Германии, и сообщалось, что «некоторые советские граждане из бывших эмигрантов опасаются, что в Париже Серафим свяжется с местными монархистами и тем самым повредит Московской Патриархии»¹⁷⁵.

В результате было отклонено и предложение о назначении отца Всеволода. В начале 1950 г. он переехал из Болгарии в СССР. Встретившись сразу после приезда в Москву 7 февраля с заместителем председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С.К. Бельшевым, отец Всеволод в беседе с ним охарактеризовал архиепископа Серафима (Соболева) «как человека

---

¹⁷³ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... Т. 1. С. 393.

¹⁷⁴ Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.). С. 306–307.

¹⁷⁵ Там же; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 419, л. 125, 147.

святой жизни, праведника. Он далек от земных дел. У него милые отношения, и он одинаково целуется со всеми, как с прежними, так и теперешними представителями власти. Ему ориентироваться трудно. Он знает одно, что надо бороться с Союзом священников, как с нарушителем канонов... Окружают архиепископа Серафима, под стать ему, глубоко религиозные, абсолютно лояльные люди. Советское посольство относится к ним хорошо. Им трудно ориентироваться в обстановке, и таким образом представительство Московской Патриархии лишено людей, способных влиять на ход церковных дел в Болгарии. Союз священников нападает на них, как на белогвардейцев, по ошибке получивших советские паспорта»¹⁷⁶.

Относительно благополучное положение русских приходов в Болгарии сохранялось до кончины владыки Серафима. 5 января 1950 г. Министерство иностранных дел СССР сообщило в Совет по делам Русской Православной Церкви, что среди русских священнослужителей в Болгарии находятся в основном советские граждане. При этом подчеркивалось, что архиепископ Серафим, «руководствуясь в своей деятельности указаниями Московского Патриархата», старается «не допускать в число церковных служителей политически скомпрометированных лиц» и проводит курс на сближение с Болгарской Церковью¹⁷⁷.

После кончины архиепископа Серафима 26 февраля 1950 г. первоначально было организовано благочиние Московского Патриархата в Болгарии во главе с архимандритом Пантелеимоном (в миру Михаилом Николаевичем Старицким). Он происходил из семьи помещика, участвовал в Первой мировой войне капитаном лейб-гвардии 2-й артиллеристской бригады, а затем и в Гражданской войне на стороне белых в чине полковника. В 1921 г. М.Н. Старицкий эмигрировал в Болгарию, 17 июня 1934 г. принял монашеский постриг и 16 июля того же года был рукоположен во иеромонаха владыкой Серафимом (Соболевым), келейником и секретарем которого работал много лет. 1 июля 1947 г. отец Пантелеимон был назначен настоятелем монастыря св. Архангела Михаила в Кокаляне, затем служил настоятелем русского храма свт. Николая

---

¹⁷⁶ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 372–373.

¹⁷⁷ Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.). С. 306–307; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 719, л. 1.

Чудотворца в Софии (с июня 1949 по апрель 1952 гг.) и духовником Княжево-Покровского монастыря¹⁷⁸.

В благочинии состояли свыше 20 русских священнослужителей, многие из которых не вызывали доверия у советских властей. 6 марта 1951 г. посольство СССР в Болгарии через МИД прислало в Совет по делам Русской Православной Церкви политические характеристики на 12 священников, из которых 8 являлись бывшими белыми офицерами. В письме отмечалось, что некоторые из них враждебно относятся к СССР, например, архимандрит Кирилл (Попов), отказавшийся в 1946 г. от приема советского гражданства. В этом же письме посольство согласилось с предложением Совета от 24 января 1951 г. о руководстве русскими эмигрантскими священнослужителями присланным из СССР священником¹⁷⁹.

В конце мая 1952 г. Московская Патриархия направила в Болгарию в качестве нового благочинного протоиерея Сергия Казанского. Прежний благочинный — архимандрит Пантелеимон — был назначен настоятелем Кокалянского монастыря св. Архангела Михаила. В письме Г.Г. Карпова в МГБ СССР от 2 июня 1952 г. говорилось, что архимандриту «будет предложено Московской Патриархией приехать в СССР, но вряд ли он согласится на приезд в СССР для постоянного жительства, поскольку он, как и другие эмигранты, по нашему мнению, является с враждебными взглядами». Отец Пантелеимон, действительно, остался служить в Болгарии¹⁸⁰.

Между тем, еще в начале 1951 г. Совет по делам Русской Православной Церкви пришел к выводу (высказанному в письме от 24 января в МИД СССР), что благочиние, «если в нем есть надобность..., должно... ограничиваться русским храмом в г. Софии», и высказался против траты «валюты на содержание десятков священнослужителей из числа б. белогвардейцев»¹⁸¹.

Во время своего пребывания в Болгарии с 30 мая по 6 июня 1952 г. председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) обсудил с руководством Болгарской

---

¹⁷⁸ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 284–285.

¹⁷⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 841, л. 39–45, д. 988, л. 16–17.

¹⁸⁰ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... Т. 1. С. 654.

¹⁸¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 652.

Церкви вопрос о русских общинах в стране. В докладной записке Г.Г. Карпова в бюро президиума Совета Министров СССР от 1 июля 1952 г. отмечалось, что владыкой Николаем «в беседе с митрополитом Кириллом была достигнута договоренность о постепенной ликвидации небольших русских приходов, созданных в свое время эмигрантским духовенством, и об ограничении представительства Русской Церкви храмами в г. Софии и на Шипке, а также о ликвидации впоследствии русских мужского и женского монастырей, существование которых ничем не оправдывается»¹⁸².

3 июля 1952 г. протоиерей Сергей Казанский написал митрополиту Николаю (Ярушевичу) подробную докладную записку о состоянии благочиния, предлагая передать почти все его приходы Болгарскому экзархату: «...русские священники все время жалуются на ущемление их со стороны болгарского духовенства, которое запрещает им совершать требы: крестить, венчать не только у болгар, но даже русских, ограничивая их исполнением треб только в храме. Это говорит о том, что наличие русских приходов и священников вызывало и вызывает сейчас среди болгарского духовенства некоторое недовольство и досаду и поддерживает ненужную рознь... Высшие иерархи Болгарской Церкви в большинстве не имеют ничего против того, что существует русское Благочиние в Болгарии, но они были бы очень удовлетворены, если бы Русская Церковь передала в их ведение русские приходы и оставила одно подворье для представительства в г. Софии, как это имеет место в Москве... Все они, может быть, имели в прошедшем какую-либо ценность и необходимость, но на сегодня они не приходы, а только фикция... Что касается мужского монастыря, то там все русские, но для того, чтобы его оживить, т.е. чтобы он мог существовать самостоятельно, а это по современному времени является главным условием существования всякого монастыря, туда должны влиться другие силы, которые могли себя обрабатывать, а это может сделать только Болгарский Синод, у которого много монастырей»¹⁸³.

Протоиерей отмечал, что главный секретарь Болгарского Синода владыка Иона в беседе с ним «осторожно высказал мысль, что Болгарская Церковь,

---

¹⁸² Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви... Т. 1. С. 654.

¹⁸³ Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.). С. 308–310; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 974, л. 67–73.

как и вся страна, очень многим обязана России, советской власти и Русской Церкви, и что наличие русских приходов в Болгарии не может нарушить родственных отношений самых близких сестер по вере, и что совместное существование двух параллельных однородных приходов только укрепляет родственные связи. Но когда ... был затронут вопрос, как бы отнеслась Болгарская Церковь, если Московский Патриарх нашел нужным и целесообразным передать русские приходы Болгарской Церкви, то владыка Иона ... с пафосом воскликнул: «если Святейший Патриарх Алексей всея Руси найдет нужным и возможным передать русские приходы в юрисдикцию Болгарской Церкви, то это было бы великим актом проявления особой любви к Болгарской Церкви, и Болгарская Церковь записала этот акт на скрижалях своей церковной летописи»». Таковую же позицию занимал и председатель Болгарского Синода митрополит Кирилл, подчеркнувший, что он «принимает в свое ведение, обеспечивает всех русских священников пособием наравне с болгарскими священниками, а равно принимает в свое ведение и два монастыря»¹⁸⁴. Этой докладной запиской о. Сергей Казанский фактически выполнял задание Совета по делам Русской Православной Церкви.

Осенью к отцу Сергию обратились за советом насельницы Княжевского Покровского монастыря: они хотели купить арендуемый ими частный дом на деньги, присланные им два года назад Московской Патриархией специально на покупку здания для женского монастыря. Но протоиерей не дал им окончательного ответа, сославшись на то, что не знает, когда решится вопрос о передаче Покровского монастыря Болгарской Церкви¹⁸⁵.

10 ноября 1952 г. Священный Синод Московского Патриархата принял решение об упразднении своего благочиния в Болгарии и передаче русских общин и монастырей в юрисдикцию Болгарской Церкви. В их число входили приходы в Русе, г. Сталине (Варне, 100–150 прихожан), Пловдиве (36 семей), г. Димитрово (Пернике), Цареброе, на Шипке (35 русских инвалидов), в Княжево (при русском инвалидном доме, 180 прихожан), Кокалянский монастырь св. Архангела Михаила, в котором числилось два архимандрита, один игумен, семь иеромонахов и один послушник (все русские), а также

---

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1024.

Княжевский монастырь Покрова Пресвятой Богородицы, состоявший из игумении, двух монахинь, четырех инокинь, трех послушниц (по национальности – четыре русские, пять болгарок и одна румынка) и духовника иеромонаха Германа (Кошманова). Следует отметить, что в составе Болгарского экзархата уже была одна преимущественно русская по числу насельников обитель — в Ямбольском мужском монастыре Святого Спаса (св. кн. Александра Невского), настоятелем которого с 1947 г. являлся игумен Феодосий (Желязов), в то время пребывало четыре русских монаха и трудника.

В решении о ликвидации благочиния говорилось о необходимости «братски просить Св. Синод Болгарской Православной Церкви простереть любовь и заботу на вышеперечисленные приходы, монастыри и клир и сохранить, по принятию в свою юрисдикцию, русский духовный уклад и быт в Кокалянском монастыре, согласно просьбе его братии... С момента подписания приемо-сдаточного акта передачи упомянутых приходов, монастырей и клира в юрисдикцию Болгарской Православной Церкви считать благочиние русских православных общин в Болгарии упраздненным, с оставлением протоиерея С. Казанского в должности настоятеля Свято-Николаевского русского православного храма в Софии, который именовать подворьем Московской Патриархии»¹⁸⁶.

Российский историк В.И. Косик справедливо отмечал, «что история Русской Церкви в Болгарии в послевоенный период, в сущности, свелась к закрытию русских православных приходов и монастырей. “Белогвардейцы” не были нужны ведомству Карпова, за которым почти всегда было право окончательного решения»¹⁸⁷.

Официально передал русские приходы и монастыри Болгарской Церкви приехавший в начале мая 1953 г. в Софию на интронизацию Патриарха Кирилла во главе делегации Московского Патриархата митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков). После возвращения в Москву в состоявшейся 19 мая беседе с Г.Г. Карповым владыка отметил: «Эта передача резко отрицательно воспринята русским духовенством и прихожанами в Болгарии.

---

¹⁸⁶ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 98–99.

¹⁸⁷ Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.). С. 311.

Вызвало это удивление и среди болгарских митрополитов, которые указывают, что они за свои приходы в Стамбуле борются и не собираются уступать. Русское духовенство обращалось к делегации Московской Патриархии хлопотать о переезде их в СССР. Об этом просили и монахи». Другой член делегации, побывавшей в Болгарии, священник Михаил Чуб в беседе в Совете по делам Русской Православной Церкви 22 мая 1953 г. говорил: «Передача монастыря вызвала “переполох” у монашествующих и боязнь, что после передачи будут изменены монастырские порядки, богослужение будет проводиться на болгарском языке, и монахов “заклюют болгарские попы”. Многие монахи в связи с этим усиленно просят в Советский Союз... Пришлось рассеять их опасения и успокоить в том, что в монастыре будут сохранены русский духовный уклад и быт»¹⁸⁸.

Протоиерей Сергей Казанский был утвержден настоятелем русского храма свт. Николая Чудотворца в Софии, который стал именоваться подворьем Московской Патриархии. Кроме отца Сергея, состоявшую из 500 прихожан общину этого храма окормляли два священника, диакон и псаломщик. Деятельность настоятеля вызывала открытое недовольство верующих, в указанной беседе 22 мая 1953 г. священник Михаил Чуб отмечал: «Казанский как настоятель храма не пользуется любовью своих прихожан, так как в первое время своего пребывания в Болгарии допустил ряд неправильных действий, оттолкнувших от него верующих. Им, например, был закрыт для посещения верующих склеп с останками архиепископа Серафима, находящийся под алтарем церкви, что вызвало большое недовольство прихожан». Кроме того, о. Сергей уволил членов приходского совета и ревизионной комиссии, ликвидировал сестричество. На прежнем месте остались только староста церкви З.С. Губская и кассир-бухгалтер И.П. Политов. В мае 1953 г. и посольство СССР в Болгарии проинформировало Совет по делам Русской Православной Церкви о том, что отец Сергей Казанский «не пользуется любовью своих прихожан». В начале следующего месяца о. Сергей Казанский был отозван в СССР¹⁸⁹.

---

¹⁸⁸ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1054.

¹⁸⁹ Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.). С. 310.

Вернувшись в Москву 6 июня 1953 г., о. Сергей в беседе с Г.Г. Карповым, оправдываясь, говорил, что уже через месяц жизни в Болгарии он «обратил внимание, что в храм св. Николая заходят верующие в подвал к гробнице архиеп. Серафима и суют какие-то записки в гробницу». При ее обследовании он «обнаружил с трех сторон специальные отверстия, в которые, как в почтовый ящик, и опускали записки». Протоиерей вызвал рабочего, который зацементировал отверстия. Однако «поток записок и писем не прекратился. Их стали оставлять около надгробия... Позже выяснилось, что архиепископ Серафим перед смертью говорил, что все, кто хочет получить благодать, должны присылать ему письма. Группа его единомышленников постаралась распространить это “завещание” среди верующих и раздуть почитание Серафима». При возвращении в Москву, о. Сергей Казанский передал дела по управлению подворьем иеромонаху (позднее игумену) Сергию (Канабееву), которому «оставил инструкцию не допускать служить в храме Николая Чудотворца поклонников архиепископа Серафима и, в частности,.. болгарское духовенство, а особенно монахов бывшего Какалянского монастыря»¹⁹⁰.

Отец Сергей (Канабеев) оказался в очень трудном положении: полученная инструкция была невыполнима, поскольку Никольский храм оставался центром, объединявшим почитателей и последователей владыки Серафима, и он сам принадлежал к их числу, причем некоторое время был помощником настоятеля Кокалянского монастыря архимандрита Сергия, брата владыки Серафима. В храме служил болгарин — иеродиакон (впоследствии архимандрит) Сергей (Язаджиев), который также был духовным чадом владыки. Вопреки инструкции новый настоятель старался, чтобы жизнь храма протекала так, как это было при жизни архиепископа Серафима. Как и раньше, Никольский храм славился прекрасным хором, которым руководил болгарский регент А. Вачев. Отец Сергей вновь сделал доступ к гробнице владыки Серафима свободным и принял решение украсить крипту росписями¹⁹¹.

---

¹⁹⁰ Косик В.И. Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.). С. 310–311; ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1101, л. 109–110.

¹⁹¹ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 100.

Почетная работа была доверена духовному сыну владыки иеромонаху Николаю (Шелехову). Этот талантливый русский художник-эмигрант окончил Богословский факультет Софийского университета и в 1932 г. был рукоположен в иерейский сан епископом Серафимом. Он учился в синодальной школе иконописи Сербской Церкви у известного русского мастера Пимена Максимовича Софронова в монастыре Раковице, подвизался в Кокалянском монастыре и в 1953 г. создал иконописную мастерскую в Рильском монастыре, где работал по заказам болгарских монастырей и храмов. Позднее о. Николай преподавал в школе иконописи в русском монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Княжево. В 1954 г. иеромонах Николай искусно расписал крипту, где покоится владыка Серафим. Украсили ее и росписи с изображением прпп. Иоанна Рильского и Серафима Саровского, выполненные признанным мастером церковной живописи, русским художником-эмигрантом из Харькова Н.Е. Ростовцевым. В середине 1950-х гг. продолжалась и роспись стен храма. В частности, северный неф украсила композиция Воскресения Христова, выполненная Н.Е. Ростовцевым. Его же кисти принадлежат большие иконы в южном нефу: Пресвятой Богородицы, свт. Николая Чудотворца, прпп. Иоанна Рильского, Сергия Радонежского и Серафима Саровского¹⁹².

Таким образом, возникшую традицию поклонения могиле владыки Серафима уничтожить не удалось. Следует упомянуть также, что Святейший Патриарх Алексей I во время своих приездов в Софию в 1951, 1957 и 1962 гг. посещал Никольскую церковь и встречался с ее прихожанами. Отец Сергей (Канабеев) служил настоятелем подворья с июня 1953 по март 1957 гг.

В начале 1950-х гг. в Болгарию стали прибывать русские эмигранты из Югославии, высланные в связи с конфликтом между Сталиным и Тито. Так, 5–6 марта 1950 г. был выслан из окрестностей Призрена в Софию будущий Предстоятель Православной Чехословацкой Церкви в сане митрополита иеромонах Иоанн (Кухтин). 29 марта того же года председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Паисий направил его священником в Капиновский женский монастырь свт. Николая Чудотворца, вблизи с. Велчово Велико-Тырновской епархии. В 1951 г. после подачи прошения

---

¹⁹² Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 100.

о возвращении в СССР отец Иоанн был определен на новое место службы в Чехословакию¹⁹³.

В 1950 г. из Сичевского монастыря в Югославии был изгнан в Болгарию бывший насельник валаамского монастыря иеромонах (будущий схиигумен) Герман (в миру Гавриил Николаевич Кошманов, 1880–1973). В июне 1951–1956 гг. он служил духовником Княжево-Покровского монастыря в предместье Софии. В 1956 г. отец Герман уехал в СССР, где позднее принял схиму с именем Сергей, но до своей кончины, случившейся 20 января 1973 г. в Харьковской области, схиигумен переписывался с сестрами Княжево-Покровского монастыря, давая им духовные советы¹⁹⁴.

30 августа 1953 г. в Капиновском монастыре свт. Николая Чудотворца по ходатайству Святейшего Патриарха Алексия I нашли приют 12 имевших советское гражданство монахинь и их духовник иеромонах Иракий из русского Благовещенского монастыря в Сербии (первоначально высланные в Албанию). Их бывшая настоятельница игумения Диодора (Дохторова) и еще три монахини, у которых с другой частью сестер возник конфликт, переехали в Болгарию в 1954 г. Игумении предоставили возможность выбрать себе монастырь для проживания, но она выбрала полуразрушенный скит преподобной Петки-Параскевы вблизи Софии (курорт Банки у с. Клисуры), восстановив его вместе с тремя русскими сестрами и даже построив там новый храм. Все русские монахини находились под особым покровительством высшей болгарской иерархии. Так, духовным отцом матери Диодоры стал епископ Левкийский Парфений (Стоматов). Скончалась игумения в своем скиту в 1978 г., приняв перед смертью постриг в схиму с именем Мария¹⁹⁵.

Несмотря на приток из Югославии, число русских эмигрантов в Болгарии постепенно сокращалось: в 1952 г. их насчитывалось 12, 8 тыс., в том числе 7 тыс. с советским подданством, но затем последние почти полностью

---

¹⁹³ Николай (Трайковский), игум. Указ. соч. С. 30–31.

¹⁹⁴ Всеволод (Филипьев), инок. Указ. соч. С. 228–233.

¹⁹⁵ Гавриил (Динев), архим. Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 324–325; Некролог схиигумении Марии (Дохторовой) // ЖМП. 1978. № 12. С. 51.

переехали в СССР, так как в середине 1950-х гг. при Н.С. Хрущеве была организована акция «Возвращение на Родину»¹⁹⁶.

2 ноября 1954 г. на собрании в Клубе советских граждан в Софии посол Ю. Приходов объявил о постановлении правительства СССР — разрешить бывшим белоэмигрантам, принявшим советское гражданство, въезд на Родину для участия в освоении целинных земель. 7 сентября 1955 г. последовал указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, освобождавший от ответственности лиц, вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они «искупили свою вину патриотической деятельностью на благо своей Родины». Амнистия распространялась и на белоэмигрантов. Активную пропаганду в пользу новой советской инициативы и возвращения в СССР развернул Союз советских граждан в Болгарии.

С весны 1955 г. начался массовый отъезд русских в Советский Союз, и до конца 1958 г. из Болгарии уехало более 90 % обладателей советских паспортов. В начале 1958 г. прекратил свое существование Союз советских граждан. Его функции были переданы специальной секции при Комитете болгаро-советской дружбы, которым руководила болгарская коммунистка Цола Драгойчева. В 1959 г. в стране осталось лишь около 7500 русских эмигрантов, преимущественно принявших болгарское гражданство¹⁹⁷.

Среди уехавших были иеромонах Герман (Кошманов), священник Леонид Дугин и ряд других русских священнослужителей. Однако многие все же остались в Болгарии, в том числе отказавшийся возвращаться «из-за плохого здоровья» и перешедший в 1961 г., после вступления Московского Патриархата в экуменическое движение, в юрисдикцию Болгарской Церкви архимандрит Пантелеимон (Старицкий)¹⁹⁸.

Некоторые русские священники окормляли болгарские приходы до 1960-х и даже 1970-х гг. Только в Пловдивской епархии было не менее четырех таких пастырей: священник Петр Кошелев в 1928–1958 гг. служил настоятелем в храме

---

¹⁹⁶ Заутова (Пчелинцева) Н.Г. Послевоенная организация русских эмигрантов в Болгарии // Русская газета. 2005. № 19; Бялата емиграция в България. С. 69–70; Кьосева Ц. Российская эмиграция в Болгарии. XX век. С. 224–225.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Косик В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. С. 133, 285, 323.

Св. Богородицы с. Борово, протоиерей Иоанн Мухин в 1921–1958 гг. — в храме св. Димитрия г. Пештера, иеромонах Сергей (Виглазов) в 1934–1965 гг. окормляя приход с. Соколовци, а священник Димитрий Щепетнов в 1932–1970 гг. — приход с. Козарско и т.д.¹⁹⁹ Протоиерей князь Николай Павлович Ухтомский оставался настоятелем храма св. вмч. Пантелеимона в с. Княжево до своей кончины 31 января 1960 г. После него с февраля 1960 г. и до кончины в 1971 г. настоятелем этого храма служил упоминавшийся отец Василий Минович.

Иеромонах, затем архимандрит Сергей (Чернов) служил настоятелем храма Рождества Христова на Шипке с 1946 до своей кончины 2 мая 1961 гг. По его инициативе «верующие с помощью солдат Народной армии Болгарии собирали останки (кости) русских воинов, погибших в районе Шипки, Шейново и других местах сражений». В 1960 г. эта работа была закончена и «останки русских воинов собраны в костницу (мавзолей) храма»²⁰⁰.

В 1959 г. была произведена внутренняя роспись храма на средства Московской Патриархии художником Н.Е. Ростовцевым с коллективом художников. Последний русский священник Рождественской церкви о. Иосиф Гордеев служил до сентября 1968 г. В июле 1967 г. храм-памятник на Шипке был передан Комитету по искусству и культуре Народной республики Болгария а 27 декабря 2004 г. — Болгарской Православной Церкви. 3 марта 2003 г. президент России В.В. Путин посетил храм Рождества Христова вместе с болгарским президентом Г. Пырвановым.

Недалеко от храма сохранилось русское кладбище генералов, офицеров и солдат, оказавшихся после 1917 г. в Болгарии и проживавших в приюте Российского общества Красного Креста для увечных и престарелых воинов на Шипке. Кладбище возникло в начале 1920-х гг. и официально действовало до 1936 г. К началу 2010-х гг. оно пришло в запустение и практически полностью заросло горным лесом. 20 июня 2013 г. был создан инициативный комитет по возрождению русского кладбища, а 13 августа 2013 г. в Болгарии была объявлена национальная кампания по его восстановлению, разработан проект

---

¹⁹⁹ Паралингов Э. Русские священники-эмигранты, служившие в Пловдивской епархии после 1920 года (по документам архива и библиотеки Пловдивской митрополии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II. 2006. Вып. 4 (21). С. 58–59.

²⁰⁰ Александров Н. Памяти архимандрита Сергея (Чернова): (К пятилетию со дня кончины) / ЖМП. 1966. № 7. С. 56–57.

мемориализации и обустройства. 27 февраля 2014 г. рядом с храмом был открыт мраморный мемориальный знак в память всех погребенных на русском кладбище в 1920-х — 1970-х гг. В 2013–2016 гг. территория кладбища была очищена волонтерами и стала доступной для посещения.

Духовные дети и ученики архиепископа Серафима (Соболева) составили костяк фактически существовавшей с 1968 г., но официально созданной в январе 1993 г. старостильной Болгарской Православной Церкви. Большинство из них, в том числе архимандриты Пантелеимон (Старицкий), Серафим (Алексеев), Сергей (Язаджиев), иеромонах Серафим (Дмитриевский) до конца своих дней сохраняли верность юлианскому календарю и выполняли завет владыки «не иметь ничего общего с ересью экуменизма». Основанная архиепископом Покровская женская обитель в Княжево с 1968 г. и до сих пор является единственным старостильным монастырем в Болгарии²⁰¹.

Приходская жизнь оставшейся русской церкви свт. Николая Чудотворца в Софии с 1953 г. длительное время возглавлялась в основном служившими в храме болгарскими клириками и постепенно начала приходить в упадок. В середине 1950-х гг. произошли существенные изменения в жизни прихода Никольского храма, которые были обусловлены тем, что русская эмиграция в Болгарии перестала существовать как единая и влиятельная общность. Как уже говорилось, в 1959 г. в стране осталось 7500 русских эмигрантов. Их число неуклонно сокращалось и дальше: старшее поколение постепенно уходило из жизни, их дети уезжали за границу, а те, что оставались, ассимилировались и редко пополняли ряды прихожан русского храма. Не повлияла на увеличение числа прихожан и приезд в Софию многочисленных советских специалистов в связи с активным развитием политических и экономических отношений между СССР и Народной республикой Болгария, так как они в основном придерживались атеистических взглядов.

Таким образом, число прихожан Никольской церкви резко уменьшилось, значительно сократилась доля русских, и с каждым годом их становилось все меньше. Такая тенденция сохранялась вплоть до начала 1990-х гг. Число же болгарских богомольцев, хотя и медленно, росло, и, прежде всего, за счет

---

²⁰¹ Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). Джорданвилл, 1951. С. 23; Всеволод (Филиппев), инок. Указ. соч. С. 230–231; Бойкичева К.-А. Указ соч. С. 194.

почитающих святителя Серафима. Как и при жизни, так и после смерти владыки к нему шли люди с мольбой о заступничестве. По всей Болгарии рассказывали о чудесах, происходивших по молитвам к владыке Серафиму, на его гробницу непрерывным потоком люди несли свои письма²⁰².

В конце 1956 г. встал вопрос о закрытии самого подворья Московского Патриархата. Решающую роль в его сохранении сыграла позиция Болгарского Синода, который категорически возражал против неизбежного в таком случае закрытия и подворья Болгарской Православной Церкви в Москве. 11 января 1957 г. руководство Министерства иностранных дел СССР сообщило в Совет по делам Русской Православной Церкви, что, хотя расходы на содержание подворья составляют 39–40 тысяч рублей, а доходы — 30 тысяч, закрытие его нецелесообразно с учетом позиции Болгарской Церкви²⁰³.

В марте 1957 г. игумен Сергей (Канабеев) с разрешения Московской Патриархии уехал за границу, на его место в том же месяце был назначен протоиерей Павел Майдачевский, русский эмигрант, ранее бывший клириком Болгарской Церкви. Он не пользовался авторитетом, и в результате его деятельности и без того поредевшие ряды прихожан Никольского храма сократились еще больше. Этот процесс усилился, когда в 1957 г. из состава церковного причта ушел известный богослов и проповедник архимандрит Сергей (Язаджиев). С его уходом стала особенно очевидна утрата общиной храма своего прежнего лица, во многом исчезли традиции, заложенные архиепископом Серафимом.

По просьбе прихожан в сентябре 1957 г. протоиерея Павла Майдачевского заменили, и 15 сентября Московская Патриархия вместо него назначила болгарина архимандрита Мефодия (Жерева), который был первым настоятелем открывшегося 17 июля 1948 г. подворья Болгарской Церкви в Москве. В Никольской церкви он нес свое послушание более 15 лет до декабря 1972 г. Под руководством отца Мефодия Никольский храм лишь формально являлся представительством Московского Патриархата. Советское же посольство храм интересовало только как место, где регулярно собирались «остатки белоэмигрантов», которых в обстановке холодной войны подозревали в шпионаже и антисоветской деятельности²⁰⁴.

---

²⁰² Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 101–102.

²⁰³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1534, л. 1.

²⁰⁴ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 103.

В период настоятельства архимандрита Мефодия не было приходского совета, ревизионной комиссии, церковного старосты и даже кассира-бухгалтера — он единовластно управлял храмом. Неожиданно, якобы из-за отсутствия средств, впервые в истории Никольского храма возникла проблема с хором, и дело дошло до того, что богослужения начали совершаться в сопровождении магнитофонных записей. Это вызвало резкое возражение прихожан, и вскоре такая практика была отменена. Однако ежедневные богослужения прекратились, и литургии стали нерегулярными, при этом сам чин богослужения был сокращен. В конце концов в храме прекратили колокольный звон, сестричество было упразднено, не велась просветительская работа, не проводились беседы на духовные темы ни с взрослыми, ни с детьми. В результате приход перестал быть единой и сплоченной общностью. Только к гробнице владыки Серафима по-прежнему не иссякал поток богомольцев. Переход Болгарской Православной Церкви на новоюлианский календарный стиль в 1968 г. вызвал смуту и нестроения в церковной жизни. Хотя в Никольском храме остался старый стиль, некоторые духовные чада архиепископа Серафима перешли из него в храм Покровского монастыря Пресвятой Богородицы в Княжево, желая поддержать его насельниц, сохранивших верность юлианскому календарю²⁰⁵.

В 1970 г. на средства, выделенные Московской Патриархией было выполнено новое золочение куполов и карнизов Никольского храма. В декабре 1972 г. архимандрит Мефодий был назначен игуменом Рильского монастыря и нечасто бывал в Софии. Болгарский Синод направил в Никольский храм исполняющим обязанности настоятеля протоиерея Михаила Лучева (до декабря 1973 г.), который, будучи клириком софийского кафедрального храма Святой Недели, продолжал одновременно служить и в нем. Таким образом, связи прихожан со своим настоятелем существенно ослабли.

Только в конце 1973 г. после долгого перерыва Московская Патриархия снова стала посылать в Софию настоятелей храма-подворья из СССР. В декабре 1973 г. — августе 1975 г. эту должность занимал клирик Владимирской епархии протоиерей Аркадий Тыщук. Был возобновлен колокольный звон. После 22-летнего перерыва в храме опять заработали приходской совет

---

²⁰⁵ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 103.

и ревизионная комиссия, члены которых теперь не выбирались, а назначались настоятелем, а затем утверждались Болгарским Синодом. В приходской совет вошли авторитетные и уважаемые люди: Н.М. Дылевский — дуайен русской эмиграции в Болгарии, известный славист, он возглавлял кафедру русской филологии в Софийском университете, преподавал русский язык на богословском факультете и в духовной академии; Н.Е. Ростовцев — известный художник; В.А. Говорухин — бывший иподиакон у архиепископа Серафима; а также В. Балев и А.Ф. Редько. Председателем ревизионной комиссии стал А.П. Берков, работавший еще при владыке Серафиме. Возобновило свою деятельность и сестричество, оживилась приходская жизнь, вновь стали проводиться религиозные беседы²⁰⁶.

В сентябре 1975 г. — январе 1985 г. настоятелем Никольского храма был клирик Виленско-Литовской епархии архимандрит Никита (Якеревич). В период его служения — с 1975 по 1977 гг. — по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена и при содействии Патриарха Болгарского Максима была проведена расчистка и реставрация росписей храма. Работы финансировались Болгарским Священным Синодом, Комитетом по делам Болгарской Церкви, Софийским городским советом, приходской общиной и производились коллективом болгарского Национального института памятников охраны культуры под руководством художницы С. Бaeвой. В отличие от реставрации 1945–1946 гг., когда было проведено промывание растворителями, на этот раз использовалась иная техника — стирание специальными резинками, что привело к значительному потускнению живописи. Заново был укреплен живописный слой, причем использовалась техника, близкая к авторской, были законсервированы деревянные элементы снаружи и черепичная крыша. Через пять лет, в 1982 г., был заново позолочен иконостас. В 1972, 1975, 1977 и 1983 гг. Никольский храм посещал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен²⁰⁷.

После отъезда на Родину архимандрита Никиты 25 января 1985 г. в Софию прибыл новый настоятель, клирик Симферопольско-Крымской епархии

---

²⁰⁶ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 104; *Иннокентий (Павлов)*, игум. Русский храм в Софии // Славяноведение. 1994. № 4. С. 68.

²⁰⁷ Русские храмы и обители в Европе. С. 32.

протоиерей Николай Дзичковский, священник в четвертом поколении (служивший настоятелем Никольского храма до июня 1995 г.). Он, как и его предшественник, заботился о благоустройстве храма (в состав причта также входил молодой энергичный болгарский священник Симеон Минчев). Летом 1987 г. была заново отделана многоцветным мрамором гробница владыки Серафима. В следующем году полностью отреставрировали крипту, где были оборудованы помещения для проведения приходских собраний, спевков хора, канцелярия для приема посетителей и библиотека. Также была проведена внешняя покраска храма, а болгарский художник А. Радушев отреставрировал иконы иконостаса²⁰⁸. Таким образом, благоустройство и украшение Никольского храма проводилось даже в последние годы существования СССР.

В 1990-е гг. в новой обстановке прозападной ориентации руководства Болгарии Никольский храм постепенно становится объединительным центром русской диаспоры. Его посещали и эмигранты первой волны, и бывшие советские граждане, приехавшие на постоянное жительство в Болгарию за последние десятилетия и ранее не испытывавшие потребности ходить в храм. В русскую церковь начинают ходить и сотрудники российских заграничных учреждений, прежде всего посольства.

8 ноября 1992 г. широко отмечалось 40-летие Никольской церкви в качестве подворского храма Московского Патриархата. Был отслужен торжественный молебен, на котором присутствовали Святейший Патриарх Болгарский Максим, главный секретарь Синода Болгарской Православной Церкви епископ Левкийский Неофит, а также многочисленные сотрудники посольства России во главе с послом А.А. Авдеевым. Это стало отражением качественных перемен в российском обществе. Храм фактически вновь стал посольским²⁰⁹.

В начале 1990-х гг. впервые за время существования советского посольства в Софии российские дипломаты решили навести порядок на русском кладбище, которое пришло в ужасное состояние. На первом этапе было приведено в порядок кладбище ветеранов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Там торжественно установили привезенную из Москвы в разборном виде металлическую часовню.

---

²⁰⁸ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 105-106.

²⁰⁹ Там же. С. 106–107.

Благодаря контактам с эмигрантами первой волны, в российском посольстве обратили внимание и на одиноких больных русских людей, живших в созданном в 1920-е гг. инвалидном доме в Княжево. В посольстве собирали пожертвования, на которые закупались подарки к Рождеству и Пасхе. Делегация посольства (обычно это были жены посла, советника посланника, военного атташе и торгпреда) навещала своих соотечественников и вручала подарки. Некоторые семьи брали своего рода шефство над стариками, регулярно приезжали к ним, общались, помогали деньгами, лекарствами. С тех пор работа на русском кладбище и поездки в инвалидный дом стали традиционными для сотрудников российского посольства.

19 мая 1994 г. прихожане Никольского храма торжественно встретили Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, прибывшего в Болгарию с визитом к Патриарху Болгарскому Максиму. Первоиерархов сопровождали многочисленные иерархи Болгарской Церкви, и ранее неоднократно принимавшие участие в праздниках русского храма. Совместно была отслужена заупокойная лития у гробницы свт. архиепископа Серафима. По благословию двух Патриархов было решено приступить к реставрации Никольской церкви²¹⁰.

Сотрудники российских зарубежных учреждений приняли активное участие в сборе средств на ее капитальный ремонт и реставрацию. В мае 1994 г. был создан специальный комитет во главе с послом А.А. Авдеевым, который за короткий срок собрал свыше 200 тысяч долларов. Для оценки объема и характера работ из Москвы был приглашен известный реставратор и искусствовед С.В. Ямщиков, который посоветовал поручить дело бригаде под руководством заслуженного деятеля культуры Российской Федерации А.С. Кузнецова. Были приглашены также болгарские художники-реставраторы из Центра по консервации и реставрации художественных ценностей при Министерстве культуры: А. Икономова, Л. Каравелова, Е. Вакова, З. Петров и другие.

Работы начались уже в июне 1994 г. и проводились под контролем посольского комитета. Прежде всего были очищены от копоти и отреставрированы стенные росписи. Благодаря тонкой, кропотливой работе мастерам удалось ликвидировать огрехи предыдущей реставрации. С особой тщательностью

---

²¹⁰ Решетникова О.Н. Указ. соч. С. 110.

расчистили иконы. Храм засиял новыми красками, и только небольшой черный квадратик наверху, специально оставленный реставраторами, напоминал о прежнем плохом состоянии живописи. Болгарская организация «Главбулгарстрой» бесплатно переоборудовала вентиляционное устройство, неисправность которого способствовала оседанию копоти, пыли и влаги на росписи, а также отремонтировала отопительную систему и канализацию. Мастера также починили крышу, позолотили купола, произвели внешнюю покраску.

В 1996 г. по заказу посольского комитета монахини-художницы из иконописной мастерской Покровского монастыря Пресвятой Богородицы в Княжево расписали крипту храма (перед гробницей свт. архиепископа Серафима). Болгарские ученицы русского художника отца Николая Шелехова под руководством талантливой сестры Магдалины (Начевой) создали росписи, удивительные по красоте и глубине содержания. Несколько исполненных ими сюжетов объединены темой «Архиепископ Серафим — покровитель Софии». Средствами иконографии художницы сумели рассказать и о праведной жизни святителя Серафима, и о его борьбе за чистоту Православия, и о своей безграничной любви к нему. Благодаря этим росписям имя безвременно погибшей сестры Магдалины навсегда соединилось с именем владыки Серафима. Таким образом, в храме удалось создать единый ансамбль росписей, и Никольская церковь стала украшением центра Софии. Именно искусным мастерицам Покровского монастыря была также доверена реставрация легендарного Самарского знамени — символа русско-болгарского боевого братства времен войны 1877–1878 гг.

Когда в Софии экспонировалась привезенная из России выставка церковной утвари, изготовленной в Софрино, несколько семей российских дипломатов из числа прихожан купили для храма замечательной работы запрестольный образ Пресвятой Богородицы, дарохранительницу и рипиды. Посольство также передало в дар новый престол. Большим праздником для всех русских жителей Софии было торжественное освящение Никольского храма после окончания ремонтно-реставрационных работ. Заслуги посла России Болгарии А.А. Авдеева были отмечены высокой церковной наградой — указом Святейшего Патриарха Алексия II он был награжден орденом св. кн. Даниила Московского²¹¹.

---

²¹¹ Там же. С. 111–112.

В июне 1995 г. уехал из Болгарии протоиерей Николай Дзичковский, который позднее говорил, что последние годы пребывания в Софии были самыми счастливыми в его пастырской жизни. С этого времени настоятелями подворья Московского Патриархата служили: протоиерей Сергей Трухачев (июнь 1995 — май 1998 гг.), протоиерей Александр Карягин (май 1998 — апрель 2008 гг.), игумен Исидор (Минаев, апрель 2008 — март 2009 гг.), иеромонах Зотик (Гаевский, март 2009 — май 2011 гг.), архимандрит Филипп (Васильцев, мая 2011 — апрель 2018 гг.) и архимандрит Вассиан (Змеев, с апреля 2018 г.). В 2014 г. было торжественно отмечено 100-летие русского храма во имя свт. Николая Мирликийского в Софии. В следующем году Русская Православная Церковь прославила в лике святых архиепископа Серафима (Соболева).

Таким образом, за свою длительную историю русская церковная диаспора в Болгарии знала разные периоды, в том числе расцвета и упадка. Но она всегда оставалась заметным явлением в церковной жизни страны, подарив ей целую плеяду выдающихся богословов, пастырей, архипастырей и укрепляя многовековые связи Русской и Болгарской Церквей.

4. Российская церковная эмиграция в Греции

После окончания Второй мировой войны число российских эмигрантов в Греции сильно сократилось, многие переехали в США. Однако русская Свято-Троицкая община в Афинах продолжила свою деятельность²¹². В 1947 г. нью-йоркская газета «Заря» отмечала: «Трагедия русских людей, изгнанных из родной страны коммунистической властью, хорошо известна всем. Многие из них живут и в Греции — это русские эмигранты, с которыми их соотечественники — афонцы — поддерживают давнишние дружеские связи, оказывая друг другу также и материальную поддержку... Гостеприимный греческий народ сочувственно относится к этим русским беженцам, видя в них своих собратьев — православных христиан, и еще потому, что они “предпочли свободу”, которой так дорожат свободолюбивые греки»²¹³.

---

²¹² Новое русское слово. Нью-Йорк. 1962. 27 октября.

²¹³ Заря. Нью-Йорк. 1947. 29 декабря.

В начале октября 1952 г. Афины посетил известный архиерей Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Детройтский Серафим (Иванов), который так позднее описал свои впечатления от русской общины: «Там [в аэропорту] меня ожидало много народу: настоятель русского прихода архимандрит Николай, ныне настоятельствующий в Вашингтоне у нас в США, княгиня Софья Илларионовна Демидова, недавно умершая, представители русской колонии во главе с ее председателем И.Н. Хаджи-Лазарем, несколько священников и другие лица. 14 лет не видели Афины русского епископа, потому и встречали так парадно. После обмена приветствиями мы поехали в город. Мне было приготовлено помещение у вдовы бывшего греческого премьер-министра Ирины Порфирьевны Ралли, которая любезно пригласила меня остановиться в ее просторной квартире.

Госпожа Ралли оказалась милой русской женщиной и очень гостеприимной хозяйкой. О ней у меня сохранились самые добрые воспоминания. Ее добрая знакомая, помогавшая вести хозяйство, Александра Петровна, оказалась родной сестрой моего бывшего командира артиллерийского дивизиона в гражданскую войну полковника П.П. Шкурко... В тех же Афинах встретил я и своего бывшего командира роты, 10-ой роты Корниловского полка (тогда еще не развернувшегося в дивизию), — поручика, потом полковника, а ныне священника о. Константина Федорова, милого “дядю Костю”, как его любовно называли сослуживцы...

На другой день по прибытии в Афины, сопровождаемый архимандритом Николаем, я сделал визит Великой Княгине Елене Владимировне, которая по покойному супругу принадлежит также и к греческому королевскому дому... Великая Княгиня была очень любезна, много расспрашивала о владыке Митрополите Анастасии и вообще о церковной жизни в Америке. Она — строгая соборянка и всецело предана нашей Заграничной Синодальной Церкви. Я был ею еще два раза приглашен, оба раза к завтраку. Сделал я визит и главе Элладской Церкви архиепископу Спиридону. Впервые я познакомился с пышным восточным этикетом. Великая Княгиня представила мне свой дворцовый автомобиль. У ворот архиепископии меня ожидали два каваса, в национальных греческих одеждах — род почетной стражи. Кавасы помогли мне выйти из машины и тотчас передали двум иеродиаконам. Последние проводили меня через небольшой двор к парадному входу в здание.

У входа меня ожидали два иеромонаха, а внутри в зале — два архимандрита, которые и проводили меня на второй этаж в кабинет архиепископа, который встретил меня у порога.

Мы довольно оживленно, хотя и через переводчика, беседовали около 20 минут, причем владыка архиепископ с интересом расспрашивал про владыку Митрополита Анастасия и про церковную жизнь в США. По моему ходатайству он назначил священника о. Константина Федорова настоятелем русской церкви в Пирее и обещал позаботиться о приискании достойного настоятеля в русскую Афинскую церковь, на место уезжавшего в США архимандрита Николая. Когда пишутся эти строки, в Афинах уже настоятельством архимандрит Илья — русский грек, окончивший в России духовную семинарию.

При расставании архиепископ Спиридон просил передать Митрополиту Анастасию его привет и наилучшие благожелания. Мне было разрешено служить в русской церкви, чем я и воспользовался в ближайшее воскресенье... Большевики неоднократно пытались ее отобрать, но их попытки не увенчались успехом, только русскому приходу пришлось временно перейти в юрисдикцию Элладской Церкви. Однако весь церковный чин богослужения остается русским. Прихожане и весь церковный совет — русские. Несколько десятков лет во главе совета стояла вышеупомянутая недавно скончавшаяся княгиня С.И. Демидова, вдова последнего императорского посла в Греции. Ее в Афинах все знали, и она пользовалась очень большим уважением. Мне она оказала много внимания, несколько раз приглашала к обеду, устроила так, что приходской совет преподнес мне красивую митру работы иноков Александро-Невской лавры, и вообще оказывала всяческое содействие. Вечная ей память! В Афинах я пробыл около недели»²¹⁴.

В конце 1952 г. архимандрит Николай (Пекаторос) переехал в США и с 1953 по 1980 гг. служил настоятелем Иоанно-Предтеченского собора в Вашингтоне в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей. Он был награжден двумя золотыми наперсными крестами и правом служить литургию с открытыми Царскими вратами. В 1969 г. о. Николай был избран для

---

²¹⁴ См.: *Серафим (Иванов), архиеп.* Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю (через Рим, Афины, Константинополь, Бейрут — на самолете). Рукопись.

рукоположения в сан епископа в Австралию, но отказался принять архиерейский сан по состоянию здоровья. С 1980 г. он пребывал на покое и скончался 26 февраля 1996 г. в США.

В связи с отъездом прежнего настоятеля Свято-Троицкой церкви 30 января 1953 г. на заседании ее приходского совета было единогласно принято обращение к Афинскому архиепископу о назначении настоятелем русского Свято-Троицкого храма священника Илии Апостолова. В этом документе говорилось: «Отец Илья, неоднократно служивший в нашей церкви, пользуется всеобщей любовью и уважением прихожан, и его кандидатуру на данную должность горячо поддерживает и Союз русских эмигрантов в Греции, являющийся центральной организацией проживающих в этой стране белых русских. Воспитавшийся в русской богословской и военной школах, отец Илья был в свое время рукоположен в священники в России, откуда был выслан в 1927 г. как враг коммунизма и советской власти»²¹⁵.

Прошение прихожан было удовлетворено. Став в феврале 1953 г. настоятелем Свято-Троицкого храма, отец Илия пользовался большой любовью своей паствы, в дальнейшем он написал и опубликовал книгу по истории Русской Церкви к 100-летию восстановления храма российским правительством. В 1955 г. священник окончил богословский факультет Афинского университета. В это время в храме пел замечательный хор, регентом которого был Дмитриев. Очень хороший голос имел и диакон Василий, ранее певший в знаменитом хоре донских казаков под руководством Сергея Жарова, который в 1928 г. приехал в Грецию на гастроли. Тогда о. Василий, влюбившись, навсегда остался в Афинах.

В 1954 г., Великая Княгиня Елена Владимировна, покровительствовавшая русской общине, сумела настоять на реставрации находившегося под угрозой обрушения византийского купола Свято-Троицкой церкви и на придании ему первоначального вида (высота барабана была увеличена, перебран потолок, установлены новые керамические плитки на сам купол). В 1950-е гг., когда городские власти решили убрать окружавшую храм красивую чугунную решетку, отлитую в 1850-х гг. в Санкт-Петербурге, русские эмигранты сняли ее

---

²¹⁵ *Жалнина-Василькиоти И.Л.* Судьба пастыря: отец Илья (Апостолов) в эмиграции в Греции (1927–1976) // Люди и судьбы Русского зарубежья. Сборник статей. М., 2011. С. 252–253.

и перенесли к Русскому дому в квартале Аргируполис. 5 октября 1955 г. во время работ в восточной части двора Свято-Троицкой церкви обнаружили кладбище с костницей. Из древних хроник было известно о существовании здесь захоронений киевских горожан и монахов, захваченных в плен татарами и проданных на невольничьем рынке в Константинополе. Работами в церкви руководил известный греческий византолог и археолог Хадзидакис. После получения разрешения от Элладской Церкви обнаруженные останки 7 октября 1955 г. были бережно перенесены в крипту храма (трудами инженера А. Астериноса)²¹⁶.

В 1958 г. отец Илия Апостолов, по просьбе настоятеля Свято-Пантелеимоновского монастыря игумена Илиана, помогал получить разрешение на вывоз из обители нескольких церковных книг, изданных до 1870 г. С этой целью он обращался в Министерство народного просвещения, о чем писал о. Илиану 12 июня 1958 г.²¹⁷

Отец Илия Апостолов служил настоятелем Свято-Троицкого храма до 1961 г., затем по приглашению главы русской Американской митрополии митрополита Леонтия (Туркевича) он переехал в Канаду, где был принят в состав клира митрополии, пострижен в монашество с именем Анатолий и возведен в сан архимандрита. 10 сентября 1961 г. он был хиротонисан во епископа Монреальского и Канадского, однако уже в декабре того же года по состоянию здоровья из-за сурового климата Канады вернулся в Грецию. В марте 1962 г. владыка Анатолий был официально освобожден от управления Канадской епархией. После этого он кратковременно вернулся в Канаду, чтобы снова возглавить епархию, но в июле 1962 г. уже навсегда покинул ее и снова уехал в Грецию. В октябре этого года, по своему прошению, он был исключен из клира Американской митрополии с выдачей отпускной грамоты. С 1962 по 1966 гг. епископ снова служил настоятелем русской церкви Пресвятой Троицы в Афинах. В 1966 г. он по болезни вышел на покой и проживал в Афинах, где состоял председателем Союза русских военных инвалидов в Греции

---

²¹⁶ Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2016. С. 293–294; Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы) / Афины // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 100; Карманов Е. Путешествие русских паломников по святым местам Востока в 1964 г. // ЖМП. 1965. № 4. С. 31.

²¹⁷ АРПМА, оп. 42, д. 634, док. 3107, л. 1.

(с 1961 г.). Скончался владыка Анатолий 26 июня 1976 г. и был погребен, вместе с дочерью Еленой, на афинском кладбище в районе Кессарьяни²¹⁸.

Для состарившихся представителей первой волны российской эмиграции стараниями русской афинской общины в середине 1950-х гг. на восточной окраине столицы (в квартале Аргируполи, на ул. Илектрополеу, 45) был устроен Русский дом престарелых для малоимущих и одиноких, нуждающихся в помощи российских эмигрантов. Для его строительства и сбора средств в 1955 г. было учреждено специальное благотворительное общество, получившее название Христианское человеколюбивое общество «Святая Троица» (посвящение Пресвятой Троице напоминало о том, что инициатором этого богоугодного дела являлся русский Троицкий приход в Афинах). Главным строителем здания богадельни был настоятель Свято-Троицкой церкви отец Илия Апостолов.

Созданию Русского дома престарелых активно помогали упоминавшаяся вдова греческого принца Николая Георгиевича Великая Княгиня Елена Владимировна. Впоследствии она присутствовала при всех важнейших моментах сооружения Русского дома. На личные средства Елены Владимировны и финансовую помощь Всемирного Совета Церквей был приобретен участок земли площадью 3300 кв. метров. 14 января 1956 г. Великая Княгиня заложила фундамент первоначального двухэтажного здания, рассчитанного на 40 человек, получив на эти работы из ООН 25 тысяч долларов. В августе строительство дома было завершено, а в конце декабря 1956 г. в нем поселились первые 13 престарелых мужчин и женщин²¹⁹. Директором Русского дома стала старшая сестра (председатель) сестричества при Свято-Троицкой церкви Елена Александровна Кузуб.

В 1961–1962 гг. по инициативе рукоположенного в сан епископа Илии (Апостола) в центре разбитого перед четырехэтажным корпусом красивого сада

---

²¹⁸ Жалнина-Василькиоти И.Л. Судьба пастыря: отец Илья (Апостолов) в эмиграции в Греции (1927–1976). С. 253, 255; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997 / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 1. М., 1999; Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 23. «Некролог» // Православная Русь. Джорданвилл. 1976. № 14; Русская мысль. Париж. 1976. 30 июля.

²¹⁹ См.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Судьба пастыря: отец Илья (Апостолов) в эмиграции в Греции (1927–1976).

возвели каменную шатровую церковь преп. Серафима Саровского. Автором проекта являлся инженер-строитель Семен Васильевич Долгополов. Небольшое отдельно стоящее белое здание церкви было построено в русском стиле. Еще в 1959 г. ее будущие прихожане обратились к братии русского Свято-Пантелеимоновского монастыря за помощью в устройстве иконостаса, и 23 сентября Собор старцев решил пожертвовать иконостас из церкви на дальней арсане Крумицы. В дальнейшем этот трехъярусный деревянный позолоченный иконостас XIX в. привезли в Афины и установили в церкви, которую в 1962 г. освятил епископ Анатолий (Апостолов). На освящении присутствовала дочь Великой Княгини Елены Владимировны принцесса Ольга. 27 сентября 1961 г. Собор старцев Руссика также пожертвовал для Серафимовского храма железный крест²²⁰. Большую икону преп. Серафима Саровского, освященную на его мощах в 1903 г., подарили Лидия и Елизавета Котовы.

Помощь Русскому дому со стороны ООН продолжалась до 1967 г. и покрывала большую часть расходов. На каждого проживающего также выдавали разовое пособие в размере 24–30 тысяч долларов в год. При первом директоре Е.А. Кузуб в Русский дом принимали в первую очередь неимущих и бессемейных эмигрантов из России, затем круг призываемых расширился. Всего за четыре с лишним десятилетия своей деятельности Русский дом принял более 300 эмигрантов, обеспечив им достойный уход. О них заботилось и особое сестричество, возглавляемое Великой Княгиней Еленой Владимировной, именем которой была названа богадельня. При Русском доме возник небольшой музей, куда поступил ряд личных вещей его почивших обитателей: иконы, фотографии, письма, картины, памятные сувениры, вывезенные из России. Была собрана и хорошая библиотека, в фонды которой вошли книжное собрание прекратившего в конце 1970-х гг. существование Союза русских эмигрантов Македонии-Фракии, а также книги, пересланные по почте братией Руссика. По традиции, скончавшихся обитателей богадельни хоронили на Русском кладбище в Пирее²²¹.

---

²²⁰ АРПМА, оп. 10, д. 243, док. 3753, л. 70об, 88.

²²¹ См.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Судьба пастыря: отец Илья (Апостолов) в эмиграции в Греции (1927–1976); *Ее же*. Русские некрополи в Элладе. М., 2013; Русские храмы и обители в Европе.

После случившейся 14 марта 1957 г. кончины Великой Княгини возникли финансовые и административные проблемы, которые привели к тому, что в 1969 г. встал вопрос о передаче Русского дома Швейцарии или его подчинении Афинской архиепископии. Однако служивший с 1966 г. настоятелем русской Свято-Троицкой церкви в Афинах выходец из России — грек архимандрит Тимофей (в миру Тимофей Георгиевич Саккас) взял на себя управление домом и вывел его из сложной экономической ситуации (в 1972 г. он сменил на посту председателя Христианского человеколюбивого общества «Святая Троица» Елену Козадину). При этом о. Тимофей сохранил в доме музей русской эмиграции, а также архив церкви Пресвятой Троицы и частные архивы умерших в Греции российских беженцев. При архимандрите Тимофее в 1978 г. был заложен фундамент нового здания, которое открыли в 1981 г. (старое здание позднее снесли). С этого времени убежище стало называться Греко-русским домом престарелых. В новое здание перевезли не только музей и архивы, но и библиотеки Свято-Троицкой церкви и русской гимназии в Афинах²²².

Отец Тимофей сыграл очень важную роль в поддержании русской церковной жизни в Греции. Помимо окормления общин Свято-Троицкого храма и церкви Русского дома он был игуменом монастыря Святого Духа Утешителя (Параклиту) в местечке Оропос-Аттикис, возглавлял духовное братство и ведал делами Русского кладбища в Пирее. Архимандрит выпускал массовую литературу для душеполезного чтения, распространяемую бесплатно в Греции, а затем и в России²²³.

Насельники Свято-Пантелеимоновского монастыря и в дальнейшем поддерживали связи с общиной Серафимовского храма при Русском доме. Так, например, 10 ноября 1971 г. Собор старцев обители решил написать благодарственное письмо настоятелю церкви архимандриту Тимофею за заботу и внимание к их больному старцу о. Матфею, пребывавшему на излечении в афинской больнице. В этот же день на Соборе было заслушано письмо администрации Русского дома престарелых с предложением предоставить

---

²²² Русские храмы и обители в Европе. С. 118–119; Жалнина-Василькоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. С. 435–436.

²²³ Талалай М.Г. Русская община в Афинах (церковь Пресвятой Троицы). С. 100.

монастырю одну комнату для проживания приезжавшей в Афины братии. 23 ноября 1976 г. Собор старцев Руссика постановил выдать архимандриту Тимофею удостоверение, что церковная утварь, которую монастырь пожертвовал для Серафимовского храма, передана навечно²²⁴.

В 1980 г. архимандрит Тимофей в письме настоятелю Свято-Пантелеимоновского монастыря игумену Илиану и братии обители выразил благодарность «за богатые ваши подарки к нашей церковке по имени преп. Афанасия Афонского». При этом отец Тимофей отмечал: «Все духовные отцы и братья нашего духовного братства шлют сердечный поклон и благодарность всем за всякое усердное внимание и помощь. Всегда будем помнить вас»²²⁵.

Храм св. кн. Ольги в расположенном вблизи Афин портовом г. Пирее существовал в качестве русского до начала 1960-х гг. Его настоятелем до своей кончины в 1949 г. служил протопресвитер Павел Крахмалев. Он умер, оставив после себя ничтожные по тем временам сбережения в 950 тысяч драхм. Все годы своего служения в Свято-Ольгинской церкви о. Павел Крахмалев по должности входил в состав правления созданного в 1927 г. «Союза русских эмигрантов в Греции», был членом Общества русских военных инвалидов, состоял в Русском монархическом обществе Греции и пользовался большой любовью прихожан. Он был похоронен на Русском кладбище в Пирее²²⁶.

Отца Павла сначала на короткое время сменил священник Борис Симеонов, а затем протоиерей Константин Григорьевич Федоров, который скончался в 1959 г. и также был похоронен на Русском кладбище в Пирее 15 октября того же года. Он стал последним постоянным русским священником, служившим в храме св. кн. Ольги. Приход, долгое время считавший себя в составе Русской Православной Церкви Заграницей (с чем не соглашалось руководство Элладской Церкви), был расформирован, а храм передан в ведение Морского министерства Греции, которому еще в середине 1920-х гг. передали русский военно-морской госпиталь²²⁷.

---

²²⁴ АРПМА, оп. 10, д. 263, док. 3752, л. 27, д. 257, док. 4733, л. 103, 210.

²²⁵ Там же, оп. 42, д. 727, док. 3612, л. 1.

²²⁶ Жалнина-Василькиоти И.Л. Родной земли комок сухой. Русский некрополь в Греции. М., 2012. С. 48.

²²⁷ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее. СПб., 2002. С. 8–10.

Еще более печально сложилась судьба Русского кладбища в Пирее, которое до начала 1970-х гг. находилось в ведении прихода афинской Свято-Троицкой церкви. В 1950-е гг., после окончания Второй мировой и гражданской войн в Греции, русская колония занялась приведением кладбища в порядок. Ограниченные в средствах эмигранты тем не менее постоянно выделяли деньги на приведение в порядок дореволюционных захоронений и на благоустройство кладбища. В особых случаях Союз русских эмигрантов в Греции предоставлял участки бесплатно, отдавая дань уважения наиболее отличившимся соотечественникам. К концу 1950-х гг. на кладбище числились 642 участка, из них 152 свободных.

Всего в 1950-е гг. было проведено 131 захоронение, из них 23 военных, 2 сестры милосердия и 2 священнослужителя, а в 1960-е гг. — 108 захоронений, из них 17 военных. Таким образом, хотя изначально на кладбище погребались российские моряки, впоследствии тут были похоронены самые разные представители русской эмиграции, среди них священнослужители: настоятель афинской церкви протоиерей Георгий Карибов, настоятель салоникской церкви протоиерей Иоанн Турский и настоятели пирейской церкви протопресвитер Павел Крахмалев и протоиерей Константин Федоров, офицеры царской и Белой армий, бывшие дипломаты, ученые, деятели искусства, предприниматели, казаки, члены их семей и другие беженцы из России.

Пирейское кладбище воспринималось эмигрантами как символ прежней, дореволюционной России, часть ее истории, героического прошлого и «русский уголок» в Греции. По воспоминаниям очевидцев, похороны российских эмигрантов, несмотря на бедность, проходили, как правило, торжественно. Панихиду устраивали в одной из русских церквей, гроб покрывали одним из знамен времен императорской России, специально хранившихся в храмах для этой цели. Почти всегда в могилу бросали горсть родной земли, взятой с собой при эвакуации. Вот как рассказал о последней воле усопшего епископа Илии (Апостолова), бывшего офицера российской армии, его духовный сын, ныне профессор Афинского университета Спирос Кондоянис: «Когда о. Илью хоронили, я исполнил его последнюю просьбу. У него был деревянный крест, который он привез с собой из России. Он велел его положить с собой, а также русское знамя и горсть русской земли»²²⁸.

---

²²⁸ См.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Русские некрополи в Элладе. М., 2013.

В 1961 г. Афинской казачьей станицей был сооружен на кладбище большой мемориальный памятник — стела из белого мрамора с прикрепленной табличкой, на которой написано: «В Память казакам и их Вождям за Веру и Отечество на поле брани убиенным и в зарубежье скончавшимся с 1914 года. Сооружен Афинской казачьей станицей в 1961 году». Последний атаман Афинской казачьей станицы Захар Софронович Коршунов скончался в 1983 г. и был среди тех, кто активно участвовал в попытках спасти Русское кладбище от уничтожения после прихода к власти в Греции так называемых «черных полковников». На всех обращениях и заявлениях русской колонии стоит его подпись, как представителя русского казачества в Греции²²⁹.

В годы правления хунты «черных полковников» все иностранные кладбища на территории Греции были объявлены незаконными и подлежали уничтожению. Однако почти все зарубежные государства не дали разрушить свои исторические некрополи, за исключением СССР. Выполняя указания правительства, односторонним решением от 23 апреля 1971 г. мэрия Пирея отменила право, данное ранее Союзу русских эмигрантов в Греции и русским церковным приходам, распоряжаться своим участком кладбища «Анастасеос», который перешел в ведение мэрии. 20 августа директор Русского кладбища Дмитрий Калюдин получил предписание в течение пяти дней передать все книги, записи, квитанции и документы на собственность семейных захоронений. «В случае, если не будут выполнены все решения, — писали в послании, — то мэрия потребует материального возмещения нанесенного ей убытка». Русские эмигранты начали писать многочисленные письма, обращаясь прежде всего к мэру Пирея Скилитцису, однако успеха не имели²³⁰.

В 1974 г. состоялся судебный процесс, который представители русской диаспоры проиграли. Окончательное решение по русскому некрополю мэрия Пирея приняла в 1977 г., разрешив русской колонии сохранить только 20 исторических надгробий по выбору эмигрантов. Территорию вокруг этих захоронений было приказано освободить. Разрешалось лишь сохранение семейных могил в случае, если мэрии будет уплачено половина тогдашней

---

²²⁹ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Элинов Ольги Константиновны в Пирее. С. 8–10.

²³⁰ См.: Жалнина-Василькиоти И.А. Русские некрополи в Элладе.

стоимости земли, то есть 5 000 драхм за квадратный метр. Под перезахоронение останков выделялась территория площадью всего лишь 27 кв. метров. Русская колония встала перед тяжелейшей дилеммой выбора 20 исторических надгробий из более чем 600 сохранившихся к тому времени на кладбище. Из оставленных в итоге 20 захоронений 13 были дореволюционные, 3 могилы женские. В частности, были сохранены могилы сестры милосердия и фрейлины Екатерины Владимировны Ильиной, урожденной Корниловой — младшей дочери вице-адмирала В.А. Корнилов, героя Крымской войны, и двух русских священнослужителей — Павла Крахмалева и Константина Федорова. На сотню могил имелись права собственности, за остальными, ввиду отсутствия потомков, ухаживала русская колония, и ими пришлось пожертвовать²³¹.

В безвыходной ситуации русские эмигранты приняли решение: на выделенной им небольшой территории построить церковь во имя святой равноапостольной княгини Ольги (в память основательницы Русского кладбища), сделать в подклете мощевик и перенести туда все останки из вскрытых русских могил. Для освобождения участка под церковь пришлось пожертвовать самыми старыми 20 могилами, которые королева Ольга создала в некрополе, собирая останки русских моряков, похороненные по всей территории Греции. После окончания в 1986 г. строительства храма останки из вскрытых могил были помещены в мощевике в подклете. Кроме того, церковь по всему периметру обложили снаружи мраморными плитами с надгробий русских моряков, которые вмонтировали в стены. Эту идею высказал инженер Игорь Францевич Фишер. Таким образом, были сохранены 74 могильные мраморные плиты и 13 фрагментов надгробий, причем на некоторых еще можно прочесть фразы или отдельные слова на русском языке: «Матрос с канонерской лодки “Черноморец” Петр Нестеренко, 1890 год», «Мичман Иван Волон, крейсер “Забяка”, 1888 год», «Командир эскадренного броненосца “Император Николай I” “старший командор”, «гвардейский экипаж», «младенец», «упокой, Господи, душу» и т.д.²³².

---

²³¹ Там же.

²³² Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее. С. 8–10.

Церковь св. кн. Ольги не была официально освящена, так как ее строительство велось в крайней спешке — во имя спасения оставшейся части российского некрополя. Храм представляет собою небольшое каменное здание, высотой около шести метров, имеет квадратный план и увенчан высоким конусообразным куполом на барабане; с трех сторон к церкви приделаны легкие двухколонные портики, с четвертой, восточной — апсида. Храм был приписан к русскому Свято-Троицкому приходу в Афинах, и в нем начал служить его настоятель архимандрит Тимофей (Саккас).

После завершения переноса останков в подклет храма большую часть Русского кладбища снесли. До середины 1990-х гг. деньги на содержание кладбища приходили из расположенного в США фонда И. Кулаева. Однако к этому времени не только иссякли средства, но прекратили свое существование сестричество при Свято-Троицкой церкви и Союз русских эмигрантов в Греции (в 1984 г.). Когда от старой русской колонии почти никого не осталось, Русское кладбище оказалось бесхозным, за могилами перестали ухаживать и прекратили платить за их содержание²³³. В целом же, достаточно активная церковная жизнь русских общин в Греции к концу 1980-х гг. почти полностью угасла. Среди прихожан афинской Свято-Троицкой церкви осталось совсем мало потомков российских эмигрантов первой волны, и богослужения в ней стали совершаться по-гречески, за исключением нескольких церковнославянских возгласов.

На севере Греции в расположенном в пригороде Салоник лагере Харилау в 1945 г. осталось лишь около 100 русских эмигрантов во главе с председателем правления бывшим офицером российской армии Пантазидисом. Эта колония, постепенно сокращаясь, просуществовала до конца 1960-х гг.²³⁴ С 1944 г. настоятелем русской церкви свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Димитрия Солунского в Харилау служил священник Борис Симеонов, в 1950 г. переведенный в русскую церковь св. кн. Ольги в Пирее. Затем приход окормляли русские афонские иеромонахи, в 1952–1953 г. — протоиерей Павел Шамильский, а с конца 1953 до 1970-х гг. — российский грек священник Александр Паркосидис²³⁵.

---

²³³ Талалай М.Г. Русское кладбище имени Е.К.В. Королевы Элинов Ольги Константиновны в Пирее. С. 8–10.

²³⁴ Новое русское слово. 1962. 27 октября.

²³⁵ АРПМА, оп. 10, д. 250, док. 196, л. 5-34; Талалай М.Г. Русский Афон. М., 1999. С. 135.

Главным украшением этого храма с 1950-х гг. стал исполненный на Святой Горе в начале XX в. и пожертвованный Свято-Пантелеимоновским монастырем великолепный резной позолоченный иконостас, прежде он украшал нижний храм преп. Серафима Саровского кладбищенской Трехсвятительской церкви этого монастыря. В иконостасе были преимущественно образы русских святых: Серафима Саровского, Федосия Тотемского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Зосимы и Савватия Соловецких. Он был пожертвован в салоникий храм решением Собора старцев монастыря от 15 января 1950 г., когда пришел в ветхость прежний иконостас, взятый из походной церкви Русского корпуса²³⁶.

13 мая 1951 г. правление Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии и церковный совет храма свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Димитрия Солунского отправили приветственный адрес игумену Руссика о. Иустину (Соломатину) в знак благодарности за подаренный иконостас²³⁷. Не остались в стороне и другие крупнейшие русские обители Афона: Свято-Андреевский скит пожертвовал облачения для клира, Свято-Ильинский скит — большой храмовый образ св. вмч. Димитрия²³⁸.

Посетивший в октябре 1952 г. Харилау, состоявший в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей, архиепископ Детройский Серафим (Иванов) вспоминал: «... приезжаю я в Салоники, вхожу в русский храм в Харилау (предместье Салоник) и... глазам своим не верю: я в храме преп. Серафима Саровского, в котором я постригался 26 лет тому назад на Афоне. Его невозможно не узнать. Иконостас, запрестольный образ, заклиросные иконы-сени — все это дорогой, добротной московской работы, покрытое густой настоящей позолотой. Подарок московского купечества Пантелеимоновскому монастырю в 1903–1904 гг.х после прославления св. мощей преп. Серафима. Спрашиваю у настоятеля прихода, протоиерея о. Павла Шамильского, откуда у них этот иконостас и эти иконы? Оказывается, что полтора-два года тому назад русские фессалоникийцы обратились к Пантелеимоновскому монастырю с просьбой пожертвовать им иконостас и утварь какого-нибудь из

---

²³⁶ АРПМА, оп. 10, д. 240, док. 189, л. 22.

²³⁷ Там же, оп. 52, д. 9, док. 5408, л. 1.

²³⁸ Талалай М.Г. Русский Афон. С. 134-135.

монастырских параклисов (домовых церквей), в большинстве которых служба теперь уже не совершается, и они стоят закрытые. В то же время иконостас в русской солунской церкви пришел в полную ветхость. И вот, афонцы почему-то решили передать в Солунь именно Серафимовскую церковь, точнее, все ее внутреннее убранство, ту самую церковь, в которой я постригался.

Так, рассудку вопреки и наперекор враждебным стихиям, я смог помолиться и отслужить, с благословения солунского митрополита Пантелеймона, которого я посетил и одолжился архиерейским облачением, несколько литургий и акафистов в этом столь дорогом мне храме. Поистине, гора пришла к Магомету, в то время как обычно Магомет идет к горе. Разве это не чудесно! Был я утешен и иным образом. Когда окончательно выяснилось, что на Афон меня не пропустят, ко мне прибыли монахи с Афона, привезли духовные дары и сделали подробный доклад о тамошнем положении. Все афонцы, даже греки, были огорчены поведением Константинополя и только еще более утвердились в своем намерении до конца стоять за правду церковную»²³⁹. Владыке Серафиму так и не удалось получить разрешение на посещение Афона, и он уехал из Салоник в Константинополь.

В начале 1953 г. к храму была пристроена небольшая изящная колокольня, возведенная по рисунку прихожанина А.Г. Белофостова салоницким архитектором Иоанном Капагиридисом, для которой понадобились колокола. 26 марта 1953 г. руководство церковного совета (председатель — протоиерей Павел Шамильский, генеральный секретарь — В. Коваленко) попросило игумена Руссика о. Иустина прислать в подарок большой колокол, и Собор старцев обители решил его пожертвовать, если найдется подходящий. В конце концов, главный колокол весом в шесть пудов, отлитый когда-то в Ростове-на-Дону, прислала русская афонская келлия свт. Николая Чудотворца (Белозёрка). В конце 1950-х гг. в правой части церковного здания был устроен придел свв. Космы и Дамиана с небольшим деревянным иконостасом, изготовленным афонскими монахами. От улицы церковь отделили высокими стилизованными воротами в русском стиле, увенчанными маковкой с восьмиконечным крестом²⁴⁰.

---

²³⁹ См.: *Серафим (Иванов), архиеп.* Указ. соч.

²⁴⁰ АРПМА, оп. 10, д. 250, док. 196, л. 6; Русские храмы и обители в Европе. С. 119.

С декабря 1950 г. братия Свято-Пантелеимоновского монастыря более 20 лет традиционно ежегодно жертвовала дрова — несколько тысяч ок проживавшим в Русском лагере Харилау бедным семьям и вдовам (в общей сложности 25–30 человекам), а также выделяла топливо для обогрева храма зимой. Так, например, 6 октября 1954 г. Собор старцев обители решил послать нуждающимся прихожанам за свой счет 5–6 тысяч ок дров, а 10 ноября добавить еще одну тысячу ок²⁴¹.

Про тяжелое положение русских эмигрантов в Харилау в начале 1950-х гг. говорилось в упомянутых воспоминаниях архиепископа Серафима (Иванова): «В настоящее время русский приход насчитывает какую-нибудь только сотню членов, из которых почти половина — старики, старухи и инвалиды. Этим несчастным некуда выехать и вообще некуда деться. В Греции социальная помощь иностранцам отсутствует: своих греческих беженцев, о которых надо заботиться бедному государству, хоть отбавляй. И вот, эти несчастные русские старики и инвалиды живут в ужасающей нищете. Вообразите себе полуразвалившиеся бараки, разделенные деревянными перегородками на маленькие клетушки. За неплатеж электричество в них давно выключено. Большинство клетушек не имеет печек, а зимы в Салониках достаточно холодные. В некоторых нет даже окон, ибо стекла давно разбились, а вставить новые не на что. Дыры просто заткнуты тряпками или забиты картоном. Кто может ходить, те в зимнее время большую часть дня проводят в церкви, которая для сего специально отапливается. Дивная красота этого замечательного храма, как мне говорили, действует успокаивающе и несколько подбадривающе на этих несчастных. “Мы здесь себя снова людьми чувствуем”, — говорят они. Церковь для них является в то же время единственным источником существования. Все мало-мальски зарабатывающие прихожане обложили себя максимальной для их сил и возможностей раскладкой, из которой церковь и выдает пособия этим несчастным беднякам. Некоторые прихожане регулярно носят обед наиболее немощным, не могущим уже встать с постели старушкам или старичкам. Однако, русские фессалоникийцы, при всем желании, просто не в состоянии сами содержать этих страдальцев. Ведь почти на каждого работающего приходится по одному неработающему. Мне

---

²⁴¹ АРПМА, оп. 10, д. 243, док. 3753, л. 9об-10об.

передали, что церковь в состоянии выдавать пособия этим своим бедным прихожанам на американские деньги всего по 1–1,50 доллара в месяц. Как прожить на эти деньги? Явно, нужна еще со стороны помощь. Сколько мог, я уделил, конечно, из своих скудных средств, а ниже даю адрес русской церкви в Салониках для dobroхотов, желающих помочь деньгами, продуктами или носильными вещами: L'Eglise Russe, La fraternite de St. Nicolas, Leoforos № 4, Harilaou, Salonique, Grece»²⁴².

Помимо материальной, иноками Свято-Пантелеимоновского монастыря оказывалась и другая помощь членам причта и прихожанам русской церкви свт. Николая и св. вмч. Димитрия Солунского. В частности, в июле 1952 г. братия Руссика выслала ее настоятелю протоиерею Павлу Шамильскому розовое масло для храма, а в марте 1953 г. — фелонь с епитрахилью, воздух с покровцами и два стихаря (для прислуживавших в алтаре мальчиков). Во время же посещения Руссика о. Павлом в августе 1953 г. ему подарили полное священническое облачение, а через несколько недель прислали и Святую Чашу с прибором. Осенью того же года протоиерей Павел Шамильский переехал служить в приход Русской Православной Церкви Заграницей в г. Майами (США), но и оттуда 20 декабря 1953 г. отправил письмо насельнику Свято-Пантелеимоновского монастыря иеросхимонаху Виссариону с выражением благодарности за подаренные «Триодь Постную» и «Службник» и обещанием, в свою очередь, помочь в организации материальной помощи обители из Америки²⁴³.

16 апреля 1955 г. Собор старцев монастыря заслушал письмо Союза русских эмигрантов Салоник-Харилау с просьбой выделить возможно большее число светских книг для библиотеки союза и выразил свое согласие. Приехавшие летом на Афон представители союза, в том числе служивший с конца 1953 г. настоятелем церкви свт. Николая и св. вмч. Димитрия Солунского священник Александр Паркосидис, отобрали в библиотеке Руссика 84 книги, после чего Собор старцев 21 августа решил пожертвовать дублетные экземпляры²⁴⁴.

---

²⁴² См.: *Серафим (Иванов), архиеп.* Указ. соч.

²⁴³ АРПМА, оп. 10, д. 250, док. 196, л. 1, 7, 12.

²⁴⁴ Там же, д. 243, док. 3753, л. 15, 21.

В свою очередь, приходской совет церкви свт. Николая и св. вмч. Димитрия Солунского в конце 1940-х гг. выделил Свято-Пантелеимоновскому монастырю комнату для размещения монахов во время их приезда в Салоники. 18 января 1956 г. Собор старцев обители решил временно предоставить эту комнату для проживания регенту церковного хора Григорию Николаевичу Цыганкову, так как он испытывал материальную нужду, и у него увеличилась семья. 5 сентября того же года Собор старцев постановил вообще отказаться от комнаты, так как она не удовлетворяет монастырские нужды из-за отдаленности от центра Салоник²⁴⁵.

13 октября 1957 г. церковный совет салоникиской церкви в очередной раз обратился к братии Свято-Пантелеимоновского монастыря с просьбой по примеру прошлых лет выделить для отопления храма зимой 1 тысячу ок дров, а также дрова бедным прихожанам, живущим «в барачных комнатах со стенами в 12 кирпича толщиной и на цементном полу» и, кроме того, подарить старые дорожки из монастырской Покровской церкви. При этом совет отмечал, что «в нашей церкви всегда при совершении службы на ектениях и на Великом Входе поминается о ниспослании благополучия Игумену Вашего монастыря Священноархимандриту Иустину со всею во Христе Братиею». В ответном письме от 28 ноября сообщалось, что Собор старцев выделил в помощь 4 тысячи ок дров (в том числе для отопления храма 1 тысячу) и просимые дорожки. Через год, в ноябре 1958 г. братия монастыря выслала для 19 бедных прихожан 2300 ок дров²⁴⁶.

15 марта 1959 г. церковный совет салоникиского храма написал игумену Руссика о. Илиану, что он задолжал Салоникиской митрополии 10 370 драхм, не имея возможности несколько лет подряд выплачивать ей положенные 10 % своих доходов, и поэтому просит прислать из монастыря на 15 дней в сопровождении монаха ковчег со святыми мощами с целью произвести дополнительные сборы. 7 апреля Собор старцев Руссика решил удовлетворить просьбу приходского совета русской церкви в Салониках и предоставить ему временно для поклонения святыне мощи из монастыря в сопровождении иеродиакона Серафима. 3 августа 1960 г. Собор постановил

---

²⁴⁵ Там же, л. 25, 27об, 34об.

²⁴⁶ Там же, л. 250, док. 196, л. 23–24.

подарить или купить лесные материалы, необходимые для ремонта русской церкви в Салониках, на сумму 12–14 тысяч драхм. Благодаря этой помощи ремонт был проведен, и 21 сентября в Руссике заслушали благодарственное письмо приходского совета. 23 ноября 1960 г. Собор старцев, по примеру прошлых лет, пожертвовал дрова проживавшим в Русском лагере Харилау бедным семьям и вдовам²⁴⁷.

13 сентября 1961 г. братия Руссика выделила общине церкви свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Димитрия Солунского для отопления храма одну тонну дров. 19 сентября 1962 г. Собор старцев решил купить 10 русских календарей на следующий год от инвалидов, а 10 октября пожертвовал бедным русским семьям в Салониках пять тонн дров. 25 сентября 1963 г. Собор обители опять послал бедным русским эмигрантам в Салониках дрова на зиму, выделив, как и в прошлые годы, одну тонну персонально врачу Павлу Максимовичу Ластовцеву, который лечил насельников монастыря. 2 ноября 1966 г. были выделены шесть тонн дров Союзу русских эмигрантов Салоник-Харилау для распределения между нуждавшимися, 25 октября 1967 г. пожертвовали пять тонн союзу и одну тонну П.М. Ластовцеву, 9 октября 1968 г. вновь выделили дрова бедным русским в Харилау и т.д.²⁴⁸

Важную роль в жизни общины играл «Филантропический союз русское братство имени Святителя Николая Чудотворца» (председатель — настоятель, вице-председатель В. Костенко, секретарь — А. Добровольская, затем Е. Карасавиди и А. Шаукина), который регулярно прислал в Руссик благодарности за оказанную помощь и поздравления с церковными праздниками. С начала 1950-х гг. бессменной старостой общины была Анастасия Добровольская, скончавшаяся в 1980 г. Русская община славилась своим церковным хором, которым с 1930-х до 1980-х гг. руководил регент и псаломщик Георгий Николаевич Цыганков, умерший в 1987 г.²⁴⁹

С 1954 по декабрь 1959 гг. секретарем и бухгалтером в Свято-Пантелеимоновском монастыре работал эмигрант из России, бывший белый офицер Иван Федорович Петров. В течение многих лет (с 1920-х гг.) он возглавлял

---

²⁴⁷ АРПМА, оп. 10, л. 32, д. 243, док. 3753, л. 65, 79об–80, 81.

²⁴⁸ Там же, д. 243, док. 3753, л. 87об, 97об–98, 108об, 130об, 141.

²⁴⁹ Там же, д. 250, док. 196, л. 5-34; Талалай М.Г. Русский Афон. С. 135.

Салоникскую группу Российского общевойскового союза и постоянно пересылал в монастырь различные издания этой организации. В январе 1960 г. он вернулся с Афона в Салоники, где и скончался²⁵⁰.

В 1955 г. в Салониках так же, как и в Афинах, по инициативе Великой Княгини Елены Владимировны Романовой и при поддержке Всемирного Совета Церквей был построен дом престарелых во имя св. вмч. Пантелеимона на 60 человек, который просуществовал до 1970 г., после чего здание стало использоваться под нужды школы катехизиса. Оставшиеся к тому времени в нем 12 русских эмигрантов были переведены в греческий дом престарелых Харисио, и их содержание взял на себя Всемирный Совет Церквей. По инициативе Великой Княгини Елены Владимировны Всемирный Совет Церквей в 1956–1957 гг. также устроил некоторых одиноких и немощных российских эмигрантов в дома престарелых в других странах Европы и Америки.

В 1968 г. завершилась история Русского лагеря Харилау, так как в этом районе началось массовое жилищное строительство и почти все постройки лагеря разобрали. Многие русские эмигранты к тому времени скончались или переехали в другие районы города, оставшихся поселили в построенном на средства Всемирного Совета Церквей 28-квартирном доме-общежитии²⁵¹, где содержание одиноких и малоимущих взяло на себя «Христианское общество девушек». Проживавшим там соотечественникам также помогали русские благотворительные общества из Америки, «Кулаевский фонд для оказания помощи русским старикам и детям во всем мире», «Восточноевропейский фонд» и другие подобные организации. На первом этаже дома располагалось и бюро Союза русских эмигрантов в Македонии и Фракии, который в 1980-е гг. насчитывал 33 человека (руководителем бюро был Александр Степурский)²⁵².

К сожалению, новый Русский дом находился далеко от церкви свт. Николая Чудотворца и св. вмч. Димитрия Солунского и его престарелым обитателям было сложно посещать богослужения. В конце 1980-х гг. Салоникская

---

²⁵⁰ АРПМА, оп. 10, д. 250, док. 196, л. 24об.

²⁵¹ Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. Письма и документы. М.-Брюссель, 2012. С. 393.

²⁵² Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская белая эмиграция в Салониках (1918–1980-е гг.) // Еженедельник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2011. С. 138–139.

митрополия назначила настоятелем церкви греческого священника и службы на церковнославянском языке прекратились. Таким образом, Никольско-Дмитриевская церковь стала греческой, хотя на картах г. Салоники она до сих пор обозначается как русская, и горожане по-прежнему называют ее «эккле-зия руссики», то есть «русская церковь».

5. Русские общины в Румынии

27 марта 1944 г. советские войска вступили на территорию Румынии. Когда немецко-румынский фронт в Молдавии в результате разгрома в ходе Яссо-Кишиневской операции окончательно рухнул, юный король Михай в союзе с представителями ряда политических партий и частью армейского командования 23 августа 1944 г. сверг И. Антонеску, маршал и министры его правительства оказались арестованы. В тот же день было создано коалиционное правительство национального единства, вскоре объявившее войну Германии²⁵³.

В этой связи Патриарший Местоблюститель Русской Православной Церкви митрополит Алексей (Симанский) в конце августа выпустил обращение «К духовенству и верующим румынского народа»²⁵⁴. Интересно упомянуть, что после вступления Румынии в войну с Германией глава Средне-Европейского митрополичьего округа Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Берлинский и Германский Серафим (Ляде) заступился за румынского священника Михаила Штефирцу, служившего в часовне Баден-Бадена. 20 сентября 1944 г. он отправил в Рехсминистерство церковных дел письмо с просьбой не снимать о. Михаила с должности, и 26 сентября эта просьба была удовлетворена²⁵⁵.

30 августа 1944 г. советская армия вступила в освобожденный в ходе восстания 24–29 августа Бухарест. 12 сентября в Москве произошло подписание соглашения о перемирии между Румынией и СССР, в результате которого была восстановлена советско-румынская граница по состоянию на 1 января 1941 г. Таким образом, Бессарабия и Северная Буковина вновь вошли в состав

---

²⁵³ История Румынии 1918–1970. М., 1971. С. 410–411.

²⁵⁴ ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 1, д. 5, л. 38–38об.

²⁵⁵ Российский государственный военный архив, ф. 1470, оп. 1, д. 11, л. 211–212.

СССР, и на их территории была восстановлена юрисдикция Московского Патриархата.

Отношения между Румынским и Московским Патриархатами были восстановлены еще до окончания Второй мировой войны. Румынская делегация во главе с епископом Арджешским Иосифом участвовала в заседаниях Всероссийского Поместного Собора 31 января — 2 февраля 1945 г. в Москве. Вскоре в газете «Известия» были опубликованы послания Патриарха Никодима²⁵⁶. 12 мая того же года в Румынию приехала делегация Русской Православной Церкви во главе с епископом Кишиневским и Молдавским Иеронимом (Захаровым), которая была принята руководством страны. В 1945 г. в Румынии также дважды побывал проездом епископ Кировоградский Сергей (Ларин)²⁵⁷.

К этому времени единственная не старообрядческая русская церковь в стране — бывший российский посольский храм свт. Николая Чудотворца в Бухаресте — находилась в чрезвычайно запущенном состоянии. В своем отчете от 17 мая 1945 г. осмотревший этот храм 7 апреля епископ Сергей (Ларин) писал председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову: «Мы посетили две церкви, одну румынскую, одну русскую (бывшую посольскую). Последняя в полном беспорядке, чудная живопись в “васнецовском” стиле, но покрытая копотью, я подумал, хорошо было бы снова создать русскую церковь в порядке церковного подворья русского (представительства) в Бухаресте»²⁵⁸.

Во время второго посещения Бухареста 22 апреля 1945 г. епископ Сергей встречался с русскими эмигрантами, в частности, с бывшим полковником Генерального штаба Российской империи игуменом Митрофаном (Рудовым), служившим в период войны в составе Румынской Миссии в Одессе: «Рудов очень хотел посетить СССР и даже остаться на постоянное жительство, если бы ему это разрешили, выражал большую тоску по Родине, как и большинство эмигрантов». Однако далеко не все эмигранты стремились вернуться на родину. Так, проживавшие в это время в монастыре св. Георгия под Бухарестом эвакуированные из Крыма епископ Мелитопольский Серафим (Кушнерук)

---

²⁵⁶ Известия. 1945. 18, 21 февраля.

²⁵⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 107, л. 24.

²⁵⁸ Там же, оп. 1, д. 70, л. 34.

и протоиерей Иоанн Наговицын хотели остаться в Румынии, и еп. Серафим просил Патриарха Никодима, чтобы его не отправляли в СССР, на что тот, якобы, ответил: “Вы русский, я первый раз встречаю русского, который не хочет ехать на Родину”²⁵⁹.

В ходе визита в октябре 1946 г. Румынского Патриарха Никодима в Москву была достигнута договоренность, что Русской Церкви передадут храм в Бухаресте для организации подворья²⁶⁰. Ответный визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия в Румынию состоялся в мае–июне 1947 г., делегация Русской Церкви была принята румынским королем Михаем. Результатом этого визита стала полная нормализация отношений Румынской и Русской Церквей, тогда же было достигнуто соглашение о возвращении Московскому Патриархату здания русской посольской церкви свт. Николая. 28 июля 1947 г. Патриарх Алексий I написал председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпову, что он согласен выделить на ремонт находившегося «в состоянии крайнего упадка» храма 8 870 инвалютных рублей. В дальнейшем выделялись и другие суммы, что в общей сложности составило около 100 ман лей²⁶¹.

Уже 3 июня к Патриарху Алексию с прошением о назначении его настоятелем Никольской церкви обратился проживавший в Бухаресте 72-летний русский протоиерей Петр Мураневич. Однако на соответствующий запрос Совета по делам Русской Православной Церкви посольство СССР в Румынии 29 сентября сообщило, что вследствие преклонного возраста и плохого состояния здоровья о. П. Мураневич «с работой настоятеля... не справится» и лучше подобрать священника в Советском Союзе²⁶².

В декабре 1947 г. настоятелем храма, по рекомендации епископа Кишиневского и Молдавского Венедикта (Полякова), был назначен направленный Московской Патриархией в Румынию протоиерей Павел Константинович Статов. Он родился в 1906 г. в Бессарабии, в 1927 г. окончил Кишиневскую духовную семинарию, служил настоятелем собора в Бендерах, благочинным

---

²⁵⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 7, д. 107, л. 34–35.

²⁶⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 91–92.

²⁶¹ Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви... С. 280.

²⁶² Там же. С. 298–299.

Бендеровского округа Молдавской ССР, хорошо владел румынским языком и знал Румынию (в Бухаресте проживали его родственники). В апреле 1948 г. о. Павел вместе с семьей приехал в столицу Румынии, где его жена Т.В. Статова стала заведовать секцией преподавателей русского языка в местном Институте имени Максима Горького²⁶³.

За относительно короткий срок находившийся в запустении храм был полностью отремонтирован (росписи реставрировал художник Кудинов). Большая заслуга в этом принадлежала его попечителю (почетному старосте) Владимиру Исидоровичу Запорожченко, который также передал в дар церковному причту свой двухэтажный дом с усадьбой, оставив себе одну квартиру в нем. Саму церковь после ремонта о. П. Статов торжественно освятил 21 ноября 1948 г. в присутствии нового Румынского Патриарха Юстиниана и представителей посольства СССР²⁶⁴. А в декабре Совет по делам Русской Православной Церкви по просьбе Патриарха Алексия выделил еще 140 тысяч лей на обеспечение содержания храма.

В том же году храм свт. Николая стал, по выражению Г.Г. Карпова, «славянско-православным центром», так как 6 октября 1948 г. произошло объединение русского прихода и болгарской общины Бухареста, не имевшей в то время своей церкви. Это добровольное и равноправное объединение получило одобрение Священного Синода Болгарской Церкви. После этого в храме стал служить окормлявший болгарскую общину священник Климент Димитров (студент юридического факультета Бухарестского университета). Предпринимались попытки привлечь к посещению русской церкви и сербское население Бухареста, но они оказались безуспешны из-за негативного отношения властей Югославии. По сообщениям в Москву о. П. Статова, открытие храма-подворья Московской Патриархии на первых порах встретило недоверчивое отношение многих русских эмигрантов, считавших, что это делается «в пропагандистских целях для заграницы». Однако затем положение изменилось. К середине 1949 г. начался и «перелом среди эмигрантов-бессарабцев, которые за годы румынской оккупации отвыкли от Русской Церкви»²⁶⁵.

---

²⁶³ Там же. С. 321–322, 791.

²⁶⁴ Русские храмы и обители в Европе. С. 197.

²⁶⁵ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 144–145, 454, 456.

На страницах «Журнала Московской Патриархии» торжественное открытие русского Никольского храма в Бухаресте расценивалось как «пример христианского православного сотрудничества на равных правах без желания главенствования одной братской Церкви над другой»²⁶⁶.

Согласно справке Совета по делам Русской Православной Церкви от 21 мая 1949 г. (составленной на основе сообщения о. П. Статова) в это время в Румынии еще проживали 223 тыс. русских и украинцев (вероятно, не считая старообрядцев): в Добрудже — 23 тыс. русских и 67 тыс. украинцев, в Южной Буковине — 81 тыс. украинцев, в Марамуреше — 37 тыс. украинцев и в Банате — 15 тыс. украинцев. В справке отмечалось, что «несмотря на жестокие преследования до Отечественной войны даже за разговор на родном языке, русское и украинское население сохранило полностью свою родную речь. Буржуазное правительство принимало все меры к тому, чтобы денационализировать украинцев и русских. В этом им активно помогало румынское и католическое духовенство... Народно-демократическое правительство Румынии издало закон, предоставляющий украинцам и русским возможности к национальному развитию... Несмотря на то, что новый закон о свободе вероисповеданий дает право каждой церкви совершать обряды на родном языке, в украинских приходах также остались те же священники-румыны и совершают богослужения на румынском языке. Украинское духовенство, которое осталось в очень малом количестве, не может получить перевода на украинские приходы, т.к. этому противятся местные епископы... Румынские православные священники прихожанам — украинцам и русским — никакой информации о Русской Православной Церкви не дают из боязни потерять свои приходы»²⁶⁷. 1 июня Г.Г. Карпов сообщил об этой ситуации в Совет Министров, предложив вмешаться в ситуацию, однако, вероятно, это не произошло.

17–23 мая 1950 г. Никольский храм в Бухаресте посетила делегация Московской Патриархии в составе протоиереев А.П. Смирнова (ректора Московской духовной академии) и П.Д. Филонова. Она была направлена по просьбе о. П. Статова для проведения ревизии церковного хозяйства и помощи в укреплении взаимоотношений между причтом и прихожанами. В своем

---

²⁶⁶ ЖМП. 1949. № 1. С. 6.

²⁶⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 578, л. 14–15.

отчете по итогам поездки, адресованном в Совет по делам Русской Православной Церкви, члены делегации отмечали, что к храму «начинают тянуться русские люди и среди них даже бывшие московские старообрядцы с Рогожского кладбища, занимая должности при храме в виде актива при продаже свечей и производстве тарелочного сбора». При церкви существовал церковный хор из 20 человек, состоявший в основном из русских эмигрантов, с которым о. П. Статов неоднократно выступал в Бухаресте и других румынских городах, «устраивая доклады о Русской Православной Церкви в борьбе за мир и сопровождая это музыкальными номерами хора». Сборы от этих концертов и лекций поступали в распоряжение церковного комитета на содержание и украшение храма²⁶⁸.

Помимо русских и болгар Никольскую церковь стали посещать и румыны, которых окормлял протоиерей Иоанн Пароческу. Поэтому за богослужением была установлена следующая формула поминовения властей: «О богохранимых державах наших, о властях и воинстве их ... О Великом Господине и Отце нашем о Святейшем Патриархе Алексии Московском и всея Руси, о Патриархе Румынии Юстиниане и о Болгарском Священном Синоде...» Части русских эмигрантов не нравилась «такая разноплеменная церковь» и в особенности говоривший о себе, что он — член коммунистической партии, священник К. Димитров. Поэтому русские прихожане предлагали включить в состав членов причты вместо него проживавшего в Бухаресте кандидата богословия Киевской духовной академии заштатного протоиерея Михаила Мадана. Это предложение полностью поддержали и члены делегации Московской Патриархии. В своем упоминавшемся отчете они, в частности, писали о необходимости «сделать русский Никольский храм в Бухаресте исключительно храмом нашей Московской Патриархии с отведением... болгарского священника Климента Димитрова, а также и с переводом румынского священника о. Иоанна в румынский храм»²⁶⁹.

В справке о положении церкви свт. Николая, написанной о. П. Статовым 29 мая 1950 г., тоже подчеркивалось, что объединение русского и болгарского

---

²⁶⁸ Там же, д. 733, л. 150–151; Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 454–455.

²⁶⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 457.

приходов «не принесло пользы»: «... священник Климент Димитров очень мало внимания уделяет к тому, чтобы привлечь болгар в русский храм. Почти все религиозные обряды он совершает на дому у болгар с целью, чтобы доходы не попадали в храм и не делились бы между остальными причтами». Деятельность же о. И. Пароческу оценивалась о. Павлом очень высоко: «... всегда был лоялен и хороший помощник и много сделал в интересах нашей русской церкви, если обратить внимание на то, что до приезда русского священника он поддерживал русскую церковь в Бухаресте лично сам и много содействовал в популяризировании русской церкви и русского священника среди верующих русских эмигрантов, эмигрантов-бессарабцев, также и румын, среди которых он пользуется достаточной симпатией»²⁷⁰.

20 июня отчет делегации Московской Патриархии был направлен в МИД СССР с просьбой выяснить мнение советского посольства в Румынии. В ответе от 1 августа МИД информировал Совет по делам Русской Православной Церкви, что посольство, ввиду отказа прот. М. Мадана, считает возможным оставить помощником прот. П. Статова о. Иоанна Пароческу, но поддерживает предложение сделать Никольский храм исключительно храмом Московской Патриархии с отчислением о. К. Димитрова. 11 ноября 1950 г. о. Павел Статов прислал доклад Патриарху Алексию, в котором вновь поднял вопросы о прекращении дальнейшего сотрудничества с Болгарской Церковью, а также об отпуске ежемесячно 1500–2000 руб. на содержание второго священника, протодиакона, регента и псаломщика. Однако в ответе от 12 декабря он получил от Московской Патриархии отказ на обе свои просьбы. Департамент вероисповеданий Болгарии, не имея кандидата на замену о. К. Димитрова, предложил ему оставаться в Бухаресте и продолжать службу в русской церкви. В результате Совет по делам Русской Православной Церкви 30 ноября решил, что было бы «политически неверно ставить вопрос о ликвидации сотрудничества между представителями Русской, Румынской и Болгарской Церквей и давать повод враждебным элементам для злопыхательства по этому поводу в угоду части русских эмигрантов. Неверно нарушать сотрудничество и потому, что инициатором этого объединения был сам протоиерей Статов. В конечном счете, все

---

²⁷⁰ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 733, л. 157–158, 160.

упирается в неприемлемость болгарского священника К. Димитрова, но это не основание для расторжения заключенного договора о сотрудничестве»²⁷¹.

В прежнем качестве русско-болгарско-румынской церкви Никольский храм действовал еще несколько лет. 1 июля 1953 г. в ней произошла смена настоятеля, вместо отозванного в СССР о. Павла Статова исполняющим обязанности настоятеля был назначен священник Константин Иванович Томенко. В последнем отчете от 25 июля 1953 г. о. Павел отмечал: «Русская Православная Церковь в Бухаресте пользовалась авторитетом среди всех культов в Румынии. Святейший Патриарх Юстиниан всегда уделял ей свое внимание. На все знаменательные дни Румынской Церкви приглашал и представителя Русской Церкви. На знаменательные дни Русской Церкви направлял делегацию со стороны Румынской Церкви, делегация которой принимала участие в богослужениях... Русская Православная Церковь в Румынии пользовалась авторитетом и среди гражданской румынской власти, которая уделяла ей большое внимание. Окормлялись духовно в Русской Церкви в Бухаресте верующие русской эмиграции, бессарабской эмиграции и болгарское население. В последние годы — 1952–1953 — популярность ее возросла настолько, что повысилось ее материальное положение, и она последние два года существовала без каких-либо пособий извне»²⁷². В дальнейшем о. П. Статов служил секретарем Епархиального управления Кишиневской и Молдавской епархии.

В 1967 г. Никольская церковь была в последний раз отреставрирована — бригадой живописцев под руководством Евгения Профеты. Однако в конце 1960-х гг. после резкого сокращения численности проживавших в Бухаресте русских эмигрантов храм снова стал принадлежать Румынскому Патриархату и в 1980-е гг. был передан Бухарестскому университету, в настоящее время он является университетской часовней св. Саввы²⁷³.

По-иному сложилась судьба проживавших на территории Румынии русских старообрядцев. После окончания Второй мировой войны Белокрыницкая митрополичья кафедра вновь была перенесена в г. Браилов (Брэила), сохранив прежнее название, а проживавшие в Бессарабии и Северной Буковине

---

²⁷¹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 609–612.

²⁷² Там же. С. 1105–1106; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 111, л. 122–126.

²⁷³ Русские храмы и обители в Европе. С. 197.

старобрядцы вошли в состав старообрядческой Церкви белокрыницкого согласия на территории СССР, возглавляемой архиепископом Московским и всея Руси Иринархом. В октябре 1946 г. только на территории Молдавской ССР были зарегистрированы 22 старообрядческие общины с количеством верующих — 9 680 человек, женский монастырь с 15 насельницами, один епископ, 16 священников, один диакон и 26 псаломщиков²⁷⁴. При этом женский Куничский Казанский монастырь в Молдавии оказался единственным старообрядческим монастырем в Советском Союзе (он был закрыт в 1958 г.). На территории же Румынии в послевоенный период имелось 40 приходо-в и 4 монастыря (2 мужских и 2 женских) Белокрыницкой митрополии²⁷⁵.

В завершающие месяцы войны и первые послевоенные годы у советского руководства существовали планы включить проживавших в Румынии старообрядцев в состав Московской архиепископии, преобразовав ее в митрополию. Для этого предполагалось использовать полученное архиепископом Иринархом в начале 1945 г. письмо от проживавшего в румынском г. Тульча совместно с митрополитом Белокрыницким Тихоном и епископом Савватием епископа Сергия (Терентьева) с просьбой организовать ему встречу для совместного решения вопроса об установлении связи с Московской архиепископией.

По согласовании с владыкой Иринархом председатель Совета по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР И.В. Полянский посчитал необходимым направить в Тульчу делегацию архиепископии, поставив перед ней следующие задачи: «1) Выяснить положение старообрядческой Церкви в Румынии и подготовить вопрос о подчинении существующих там епархий Московской архиепископии. 2) Пригласить епископов Тихона, Савватия и Сергия на старообрядческий Собор, который предполагается созвать в Москве летом текущего года. Целью указанного Собора будут являться: а) учреждение в качестве старообрядческого центра митрополии, вместо ныне существующей архиепископии, с избранием митрополита Московского и всея Руси; б) решение вопроса о принятии старообрядцев Румынии в юрисдикцию Московского митрополита. 3) Установить связь с одним из

---

²⁷⁴ Православие в Молдавии. С. 199.

²⁷⁵ Панкратов А.В. Белая Криница // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2003. С. 542.

наиболее влиятельных и авторитетных старообрядцев, начетчиком Федором Мельниковым, проживающим в Браилове, и выяснить его точку зрения на возвращение его в Москву для принятия участия в работе старообрядческого центра». 8 марта 1945 г. И.В. Полянский сообщил эти предложения заместителю председателя Совнаркома В.М. Молотову, но тот 14 марта указал на необходимость согласовать дело с министром иностранных дел А.Я. Вышинским, и решение вопроса затянулось²⁷⁶.

7 декабря 1946 г. Совет по делам религиозных культов просил МИД предоставить ему информацию по Румынии: «Каков удельный вес, количество приходов и епархий старообрядческой Церкви; имена и фамилии епископов и наиболее видных священников, их политическая характеристика; какова политическая ориентация митрополита Тихона (Качалкина), степень его популярности и влияния; как относятся румынские старообрядцы к предложениям объединиться с Московской старообрядческой Церковью, созвать собор и избрать главу Церкви?» В июле 1947 г. по предложению И.В. Полянского был подготовлен проект постановления Совета Министров СССР о директивах Совету по делам религиозных культов на 1947 г., в приложении к которому говорилось: «1. Разрешить проведение в Москве в 1948 году старообрядческого (белокриницкой иерархии) собора. 2. Не препятствовать старообрядческому архиепископу Московскому и всея Руси в установлении связи со старообрядческими приходами в Румынии, Канаде и Маньчжурии»²⁷⁷. Однако планы по проведению данного Собора в Москве и включению румынских старообрядцев в состав Московской архиепископии реализованы не были.

Между тем, в результате неоднократных ходатайств в мае 1947 г. румынское правительство утвердило написанный секретарем Белокриницкой митрополии Ф.Е. Мельниковым статут, который был полностью напечатан в правительственном печатном органе²⁷⁸. Таким образом, старообрядческая Церковь в Румынии стала официально признанной и утвержденной. Следует упомянуть, что в 1939–1947 гг. Ф.Е. Мельников написал свой главный труд «Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви» (впервые

---

²⁷⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 10, л. 16.

²⁷⁷ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. С. 362, 538.

²⁷⁸ Monitorul Oficial. № 107. 13.05.1947. S. 3736–3742.

опубликованный полностью только в 1999 г. в Барнауле). Последние годы жизни Федор Евфимьевич находился под открытым наблюдением румынской спецслужбы секуритатэ. Скончался он 26 мая 1960 г. в старообрядческом Мануиловском монастыре вблизи с. Мануиловка Сучавского уезда Румынии и был похоронен на монастырском кладбище.

В послевоенный период по-прежнему возглавляемая митрополитом Тихоном (Качалкиным) Белокриницкая митрополия поддерживала хорошие отношения с Московской Патриархией. Так, например, настоятель русской Никольской церкви в Бухаресте в своей докладной записке от 25 июля 1953 г. писал: «Митрополит Тихон Качалкин, когда приезжал в Бухарест, в воскресные дни слушал Божественную литургию в Русском храме и просил высылать ему журналы Московской Патриархии, которые распространял среди своего духовенства, а своим пасомым в Бухаресте, за неимением своего храма, советовал посещать Русский храм»²⁷⁹. И в настоящее время русские старообрядцы (так называемые липоване) составляют заметную часть населения восточной Румынии.

---

²⁷⁹ Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 1105.

Список использованных архивов и фондов

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

ф. 6343 — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей

ф. 6991 — Совет по делам Русской Православной Церкви

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

ф. 17 — Центральный комитет ВКП(б) — КПСС

Российский государственный военный архив (РГВА)

ф. 500 — Главное управление имперской безопасности

ф. 1470 — Рейхсминистерство церковных дел

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

ф. 9324 — Ленинградский уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви

Политический архив Министерства иностранных дел в Бонне

(Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn — AA)

Inland I-D, 4740-4742, 4797-4800 — Материалы о религиозной ситуации в странах Восточной и Центральной Европы: Югославии, Греции, Словакии, Венгрии, Болгарии и др.

Бахметьевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры в Нью-Йорке

(The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, New York)

ф. протоиерея Владимира Востокова

Специальная коллекция библиотеки Стенфордского университета в Калифорнии (Stanford University, Special collections Librarian)

ф. епископа Григория (Граббе)

Архив Гуверовского института войны, революции и мира в Стенфордском университете

(Hoover Institution on war, revolution and peace Archives, Stanford University)

ф. Коллекция А. Даллина, 1928–2000

ф. Коллекция Н. Иванова, 1943–1984

ф. Коллекция Б. Николаевского, 1887–1966

ф. Коллекция Г. Фишера, 1923–1950

Центральный государственный архив в Софии (Централен държавен архив)

ф. 791к — фонд Священного Синода

Архив Югославии в Белграде (Архив Југославије, Београд)

66-1105-1434, 66-1094-1414, 66-1096-1419, 69-41-65

Архив Сербии в Белграде (Архив Србије, Београд)

Г/3 Министерство просвещения и религии (Министерство просвете и вера)

Исторический архив Священного Синода Элладской Церкви

(Historical Archives of the Holy Synod of the Greek Church)

Records of the Holy Synod (RoHS)

Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА)

Оп. 10, д. 190–230.

Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене (АГЕ)

д. Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923–1951 гг.

д. Книга постановлений Духовного Собора монастыря прп. Иова 1934–1948 гг.

д. Разная переписка. Военные годы

д. Приходы. Мюнхен 1942–1972 гг.

Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА)

д. 15/41 — Переписка председателя Архиерейского Синода РПЦЗ митрополита Анастасия, 1941–1944 гг.

д. 18/41 — Документы русских приходов в Венгрии
д. 18/46 — Документы русских приходов в Италии
д. 49/44 — Дело «архиепископа» Николая Автономова
личное дело митрополита Анастасия (Грибановского)
личное дело архиепископа Аверкия (Таушева)
личное дело епископа Григория (Габбе)

**Архив Свято-Троицкой семинарии Русской Православной Церкви Заграницей
в Джорданвилле**

ф. протопресвитера Михаила Польского
ф. журналиста В.К. Абданк-Коссовского

**Архив Автокефальной Американской Православной Церкви в Сайосете (штат
Нью-Йорк)**

The Archives of the Orthodox Church in America Syosset (OCA Archives)

ф. протоиерея Димитрия Константинова
ф. Переписка Американской Церкви с Болгарской Церковью
ф. Переписка Американской Церкви с Сербской Церковью

Архив Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии

Папка «Афон»

Архив Санкт-Петербургской епархии

ф. 1, оп. 3 (2), д. 144

Архив Санкт-Петербургской духовной академии

ф. 1, оп. 1, д. 16, 17

Список сокращений

АГЕ — Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене	ЖМП — Журнал Московской Патриархии им. — имени
ап. — апостол	Кн. — книга
АРПМА — Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне	кон. — конец
архиеп. — архиепископ	Л. — Ленинград
	л. — лист
б/г — без года	М. — Москва
б/л — без листа	МВД — Министерство внутренних дел
в. — век	МИД — Министерство иностранных дел
	митр. — митрополит
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)	млн — миллион
	нач. — начало
г. — город	НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации	
	о. — отец
д. — дело	оп. — опись
ДА — духовная академия	об. — оборотный
ДС — духовная семинария	ок. — около
ДУ — духовное училище	
док. — документ	пос. — поселок
др. — другие	прп. — преподобный
д-р — доктор	прот. — протоиерей
	РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
еп. — епископ	

Список сокращений

- РГИА — Российский государственный ф. — фонд исторический архив
РПЦЗ — Русская Православная Церковь Заграницей
С. — страница
с.г. — сего года
СА — Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей
св. — святой
см. — смотри
СПб. — Санкт-Петербург
СР — Сообщения и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, митрополита Берлинского и Германского и Среднеевропейского митрополичьего округа
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
США — Соединенные Штаты Америки

Т. — том
тыс. — тысяча
указ. соч. — указанное сочинение
ул. — улица
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
шт. — штука

АА — Политический архив Министерства иностранных дел Германии
а.а.О. — указанное сочинение
ВА — Бундесархив (Федеральный архив Германии)
В1. — лист
Ebd. — там же
Ibid. — там же
IfZ — Архив института современной истории в Мюнхене
о/В1. — без листа
Opt. scr. — указанное сочинение
Р. — страница
S. — страница
v. — оборотный

Научное издание

М.В. Шкаровский

**Православные Церкви
Юго-Восточной Европы
(1945–1950 гг.)**

Координатор проекта

Иеромонах Иоанн (Копейкин)

Директор издательства *И.А. Парфёнов*

Ответственные за выпуск *Л.В. Шуляков, Н.В. Балуква*

Корректоры *А.А. Вечирко, Д.С. Яковлева*

Художественное оформление *М.В. Кагарлицкая*

Верстка *О.М. Букреева*

Подписано в печать 16.04.19. Формат 70×90/16.

Объем 27 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ О-1102.

Издательский дом «ПОЗНАНИЕ»

Roznaniye.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2. E-mail: idelpress@mail.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

1945–1950-е годы

Предлагаемое читателю издание посвящено насыщенной важными событиями истории Православных Церквей Юго-Востока Европы в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны. Эти годы стали заметными в истории целого ряда Поместных Православных Церквей Балканского полуострова. Большинство из них: Сербская, Болгарская, Румынская, Албанская Церкви были вынуждены существовать в условиях возникших социалистических режимов и испытывать на себе различные стеснения, а порой и гонения. Во второй половине 1940-х гг. шла борьба за лидерство в мировом Православии между Константинопольским и Московским Патриархатами; в 1950-х гг. Болгарская Церковь приобрела статус Патриархата; вблизи Балкан возникла новая автокефальная Православная Церковь — Чехословацкая. В первое послевоенное десятилетие заметное место занимали отношения Православных Церквей Юго-Восточной Европы с Русской Церковью, которым в работе уделено особое внимание. При этом если Московский Патриархат существенно усилил свое влияние и выдвинулся на ведущие позиции в православном мире, то игравшая ранее важную роль в развитии церковной жизни ряда стран русская эмиграция в значительной степени ее утратила. Монография базируется на богатых архивных источниках, в частности, материалах болгарских, сербских, греческих, немецких, американских, российских и других архивов. Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей христианства.

ISBN 978-5-906960-62-7

9 785906 960627

ПОЗНАНИЕ